Дб
60
П-73
Пресняков А.
„Княжеское право в Др. Руси"
СПб. 1909

Дб
60
П-73

ДБ
60
П73

А. Пресняковъ.

КНЯЖОЕ ПРАВО
ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

Очерки по исторіи X—XII столѣтій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1909.

ВОЗВРАТИТЕ [illegible] ГОЗУК

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

И д. декана *Ѳ. Соколовъ.*

17 декабря 1908 г.

Дб
60 21/21
П-73
ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.
182577 V

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе V

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ: **Княжое владѣніе и отношенія между князьями Рюриковичами въ X—XII в.** 1

I. Введеніе: черты древне-славянскаго семейнаго права . . . 1
II. Борьба за единовластіе. 25
III. Рядъ Ярославль 34
IV. Борьба за отчины во вторую половину XI вѣка 43
V. Борьба за старѣйшинство въ XII в. 68
VI. Паденіе кіевскаго старѣйшинства. 94
VII. Строй княжого владѣнія въ отдѣльныхъ земляхъ 117
Земли: полоцкая—117; черниговская—120; муромо-рязанская—131; галицкая—134; волынская—136; смоленская—139; турово-пинская—143; суздальская—143.
VIII. Итоги. 153

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ: **Князь въ древне-русской землѣ-княженіи.**

I. Черты внутренняго строя земли-княженія. 158
Нѣсколько литературныхъ мнѣній—158. Тысяча и тысяцкій—165. Сотскіе и сотни—173. Городъ и волости-земли—190. Заключительныя замѣчанія—214.
II. Общественное положеніе князя. 215
Княжое право—215. Дружина—220. Составъ дружины—238. Правовое положеніе дружины—255. Населеніе княжихъ селъ—273. Вопросъ о смердахъ—279. Заключеніе—293.

Указатели: 1. Именъ. 304
2. Авторовъ. 311
3. Предметный 313
Замѣченныя погрѣшности и опечатки. 316

*

Книга эта состоитъ изъ двухъ очерковъ, связанныхъ единствомъ темы. Первый посвященъ междукняжескимъ отношеніямъ въ домонгольскія времена. Изученіе ихъ шло не въ порядкѣ изложенія этого очерка. Убѣдившись въ невозможности ни выдержать на данныхъ источниковъ представленіе о «нераздѣльно-поочередномъ» княжомъ владѣніи, ни свести характеристику междукняжескихъ отношеній къ «договорному» началу, я сдѣлалъ попытку составить описаніе всѣхъ отраженій этого явленія въ лѣтописномъ матеріалѣ. Получилась картина, осмысленіе которой вело къ началамъ древне-славянскаго семейнаго быта и семейнаго права. Такъ явилась введеніемъ въ первый очеркъ характеристика основныхъ особенностей этого права. Она не претендуетъ ни на какую самостоятельность, а лишь выдвигаетъ тѣ общія и основныя черты, какія существенны для пониманія явленій княжого владѣнія и междукняжескихъ отношеній. Второй очеркъ посвященъ попыткѣ освѣтить то, что я назвалъ общественнымъ положеніемъ князя: особый кругъ отношеній, который служилъ основаніемъ самостоятельнаго положенія князя въ древне-русской землѣ-княженіи. Нѣкоторыхъ вопросовъ внутренняго строя древне-русской земли-княженія мое изложеніе коснулось лишь вскользь, поскольку это представлялось необходимымъ, по связи ихъ съ основной темой, особенно для оцѣнки

историческаго значенія дружины и ея эволюціи въ древней Руси. Стремленіе болѣе полно выяснить соотношеніе изучаемыхъ явленій съ общимъ укладомъ древне-русской жизни потребовало бы монографической обработки этихъ вопросовъ и обобщенія ея результатовъ въ общей картинѣ древне-русскаго соціально-политическаго строя, что въ настоящее время было бы задачей для меня непосильной и вывело-бы мое изложеніе слишкомъ далеко за намѣченныя рамки. Не скрываю отъ себя тѣхъ крупныхъ недостатковъ, какіе явились слѣдствіемъ указаннаго ограниченія задачи, по необходимости—искусственнаго. Быть можетъ, всего ярче сказались они на вопросѣ о смердахъ, которыхъ разсматриваю, какъ часть населенія, стоящаго подъ особой властью князя, неся въ его пользу особыя повинности, и, въ то же время, оставляю открытымъ вопросъ о границѣ, отдѣляющей эту часть населенія отъ общей массы волостныхъ людей. Дѣло въ томъ, что тутъ передъ нами одинъ изъ сложнѣйшихъ вопросовъ русскихъ древностей, имѣющій свою аналогію въ задачѣ опредѣлить соотношеніе «гродской» и «опольной» организаціи въ древней Польшѣ. Такого рода вопросы—не могутъ быть во всей ихъ глубинѣ трактованы въ работѣ, посвященной, по существу, инымъ темамъ.

Обѣ группы отношеній, разсмотрѣнныхъ въ моихъ очеркахъ, могутъ и, по крайнему разумѣнію моему, должны быть подведены подъ одно общее понятіе «княжого права», какъ совокупность обычно-правовыхъ нормъ, возникавшихъ внѣ общаго хода правового развитія древне-русскихъ земель-княженій, въ сферѣ дѣятельности княжихъ силъ, независимой отъ общаго уклада народной жизни. Выдвигая это понятіе въ заголовокъ книги, пытаюсь подчеркнуть, съ одной

стороны, тѣсную связь между обоими очерками, а, съ другой, крупное историческое значеніе, какое слѣдуетъ признать за изучаемыми въ нихъ явленіями, которыя, развиваясь въ сферѣ междукняжескихъ владѣльческихъ отношеній и въ области, охваченной дѣйствіемъ особой власти князя надъ группами населенія, состоящими подъ спеціальной княжеской защитой, постепенно разростаются въ новый—удѣльно-вотчинный—укладъ всего соціально-политическаго строя русскаго.

Не разъ случалось мнѣ—во второмъ очеркѣ—для освѣщенія тѣхъ или иныхъ вопросовъ прибѣгать къ аналогіямъ изъ области западно-европейскаго средневѣковья. Но это не дѣлаетъ его сравнительно-историческимъ изслѣдованіемъ: онъ не ставитъ себѣ цѣлью какіе-либо выводы соціологическаго характера. Сравненія и аналогіи въ немъ лишь пріемъ изложенія, иллюстрація выводовъ и гипотетическихъ допущеній, построенныхъ на русскомъ матеріалѣ.

Крайне сожалѣю, что не могъ воспользоваться трудомъ А. А. Шахматова: «Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ»; когда онъ появился, моя книга почти вся была уже отпечатана. А, между тѣмъ, трудъ этотъ, столь богатый цѣннымъ содержаніемъ, въ рядѣ вопросовъ (напр., о рядѣ Ярослава, о граматахъ Ярославлихъ и др.) далъ бы мнѣ не мало существенныхъ указаній.

Выпуская въ свѣтъ книгу, суть которой въ попыткѣ возбудить пересмотръ нѣкоторыхъ вопросовъ, основныхъ для исторіи древней Руси, не могу не выразить глубокой признательности учителямъ своимъ, друзьямъ и товарищамъ, которые своимъ интересомъ, вниманіемъ и сочувствіемъ поддерживали и питали стремленіе мое къ научной работѣ и довѣріе къ

возможности вынести въ печать сложившіяся историческія воззрѣнія. Особенно трудно мнѣ оцѣнить въ словахъ то многое, чѣмъ я обязанъ многолѣтнему личному и научному общенію съ глубокоуважаемымъ и дорогимъ учителемъ моимъ С. Ѳ Платоновымъ. Безъ его дружескихъ настояній и эта книга не была бы написана. Кромѣ того, она сложилась въ связи съ моимъ университетскимъ преподаваніемъ, за пріобщеніе къ которому я безконечно обязанъ историко-филологическому факультету Петербургскаго университета, какъ и за то, что онъ пріютилъ мое «Княжое право» въ своихъ запискахъ.

Сердечное спасибо Б. А. Романову, оказавшему мнѣ и книгѣ моей незамѣнимую дружескую услугу составленіемъ указателей.

Княжое владѣніе и отношенія между князьями Рюриковичами въ X—XII вв.

I.

Введеніе: черты древне-славянскаго семейнаго права.

Вопросы древней русской исторіи нельзя назвать стоящими на очереди въ нашей исторіографіи. Давно затихъ нѣкогда преобладавшій интересъ къ проблеммамъ такъ называемаго «Кіевскаго» періода. Но причину такого затишья едва ли можно искать въ томъ, что основныя изъ нихъ признаны рѣшенными. Напротивъ, ближе къ истинѣ будетъ сказать, что наша историческая наука охладѣла къ ихъ изученію, утомленная противорѣчіями и спорами, въ основѣ которыхъ слишкомъ часто чувствовалась недостаточность данныхъ для рѣшенія поставленныхъ широкихъ задачъ. И менѣе догматичная, болѣе критически настроенная, часто скептичная по отношенію къ общимъ построеніямъ, новая историческая литература стала ихъ обходить, отдавая лучшія свои силы другимъ вопросамъ, для работы надъ которыми нашлись обильные матеріалы, вопросамъ позднѣйшихъ періодовъ. А представленія объ основахъ древне-русскаго быта продолжали жить научною жизнью почти исключительно въ общихъ курсахъ, русской ли исторіи или исторіи русскаго права. При такихъ условіяхъ понятно, что въ научно-литературномъ оборотѣ остаются подчасъ рядомъ, непримиренные и не обобщенные, элементы старыхъ разрушенныхъ теорій съ новыми выводами и наблюденіями.

Разсыпанная храмина древне-русской исторіи требуетъ систематическаго пересмотра. Но едва-ли такой пересмотръ можетъ ставить себѣ задачей, подобно знаменитымъ теоріямъ старой классической литературы русской исторіи, найти одно основное начало—родовое, общинное или иное,—чтобы изъ него объяснить всѣ существенныя особенности древняго быта. Съ другой сто-

роны, критическое изученіе этихъ теорій составляетъ особую задачу, болѣе существенную для исторіи нашей научной мысли въ XIX ст., чѣмъ для разработки исторіи древней Руси. Болѣе цѣлесообразнымъ представляется другой путь; непосредственнаго наблюденія имѣющихся данныхъ и ихъ обобщенія, путь строго эмпирическій.

Однако, въ чистомъ видѣ и онъ едва ли возможенъ: данныя источниковъ для древняго періода столь отрывочны, что простого сопоставленія ихъ часто недостаточно для того, чтобы раскрыть ихъ истинный смыслъ, тѣмъ болѣе, что понять его значитъ для людей нашего времени — отрѣшиться отъ своихъ привычныхъ понятій и усвоить, по возможности, воззрѣнія иной, давно минувшей культурно - исторической эпохи. Вотъ почему трудно согласиться съ мнѣніемъ Н. А. Максимейка [1]) о томъ, что слѣдуетъ «давать только то, что содержали въ себѣ памятники, и толковать добытые результаты самостоятельно, не прибѣгая къ *искусственному* освѣщенію изъ источника теоріи и сравненій», что «идти строго индуктивнымъ путемъ» значитъ «идти безъ указки предвзятыхъ мыслей и безъ помощи аналогій». Едва ли подобное требованіе выполнимо, да едва ли его выполненіе и желательно. «Самостоятельный» путь Н. А. Максимейка, путь личныхъ размышленій надъ матеріаломъ—не можетъ быть путемъ, свободнымъ отъ предпосылокъ, такъ какъ мысль изслѣдователя не есть tabula rasa, а избѣгать сравнительно-историческаго метода—не значитъ ли относиться съ чрезмѣрнымъ довѣріемъ къ привычнымъ категоріямъ собственной мысли, вмѣсто того, чтобы воспитывать ее на изученіи явленій, родственныхъ съ изучаемыми не только по конкретнымъ чертамъ, но и по принадлежности къ сродному культурно-историческому складу быта? И едва ли существуетъ болѣе безопасный, въ научномъ смыслѣ, путь къ толкованію явленій прошлой жизни, какъ наблюденіе надъ сходными сочетаніями и взаимоотношеніями чертъ быта, нормъ права, элементовъ міровоззрѣнія у различныхъ народовъ, жившихъ въ сходныхъ историческихъ условіяхъ.

Нельзя, впрочемъ, отрицать законности опасливаго отношенія къ пользованію историческими аналогіями. Ими часто злоупотребляли, перенося на изучаемое явленіе черты другихъ, признанныхъ аналогичными. Это нерѣдко искажало выводы, компрометируя и

---

[1]) „Сеймы литовско-русскаго государства“ Хар. 1902; предисловіе.

самый методъ. Указанная опасность одинаково сильна и при сравненіи чертъ исторической жизни различныхъ народовъ и при пользованіи такъ наз. методомъ «переживаній», напр., при сравнительномъ изученіи древняго права, съ одной, и современнаго обычнаго права, съ другой стороны: легко, идя этими путями, внести въ вырабатываемое представленіе объ изучаемомъ явленіи черты, ему чуждыя, заимствуя ихъ либо изъ чужого быта, либо изъ позднѣйшихъ эпохъ, новообразованія которыхъ ошибочно приняты за архаизмы. Но всѣ эти оговорки ни мало не умаляютъ значенія сравнительнаго метода. Избѣжать возможныхъ ошибокъ можно не устраненіемъ плодотворнаго метода, а осторожностью въ пользованіи имъ.

Съ другой стороны, разочарованіе въ прежнихъ стройныхъ теоріяхъ, вполнѣ законное само по себѣ, не должно вести къ скороспѣлому разрыву научной традиціи. Напротивъ, выдѣленіе изъ завѣщанныхъ ими результатовъ того, что можетъ и должно быть принято—естественный исходный пунктъ упомянутаго необходимаго пересмотра вопросовъ древне-русской исторіи.

Однимъ изъ такихъ результатовъ, особенно цѣнныхъ для цѣлей моихъ очерковъ, нельзя не признать понятія «задруги» или «семейной общины», выдвинутаго Ѳ. И. Леонтовичемъ для объясненія древне-русскаго быта. На понятіи этомъ придется нѣсколько остановиться, не потому, чтобы представлялась возможность сказать о немъ что-либо новое, но потому, что оно, отчасти по винѣ самого создателя задружной теоріи, отчасти по другимъ причинамъ, обросло въ нашей научной литературѣ нѣкоторыми недоразумѣніями; ихъ надо устранить, прежде чѣмъ формулировать то опредѣленіе «задруги», которымъ придется пользоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Несомнѣнную заслугу Ѳ. И. Леонтовича составляетъ привлеченіе юго-славянскаго и западно-славянскаго матеріала для выясненія основъ семейнаго быта и гражданскаго права древней Руси. Но мысль его, подъ вліяніемъ этихъ цѣнныхъ аналогій, направилась въ иную сторону—къ созданію теоріи, пытавшейся изъ найденнаго «задружнаго» начала объяснить весь складъ древне-русской жизни: «задружный принципъ общей думы, единенія, уговора» оказался лежащимъ «въ основѣ вѣчевыхъ и княжескихъ отношеній» и, такимъ образомъ, перенесенный въ несвойственную ему сферу, не могъ не потерять значительную долю не только своего научнаго значенія, но и своего реальнаго со-

держанія, превращаясь въ растяжимое и мало опредѣленное начало общинности, подъ которое подводятся самыя разнохарактерныя явленія. Въ частности, стремленіе объяснить изъ «задруги» происхожденіе территоріальныхъ общинъ, образовавшихся будто бы простымъ разростаніемъ «первичной задруги», привело къ неудачному отождествленію съ задругой верви «Русской Правды», поддержанному неточнымъ и произвольнымъ переводомъ статей Полицкаго статута, въ которыхъ встрѣчается слово «врвь» [1]).

Съ другой стороны, то же расширеніе понятія «задруги», давшаго столь драгоцѣнный ключь къ пониманію процесса какъ старо-славянской, такъ и позднѣйшей колонизаціи, въ связи съ изученіемъ формъ дворищнаго разселенія, хозяйства и землевладѣнія, привело у нѣкоторыхъ изслѣдователей къ преувеличенному подчеркиванью экономической, трудовой основы старой земледѣльческой семьи, затушевавшему различіе «семейной общины» отъ позднѣйшихъ явленій сябровства, складничества, искусственной, договорной семьи и т. п.: кровная связь, лежащая въ основѣ такъ наз. «задружнаго начала», стала представляться второстепенной чертой, чуть не случайнымъ элементомъ стараго семейнаго быта, особенно ввиду соціально-экономическихъ аналогій его съ иными формами земледѣльческаго быта, такъ богато развившимися на русской почвѣ.

Не эти ли черты историографическихъ судебъ понятія задруги объясняютъ возникшую противъ него реакцію и отрицаніе? Примѣръ такого отрицанія находимъ въ трудахъ В. И. Сергѣевича. Полемика авторитетнаго историка русскаго права противъ введенія этого понятія въ толкованіе явленій древне-русскаго права немногословна. Легко и мѣтко устранивъ аналогію «задруги» и русской верви [2]), В. И. Сергѣевичъ замѣчаетъ: «южно-славянская задруга и сама не древняго происхожденія; она не старѣе XV вѣка», и поясняетъ въ другомъ мѣстѣ [3]): «такая самейная

---

[1]) *Леонтовичъ*: О значеніи верви по Русской Правдѣ и Полицкому статуту, сравнительно съ задругою юго-западныхъ славянъ. Ж. М. Н. Пр. 1867 г, т. 134; тутъ Ѳ. И. Леонтовичъ отвлеченное понятіе—врвь од бащине—динія родства по отцу—принялъ за названіе землевладѣльческой общины, заключая изъ тождества названій о тождествѣ явленій на Руси и у Зап. Славянъ.

[2]) „Лекціи и изслѣдованія“. 3-е изд., стр. 247—249.

[3]) „Древности русскаго права“ III, стр. 420.

община весьма поздняго происхожденія; ея не было еще въ XIV вѣкѣ; съ южно-славянской задругой случилось то же, что съ русской крестьянской общиной: явленіе новой исторіи перенесли въ сѣдую древность», ссылаясь при этомъ на работу Peisker'a [1]) и на «заслугу правильной постановки этого вопроса и основательнаго его рѣшенія» Стояна Новаковича [2]).

Тутъ передъ нами новое недоразумѣніе, давно выясненное польскимъ и чешскимъ критиками Peisker'a [3]). Нельзя не согласиться съ отзывомъ В. И. Сергѣевича о превосходномъ трудѣ Новаковича, и тѣмъ болѣе не пожалѣть, что онъ взглянулъ на выводы Новаковича глазами не самого ученаго серба, а г. Пейскера, не сумѣвшаго различить «родовой общины» отъ нераздѣленной семьи, ни понять терминологію Новаковича, который «сельской задругой» называетъ то, что мы зовемъ сельской общиной, нигдѣ не смѣшивая ея, подобно Пейскеру, съ «задругой» въ смыслѣ большой семьи, для обозначенія которой слово «задруга» стало техническимъ терминомъ лишь въ условномъ научномъ употребленіи. Настаивая на томъ, что сербская старина не знала сельской общины, ни, тѣмъ болѣе, сельскаго общиннаго землевладѣнія, Новаковичъ указываетъ, что въ древности реальной бытовой единицей была не эта община, а село иного типа— группа «кучь» (огнищъ или дымовъ), считаетъ даже излишнимъ настаивать на «происхожденіи села изъ задруги, разширенной семьи и племени», такъ какъ это «обстоятельство, которое у насъ видно по самымъ именамъ» (патронимическимъ), и не только далекъ отъ фантастической мысли, будто семейная задруга возникла въ XV в. подъ вліяніемъ податной системы, но указываетъ рядъ данныхъ относительно существованія семейныхъ общинъ въ 7—11 мужчинъ, maximum 13—16 въ XIV вѣкѣ. Въ «неразрывную связь» съ финансовой системой государства Новаковичъ ставитъ «устойчивость и развитіе» задругъ, а никакъ не

---

[1]) *J. Peisker.* Die serbische zadruga (Zeitschrift für Social-und Wirtschaftsgeschichte, VII, 1900); ср. его-же: „Slovo o zádruze“ Praga, 1899 (въ журналѣ: „Národopisný Sbornik českoslovanský“).

[2]) „Село“ Београд. 1891 („ Глас.“ XXIV).

[3]) *O. Balzer.* O zadrudze słowiańskiej („Kwart. Hist.“, XIII, 2). *K. Kadlec.* K „slovu o zádruze“ („Narod. Sbor.“, 1900, VI). *Ср. Milan Marković.* Die serbische Hauskommunion, Leipzig, 1903, и замѣчаніе Бруннера, Deutsche R. G., I², стр. 105, пр. 71.

ихъ происхожденіе [1]), тѣмъ болѣе, что сербскій государственный строй въ эпоху Законника Душана и система властельскаго крупнаго владѣнія не только не были благопріятны задругѣ, но часто открыто дѣйствовали противъ нея, по тѣмъ же мотивамъ, по которымъ и фирманъ 1766 г. направленъ противъ обычая христіанъ жить въ задругѣ, избравъ одно лицо старѣйшиной: «потому что этимъ уменьшаются доходы, которые они платятъ». Какъ правительственная податная система, такъ и феодальные владѣльцы стремились единицей обложенія платежами и повинностями считать не сложную задругу, и индивидуальную семью (инокоштину), отдѣльный дворъ (кучу), содѣйствуя своимъ давленіемъ разложенію болѣе крупныхъ единицъ сельскаго семейно-общиннаго быта.

Воззрѣніе, согласно которому исходнымъ пунктомъ исторіи гражданскаго права славянскихъ народовъ (точнѣе: вообще народовъ арійскаго корня) надо признать семейное право задружнаго типа, можно назвать прочно установленнымъ [2]). Какъ бы ни были разнообразны бытовыя судьбы славянской семьи, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ условій разселенія, колонизаціи и хозяйства, политической и соціальной организаціи; какъ бы, съ другой стороны, ни разрѣшился въ наукѣ сложный и спорный вопросъ о происхожденіи этой семьи изъ иныхъ доисторическихъ формъ племенного быта,—существенно отчетливо установить основныя черты того семейнаго обычнаго права, которое составляетъ, въ границахъ доступнаго историческому наблюденію прошлаго, древнѣйшій моментъ исторіи славянскаго права. Богишичъ и Кадлецъ исходятъ въ характеристикѣ этого права

---

[1]) *Фр. Буякъ* („Studya nad osadnictwem Małopolski“, Rozprawy Kr. Ак. Н., т. 47, стр. 381—382), допуская, что Пейскеръ неудачно ссылается на Новаковича, полагаетъ, однако, что его попытка вывести южно-славянскую задругу изъ соединенія 2—3 семействъ въ одну податную единицу можетъ содержать вѣрное историческое наблюденіе, которое находитъ поддержку въ „фактѣ“, что подобное явленіе существовало на русскомъ сѣверѣ въ видѣ „складства“, какъ его толкуетъ В. И. Сергѣевичъ. Но и тяглое происхожденіе складства—не фактъ, и весьма спорная теорія. Ср. М. В. Клочкова, Къ вопросу о складникахъ, Жур. Мин. Нар. Пр., 1901 г., т. 338.

[1]) *Karel Kadlec.* Rodinný nedil čili zádruha v právu slovanském. V Praze. 1898.

Georg Cohn. Gemeinderschaft und Hausgenossenschaft (Zeitschrift für Vergleich. Rechtswissenschaft, XIII, вып. 3, 1899).

изъ отрицанія всякаго качественнаго различія, въ правовомъ отношеніи, между многолюдной семейной общиной и малой семьей, между задругой и инокоштиной, признавая ихъ правовой строй тождественнымъ. Сужденіе это возникло естественно въ противовѣсъ часто встрѣчавшемуся смѣшенію большой семьи (rodinnỳ nedil) и родовой общины (rodovỳ nedil) и преувеличенію значенія количественнаго состава тѣхъ или иныхъ семейныхъ общинъ [1]). Однако трудно принять это мнѣніе безъ существенныхъ оговорокъ. Приведу его такъ, какъ его резюмируетъ Кадлецъ: «Какъ и въ задружной семьѣ, такъ и при инокосной, отецъ семьи не владѣлецъ семейнаго имущества. Оно принадлежитъ всей задругѣ, всѣмъ членамъ семьи, и отецъ, живущій въ общинѣ съ взрослыми сыновьями, не имѣетъ права располагать семейнымъ имуществомъ безъ согласія сыновей, и это не только по отношенію къ распоряженію при жизни, но и по отношенію къ распоряженію на случай смерти, такъ что и завѣщанія отецъ инокоштины не можетъ сдѣлать безъ согласія сыновей. Такъ же, какъ въ задругѣ, такъ и въ инокоштинѣ отецъ семьи въ имущественномъ отношеніи только старѣйшина семейной общины, и можетъ, какъ старѣйшина, быть замѣненъ однимъ изъ своихъ сыновей, если по какой-либо причинѣ не способенъ исполнять должность старѣйшины. Такъ въ инокоштинѣ, какъ въ задругѣ, сыновья могутъ, особенно если женились, требовать раздѣла имущества. По смерти отца настаютъ въ инокоштинѣ такія же отношенія, какъ въ задругѣ: все остается in statu quo, конечно, если братья хотятъ оставаться нераздѣльными». Въ этой характеристикѣ инокоштины, установленной Богишичемъ [2]) на основаніи современнаго обычнаго права южныхъ славянъ, она, дѣйствительно, сливается съ задругой во всѣхъ существенныхъ чертахъ, и Кадлецъ правъ, когда настаиваетъ на тождествѣ въ правовомъ строѣ многолюдныхъ задругъ

---

[1]) Пейскера, повидимому, отчасти то и ввело въ заблужденіе, что Новаковичъ, допуская, что „древнее время больше покровительствовало задружному быту“ и что въ старину не только малыхъ, но и многолюдныхъ задругъ было больше, чѣмъ въ XIV—XV вв. или позднѣе, однако, настаиваетъ, что „многолюдныя задруги были всегда рѣдки“ и что задружный бытъ вообще развивался „въ тѣсномъ родственномъ кругу“.

[2]) *Bogišić.* D'une forme particulière de la famille rurale chez les serbes et les croates (Revue de droit international, T. XVI, № 4, 1884).

съ тѣми малыми задругами, которыя Богишичъ назвалъ инокоштинами. Но, съ другой стороны, для Богишича инокоштина, равная индивидуальной семьѣ по составу, противополагается вмѣстѣ съ задругой городской семьѣ по правовому строю. Отношеніе же Кадлеца къ этому существенному вопросу для меня не ясно, такъ какъ онъ видитъ, напримѣръ, слѣды задружной общины у Словинцевъ въ томъ, что «еще теперь, подъ вліяніемъ старыхъ традицій, словинскій крестьянинъ хозяйничаетъ до смерти, хотя бы имѣлъ и нѣсколькихъ сыновей, давно взрослыхъ и далеко болѣе способныхъ вести хозяйство, чѣмъ онъ самъ: сыновья у него какъ бы въ услуженіи». Казалось бы, что тутъ передъ нами строй отношеній, рѣзко отличающійся отъ задружныхъ. Тотъ же Кадлецъ указываетъ, что, по чешскому праву, хотя отчужденіе имущества недопустимо безъ согласія членовъ нераздѣльной семейной общины, «но дѣти не могли препятствовать распоряженіямъ отца относительно родового имѣнія, пока жили нераздѣльно» [1]). Даже относительно правильности характеристики современной сербской крестьянской семьи Богишичемъ нѣкоторыя сомнѣнія выражаетъ Миланъ Марковичъ [2]), указывая на принципъ сербской судебной практики, что между отцомъ и дѣтьми не можетъ быть задружныхъ отношеній, такъ какъ между ними нѣтъ общности имущества; такъ и современное швейцарское право, признавая задругу—Gemeinderschaft, сохранившуюся въ нѣкоторыхъ кантонахъ, не допускаетъ, чтобы родители съ дѣтьми могли составить настоящую общину, ввиду неравноправія лицъ.

Полное тождество семейно-имущественныхъ отношеній въ союзѣ отца и дѣтей, съ одной, и болѣе сложныхъ семейно-общинныхъ организацій, съ другой стороны, едва-ли можетъ быть установлено съ достаточнымъ основаніемъ для какого-бы то ни было историческаго періода. Но и настаивая на ихъ различіи, мы не придемъ къ отрицанію неразрывной внутренней связи между правомъ индивидуальной семьи и такъ наз. «семейныхъ общинъ». Напротивъ, разсмотрѣніе ихъ характерныхъ чертъ ведетъ къ

---

[1]) Ср ст. 85 Царскаго Судебника: „Кто вотчину продастъ, и дѣтемъ его и внучатомъ до тоѣ вотчины дѣла нѣтъ, и не выкупити ее имъ“, тогда какъ братья или племянники имѣютъ право выкупа, если не были „въ тѣхъ купчихъ въ послусѣхъ“. Дѣти и внучата не имѣютъ права выкупа, „по мотивамъ строгаго подчиненія ихъ отеческой власти“. Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія, стр. 529.

[2]) Указ. соч. стр. 62—67.

признанію ихъ органической и генетической взаимной связи. вскрывая общую имъ обычно-правовую и историческую основу, Она выясняется на анализѣ, во-первыхъ, отношенія семейнаго права къ вопросу объ имущественныхъ правахъ членовъ семейнаго союза, о владѣніи, распоряженіи и наслѣдованіи, и, во-вторыхъ, формъ семейной организаціи.

Вышеприведенная, установленная Богишичемъ, сравнительная характеристика инокоштины и задруги легко можетъ привести къ представленію, что передъ нами, въ обоихъ случаяхъ, своеобразный видъ совладѣнія. Рядъ попытокъ подвести представленіе объ имущественномъ правѣ древней семьи—простой и сложной—подъ современныя юридическія понятія привелъ къ значительнымъ разногласіямъ. Одни, какъ, напр., хорватскій ученый Спевецъ [1]), видятъ въ задругѣ—общность имѣнія, совладѣніе, такъ что задругари—участники общихъ правовыхъ взаимоотношеній, субъекты правъ на задружное имущество, а не члены какого-либо высшаго правового организма безъ самостоятельнаго значенія юридическихъ лицъ. Другіе такому опредѣленію противопоставляютъ различіе моментовъ развитія семейнаго союза, подчеркивая, что въ древнѣйшій періодъ лицо было въ столь сильной зависимости отъ задруги, что не могло проявлять своихъ правъ, какъ правъ сколько-нибудь индивидуальныхъ, такъ что о какомъ-либо правѣ собственности отдѣльнаго задругаря, какъ совладѣльца, не можетъ быть и рѣчи: права, вытекающія изъ собственности на имущество, принадлежали цѣлому, задругѣ, а не членамъ, составляющимъ ее въ каждый данный моментъ; лишь постепенно, по мѣрѣ разложенія основъ стараго задружнаго права, задруга все больше приближается къ совладѣнію, принимая характеръ корпораціи [2]). Основаніемъ для этой послѣдней точки зрѣнія, отрицающей по существу за отношеніемъ членовъ древнѣйшаго семейнаго союза къ семейному имуществу характеръ совладѣнія, служитъ отсутствіе у нихъ, первоначально, права распоряженія своей долей въ общемъ имуществѣ, такъ что самое понятіе о такой долѣ, которое можно конструировать, какъ такъ наз. Anwartschaftsquote, лишена всякаго реальнаго и юридическаго бытія [3]). Чтобы осмыслить этотъ типъ имущественнаго права, Georg Cohn примѣняетъ

---

[1]) *Spevec.* Pravo bliže rodbine. Záhřeb, 1883.

[2]) *Kadlec.* Rodinný nedil—заключеніе.

[3]) *G. Cohn.* Gemeinderschaft und Hausgenossenschaft.

къ нему понятіе германской «gesammten Hand», общаго, нераздѣльнаго владѣнія. И вопросъ этотъ получаетъ особое значеніе при свѣтѣ разногласія относительно строя древней индивидуальной семьи, и, прежде всего, относительно того, можно ли говорить, при такомъ складѣ семейно-имущественныхъ отношеній, о какомъ-либо наслѣдованіи.

«Право наслѣдованія, скажемъ словами М. Ф. Владимирскаго-Буданова [1]),—возникаетъ не изъ искусственнаго измышленія, а коренится въ совладѣніи лицъ, живущихъ въ одномъ домѣ съ наслѣдодателемъ, раздѣлявшихъ вмѣстѣ труды пріобрѣтенія имущества и право пользованія имъ». Изслѣдователи задружнаго быта единодушно настаиваютъ на первоначальномъ отсутствіи наслѣдованія въ задружномъ имуществѣ. Смерть главы задруги не вела къ открытію наслѣдства: возникалъ лишь вопросъ о замѣнѣ усопшаго старѣйшины другимъ, если только не происходило распаденія задруги съ раздѣломъ, а не наслѣдованіемъ, ея имущества. Но дѣйствительно-ли ту же формулу можно примѣнить и къ древней индивидуальной семьѣ? Едва-ли. Болѣе правильнымъ представляется тотъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, какой находимъ у нѣмецкихъ изслѣдователей: Гирке, Кона.

«Исходнымъ пунктомъ права наслѣдованія, говоритъ Гирке [2]),—была у Германцевъ, какъ и у всѣхъ арійскихъ народовъ, семейная община (Hausgenossenschaft)», и затѣмъ, указывая отличія германской семьи отъ римской, особенно въ положеніи главы дома, замѣчаетъ, что «германское право наслѣдованія основано на представленіи о продолженіи домашняго союза при отпаденіи его главы» и что поэтому при смерти домовладыки не возникаютъ вполнѣ новыя права наслѣдниковъ на семейное имущество, а лишь расширяются уже существовавшія права членовъ семейнаго союза; но, при этомъ, Гирке рѣшительно возстаетъ противъ примѣненія къ имущественному праву союза отца и дѣтей понятія «Gesammthand», настаивая на «Einhand» отца, и на томъ, что съ его смертью возникаетъ «дѣйствительное наслѣдованіе» (отчина); что же касается до общаго владѣнія (Gesammthand), то оно возникаетъ лишь при веденіи совмѣстнаго и нераздѣльнаго хозяйства сонаслѣдниками, причемъ смерть одного изъ нихъ не

---

[1]) „Обзоръ исторіи русскаго права“, изд. 3-е, стр. 481.

[2]) „Erbrecht und Vicinenrecht im edict Chilperichs“ (Zeitschrift der Sav.—Stiftung, 12).

создаетъ наслѣдства, а доля его остается въ обладаніи семейной общины, изъ которой одинъ членъ выбылъ: происходитъ не наслѣдованіе, а «консолидація» владѣнія. Такимъ образомъ, если признать, что отецъ при жизни былъ единымъ субъектомъ владѣнія имуществомъ, хотя бы какъ «представитель дома», а не индивидуально (такую оговорку дѣлаетъ Гирке), если признать его «Einhand», то нельзя говорить о простомъ «расширеніи» имущественныхъ правъ членовъ семейнаго союза при смерти отца: возникаетъ наслѣдство, хотя бы и нераздѣльное, возникаетъ общее владѣніе, новое право, новый типъ обычно-правовыхъ соотношеній. Этотъ «новый типъ» и есть основное и характерное для древне-славянскаго права явленіе, отмѣченное въ его терминологіи словами—братство, skladna braća, родъ, nedíl, nedílní bratri, unio, fratri indivisi, bracia niedzielni и т. д. Отсутствіе права распоряженія своей долей — идеальной или реальной все равно, такъ какъ до раздѣла нѣтъ ни того ни другого понятія— мѣшаетъ приравнять данное взаимоотношеніе сонаслѣдниковъ ихъ совладѣнію, отъ котораго слѣдуетъ отличать общее нераздѣльное владѣніе [1]). Высказанное въ печати [2]) требованіе, чтобы историки проводили различіе между понятіями нераздѣльной семьи и собственно задруги, вызвало со стороны проф. Бальцера [3]) замѣчаніе, что нераздѣльная семья (rodzinny niedział) отличается принципіально отъ задруги—все равно, большой или малой (иноко̀штины Богишича?)—тѣмъ, что замкнута въ кругѣ семейнаго родства, въ строгомъ смыслѣ этого слова. Но вѣдь и для задруги—въ томъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ терминъ этотъ употребляется въ научной литературѣ—нельзя считать характернымъ участіе въ ней чужаковъ или хотя бы свойственниковъ.

---

[1]) Любопытны и цѣнны указанія Cohn'a, что понятіе „общей собственности", сохраненное въ первой, выработанной Блунчли, редакціи Цюрихскаго Гражданскаго Уложенія, удалено было изъ второй редакціи того же Уложенія (Шнейдера), потому-де, что понятіе это отвергнуто „наукой" и излишне рядомъ съ понятіемъ совладѣнія (Miteigenthum); далѣе Cohn указываетъ, что понятіе „Gesammteigentum", „gesammte Hand" вновь получило признаніе въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ германскаго гражданскаго права и законодательства.

[2]) Въ статьѣ: „Metodyka badań starożytnych" (Ateneum, 1900), подписанной: Towarzysz broni.

[3]) *O. Balzer.* Historya porównawcza praw słowiańskich, Lwów, 1900 str. 44.

Помимо того, что у южныхъ славянъ задруги, составленныя чужаками искусственно, рѣдки и неустойчивы, пріемъ въ составъ задружнаго союза чужихъ по крови либо ставитъ ихъ въ положеніе неполноправное, либо санкціонируется адоптаціей, дѣлая ихъ пріемышами (domazetovići). Что же касается нераздѣльныхъ семей, разросшихся и усложненныхъ сожительствомъ ряда поколѣній и семей, какъ и введеніемъ въ ихъ составъ свойственниковъ (зятьевъ, принятыхъ въ домъ), то между такимъ союзомъ и элементарной формой нераздѣльной семьи различіе явно лишь количественное, а не качественное, не мѣняющее существа правовыхъ отношеній. Болѣе сложныя по составу семейныя общины (задруги) выростаютъ изъ нераздѣльной семьи въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ экономическихъ, соціальныхъ и культурно-историческихъ условій, поддерживающихъ тенденцію къ жизни и хозяйству вкупѣ, въ болѣе или менѣе людныхъ селахъ, кучахъ, дворищахъ. Но правовая основа ихъ остается той же, что и въ ихъ ячейкѣ—простой нераздѣльной семьѣ братьевъ сонаслѣдниковъ (точнѣе было бы сказать единонаслѣдниковъ, если бы это слово не употреблялось въ иномъ значеніи). Поэтому, быть можетъ, лучше избѣгать термина задруга—пока рѣчь идетъ объ обычно-правовыхъ отношеніяхъ—и говорить о нераздѣльной семьѣ, какъ основномъ явленіи древняго славянскаго быта и права, различая два момента въ ея бытіи: семью отцовскую, патріархальную и семью братскую, съ ихъ, особенно послѣдней, въ правовомъ отношеніи не существенными, осложненіями въ личномъ составѣ.

Наиболѣе существеннымъ явленіемъ быта нераздѣльной семьи надо признать общее владѣніе имуществомъ и общее хозяйство. И то, и другое, первоначально, въ самомъ полномъ смыслѣ слова. Жить нераздѣльно—значитъ жить на единомъ хлѣбѣ. И законодательства, которымъ приходилось считаться съ явленіями, вытекавшими изъ древняго склада семейнаго быта, стремятся признавать правовой единицей семейный союзъ только при полной общности въ имуществѣ и хозяйствѣ. Такъ, напримѣръ, «Законик Стефана Душана» приравниваетъ «братеньцевъ» или отца съ сыновьями, хотя и держащихся «у единой коуке», но раздѣленныхъ «хлѣбомъ и иманіемъ»—выдѣленнымъ малымъ семьямъ (по отношенію къ повинностямъ); такъ Винодольскій законъ допускаетъ родныхъ къ свидѣтельству другъ про друга только «ако стое всак по себи и раздилени ест мею собом», считая препятствіемъ

къ свидѣтельству не родство, а сожительство въ одномъ хозяйствѣ [1]).

Что касается владѣнія общимъ имуществомъ, то оно охватываетъ одинаково и движимое и недвижимое имѣніе, право распоряженія которымъ принадлежитъ въ братской или болѣе сложной семьѣ всей совокупности ея членовъ, а не старѣйшинѣ. Наблюденныя Богишичемъ явленія, заставившія его признать тоже правило и для союза отца съ дѣтьми, не могутъ быть истолкованы, какъ исконная черта общаго значенія: скорѣе тутъ сказалось вліяніе на инокоштину болѣе сложныхъ формъ семейнаго быта [2]). Но для сложной семьи единство владѣнія и распоряженія несо-

---

[1]) „Законик Стефана Душана", изд. Новаковича, Бѣлградъ, 1870, ст. 49. Ср. ст. 197, устраняющую отвѣтственность за преступника его родственниковъ, если они „су одельнии... оу своихъ коукяхъ".

„Законъ Винодольскій", изд. Общ. Л. Др. Пис.—ст. 67. О той же предпосылкѣ относительно нераздѣльной семьи въ современномъ швейцарскомъ и старомъ французскомъ правѣ, см. Cohn, указ. соч.: кодификаторъ Цюрихскаго гражданскаго права полагалъ, что общее хозяйство если и не обязательно для нея, то „почти необходимо, чтобы была достигнута цѣль закона"; средневѣковое французское право первоначально считало необходимымъ условіемъ для существованія "frerage", „communauté", „compagnie": „même pain, sel et conduite", житье „à frais commun, à commune bourse et dépence"; легальное признаніе des communautes à deux ménages et à deux pains distincts"—уже вторичное явленіе. Beaumanoir (Les coutumes de Beauvoisis—цитата у Кона) подчеркиваетъ правообразующую силу совмѣстнаго хозяйства, говоря, что „compagnie" создается „par seulement manoir ensemble à un pain et à un pot un an et un jour, puisque li meubles de l'un et de l'autre sont mellé ensemble", такъ что бѣднякъ, принятый въ домъ можетъ такимъ путемъ получить право на часть въ общемъ имуществѣ.

[2]) Ср. *А. Я. Ефименко*: „Изслѣдованія народной жизни"—стр. 62: „Большакъ есть полный распорядитель надъ деньгами и имуществомъ двора въ извѣстныхъ предѣлахъ, обусловливаемыхъ обычаемъ и міромъ: онъ не можетъ совершенно произвольно растрачивать общее имущество, между прочимъ потому, что если онъ употребитъ во зло свою власть, міръ остановитъ его, по жалобѣ прочихъ членовъ". Опека міра надъ расточителемъ-большакомъ нѣчто иное, чѣмъ ограниченіе его воли согласіемъ членовъ семьи.—Богишичъ и самъ, повидимому, склонялся къ признанію особенностей своей инокоштины результатомъ вліянія навыковъ задружнаго быта; по крайней мѣрѣ, вопросъ о взаимоотношеніи инокоштины и задруги онъ ставилъ такъ: "l'organisation de l'une a-t-elle eu de l'influence sur celle de l'autre, en lui communiquant sa nature, et laquelle des deux familles a etxercé cette action?" и обѣщалъ посвятить этой темѣ особое изслѣдованіе (указ. соч., стр. 403).

мнѣнно, такъ что для законности сдѣлки на отчужденіе требовалось—напр., въ чешскомъ правѣ—письменное согласіе всѣхъ братьевъ или стрыевъ, кто «владѣетъ нераздѣльно», безъ представительства старѣйшины за другихъ; точно также и искъ, обращенный на семейное имущество, можно—по чешскому праву—предъявлять либо къ отцу, такъ какъ дѣти, хотя бы и взрослыя, самостоятельно при немъ не отвѣчаютъ, либо, при сложной семьѣ, ко всѣмъ ея правоспособнымъ членамъ сразу, такъ что незаконенъ искъ, предъявленный къ старшему брату безъ упоминанія о младшихъ, или ко всѣмъ нераздѣльнымъ братьямъ безъ упоминанія живущаго нераздѣльно съ ними стрыя.

Наконецъ, яркій свѣтъ на строй нераздѣльной семьи проливаютъ условія ея ликвидаціи—раздѣла. Полный раздѣлъ надо, конечно, отличать отъ выдѣла (добровольно или за кару) и частичнаго (раздѣлъ «хлѣба и имѣнія» при сохраненіи единства организаціи и жительства; раздѣлъ усадебъ или усадебъ и пашенъ при сохраненіи земель или однихъ угодій въ общемъ владѣніи). Нельзя, думаю, не согласиться съ Кадлецомъ, что первоначально «задружное» право знало лишь выключеніе отдѣльнаго члена изъ задруги за кару или отреченіе его отъ нея, безъ права для задругаря требовать, чтобы ему была выдѣлена часть изъ общаго имущества. Но фактически обосновать это мнѣніе на основаніи имѣющихся данныхъ довольно трудно, по крайней мѣрѣ не выходя за грань славянскаго матеріала. Выдѣлъ же отдѣльнаго лица по добровольному соглашенію характеренъ лишь въ томъ отношеніи, что тѣмъ самымъ разрывается всякая его правовая связь съ оставшейся въ нераздѣльномъ дворищѣ семьей [1]). Что касается различныхъ формъ частичнаго раздѣла, то какъ ни важны онѣ для исторіи землевладѣнія, не буду на нихъ останавливаться, какъ не имѣющихъ отношенія къ ближайшимъ цѣлямъ моего изложенія. Зато полный раздѣлъ представляетъ значительный интересъ. Характерно, прежде всего, довольно большое разнообразіе условій, на какихъ онъ происходитъ. При раз-

---

[1]) *R. Hube* приводилъ (Erbfolge der Slaven, Poznań, 1836—цитата у Кадлеца) слѣд. характерный примѣръ изъ польской старины: одинъ изъ четырехъ братьевъ, повидимому, старшій, выдѣлился отъ трехъ остальныхъ съ 1/4 имѣнія; потомъ двое умерло и четвертый сталъ владѣльцемъ всѣхъ оставшихся нераздѣльными 3/4-й: „haec est ratio—поясняетъ цитируемый документъ, qua re idem Gneuco Wooda possedit tres portiones hereditatis praedictae et Supzi (старшій) tummodo quartam partem".

дѣлѣ обычно различаютъ наслѣдственное имущество (недвижимое: отчину, дѣдину, старую баштину) отъ новопріобрѣтеннаго (при жизни дѣлящихъ). Послѣднее, обыкновенно, дѣлится поголовно, но съ нѣкоторой надбавкой въ пользу старшаго поколѣнія (какъ дольше участвовавшаго въ работѣ: да сваки труд свою плацу приме, какъ поясняетъ Полицкій статутъ); поголовно дѣлится и движимое имущество. Что касается вотчины, то относительно нея рѣдокъ поголовный раздѣлъ; преобладаетъ дѣленіе по колѣнамъ или линіямъ отъ общаго предка, дѣлежъ поровну, но не между всѣми наличными членами семьи, а либо между членами старшаго ихъ поколѣнія, покрывающихъ, такъ сказать, своихъ нисходящихъ, либо по предкамъ дѣдамъ, прадѣдамъ наличныхъ участниковъ, т. е. по первымъ нераздѣльнымъ братьямъ, сонаслѣдникамъ перваго отца, основателя данной разросшейся нераздѣльной семьи. Этотъ преобладающій обычай любопытенъ потому, что, казалось бы, наглядно подтверждаетъ двѣ высказанныя выше мысли: 1) что сложныя нераздѣльныя семьи происходятъ отъ братской семьи сонаслѣдниковъ; 2) что древнее семейное право не знало полноправія взрослыхъ сыновей при отцѣ въ составѣ инокоштины. Иногда, при всѣхъ формахъ раздѣла послѣдній старѣйшина получаетъ нѣкоторый лишекъ (старѣйшинство, изврштина; «на старѣйшій путь» сказали бы на Руси).

Выдѣлъ и раздѣлъ ведутъ къ образованію новыхъ единицъ, которыхъ названія разнообразны: инокоштина, особеньякъ, дел, одилиена куча и т. д. Раздѣлъ окончательно разрушаетъ семейный союзъ, если, конечно, раздѣлъ полный. Подобно тому, какъ выдѣлъ отдѣльнаго члена окончательно разрывалъ его правовую связь съ прежней семьей, такъ и полный раздѣлъ устраняетъ такую связь между вновь возникшими единицами. Выроставшее изъ принадлежности къ нераздѣльной семьѣ право на часть ея имущества при наслѣдованіи или раздѣлѣ, не могло повести къ возникновенію права на наслѣдованіе имущества, отставшагося по смерти раздѣльно жившихъ и ведшихъ свое обособленное хозяйство родственниковъ. «Никогда, замѣчаетъ по этому поводу Кадлецъ, въ древнѣйшій періодъ наслѣдство не переходило къ выдѣленнымъ сыновьямъ или братьямъ наслѣдодателя, но становилось выморочнымъ».

Остается сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно формъ семейной организаціи. Ея основная черта—въ значеніи и положеніи главы нераздѣльной семьи, называемаго старѣйшиной, ста-

ростой, домачиномъ, главаремъ, господаремъ, большакомъ, газдой и т. п. И въ этомъ вопросѣ необходимо провести упомянутое выше различіе между отцовской (дѣдовской) семьей и нераздѣльной семьей болѣе сложнаго состава. Тотъ первичный и основной типъ семейнаго союза, хотя бы и количественно разросшагося, о которомъ Кадлецъ замѣчаетъ: «первоначально и пока задруга была не слишкомъ велика, старѣйшиной бывалъ, конечно, предокъ всѣхъ членовъ задруги...; еще и теперь, гдѣ задруга ограничивается меньшимъ числомъ членовъ, домачиномъ обычно бываетъ отецъ или дѣдъ»—не могъ не заключать въ своемъ строѣ нѣкоторыхъ существенныхъ отличій сравнительно съ союзомъ безъ «прирожденнаго старосты». Выше были приведены указанія на признаніе за такимъ «старостой» болѣе широкихъ правъ по распоряженію семейнымъ имуществомъ, чѣмъ обычно отводится на его долю въ характеристикахъ «задружнаго» быта. Полагаю, далѣе, необходимымъ придать общее значеніе заключенію Бальцера относительно преувеличенности—по отношенію къ польскому праву—мнѣнія, что оно вовсе не допускало завѣщанія: «мнѣніе это справедливо, поскольку касается передачи наслѣдства по завѣщанію лицамъ, не связаннымъ съ наслѣдодателемъ узами крови; зато въ кругѣ родни свобода завѣщательныхъ распоряженій шла уже очень далеко въ старомъ нашемъ правѣ, какъ естественное слѣдствіе власти родового старосты» [1]). Это замѣчаніе проф. Бальцера полную силу получаетъ, если не терять изъ виду, что матеріалъ его наблюденій въ польской старинѣ касается нераздѣльной семьи сравнительно очень узкаго родственнаго состава и что право «завѣщательныхъ распоряженій», вытекающее изъ «власти родового старосты» обосновано имъ [2]) именно по отношенію къ «прирожденнымъ старостамъ». Собственно рѣчь тутъ идетъ о завѣщательномъ распоряженіи (testamentie) особаго типа, обозначаемаго въ древне-русскомъ правѣ терминомъ—рядъ. «Содержаніе этого распоряженія не есть назначеніе наслѣдника (въ чемъ заключается вся сущность римскаго тестамента), а лишь раздѣленіе имущества между готовыми (законными) наслѣдниками» [3]).

[1]) *O. Balzer*. O zadrudze słowiańskiej, стр. 7.

[2]) Въ изслѣдованіи: „O następstwie tronu w Polsce“ (Rozprawy ист.-фил. отд. Краковской Академіи, сер. II, т. XI).

[3]) *М. Ф. Владимирскаго-Буданова*, Обзоръ исторіи русскаго права, 3-е изд., стр. 475—476.

Не вижу никакихъ основаній для признанія нормы «Русской Правды»: «аже кто умирая раздѣлить домъ свой дѣтемъ на томъ же стояти» (ст. 121, III ред. по изд. В. И. Сергѣевича), позднѣшей, тѣмъ болѣе, что правило ст. 130: «а дворъ безъ дѣла отень всякъ меншему сынови» хорошо освѣщается южно-славянскимъ обычнымъ правомъ, по которому, если раздѣлъ производится *при жизни родителей*, родной домъ достается, обыкновенно, младшему сыну, при которомъ старики и доживаютъ свой вѣкъ. Слѣдуетъ, повидимому, признать, что въ рукахъ «прирожденнаго старосты» была значительная власть въ дѣлѣ выдѣла и раздѣла между дѣтьми—въ формѣ «ряда», устанавливаемаго имъ и осуществляемаго либо при его жизни, либо по смерти. Мало того, славянское обычное право знаетъ и случаи назначенія (точнѣе номинаціи или десигнаціи) «прирожденнымъ старостой» преемника при переходѣ патріархальной семьи въ сложную нераздѣльную братскую семью, причемъ, обычно, этому назначенію предшествуетъ замѣстительство намѣченнымъ преемникомъ престарѣлаго главы въ функціяхъ старѣйшинства.

Какъ было упомянуто, при смерти главы семьи, первоначально, если не происходитъ раздѣла, вся отчина переходитъ нераздѣльно ко всѣмъ дѣтямъ [1]). Сохраняя нераздѣльность, братская семья сохраняетъ и организацію, во главѣ которой стоитъ старѣйшина. Такая нераздѣльность владѣнія, хозяйства и организаціи можетъ сохраняться, при благопріятныхъ условіяхъ, втеченіе ряда поколѣній. Въ сложной нераздѣльной семьѣ единство владѣнія не оставляетъ мѣста для возникновенія наслѣдованія. Со смертью даннаго старѣйшины, на очередь ставится вопросъ лишь о преемствѣ во власти главы даннаго союза. И рѣшается онъ въ обычномъ правѣ крайне разнообразно. Точнѣе, быть можетъ, было бы сказать, что славянское обычное право не выработало сколько нибудь общей нормы въ этомъ отношеніи, допуская различные варьянты на практикѣ. Кромѣ номинаціи предшественникомъ встрѣчается и естественный переходъ старѣйшинства къ наиболѣе вліятельному, и узурпація, и избраніе членами нераздѣльной семьи. Часто домачиномъ становится старшій изъ сыновей умершаго отца или старшій изъ братьевъ предыдущаго старѣйшины; но возможно и признаніе старѣйшинства

[1]) Ср. „Рус. Пр.“ III, ст. 122: „паки ли безъ ряду умреть, то всѣмъ (вар. „все“) дѣтемъ“.

за младшимъ, какъ болѣе способнымъ и вліятельнымъ. Предпочтеніе старшихъ по возрасту, независимо отъ ихъ генеалогическаго положенія, естественно, ввиду большаго ихъ авторитета и опытности. Наконецъ, нерѣдки явленія избранія, ничѣмъ кромѣ личнаго мнѣнія, повидимому, не обусловленнаго. Кое-гдѣ у южныхъ славянъ, гдѣ задружный бытъ развился сложнѣе, наблюдается допущеніе къ старѣйшинству провизорно, ввидѣ опыта—на 1-2 года, даже на 40 дней, пока не выяснится, кто болѣе подходящій. Возможно, несмотря на поговорку: «гдѣ жена кучи кучу, ту нема ни кучи, ни кучища», избраніе женщины на старѣйшинство. Собранный изслѣдователями обширный сравнительно-историческій матеріалъ ведетъ къ заключенію, что въ обычно-правовомъ сознаніи славянства не установилось твердыхъ представленій о какомъ-либо правильномъ порядкѣ перехода старѣйшинства, разъ оно не прирожденное-патріархальное, отъ одного лица къ другому [1]).

---

[1]) *Проф. О. Бальцеръ* („Historya porównawcza praw słowiańskich“ стр. 44—45) ставитъ этотъ вопросъ иначе, резюмируя слѣд. образомъ результаты добытые „описательнымъ методомъ“: „Въ нынѣшней южнославянской задругѣ родовой староста получаетъ власть путемъ выбора членовъ рода, а кое-гдѣ путемъ номинаціи предшественникомъ; у Словаковъ безъ избранія или номинаціи получаетъ это званіе старшій въ родѣ; въ русской „большой семьѣ“ (задругѣ) оно рѣдко переходитъ на старшаго въ родѣ, обычно достается старшему сыну предшественника. Власть родового старосты у южныхъ славянъ въ высокой степени ограничена, такъ что безъ позволенія членовъ рода не можетъ онъ предпринять ничего важнаго; въ русской „большой семьѣ“ она деспотична. Въ самомъ южномъ славянствѣ задруга рѣшаетъ свои дѣла гдѣ большинствомъ голосовъ, гдѣ только единогласіемъ. Примѣровъ такихъ противорѣчій можно бы набрать и больше. Приведенныхъ достаточно: мы должны, въ концѣ концовъ, спросить, получали ли въ первичной славянской задругѣ старосты власть по выбору или по старшинству возраста, или по близости родства съ предшественникомъ; была ли эта власть ограниченной или же повелительной; наконецъ, какимъ способомъ постановлялись въ родахъ рѣшенія. Если вообще существовало какое либо первобытное славянское право, то не могли существовать рядомъ всѣ эти противорѣчивые принципы, а только одинъ, въ лучшемъ случаѣ одинъ по другомъ. Однако, какъ было въ дѣйствительности, этого досель не только не разъяснено, но даже и вопросъ не поднимался“. Дѣло въ томъ, что передъ проф. Бальцеромъ носится, какъ идеальная цѣль сравнительнаго изученія славянскаго права, возстановленіе „исторіи первичнаго подлиннаго славянскаго права“, поэтому его не удовлетворяетъ „исторія развитія опредѣленныхъ понятій и учрежденій, общихъ всему

Многообразно значеніе изученій древняго славянскаго семейнаго права для исторической науки. Не говоря объ ихъ общеисторическомъ значеніи, ввиду тождества основъ этого права съ тѣми, на какихъ выросъ гражданскій бытъ другихъ арійскихъ народовъ, они даютъ, въ связи съ особенностями разселенія и хозяйства славянскихъ народовъ, ключъ къ пониманію исторіи ихъ землевладѣнія; въ нихъ же надо искать исходныхъ положеній исторіи народнаго гражданскаго права славянскаго. Но въ настоящемъ изложеніи на очереди вопросъ объ отраженіи этого права въ политическомъ быту славянскихъ народовъ древняго періода ихъ исторіи. И прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію съ этой точки зрѣнія характерныхъ чертъ княжого владѣнія и междукняжескихъ отношеній въ древней Руси, отмѣчу, что для западно-славянской исторической литературы мысль о повтореніи въ отношеніяхъ славянскихъ князей, не исключая и русскихъ, къ волости-княженію обычно-правовыхъ отношеній частныхъ лицъ къ владѣемой ими землѣ—представляется общепринятой; въ организаціи и внутреннихъ отношеніяхъ княжескихъ династій у Чеховъ и Поляковъ, какъ и у южныхъ Славянъ, изслѣдователи видятъ черты того же семейнаго права, какое господствовало въ народномъ быту [1]). А у насъ, въ русской исторической литературѣ, установленное было «теоріей родового быта» единство въ представленіи обычно правового уклада общественнаго быта, съ одной, и порядковъ княжого владѣнія, съ другой стороны, рушилось съ паденіемъ этой теоріи въ ея цѣломъ, оставивъ лишь обломки прежнихъ обобщеній въ литературной традиціи. Но эти

славянскому міру, въ каждомъ изъ выдѣлившихся и обособившихся уже народныхъ правъ"; отъ сравнительно-историческаго изученія онъ требуетъ выясненія „праславянскаго ядра" каждаго изучаемаго учрежденія, того, что въ немъ „дѣйствительно славянскаго, а не только чешскаго, польскаго, русскаго или сербскаго". Сомнѣваюсь, чтобы постановка такихъ задачъ не была иллюзорной. Сравнительное изученіе древняго права славянскихъ народовъ съ правомъ другихъ народовъ арійскаго корня не ведетъ-ли къ тому, что элементарное ядро „праславянскаго" права—отождествится съ „alt-arisches jus civile" или „alt-arisches jus gentium" въ духѣ Leist'a? Можно ли доказать—и даже допустить,—что доисторическій бытъ славянства, опредѣлившагося въ своей культурно-этнографической характеристикѣ, создалъ единое право?

[1]) Ср. *Balzer*. O następstwie tronu w Polsce; Ср. замѣчанія *Кадлеца* („Rodinný nedil"); ср. очеркъ владѣльческихъ отношеній Винодольскихъ князей, приложенный *Ягичемъ* къ изданію Винодольскаго закона, и т. д.

обломки, или пережитки—сохранили и сохраняютъ свое вліяніе въ ученіи о древне-русскихъ междукняжескихъ отношеніяхъ, какъ оно излагается и доселѣ въ трудахъ общаго характера.

Такъ въ «Курсѣ русской исторіи» (т. I, лекція XI) В. О. Ключевскаго находимъ теорію о «лѣствичномъ восхожденіи» князей съ одного стола княжого на другой. «Ярославичи—читаемъ тутъ—не дѣлили достоянія отцовъ и дѣдовъ на постоянныя доли и не передавали доставшейся каждому доли своимъ сыновьямъ по завѣщанію. Они были подвижными владѣльцами, которые передвигались изъ волости въ волость по извѣстной очереди. Очередь эта опредѣлялась старшинствомъ лицъ и устанавливала постоянно колебавшееся, измѣнчивое соотношеніе наличнаго числа князей съ количествомъ княжескихъ волостей или владѣній. Всѣ наличные князья по степени старшинства составляли одну генеалогическую лѣствицу. Точно также вся Русская земля представляла лѣствицу областей по степени ихъ значенія и доходности. Порядокъ княжескаго владѣнія основывался на точномъ соотвѣтствіи ступеней обѣихъ этихъ лѣствицъ, генеалогической и территоріальной, лѣствицы лицъ и лѣствицы областей». Насколько подобное представленіе соотвѣтствуетъ историческимъ даннымъ, увидимъ ниже. Теперь только отмѣчу, что, унаслѣдованное отъ теоріи родового быта, оно получаетъ совсѣмъ новое содержаніе въ изложеніи В. О. Ключевскаго, такъ какъ онъ уже не можетъ объяснить происхожденія родового порядка княжескаго владѣнія—«вліяніемъ частнаго туземнаго быта на политическій строй земли», по крайней мѣрѣ безъ «нѣкоторой оговорки», именно, что «родовыя понятія и отношенія у туземцевъ находились уже въ состояніи разрушенія, когда князья начали устроять ихъ». Не пробуетъ В. О. Ключевскій объяснить родовой порядокъ и какъ пережитокъ разрушающихся родовыхъ понятій: «родовыми отношеніями не объясняется самый порядокъ княжескаго владѣнія по очереди старшинства со владѣльческой передвижкой князей: подобнаго передвижнаго порядка не видимъ въ тогдашнемъ частномъ быту русскихъ славянъ» [1]). Остается искать объясненія въ «исключительномъ положеніи династій», и разсматривать очередной порядокъ какъ крайне своеобразное,

---

[1]) Стр. 208—211. Въ послѣдней цитатѣ слово „тогдашнемъ“—лишнее, такъ какъ не можетъ-же оно означить намекъ на „прежній“ бытъ, будто содержавшій подобную черту?

небывалое явленіе: «если я не ошибаюсь, замѣчаетъ проф. Ключевскій, нигдѣ болѣе въ исторіи мы не имѣемъ возможности наблюдать столь своеобразный политическій порядокъ». И полагая, что оно наблюдается въ древней Руси, проф. Ключевскій строитъ весьма сложное объясненіе изучаемаго явленія, въ которомъ отмѣчу только еще одну черту, также характерную, какъ слѣдъ вліянія теоріи родового быта. Разумѣю аналогію между княжескими отношеніями древней Руси и позднѣйшимъ московскимъ мѣстничествомъ. Естественная у И. Е. Забѣлина, полагавшаго мѣстническія понятія въ основу всей характеристики древнерусскаго общественнаго и политическаго быта, она служитъ В. О. Ключевскому не только для освѣщенія извѣстія «Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ» мниха Іакова, что «Ярославъ оставилъ наслѣдниками и преемниками своего престола не всѣхъ пятерыхъ своихъ сыновей, а только троихъ старшихъ» [1]), но, прежде всего, для конструкціи, вслѣдъ за С. М. Соловьевымъ, древнѣйшаго понятія «отчины» и связаннаго съ нимъ «изгойства»: «отчина имѣла первоначально генеалогическое значеніе: подъ этимъ словомъ разумѣлось мѣсто среди родичей на лѣствицѣ старшинства, доставшееся отцу по его рожденію и имъ переданное дѣтямъ» при свѣтѣ этого понятія поясняется, что такое изгой, этотъ «генеалогическій недоросль», у котораго отецъ умеръ раньше дѣда, не оставивъ ему «въ передовой цѣпи отецкаго мѣста»: князь-изгой «не имѣя генеалогической отчины, лишался права и на территоріальную, т.-е. терялъ участіе въ очередномъ владѣльческомъ порядкѣ, какъ не попавшій въ очередь». Свое понятіе «генелогической отчины», унаслѣдованное отъ родовой теоріи, В. О. Ключевскій называетъ «чисто математическимъ»; оно, дѣй-

---

[1]) „Это, поясняетъ В. О. Ключевскій, извѣстная норма родовыхъ отношеній, ставшая потомъ одной изъ основъ мѣстничества. По этой нормѣ въ сложной семьѣ... первое властное поколѣніе состоитъ только изъ трехъ старшихъ братьевъ, а остальные, младшіе братья, отодвигаются во второе подвластное поколѣніе, приравниваются къ племянникамъ: по мѣстническому счету старшій племянникъ четвертому дядѣ въ версту“ (стр. 205). Единичный фактъ—„властности“ трехъ Ярославичей, причемъ по изгнаніи Изяслава „властное поколѣніе“ состоитъ изъ двухъ братьевъ, Святослава и Всеволода, какъ и по смерти Святослава—изъ Изяслава и Всеволода, возведенъ тутъ въ норму; но и, кромѣ того, развѣ мѣстническое правило указываетъ на различіе „властныхъ“ и „подвластныхъ“ поколѣній?

ствительно, столь отвлеченно, что едва-ли могло бы быть усвоено конкретнымъ мышленіемъ древне-русскаго князя. Оно необходимо патріарху современной русской исторической науки для того, чтобы сохранить традиціонное представленіе о порядкѣ княжого владѣнія въ древней Руси въ новой редакціи, оторвавшей его отъ реальной почвы древне-русскаго общественнаго быта и народнаго обычнаго права. Въ этой редакціи ученіе о древно-русскихъ междукняжескихъ отношеніяхъ придало своему объекту весьма искусственный и сложный характеръ. Естественно возникаетъ вопросъ, гдѣ причины этой усложненности и искусственности: въ особенностяхъ-ли древне-русскаго княжого быта—или въ свойствахъ конструирующей ихъ объясненіе теоріи?

Въ основѣ древне-русскаго княжого владѣнія, по В. О. Ключевскому, лежитъ «нераздѣльность отчаго и дѣдовскаго достоянія князей»; въ очередномъ порядкѣ выражалась «мысль о нераздѣльности княжескаго владѣнія Русской земли: Ярославичи владѣли ею, не раздѣляясь, а передѣляясь, чередуясь по старшинству». Но въ чемъ состояло «достояніе» князей, которымъ они владѣли по такому своеобразному порядку, который одновременно подходитъ подъ понятія: передѣла и чередованія? В. О. Ключевскій опредѣляетъ его, то какъ «верховную власть», собирательную, принадлежащую всему княжескому роду, то какъ «русскую землю», частями которой отдѣльные князья временно владѣли. Согласовать оба указываемыя «основанія порядка»—трудно, такъ какъ, по мнѣнію В. О. Ключевскаго, съ одной стороны, «понятія о князѣ, какъ территоріальномъ владѣльцѣ, хозяинѣ какой-либо части Русской земли, имѣющемъ постоянныя связи съ владѣемой территоріей, еще не замѣтно», а, съ другой, несомнѣнно, что князья владѣли не частью въ отвлеченной «верховной власти», а вполнѣ реальными волостями, частями земли русской.

Къ тому же, время до Ярослава остается внѣ этой концепціи. «Довольно трудно—читаемъ у В. О. Ключевскаго—сказать, какой порядокъ княжескаго владѣнія существовалъ на Руси при предшественникахъ Ярослава и даже существовалъ ли какой-либо опредѣленный порядокъ». Для этого періода В. О. Ключевскій устанавливаетъ два наблюденія. Во-первыхъ, «при отцѣ сыновья правили областями въ качествѣ его посадниковъ (намѣстниковъ)

и платили, какъ посадники, дань со своихъ областей великому князю-отцу»; во-вторыхъ, «когда умиралъ отецъ, тогда повидимому разрывались всѣ политическія связи между его сыновьями... между отцомъ и дѣтьми дѣйствовало семейное право; но между братьями не существовало, повидимому, никакого установленнаго, признаннаго права» (стр. 201). И между этимъ моментомъ и слѣдующимъ, для котораго развернута картина «очередного» порядка, не установлено никакой исторической связи, тѣмъ болѣе, что отношеніе В. О. Ключевскаго къ завѣщанію Ярослава—нерѣшительно: то онъ считаетъ его «отечески задушевнымъ, но очень скуднымъ политическимъ содержаніемъ», то, съ помощью комментарія къ нему изъ Іакова мниха и одного позднѣйшаго мѣста лѣтописи (о смерти Всеволода, подъ 1093 г.), находитъ, что «Ярославъ отчетливо представлялъ себѣ порядокъ, какому послѣ него будутъ слѣдовать его сыновья въ занятіи кіевскаго стола».

Потерявъ свою первоначальную стройность, родовая теорія въ редакціи В. О. Ключевскаго страдаетъ внутренней несогласованностью, перестаетъ быть цѣльной «теоріей», ставя, тѣмъ самымъ, на очередь задачу пересмотра фактическихъ данныхъ относительно древне-русскаго княжескаго владѣнія и ихъ обобщенія заново, независимо отъ тѣхъ или иныхъ пережитковъ стараго воззрѣнія, котораго сила и слабость была именно въ послѣдовательно проведенной мысли о строго опредѣленномъ строѣ всего древняго быта.

Соперницы родовой теоріи—общинная и задружная—не выставили сколько-нибудь разработанныхъ ученій о порядкахъ древне-русскаго княжого владѣнія и прошли безслѣдно для этого вопроса [1]). И рядомъ съ изложеніемъ В. О. Ключевскаго стоитъ,

---

[1]) *Ѳ. И. Леонтовичъ* въ статьѣ „Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи“ (Ж. М. Н. Пр. 1874 г.) высказалъ мысль, что „княжескіе роды и династіи организуются по тѣмъ же началамъ, какъ и простыя задруги“, но, увлекшись возведеніемъ „задружныхъ началъ“ въ роль конструктивнаго принципа всего древне-русскаго политическаго быта, а не междукняжескихъ только отношеній, пришелъ къ фантастическому представленію, что „княжескій родъ былъ задругой общею *для всего народа*, для всѣхъ волостей“, увидѣлъ ихъ проявленіе и въ княжескихъ договорахъ и въ вѣчевомъ избраніи князя, чѣмъ лишилъ свою мысль, плодотворную въ иной постановкѣ, всякаго реальнаго значенія.

собственно, одно ученіе В. И. Сергѣевича о господствѣ въ междукняжескихъ отношеніяхъ древней Руси «договорнаго начала» и объ отсутствіи въ ней какого-либо опредѣленнаго преемства столовъ, распредѣлявшихся между князьями подъ вліяніемъ весьма разнообразныхъ началъ: народнаго избранія, распоряженія князя-предшественника, началъ отчины и старѣйшинства. Догматичность системы изложенія В. И. Сергѣевича, посвященнаго описанію дѣйствовавшихъ въ изучаемомъ обширномъ періодѣ «началъ», кои иллюстрируются примѣрами за время съ X по XV вѣкъ, объясняетъ намъ какъ «историческіе очерки» 1867 г. обратились въ отдѣлъ «юридическихъ древностей». Такая система изложенія, не уставливая и не сохраняя исторической перспективы, сама по себѣ дѣлаетъ необходимый пересмотръ выводовъ В. И. Сергѣевича путемъ историческаго изученія. Тѣмъ болѣе, что эта система несомнѣнно повліяла на нихъ, создавая иллюзію, что разъ сложившіяся нормы отношеній удерживаются въ той же силѣ съ XI—XII вв. до XV и XVI-го, что XV в. повторяетъ зады XII-го, что подъ тождественной словесной формулой документовъ въ разныя историческія эпохи мыслилось тождественное содержаніе. Упомянутая система изложенія (и изученія) лишила В. И. Сергѣевича возможности придать надлежащее значеніе вопросу, ясно поставленному на одной изъ страницъ его труда: «Договоры — читаемъ тутъ—опредѣляютъ взаимныя права и обязанности владѣтельныхъ князей. Возникаетъ вопросъ, какого происхожденія эти права и обязанности, представляетъ ли договоръ способъ первоначальнаго ихъ возникновенія, или эти права и обязанности существовали и до договора, въ силу обычая, но были нарушены, стали предметомъ спора и получили въ договорѣ лишь новое подтвержденіе? Надо думать, что значительная часть содержанія договоровъ имѣетъ бытовую основу; не все въ нихъ возникло, благодаря одному голому соглашенію. Князья жили и дѣйствовали въ готовой уже средѣ; опредѣляя свои отношенія договорами, они должны были вносить въ нихъ и то, что въ этой средѣ считалось уже правдой» [1]). Разрѣшеніе, по мѣрѣ возможности, вопроса, «что возникло вновь изъ соглашенія и что имѣетъ въ своемъ основаніи бытовую подкладку», а также, что новаго вносила жизнь въ смыслъ повторявшихся иной разъ изъ

[1]) Р. Юр. Др. т. II², стр. 129.

вѣка въ вѣкъ формулъ, возможно лишь на иныхъ путяхъ изслѣдованія, чѣмъ избранные В. И. Сергѣевичемъ.

Sit venia высказаннымъ выше замѣчаніямъ. Ихъ цѣль только обосновать мнѣніе, что основные вопросы древне-русской исторіи дѣйствительно требуютъ пересмотра. И оно останется вѣрнымъ, какъ бы неудачной ни оказалась попытка приступить къ этой задачѣ въ настоящихъ «Очеркахъ».

II.

Борьба за единовластіе.

Исторія возникновенія княжого владѣнія русской землей едвали можетъ быть возстановлена съ достаточной полнотой и основательностью. Древнія преданія, сбитыя и переплетенныя въ составѣ старѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ, дошли до насъ въ отрывочной и часто ненадежной письменной традиціи. Но пренебрегать ими не приходится, и попытка извлечь изъ нихъ нѣкоторыя черты для характеристики, хотя бы съ постоянной reservatione mentali, положенія дѣлъ на Руси въ древнѣйшій періодъ—представляется законной. Для этой цѣли обратимся, прежде всего, къ договорамъ съ Греками.

«И заповѣда Олегъ—читаемъ въ Лавр. лѣтописи подъ 907 г., дати воемъ на 2000 корабль по 12 гривенъ на ключь, и потомъ даяти уклады на Рускыа грады: первое на Киевъ, таже на Черниговъ, на Переаславль, на Полтѣскъ, на Ростовъ, на Любечь и на прочаа городы, по тѣмъ бо городомъ седяху велиции князи, подъ Олгомъ суще». Въ началѣ договора 912 г. читаемъ о послахъ «отъ рода Рускаго»,—«иже послани отъ Олга, великого князя Рускаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ и великихъ князь и его великихъ бояръ». Трудно точнѣе опредѣлить или угадать, что это за «великіе князи», сидящіе по городамъ, подъ рукою кіевскаго князя, но нѣтъ никакихъ основаній предполагать въ нихъ членовъ одного рода [1]). Скорѣе вспомнишь, въ связи съ ними, Рогволода полоцкаго и туровскаго Туры, представляя ихъ себѣ самостоятельными варяжскими

[1]) *Данилевичъ* въ „Очеркахъ исторіи Полоцкой земли“ (стр. 57) хочетъ видѣть въ нихъ мѣстныхъ, туземныхъ князей, отличныхъ отъ тѣхъ „мужей“, какихъ сажалъ Олегъ по городамъ; но ихъ варяжскіе имена приведены въ договорѣ Игоря.

предводителями, группировавшимися для общихъ предпріятій и укрѣпленія своего положенія въ средѣ восточнаго славянства, по мѣрѣ надобности, вокругъ общаго вождя и связанными съ нимъ то болѣе, то менѣе прочными связями. Нѣсколько иныя впечатлѣнія даетъ текстъ Игорева договора. Тутъ въ перечнѣ пословъ идутъ, послѣ Ивора, сла Игорева, великаго князя русскаго, «объчии сли: Вуефастъ Святославль, сынъ Игоревъ; Искусеви, Ольги княгини; Слуды Игоревъ, нети Игоревъ; Улѣбъ Володиславль; Каницаръ Передъславинъ; Шихъбернъ Сфанъдръ, жены Улѣблѣ; Прасьтѣнъ Туръдуви; Либи Аръфастовъ; Гримъ Сфирьковъ; Прастѣнъ Акунъ, нети Игоревъ» и далѣе еще 14 именъ пословъ, съ указаніемъ, чьи они. Если предположить, а предположеніе такое представляется естественнымъ, что послы перечислены въ порядкѣ положенія лицъ, ихъ отправлявшихъ, то два обстоятельства: женскія имена въ первомъ, такъ сказать, ряду перечня, и имя Якуна, Игорева племянника, на десятомъ мѣстѣ—наведутъ на мысль, что въ этомъ договорѣ находимъ указаніе на цѣлую группу княжого рода. Можетъ быть, было бы слишкомъ смѣло прямо внести всѣ 10 именъ въ списокъ членовъ Рюрикова рода, съ одной стороны потому, что въ томъ числѣ могутъ оказаться и важныя лица не Рюриковой крови [1]), съ другой—потому, что остановка на Якунѣ и отнесеніе остальныхъ именъ къ иной группѣ можетъ быть и случайна. Но вѣрнымъ представляется одно, что во времена Игоря княжой домъ состоялъ уже изъ нѣсколькихъ лицъ, причемъ поименованы два племянника. Послы и гости посланы «отъ Игоря, великого князя Русскаго и отъ всякоя княжья и отъ всѣхъ людии Руския земля». Причислить ли членовъ княжого дома къ свѣтлымъ князьямъ, сидящимъ по городамъ русскимъ, уже во времена Игоря? Едвали это было бы основательно. Въ лѣтописномъ изложеніи выдѣленіе Рюрикова рода изъ общей массы «всякаго княжья», какъ рода владѣльческаго, выступаетъ постепенно, начиная со временъ Святослава, и, насколько можно судить по скуднымъ намекамъ старыхъ преданій, отразившихся въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ, не безъ борьбы завоевалъ этотъ родъ для себя монополію на княжое званіе и княжое владѣніе.

Въ древнѣйшее—Игорево—время семья княжая сидитъ, по-

---

[1]) Напомню имя Свенелда въ Святославовомъ договорѣ.

видимому, нераздѣльно въ Кіевѣ, «на единомъ хлѣбѣ», какъ сидѣли въ старину чешскія и польскія княжія семьи [1]). Въ непосредственномъ обладаніи кіевскаго княжого рода мы для древнѣйшихъ временъ имѣемъ основаніе представлять себѣ кромѣ Кіева только Новгородъ [2]). По городамъ сидятъ княжіе мужи—свѣтлые князья, а примученныя и обложенныя данью племена остаются подъ управленіемъ собственныхъ князей. Первое замѣтное расширеніе этого непосредственнаго владѣнія составила деревская земля. Но историческая основа этого факта трудно возстановима. «Повѣсть временныхъ лѣтъ» представляетъ дѣло такъ, что покорилъ Древлянъ подъ дань еще Олегъ, но они «затворилися отъ Игоря по Олговѣ смерти»; Игорь, побѣдивъ ихъ, обложилъ данью, больше Ольговой. Начальный сводъ, насколько онъ сохранился въ Новгородской I-й, не отдѣляя дѣятельности Олега отъ Игоревой, упоминаетъ о томъ, какъ деревская дань отдана Свенелду, что вызвало недовольство Игоревой дружины, и, въ итогѣ, темную исторію Игоревой погибели. Разсказъ преданія о мести Ольги за мужа кончается извѣстіемъ, что она возложила на Древлянъ тяжелую дань, двѣ части которой шли Кіеву, а третья Вышегороду къ Ольгѣ, «бѣ бо Вышегородъ градъ Ользинъ», и обошла, затѣмъ, Ольга деревскую землю, уставляя уставы и уроки, оставивъ по себѣ становища и ловища. Всѣ эти преданія о замѣнѣ власти отдѣльныхъ князей земли деревской непосредственной властью кіевской—переплелись съ преданіями о Свенелдѣ и его сынѣ, столкнувшимся на древлянской почвѣ съ Олегомъ Святославичемъ, въ клубокъ, который распутаетъ только подробный анализъ исторіи старѣйшихъ лѣтописныхъ текстовъ, предпринятый А. А. Шахматовымъ. Для моей цѣли достаточно остановиться на независящемъ отъ этого клубка извѣстіи, что Святославъ, собираясь вторично въ Болгарію, посадилъ Ярополка въ Кіевѣ, а Олега въ древлянской землѣ, Новгородцамъ же далъ въ князья Владимира подъ опекой Добрыни.

Передъ нами первый примѣръ раздѣла княжихъ владѣній

---

[1]) *O. Balzer.* O następstwie tronu w Polsce. ср. *Kadlec*, Rodinný nedil и *Čelakovský*, Powšechné české dějiny právní, стр. 58. Ср. *Владимирскаго—Буданова*, Обзоръ, стр. 40.

[2]) По свидѣтельству Константина Багрянороднаго, Святославъ еще при жизни Игоря сидѣлъ въ Новгородѣ.

между сыновьями кіевскаго князя. Это, точнѣе, не раздѣлъ, не выдѣлъ сыновьямъ части владѣній, но лишь сосредоточеніе володѣнія областями—въ рукахъ княжой семьи: отецъ «сажаетъ» сыновей посадниками своими въ Кіевѣ и въ Деревѣхъ [1]). Но Святославъ погибъ, не вернувшись домой—и немедленно разыгралась первая усобица. «Повѣсть временныхъ лѣтъ» соединяетъ два разныхъ мотива столкновенія Ярополка съ Олегомъ: личную месть Свенелда древлянскому князю и совѣтъ Ярополку: «поиди на братъ своей и прими волость его». Только второй имѣетъ для насъ значеніе: послѣ гибели Ярополка, Владиміръ, убоявся, бѣжалъ изъ Новгорода за море, «а Ярополкъ посадники своя посади въ Новѣгородѣ, и бѣ володѣя единъ въ Руси».

Смыслъ этой первой усобицы такъ опредѣленъ въ словахъ В. О. Ключевскаго: «Когда умиралъ отецъ, тогда, повидимому, разрывались политическія связи между его сыновьями: политической зависимости младшихъ областныхъ князей отъ старшаго ихъ брата, садившагося послѣ отца въ Кіевѣ, не замѣтно; между отцомъ и дѣтьми дѣйствовало семейное право; но между братьями не существовало, повидимому, ни какого установленнаго, признаннаго права» [2]). Старое семейное право покоилось на нераздѣльности житья и владѣнія. Съ раздѣломъ—разрушался семейный союзъ, и обычныя понятія не знали преимуществъ и правъ старшаго брата надъ другими. Понятія эти, господствуя въ междукняжескихъ отношеніяхъ, становились въ рѣзкое противорѣчіе съ политической тенденціей кіевскихъ князей создать прочное подчиненіе Кіеву подвластныхъ областей. И первый, вытекавшій изъ обстоятельствъ, выходъ изъ дилеммы—стремленіе объединить въ рукахъ кіевскаго князя всѣ владѣнія отца, «быть владѣя единому въ Руси». Правильность такой оцѣнки древнѣйшихъ усобицъ, какъ указалъ и В О. Ключевскій, подтверждается ходомъ дальнѣйшихъ событій. Къ нимъ и обратимся.

---

[1]) „Святославъ *посади* Ярополка въ Кіевѣ, а Олега въ Деревѣхъ“ (Лавр., 3-е изд., стр. 67); уже это преданіе выдѣляетъ особенности отношеній Новгорода къ кіевскимъ князьямъ: Святославъ „даетъ“ Новгородцамъ Владимира по ихъ просьбѣ; старшіе братья отказались итти на сѣверъ, „и пояша Новгородци Володимера къ себѣ“. Оцѣнка этихъ чертъ не входитъ въ задачи настоящаго очерка, имѣющаго ввиду лишь междукняжескія отношенія.

[2]) *В. О. Ключевскій.* Курсъ русской исторіи, I, стр. 201.

Вернувшись изъ за моря съ Варягами, Владиміръ начинаетъ борьбу съ Ярополкомъ, изгнавъ его посадниковъ изъ Новгорода и покоривъ себѣ Полоцкъ, гдѣ «имяше власть свою» Рогволодъ, котораго Ярополкъ пытался втянуть въ свою систему, женившись на его дочери. На ней женится Владиміръ—позднѣйшее сказаніе о Рогнѣдѣ считаетъ Полоцкъ «ея отчиной» [1])—и утвердившись на сѣверѣ, продолжаетъ борьбу, пока не «нача княжити въ Кіевѣ единъ». Достигши власть, Владиміръ завершаетъ строеніе кіевскаго владычества въ русской землѣ: «времена Владимира Святого или Великаго были кульминаціонною точкою этого процесса строенія, завершеніемъ, такъ сказать, его механической эволюціи, его роста» [2]). Рядомъ походовъ на отложившіяся племена—Вятичей, Радимичей, на сосѣдей отъ Ляховъ и Хорватовъ до Камскихъ Болгаръ, энергичными мѣрами по оборонѣ южной границы со стороны степи, Владиміръ очертилъ границы своего государства—«и бѣ живя съ князи околними миромь, съ Болеславомь Ляцьскымъ и съ Стефаномъ Угрьскымь, и съ Андрихомъ Чешьскымь». Лишь скудные намеки лѣтописныхъ преданій о Владимирѣ указываютъ на то, чего ему стоило сосредочить въ своихъ рукахъ силы достаточныя для рѣшенія этой задачи. Главная его опора—на сѣверѣ. Какъ на Рогволода онъ идетъ, собравъ «вои многы, Варяги и Словѣни, Чюдь и Кривичи», такъ и въ города, построенные для обороны степныхъ границъ Кіевщины, онъ нарубаетъ «мужѣ лучшиѣ отъ Словень и отъ Кривичь и отъ Чюди и отъ Вятичь», а въ трудную минуту борьбы съ Печенѣгами идетъ «Новугороду по верховьниѣ воѣ» [3]).

Необходимостью укрѣпить внутреннюю силу новаго господства надъ восточнымъ славянствомъ всего естественнѣе объясняется извѣстіе о томъ, какъ Владиміръ сажаетъ четырехъ старшихъ сыновей: Вышеслава въ Новгородѣ, исходномъ пунктѣ Владимировой силы, точкѣ соприкосновенія съ Варяжскимъ міромъ, гдѣ онъ сперва, занявъ Кіевъ, посадилъ дядю своего Добрыню; Изяслава въ новопокоренномъ Полоцкѣ; Святополка—въ Туровѣ, гдѣ незадолго до того поминался имѣвшій тамъ свою волость Туры, Ярослава—въ далекомъ Ростовѣ. По смерти Вышеслава—въ Новгородъ переведенъ Ярославъ, Святополкъ и Изяславъ оста-

---

[1]) Лавр., стр. 285.
[2]) *М. С. Грушевскій.* Історія України—Руси, II², стр. 1.
[3]) Лавр., стр. 119 и 124.

ются по старому въ Туровѣ и Полоцкѣ, въ Ростовѣ посаженъ Борисъ, въ Муромѣ—Глѣбъ, у Древлянъ—Святославъ, на Волыни, во Владимирѣ—Всеволодъ, Мстиславъ—въ Тмуторокани [1]). Кромѣ того, позднѣйшія редакціи лѣтописныхъ сводовъ указываютъ намъ Станислава—въ Смоленскѣ, Судислава—въ Псковѣ, гдѣ его находимъ и въ дальнѣйшемъ разсказѣ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» [2]).

Династическая политика Владимира [3]) вполнѣ удалась въ томъ смыслѣ, что съ тѣхъ поръ его родъ монополизируетъ въ своихъ рукахъ княжое владѣніе на Руси; мы позднѣе не встрѣчаемъ указаній на какія-либо фигуры, подобныя Рогволоду и Туры. Но указанное выше противорѣчіе обычныхъ семейныхъ понятій политической тенденціи кіевскаго князя сказалось на этотъ разъ еще при жизни отца. Владиміръ держалъ сыновей въ положеніи посадниковъ: «Ярославу же сущу Новѣгородѣ и урокомь дающю Кыеву двѣ тысячѣ гривенъ отъ года до года, а тысячю Новѣгородѣ гридемъ раздаваху; и тако даяху вси посадници Новъгородьстии». Ярославъ «сего не даяше отцю своему», и Владиміръ собирался на него походомъ, но заболѣлъ и умеръ [4]). Столкновенія

---

[1]) Лавр., стр. 118.

[2]) Воскр., П. С. Р. Л., т. VII, стр. 313; Соф. I, т. V, стр. 120.

[3]) Совершенно иную ея оцѣнку находимъ у *В. И. Сергѣевича* (Р. Юр. Др., I², стр. 45—46): „для оцѣнки взглядовъ этого князя на территорію необходимо выяснить, какъ смотрѣлъ онъ на свои города и земли, составляли они въ его понятіи одно нераздѣльное цѣлое или это была совокупность самостоятельныхъ волостей, благодаря счастливой случайности соединившихся подъ его управленіемъ, а послѣ его смерти долженствующихъ снова разъединиться и вести самостоятельную жизнь?“ И рѣшаетъ, хотя и предположительно, вопросъ во второмъ смыслѣ. Но можно ли „счастливой случайностью“ назвать добытое упорной борьбой? Отношенія Владимира къ сыновьямъ—показываютъ, что сажалъ онъ ихъ именно „въ качествѣ мѣстныхъ правителей“, какъ, впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ признаетъ и самъ В. И. Сергѣевичъ (II², стр. 122), а о томъ, чтобы онъ предназначалъ имъ ихъ волости въ выдѣлъ, подобно тому какъ Полоцкъ Изяславу, судить при отсутствіи извѣстій о „рядѣ“ Владимира—мудрено. Но болѣе вѣроятна, по лѣтописи, исключительность положенія Рогнѣдиной отчины уже при Владимирѣ. Во всякомъ случаѣ, сами войны Владимира и его „заботы о внутреннемъ устройствѣ городовъ и земель“ рисуютъ его строителемъ большого государства, что отрицаетъ В. И. Сергѣевичъ.

[4]) Лавр., стр. 127. Въ Новг. I (стр. 75): „и тако даяху вѣси князи Новгородстіи“.

съ сыновьями происходили у Владимира и раньше, въ 90-хъ г.г. X вѣка. Хроника Тимара — источникъ хорошо освѣдомленный и почти современный (1012—1015) этимъ событіямъ, разсказываетъ, что Владиміръ женилъ Святополка туровскаго на дочери польскаго короля Болеслава, который сумѣлъ было возстановить зятя противъ отца, но Владиміръ велѣлъ арестовать Святополка съ женой и совѣтниками и заключить подъ стражу (in singulari custodia) [1]. Быть можетъ, съ этими событіями надо связать исчезновеніе изъ русскихъ источниковъ сидѣвшаго во Владимирѣ Волынскомъ Всеволода: Ѳ. А. Брауну удалось найти весьма вѣроятное указаніе на конецъ его біографіи: князь Visivald погибъ на скандинавскомъ сѣверѣ въ 995 г. [2]) Естественно предположить, что и онъ ушелъ за море въ Варягы вслѣдствіи разрыва съ отцомъ.

Рознь личныхъ интересовъ и стремленіе къ независимости, видно, пробуждались тотчасъ, какъ въ руки отдѣльныхъ князей попадала власть надъ тѣми или иными областями. И если ихъ проявленія при жизни отца носили печать бунта противъ отцовской власти, то по его смерти они могли опереться на обычно-правовой фактъ семейныхъ раздѣловъ унаслѣдованной отчины, или вызвать упорную борьбу—внѣ всякихъ обычно-правовыхъ нормъ—противъ распада отчины, за сохраненіе ея единства въ рукахъ одного владѣльца. Въ дальнѣйшемъ встрѣтимся съ обоими явленіями.

Перейдемъ къ наслѣдству Владимировыхъ сыновей. На вопросъ, кого прочилъ Владиміръ по себѣ на кіевскій столъ можно отвѣтить только предположительно. Нѣтъ основанія думать о Святополкѣ, который былъ у отца въ опалѣ. Еще С. М. Соловьевъ высказалъ предположеніе, что отецъ хотѣлъ оставить старшій столъ Борису. То же повторяетъ Грушевскій, указывая, что Владиміръ вызвалъ Бориса къ себѣ и на него возложилъ свое княжое дѣло—борьбу съ Печенѣгами [3]). Во всякомъ случаѣ

---

[1]) Thietmari Chronicon, изд. Курце, к. VIII, гл. 72; ср. Balzera, Genealogia Piastów, стр. 69.

[2]) Заимствую это указаніе изъ доклада *Ѳ. А. Брауна* въ Археологическомъ Обществѣ. Съ приведенными данными можно связать указаніе Гильдесгеймской хроники, что въ 992 г. Болеславу грозила большая война съ Руссами (цитата у Грушевскаго, Іст. Укр., I², стр. 433)—Густынская лѣтопись откуда-то знаетъ, что во Владимирѣ Волынскомъ въ 90-хъ гг. сидѣлъ Позвиздъ.

[3]) „Исторія Россіи", книга I, ст. 192—194; „Історія Украіни-Руси" II², стр. 3.

о какомъ либо старѣйшинствѣ или о правахъ первородства въ дошедшихъ до насъ извѣстіяхъ нѣтъ и рѣчи [1]). Святополкъ захватываетъ власть, пользуясь своимъ присутствіемъ въ Кіевѣ и поддержкой какой-то Вышегородской партіи, и немедля начинаетъ борьбу за единовластіе [2]), ведущую къ гибели Бориса, Глѣба, Святослава—о младшихъ Владимировичахъ далѣе ничего не слышно, затѣмъ къ борьбѣ Святополка съ Ярославомъ. Ярославъ, опираясь, подобно Владимиру, на Новгородъ и Варяговъ, одолѣваетъ Святополка, но лишь послѣ смерти Мстислава, съ которымъ пришлось подѣлить волости Днѣпромъ, «перея власть его всю Ярославъ и бысть самовластець Русьстѣй земли»; тѣмъ болѣе, что онъ и послѣдняго брата, Судислава, посадилъ въ порубъ.

Перечисленные факты ясны въ своей грубой элементарности. Выводы, какіе изъ нихъ можно сдѣлать относительно характера княжескаго владѣнія до временъ Ярослава, уже были попутно намѣчены: отсутствіе всякихъ чертъ старѣйшинства и, по прекращеніи совмѣстнаго нераздѣльнаго житья княжой семьи въ Кіевѣ подъ вліяніемъ необходимости развернуть всѣ династическія силы для укрѣпленія кіевскаго владычества надъ областями восточнаго славянства, возникновеніе усобицъ. Ихъ можно разсматривать, какъ естественное послѣдствіе того, что не было въ обычно-правовыхъ понятіяхъ той эпохи никакихъ способовъ для организаціи семейнаго владѣнія, внѣ либо патріархальной родительской власти, либо вполнѣ нераздѣльнаго владѣнія, общаго для сонаслѣдниковъ, которые ничего въ немъ не считали бы своимъ личнымъ. И съ первыхъ шаговъ къ реальному раздѣлу владѣній—въ формѣ посадничества сыновей подъ властью отца,—какъ только власть эта сметена смертью, передъ молодымъ государствомъ остаются только двѣ возможности: возстановленіе

---

[1]) Не могу придавать значенія благочестивымъ, часто цитируемымъ словамъ Бориса: „не буди мнѣ възняти рукы на брата своего старѣйшаго...“ и т. д.; весь разсказъ о немъ—плодъ позднѣйшей идеализаціи Бориса и Глѣба съ точки зрѣнія иного поколѣнія; самое понятіе „быти въ отца мѣсто“ трудно на основаніи однихъ этихъ словъ переносить на времена Владимировыхъ сыновей.

[2]) Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ *М. С. Грушевскаго*, что „если бы Святополку удалось довести свой планъ до конца, общество навѣрное помирилось бы съ нимъ и забыло бы его пріемы, какъ забывало неразъ и позднѣе и раньше, и перенявъ отцовскую политику покровительства церкви, нашелъ бы Святополкъ себѣ мѣсто между прочими „христолюбцами“.

единства и цѣлости владѣнія путемъ борьбы и уничтоженія родичей—или распадъ, дробленіе на рядъ отдѣльныхъ, независимыхъ другъ отъ друга волостей-княженій. За разсмотрѣнный періодъ въ русскомъ прошломъ верхъ взяла первая изъ этихъ возможностей. Но и вторая сказалась на дѣлѣ въ попыткахъ Владимировыхъ сыновей выбиться изъ подъ власти отца и, стало быть, выдѣлить въ полное особое владѣніе себѣ то, что получено было лишь въ завѣдываніе, какъ часть общаго цѣлаго. Правда, удалось это фактически одному Изяславу. Полоцкая волость сразу становится отдѣльнымъ владѣніемъ Изяславова рода, причемъ не лишено значенія, что по смерти Изяслава, которую лѣтопись относитъ къ 6509/1001 году, на 14 лѣтъ раньше смерти Владимира, его княженіе, повидимому, безспорно, перешло къ его сыну Брячиславу. Сказаніе о Рогнѣдѣ понимаетъ дѣло такъ, что Владиміръ выдѣлилъ Полоцкъ Рогнѣдѣ и сыну ея Изяславу, по совѣту бояръ: «въздвигни отчину ея и дай ей съ сыномъ своимъ», сказали они князю—«Володимеръ же устрои городъ и да има, и нарече имя городу тому Изяславль» [1]).

Заключеніе этого сказанія: «и оттолѣ мечь взимають Рогово ложи внуци противу Ярославлимъ внукомъ» выражаетъ исторически-вѣрную мысль, если понять ее не въ духѣ сказанія. Мы дѣйствительно, видимъ рядъ столкновеній полоцкихъ князей съ кіевскими, рядъ попытокъ Ярослава, его сыновей и внуковъ возстановить зависимость Полоцка отъ Кіева, попытокъ, такъ и не давшихъ прочныхъ результатовъ.

Вопросъ о преемствѣ въ княжомъ владѣніи древнѣйшаго періода колеблется между перспективой раздѣла, распада семейной группы на рядъ отдѣльныхъ линій, общаго владѣнія на рядъ отдѣльныхъ отчинъ, и политической необходимостью единства для интересовъ молодого государства, только что построеннаго усиліями ряда поколѣній. Все, что мы наблюдали въ древней Руси, знакомо исторіи другихъ народовъ—славянскихъ и германскихъ. Кровавы первыя страницы исторіи всѣхъ молодыхъ государствъ славяно-германскаго міра. И этимъ она обязана не случайнымъ чертамъ нравовъ жестокой, варварской эпохи. Всюду видимъ, какъ понятіе наслѣдства, обычно-правовое понятіе се-

---

[1]) Лавр., стр. 285. Извѣстіе объ Изяславлѣ указываетъ на значительное расширеніе при этомъ выдѣлѣ территоріи Полоцкой волости. Ср. *Данилевича*, Очеркъ исторіи Полоцкой земли, стр. 1.

мейнаго быта, примѣненное къ княжому владѣнію, ведетъ къ распаду молодой государственности, еще не успѣвшей создать новыя нормы и отношенія, свободныя отъ узкихъ рамокъ частнаго семейнаго быта. Всюду потребность сохранить разъ созданное единство ведетъ къ борьбѣ противъ того, что сознавалось, какъ право, къ семейнымъ злодѣяніямъ, уничтоженію соперниковъ-братьевъ и прочей родни [1]). Рядомъ кровавыхъ опытовъ доходятъ исторически-молодыя династіи на зарѣ славянскаго средневѣковья до попытокъ выработать какіе-нибудь компромиссы для примиренія непримиримыхъ началъ: государственнаго и семейно-династическаго.

Въ русской исторіи такая попытка связана съ именемъ Ярослава.

III.

Рядъ Ярославль.

Въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» читаемъ подъ 6562 г. слѣдующій разсказъ: «Преставися великый князь Русьскый Ярославъ. И еще бо живущю ему, наряди сыны своя, рекъ имъ: «се азъ отхожю свѣта сего, сынове мои; имѣйте в собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере; да аще будете в любви межю собою, Богъ будеть в васъ, и покорить вы противныя подъ вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще, в распряхъ и которающеся, то погыбнете сами и погубите землю отець своихъ и дѣдъ своихъ, юже налѣзоша трудомь своимь великымъ, но пребывайте мирно, послушающе братъ брата. Се же поручаю в собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыевъ, сего послушайте, якоже послушасте мене, да той вы будеть в мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимерь, а Вячеславу Смолинескъ». И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни сгонити, рекъ Изяславу:

---

[1]) Ср., напримѣръ, о чешскихъ смутахъ по смерти Болеслава II († 999 г.) и въ 30-хъ гг. XI в.—у Титмара и въ Гильдесгеймскихъ анналахъ. *Loserth* („Das angebliche Senioratsgesetz des Herzogs Bretislaw I und die böhmische Succession in der Zeit des nationalen Herzogthums", Archiv für österreich. Gesch. т. 64) указываетъ, что въ оба эти момента, по смыслу источниковъ, произошелъ „полный раздѣлъ Чехіи" и единство возстановлено кровавой борьбой.

«аще кто хощеть обидѣти брата своего, то ты помагай егоже обидять»; и тако уряди сыны своя пребывати въ любви» [1]).

Не буду взвѣшивать, скудно или нѣтъ политическое содержаніе этого ряда. Оно, во всякомъ случаѣ, характерно и требуетъ вниманія. Передъ нами предсмертный «рядъ» отца, дѣлящаго владѣнія свои между сыновьями съ заповѣдью мирно хранить этотъ раздѣлъ, «не преступати предѣла братня, ни сгонити». Но что составляетъ наиболѣе знаменательную черту «ряда» — это стремленіе избѣжать естественнаго послѣдствія раздѣла: распада семейнаго союза. Напомнивъ сыновьямъ, что они «братья единаго отца и матери» (не такъ, какъ сыновья Владимира [2]), Ярославъ убѣждаетъ ихъ быть въ любви и мирно живуще, чтобы не погибнуть самимъ и не погубить «земли отець своихъ и дѣдъ своихъ, юже налѣзоша трудомь своимъ великымъ», а для этой цѣли признать «въ отца мѣсто» старшаго брата Изяслава, котораго главная обязанность помогать тому изъ братьевъ, кого другіе захотятъ обидѣть. Изяслава братья должны слушать, какъ отца слушали; но это не значитъ, чтобы къ нему переходила

---

[1]) Лавр. 3-е изд., стр. 157.

[2]) Это указаніе имѣетъ свой особый смыслъ. Въ обычномъ правѣ славянскомъ—основой семейнаго союза служитъ, естественно, союзъ мужа и жены, отца и матери. „Двойственность родительской власти въ русскомъ правѣ не можетъ быть указана ясно въ фактахъ древнѣйшей русской исторіи; но аналогія права другихъ славянскихъ народовъ указываетъ, что это устройство семейной власти явилось у славянъ съ незапамятныхъ временъ; доказательствомъ того служатъ слѣд. явленія: а) дѣти по смерти одного изъ родителей освобождались изъ-подъ власти другого; б) дѣти освобождались изъ-подъ власти другого родителя, если онъ вступалъ въ повторительный бракъ“ (*М. Ф. Владимирскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права, 3-е изд., стр. 457). Дѣйствительно, Вислицкій статутъ Казимира Великаго указываетъ на старый польскій обычай, „quod moriente matre bonorum omnium pueri a patri ipsorum tollunt medietatem“ и запрещаетъ дѣтямъ требовать отъ отца что-либо изъ его отчины (bonorum obvenientium ex linea paterna), пока онъ не женится вторично (antequam ad secundas nuptias convolabit). Дальше пошелъ Вартскій статутъ 1423 г., устанавливая, что отецъ не обязанъ выдѣлять дѣтей и въ случаѣ вторичной женитьбы. Но и въ XV ст. дѣти въ этомъ случаѣ сохранили право на полученіе „материзны“, какъ имѣли его—въ эпоху Вислицкаго статута по отношенію къ вдовому отцу.

Наша лѣтопись не даромъ настаиваетъ на перечисленіи матерей Владимировыхъ сыновей: древнее воззрѣніе находило тутъ свое объясненіе слабости семейныхъ связей между Владимиричами.

патріархальная власть; онъ лишь во главѣ братской семьи: «пребывайте мирно, послушающе братъ брата». Цѣль завѣта Ярославова — сохраненіе семейнаго союза между его сыновьями ради внутренняго мира и единства въ борьбѣ съ врагами. Въ этомъ «политическое» содержаніе его ряда, попытка согласовать семейный раздѣлъ съ потребностями государственнаго единства. Вѣдь результатъ семейнаго раздѣла—прекращеніе совладѣнія и распадъ основанной на немъ соціальной группы. По результатъ этотъ осуществлялся въ полной мѣрѣ лишь въ такихъ условіяхъ, гдѣ не было налицо интересовъ, экономическаго или иного характера, достаточно сильныхъ, чтобы вызвать къ жизни явленія иного порядка. Если полному раздѣлу — со всѣми его послѣдствіями — противодѣйствовалъ складъ экономическихъ условій, происходилъ неполный, частичный раздѣлъ, и возникали новыя разнообразныя формы быта, сочетавшія начала раздѣльнаго и общаго владѣнія или совладѣнія имуществомъ. Но къ соціальнымъ новообразованіямъ могло вести также вліяніе, при раздѣлѣ общаго имущества, интересовъ, несвязанныхъ съ экономическимъ бытомъ. Глава семейной общины, разросшейся въ сложную задругу, былъ, говорятъ намъ изслѣдователи древняго быта, не только распорядителемъ совмѣстныхъ работъ и общаго имущества,—онъ, въ языческія времена, представитель рода передъ богами, а также хранитель нормъ обычнаго права, носившаго въ древнѣйшемъ быту сакральный характеръ. Съ распаденіемъ хозяйственнаго, имущественнаго единства кровнаго союза, оставалась потребность охраны единства культа и обычно-правового порядка. Связанные съ этими интересами функціи — и у славянъ, и у германцевъ — оставались часто въ рукахъ одной семьи, сохранившей изъ поколѣнія въ поколѣніе привиллегію давать общинѣ изъ своей среды — не по наслѣдству, ибо понятіе наслѣдства не примѣнялось къ функціямъ, сказать по нашему, публично-правового характера, а по избранію, но непремѣнно изъ даннаго рода,—старѣйшинъ, вождей, какъ бы они ни титуловались, носителей традицій культа и внутренняго наряда. Какъ ни далеки явленія этого рода отъ содержанія Ярославова завѣщанія, упоминаю о нихъ мимоходомъ, какъ указаніе на бытовую естественность попытки сохранить общую организацію княжого рода при распадѣ ея прежней матеріальной основы, ввиду настоятельныхъ нуждъ такого характера, что ихъ на нашемъ языкѣ можно назвать политическими.

Крайне узко, въ терминахъ семейнаго быта, намѣчена въ лѣтописномъ «рядѣ» Ярослава политическая функція, предназначаемая имъ старшему сыну. Эту функцію онъ связываетъ съ владѣніемъ кіевскимъ столомъ. Но можно-ли назвать рядъ Ярослава—попыткой установить новый порядокъ вообще княжого наслѣдованія? На это нѣтъ основаній. И, прежде всего, необходимо отмѣтить, что разбираясь въ вопросѣ о началахъ преемства въ княжомъ древне-русскомъ владѣніи, слѣдуетъ строго различать наслѣдованіе земель-волостей, съ одной, и преемство въ старѣйшинствѣ надъ всѣми князьями русской земли, съ другой стороны. По существу, эти два вопроса никогда не смѣшивались въ древне-русскихъ княжескихъ отношеніяхъ, и если ихъ раздѣльность не всегда ясно выступаетъ, то лишь потому, что втеченіе двухъ столѣтій старѣйшинство въ землѣ русской болѣе или менѣе связывалось съ обладаніемъ Кіевомъ.

Въ рядѣ Ярослава, какъ онъ намъ переданъ, нѣтъ признаковъ установленія на будущее время порядка преемства во владѣніи княжими волостями; и, прежде всего, нѣтъ въ немъ понятія о сохраненіи единаго, общаго и нераздѣльнаго владѣнія русской землей всѣми князьями Ярославля, а тѣмъ болѣе Рюрикова [1]) рода. Внуки и правнуки Ярослава вѣрнѣе, чѣмъ позднѣйшія теоріи, понимали суть происшедшаго раздѣла, считая своими отчинами и дѣдинами то, что получили ихъ дѣды отъ своего отца Ярослава.

Сложнѣе вопросъ о томъ, установлена-ли рядомъ Ярослава какая-либо норма преемства въ кіевскомъ старѣйшинствѣ? В. О. Ключевскій указываетъ на слова, вложенныя лѣтописцемъ въ уста Ярославу, въ разсказѣ о кончинѣ Всеволода (подъ 1093 г.): «аще ти подасть Богъ прияти власть стола моего, по братьи своей, съ правдою, а не съ насильемь, то егда Богъ отведеть тя отъ житья сего, да ляжеши, идеже азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братьи твоее». Се же сбысться—добавляетъ лѣтописецъ, глаголъ отца его, якоже глаголалъ бѣ, сему приимшю послѣже всея братья столъ отца своего, по смерти брата своего» [2]). И это пониманіе лѣтописцемъ «отней заповѣди» Ярослава, за преступленіе которой онъ, вслѣдъ за Ѳеодосіемъ Печерскимъ, осудилъ Святослава, положившаго начало

[1]) Полоцкіе Изяславичи остаются совсѣмъ въ сторонѣ.

[2]) Лавр. стр. 209.

«выгнанью братню» [1]), надо признать вѣрнымъ, поскольку рѣчь тутъ идетъ о преемствѣ на столѣ кіевскомъ и о братскомъ согласіи, организованномъ съ помощью старѣйшинства кіевскаго князя.

Извѣстно, что рядъ Ярославль не стоитъ одиноко въ исторіи славянскихъ народовъ. Его значеніе въ исторіи древне-русскихъ междукняжескихъ отношеній побуждаетъ остановиться на двухъ любопытныхъ параллеляхъ. О современникѣ Ярослава, Бретиславѣ чешскомъ, хроника Козьмы Пражскаго разсказываетъ, что онъ, почувствовавъ приближеніе смерти, созвалъ къ себѣ бояръ, какіе при немъ оказались, чтобы указать имъ и поручить ихъ вѣрности того, кто послѣ него долженъ стать правителемъ государства. «У меня, говорилъ онъ, какъ видите сами, пять сыновей, данныхъ мнѣ Богомъ. Дѣлить между ними чешское королевство кажется мнѣ не цѣлесообразнымъ, потому что каждое царство, раздѣленное на части, погибаетъ»; далѣе, вложивъ въ уста короля развитіе послѣдней мысли на историческихъ примѣрахъ, Козьма такъ его рѣчь продолжаетъ: «Поэтому необходимо позаботиться, чтобы послѣ моей смерти не возникъ между ними раздоръ изъ-за захвата власти надъ страной. Ради этого умоляю я всѣхъ васъ Богомъ Всемогущимъ и заклинаю вашей клятвой вѣрности, чтобы между моими сыновьями или внуками всегда старшій по рожденію держалъ высшую власть и престолъ въ княжествѣ, и всѣ братья его или кто изъ княжого рода были бы подъ его властью» [2]). Трудно согласиться съ Лозертомъ [3]), что разсказъ Козьмы не даетъ основанія говорить о новомъ уставѣ Бретислава по вопросу о преемствѣ княжой власти въ Чехіи. Справедливо указывая, что Бретиславъ раньше самъ раздѣлилъ Моравію между тремя сыновьями, что номинація преемника предшественникомъ—обычай давній, Лозертъ лишь въ томъ смыслѣ правъ, называя завѣтъ Бретислава только мнимымъ закономъ о сеніоратѣ, что это не законъ, который могъ бы имѣть обязующую силу при развитомъ въ Чехіи началѣ избранія. Новизна же мысли Бретислава была таже, что въ Ярославовомъ рядѣ:

---

[1]) Лавр. стр. 177. Ср. въ разсказѣ о смерти Ярослава: „Всеволоду же тогда сущю у отця, бѣ бо любимъ отцемъ паче всея братьи, его же имяше присно у собе“. Лавр. 157—8.

[2]) Хроника Козьмы Пражскаго, кн. 2, подъ 1055 г., Mon. Ger. Hist, т. XI, стр. 75.

[3]) *Loserth*, указ. соч.

избѣжать политическихъ послѣдствій раздѣла установленіемъ объединенія удѣльныхъ князей подъ старѣйшинствомъ князя главнаго отняго стола, избѣжать того, «полнаго раздѣла Чехіи», о какомъ упоминаетъ самъ Лозертъ для временъ до Бретислава.

Лѣтъ черезъ 80 то же явленіе повторяется въ Польшѣ. Разумѣю вызвавшее также немало споровъ завѣщаніе Болеслава Кривоустаго († 1138 г.). Извѣстій о немъ, разно редактированныхъ, немало въ польскихъ источникахъ [1]). Приведу наиболѣе четкую формулу изъ письма папы Иннокенія III къ архіепископу гнѣзненскому: «Когда Болеславъ, бывшій князь Польши, роздалъ отдѣльнымъ сыновьямъ своимъ опредѣленныя части въ Польшѣ, оставляя старшему городъ Краковъ, онъ установилъ, чтобы всегда кто старѣйшій въ его родѣ имѣлъ этотъ городъ, такъ чтобы, если старѣйшій умретъ или откажется отъ своего права, то вступалъ бы во владѣніе этимъ городомъ тотъ, кто во всемъ родѣ послѣ него старѣйшій». Тутъ, согласно съ темой письма, рѣчь идетъ только о владѣніи столицей. Но другіе источники, напр., хроника Кадлубка, поясняютъ, что мысль Болеслава была въ томъ, чтобы «старшему по рожденію принадлежали и княженіе краковской области и княжеская власть (auctoritas principandi)» [2]).

Политическая мысль Ярослава, тождественная съ идеями чешскаго и польскаго князей, выступаетъ особенно ясно, если при-

---

[1]) *St. Smolka.* Testament Bolesława Krzywoustego. Rozprawy ист.-фил. отд. Крак. Ак. Наукъ, т. XIII.

[2]) Германскому міру, насколько знаю, подобный порядокъ совершенно чуждъ, за исключеніемъ единственнаго примѣра, именно такъ наз. завѣщанія Гензериха вандальскаго. Право на престолъ принадлежало у германскихъ племенъ, знавшихъ королевскую власть, всему мужскому составу королевскаго рода, безъ опредѣленной послѣдовательности индивидуальнаго наслѣдованія. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ то лицо изъ числа „гипотетическихъ“ премниковъ, которое будетъ призвано на престолъ, опредѣлялось народнымъ избраніемъ (или при номинаціи, либо при узурпаціи —признаніемъ, вольнымъ или невольнымъ). При значительномъ усиленіи королевской власти у Вандаловъ, Гензерихъ (ум. 447 г.), чтобы избѣжать раздѣла и смутъ, опредѣлилъ, чтобы престолъ всегда доставался старшему изъ членовъ королевскаго дома, независимо отъ степени его родства съ предшественникомъ. *Dahn.* Urgeschichte der germ. und rom. Völker, I², стр. 207: *Dahn.* Gensericbs Testament, „Bausteine“ т. II; *Brunner.* Deutsche Rechtsgeschichte, II, стр. 23. Характерно что Данъ ищетъ объясненія мысли Гензериха въ заимствованіи у Мавровъ, у которыхъ подобное преемство существовало издавна для шейковъ или эмировъ.

смотрѣться къ его способу распредѣленія волостей между сыновьями. Едва-ли для этого достаточно критерія, установленнаго родовой теоріей, что Ярославъ распредѣлилъ части русской земли между сыновьями, «согласуя ихъ взаимное отношеніе по степени старшинства со сравнительной доходностью этихъ частей» [1]). Конечно, какъ указываетъ В. И. Сергѣевичъ [2]), наслѣдованіе въ княжескихъ владѣніяхъ должно было отличаться отъ наслѣдованія въ частной собственности уже потому, что «собственность дѣлилась на равныя части, а при дѣлежѣ владѣній сообразовались съ естественнымъ дѣленіемъ ихъ на волости», такъ что «доли получались не равныя и не одинаковаго достоинства», и при раздѣлѣ «возникалъ вопросъ, кому дать лучшую волость, кому слѣдующую за ней по достоиству и т. д.», причемъ и «обнаруживалось преимущество старшинства братьевъ». Но такими соображеніями не все объясняется въ дѣйствіяхъ Ярослава: распредѣляя волости между сыновьями, онъ группируетъ въ ихъ рукахъ владѣнія, едва-ли, особенно по отношенію къ старшему, руководясь только степенью ихъ «доходности». При Владимирѣ (какъ и ранѣе, при Святославѣ) распредѣленіе княжихъ сыновей по городамъ скорѣе наводитъ на мысль о политическомъ мотивѣ: Новгородъ, Полоцкъ, Туровъ, Древлянская земля, Волынь, а на востокѣ: Ростовъ, Муромъ, Тмуторокань. Во времена Ярослава—Полоцкъ выдѣленъ въ особое владѣніе Роговоложихъ внуковъ, которымъ пришлось уступить еще Витебскъ и Усвятъ. Это повысило боевое положеніе и Новгорода, и Турова, такъ какъ «воеваше Брячиславъ съ великимъ княземъ Ярославомъ вся дни живота своего» [3]). Ярославъ въ Новгородѣ сажаетъ Константина Добрынича, которому подъ опеку даетъ старшаго сына Илью, а потомъ, по смерти Ильи, ссылкѣ и умерщвленіи Константина, посылаетъ туда Владимира, послѣ же него—Изяслава. Старшій сынъ кіевскаго князя въ Новгородѣ обычное явленіе, вызывавшееся стремленіемъ удержать этотъ городъ въ тѣсной связи съ Кіевомъ. Исторія княженія самаго Ярослава въ Новгородѣ, исторія съ Константиномъ Добрыничемъ [4]), вся позднѣйшая исторія Новгорода—

---

[1]) *В. О. Ключевскій*, Курсъ, I, стр. 203.

[2]) Р. Ю. Др., II², стр. 153.

[3]) П. С. Р. Л., т. V, стр. 134.

[4]) Ср. Новг. I, стр. 66; П. С. Р. Л., т. V, стр. 134; *Грушевскій*, Історія Украіни, II², стр. 27.

свидѣтельствуютъ, что дѣло шло не только о «доходахъ» новгородскихъ, и даже не о сношеніяхъ съ варяжскимъ міромъ и борьбѣ съ полоцкими князьями, часто покушавшимися на сѣверную столицу древней Руси, но также, если не преимущественно, о внутреннихъ отношеніяхъ новгородскихъ, требовавшихъ особаго вниманія для поддержанія кіевскаго владычества. И Новгородъ остается въ рукахъ Изяслава, какъ своего рода аннексъ Кіева: онъ посадилъ тамъ сына Мстислава, быть можетъ, еще при жизни Ярослава. Въ его рукахъ и Туровъ, которымъ онъ владѣетъ, повидимому, также еще при жизни отца [1]); наконецъ, въ его же рукахъ и земля древлянская, слитая съ кіевскими волостями при Ярославѣ [2]). Изъ западныхъ пунктовъ, выдѣлившихся своимъ значеніемъ, одинъ Владиміръ Волынскій остается особымъ княженіемъ; но, какъ увидимъ, стремленіе довести до конца эту многозначительную, по генетической ея связи съ политикой Владимира и Ярослава, концентрацію западныхъ волостей—становится естественной и завѣтной мечтой владѣтелей Кіева.

Сложнѣе вопросъ о судьбахъ восточныхъ владѣній. Ихъ главная масса сосредоточена въ рукахъ черниговскаго Святослава, который владѣетъ и Тмутороканью и Муромомъ. Но судьбы Поволжья, очевидно, мѣнялись. Разсказъ 1071 г. показываетъ намъ Ростовскую область, Бѣлозерье—подъ властью Святослава [3]), «Поученіе Мономаха»—Ростовъ подъ властью Всеволода еще до вокняженія Святослава въ Кіевѣ [4]). Не вижу возможности отчетливо разграничить, территоріально и хронологически,

---

[1]) *Грушевскій* и др. заключаютъ такъ изъ текста Ипат. стр. 114, гдѣ, въ разсказѣ о болѣзни Ярослава сказано: „Изяславу тогда Туровѣ княжащу“; самъ по себѣ текстъ—не надеженъ, ибо тутъ поправка неполноты текста Лавр. (стр. 157): „Изяславу тогда сущю“; ср. списки Хлѣб., Погод., гдѣ: „Изяславу тогда сущу въ Туровѣ княжащу“, что похоже на внесеніе въ текстъ приписки на полѣ оригинала; Воскр. (П. С. Р. Л. VII, стр. 333), какъ и нѣкот. списки Соф. I (т. V, стр. 139) имѣютъ: „Изяславу сущу тогда Новѣгородѣ“. Но все это не даетъ права отрицать за замѣткой Ипат. значенія извѣстія о княженіи Изяслава въ Туровѣ, который видимъ затѣмъ въ его рукахъ и отчиной его потомства; см. Історія Украіни“, II [2], стр. 28, 45, 307.

[2]) Історія Украіни, II [2], стр. 257.

[3]) Лавр., стр. 170—171.

[4]) Лавр., стр. 238.

владѣльческія права Святослава и Всеволода на русскомъ сѣверо-востокѣ [1]).

Но и отмѣченныя черты достаточно ясно показываютъ, что раздѣлъ по Ярославову ряду не руководился «доходностью» волостей, по крайней мѣрѣ преимущественно, а также и то, что при немъ не только руководились естественнымъ дѣленіемъ владѣній на волости, но и группировали ихъ, уничтожая самостоятельное значеніе тѣхъ или иныхъ.

Разсматривая содержаніе Ярославова ряда и положеніе его наслѣдства въ рукахъ Ярославичей, нельзя не уловить опредѣленной политической тенденціи къ сохраненію основъ государственнаго единства въ компромиссѣ съ тенденціей семейнаго раздѣла [2]).

---

[1]) Ср. соображенія *Грушевскаго* указ. соч., II [2], стр. 45—46 и 62, примѣчаніе. Позднѣйшія поколѣнія представляли себѣ дѣло такъ: „и взя большій Изяславъ Кыевъ и Новъгородъ и иныи городы многы Киевьскыя во предѣлехъ; а Святославъ Черниговъ и всю страну въсточную и до Мурома; а Всеволодъ Переяславль, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро, Поволжье“ (Н. I, 66). Это представленіе объ „окончательномъ“ раздѣлѣ, какъ выражается *С. М. Соловьевъ* (книга I, стр. 289), не разъясняетъ его перепетій.

[2]) *Бальцеръ* („O następstwie tronu.“) признаетъ для древнѣйшаго періода польской исторіи такое же надѣленіе старшаго сына большими владѣніями, указывая эту черту и въ завѣщаніи Кривоустаго. Тутъ политическая потребность примыкала къ отмѣченной въ первой главѣ чертѣ славянскаго обычнаго права: надѣленію старѣйшины при раздѣлѣ большей долей. „Только съ упадкомъ принципата, замѣчаетъ далѣе проф. Бальцеръ, выступаетъ яснѣе стремленіе къ болѣе равномѣрному признанію правъ всѣхъ сонаслѣдниковъ при раздѣлѣ земли, а изрѣдка, въ позднѣйшую эпоху, встрѣчается денежная приплата“.

В. И. Сергѣевичъ придаетъ значеніе лишь одной сторонѣ Ярославова ряда—отчинному раздѣлу, считая его намѣреніемъ создать пять наслѣдственныхъ княженій, притомъ указывая, что Ярославъ „не смотрѣлъ на современную ему Россію, какъ на единое политическое тѣло“ (I [2], стр. 49). Что въ тѣ времена не существовало нашего понятія о единствѣ и нераздѣльности государственной территоріи— само собой разумѣется. Но приписывать Ярославу такую беззаботность относительно своихъ владѣній, что: „сѣверныя волости, могъ онъ думать, не останутся безъ князя, онѣ найдутъ его сами“—не приходится, ввиду всей его дѣятельности, содержанія его ряда и пошедшей отъ него традиціи.

IV.

Борьба за отчины во вторую половину XI вѣка.

Каковы же были послѣдствія Ярославова ряда? Осуществились ли его намѣренія? На этотъ вопросъ можно отвѣтить утвердительно, съ неизбѣжной оговоркой: отчасти, и при томъ не въ той формѣ, представленіе о которой вызывается лѣтописнымъ текстомъ самаго уряженья. Русская земля не распалась на рядъ безсвязныхъ владѣній отдѣльныхъ линій Ярославова дома, сохранила нѣкоторое единство политическаго—не владѣльческаго—цѣлаго. Но носителемъ этого единства не сталъ одинъ старшій братъ, не занялъ онъ мѣста отца въ княжеской семьѣ. Видимъ, по смерти Ярослава, при раздѣльности владѣнія, нераздѣльность общихъ дѣйствій по оборонѣ русской земли и по внутреннимъ дѣламъ ея—трехъ старшихъ Ярославичей [1]). Втроемъ выпускаютъ они изъ поруба дядю Судислава, чтобы, приведя его ко кресту, постричь въ монахи; втроемъ воюютъ съ Торками и Половцами; втроемъ съ мужами своими создаютъ знаменитый уставъ, вошедшій въ составъ «Русской Правды». Но, прежде всего, ведутъ они втроемъ политику сосредоточенія въ рукахъ своихъ всѣхъ волостей русской земли.

Схема «родового» или «очередного» владѣнія—выведена не изъ текста Ярославова ряда, а кромѣ апріорныхъ соображеній о родовомъ бытѣ, изъ наблюденій надъ «практикой первыхъ поко-

---

[1]) Ср. *Грушевскаго*, II², стр. 51—54. Это и вызвало представленіе, что по смерти Ярослава „осташася 3 сынове его: вятшій Изяславъ, а средній Святославъ, меншій Всеволодъ и раздѣлиша землю“ (Новг. I. стр. 66). Представленіе это *В. О. Ключевскій* (Курсъ, I, стр. 205) указываетъ въ „Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ“: „По сихъ преставися Ярославъ, поживъ добрѣ по смерти отца своего лѣтъ 38, оставивъ наслѣдникы сыны своя, Изяслава и Святослава и Всеволода, управи имъ, якоже бѣ лѣпо, Изяслава Кыевѣ старѣйшаго, а Святослава въ Черниговѣ, и Всеволода въ Переяславли, и прокыя по инѣмъ властемъ“ (Сильвестровскій списокъ, изд. И. И. Срезневскаго, ст. 75). Нѣтъ основанія эту черту вносить въ рядъ Ярослава и тѣмъ болѣе видѣть въ преобладаніи трехъ Ярославичей проявленіе позднѣйшей „нормы родовыхъ отношеній“, по которой „старшій племянникъ четвертому дядѣ въ версту“. Древняя Русь не знала ни мѣстничества, ни его нормъ.

лѣній Ярославичей» [1]). Первыя черты этой практики—въ судьбѣ Владимира Волынскаго и Смоленска.

Когда въ 1057 г. умеръ въ Смоленскѣ Вячеславъ, оставивъ сына Бориса, то старшіе князья «посадиша Игоря Смолиньскѣ, изъ Володимеря выведше». Помимо того, что нѣтъ основанія, ради удобства схемы, считать Вячеслава — четвертымъ, а Игоря пятымъ Ярославичемъ, такъ какъ лѣтопись, перечисляя сыновей Ярослава, Игоря называетъ раньше Вячеслава,—само выраженіе «выведше» устраняетъ возможность видѣть тутъ примѣръ «лѣствичнаго восхожденія». Повидимому, дѣло шло о завершеніи того сосредоточенія западныхъ волостей въ рукахъ кіевскаго правительства, какое выше отмѣчено: Волынь остается въ рукахъ Изяслава и его братьевъ союзниковъ [2]), какъ и Смоленскъ, по смерти Игоря ставшій общей волостью трехъ старшихъ Ярославичей [3]), подѣлившихъ его доходы на три части. Это случилось въ 1060 г., а черезъ 4 года «бѣжа Ростиславъ Тмутороканю». Откуда бы онъ ни бѣжалъ—съ Волыни, какъ полагалъ, слѣдуя Татищеву, С. М. Соловьевъ, или изъ Червенскихъ городовъ, гдѣ потомъ получили надѣлъ его сыновья, какъ предполагаетъ М. С. Грушевскій [4]), мы должны и Галичину, какъ и Волынь, представлять себѣ въ слѣдующіе годы въ рукахъ Изяслава: не даромъ Святополкъ Изяславичь называлъ Галичину, отданную на Любецкомъ съѣздѣ

---

[1]) „Слѣдуетъ различать, замѣчаетъ *В. О. Ключевскій*, схему или норму порядка и его практическое развитіе. Первую надобно наблюдать по практикѣ первыхъ поколѣній Ярославичей, а потомъ она остается только въ понятіяхъ князей".—Курсъ, I, стр. 202.

[2]) *С. М. Соловьевъ* („Исторія Россіи", кн. 1, стр. 290) принимаетъ указаніе Татищева (II, стр. 117), что во Владимиръ переведенъ изъ Ростова Ростиславъ Владимировичъ, старшій изъ внуковъ Ярослава; принимаетъ это и *В. О. Ключевскій* (Курсъ, I, стр. 205). Но, помимо крайней ненадежности извѣстія, неизвѣстнаго ни одному изъ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ сводовъ, схема отъ него ничего не выигрываетъ, такъ какъ и старшинство Вячеслава передъ Игоремъ также сомнительно, какъ и преимущества Смоленска передъ Волынью. Въ пониманіи этихъ событій слѣдую, какъ часто и дальше, „Історіи Украіни-Руси" *М. С. Грушевскаго*.

[3]) „Преставися Игорь въ Смоленсцѣ и раздѣлися Смоленескъ на три части"—Львов. лѣт. подъ 1060 г.; тоже въ Тверск., П. С. Р. Л. т. XV, стр. 153. Въ Соф. I и Воскр. замѣтка объ этомъ раздѣлѣ попала подъ 1054 г.—немедленно послѣ разсказа о смерти Ярослава. Раздѣлъ этотъ едва-ли касался территоріи.

[4]) „Історія Украіни" II, стр. 46 и 363.

Володарю и Василько Ростиславичамъ: «волость отца моего и брата» [1]). Наконецъ, въ 1067 г. Ярославичи заманили къ себѣ Всеслава Брячиславича полоцкаго и посадили его съ двумя сыновьями въ порубъ, а послѣ второго изгнанія Всеслава въ 1069 г. видимъ на полоцкомъ княженіи Изяславичей, сперва Мстислава, потомъ Святополка, пока въ 1071 г. Всеславъ не вернулъ себѣ отчину.

Таковы первые моменты «практики» старшихъ Ярославичей. Картина вполнѣ ясная. Мы видимъ такую же борьбу за соединеніе всѣхъ волостей въ рукахъ кіевскаго правительства, какую наблюдали и въ X и въ первой половинѣ XI в., съ той только разницей, что роль «собирателя» земель играетъ не одинъ князь, а союзъ трехъ Ярославичей, и перевѣсъ силы на ихъ сторонѣ столь значителенъ, что возможны иные, менѣе напряженные пріемы борьбы.

Въ томъ же направленіи развиваются событія и далѣе, лишь осложненныя раздорами старшихъ Ярославичей и выступленіями кіевскаго вѣча. Осложненія эти, разбивая централизующія кіевскую Русь силы, привели къ ряду новыхъ явленій въ междукняжескихъ отношеніяхъ, къ ряду новыхъ компромиссовъ между боровшимися тенденціями раздѣла и объединенія.

Разрывъ между братьями - тріумвирами подготовили событія 1068 — 1072 гг.: разрывъ между Изяславомъ и Кіевлянами, изгнаніе Изяслава, освобожденіе изъ поруба Всеслава Брячиславича и провозглашеніе его кіевскимъ княземъ, союзъ Изяслава съ двоюроднымъ братомъ Болеславомъ польскимъ, бѣгство Всеслава изъ подъ Бѣлгорода въ родной Полоцкъ. Событія эти пошатнули положеніе Изяслава. Въ отношеніяхъ между братьями произошла крутая перемѣна. Когда Кіевляне оказались безъ князя, лицомъ къ лицу съ Изяславомъ, ведшимъ на нихъ «лядьскую землю», за «градъ отца своего», за «отень столъ» вступились Святославъ и Всеволодъ. Изяславъ вернулся, но лишь отчасти исполнилъ поставленное братьями условіе — отложить гнѣвъ, не губить отня града, не водить Ляховъ Кыеву [2]), и вызвалъ глубокое раздраженіе въ населеніи кіевской земли. Не надолго вернулъ онъ себѣ и господство надъ Полоцкомъ. Въ событіяхъ этихъ Изяславъ выступаетъ одинъ, какъ князь, ведущій свою политику.

---

[1]) Лавр., стр. 260.
[2]) Лавр., стр. 169.

И Святославъ возстановляетъ противъ него Всеволода, обвинивъ его въ соглашеніи съ Всеславомъ противъ братьевъ. Лѣтописецъ не вѣритъ обвиненію — и нѣтъ основаній ему вѣрить. Мотивъ дальнѣйшихъ событій, по лѣтописи, въ томъ, что Святославъ «бѣ начало выгнанью братню, желая болшее власти» и, послѣ бѣгства Изяслава, «сѣде Кыевѣ, прогнавъ брата своего, преступивъ за повѣдь отню» [1]). Волости Изяславли подѣлены: на Волыни видимъ Олега Святославича, Глѣба — въ Новгородѣ, Туровъ, повидимому, въ рукахъ Всеволода [2]). Смерть Святослава въ концѣ 1075 г. принесла новую комбинацію. Всеволодъ сѣлъ было по немъ на столѣ, но вынужденъ признать возвращеніе Изяслава, назвать его себѣ старѣйшиной, вступить съ нимъ въ братское единеніе интересовъ [3]). Немедленно Олегъ выведенъ изъ Владимира Волынскаго, но и Чернигова не получилъ, Глѣбъ, выгнанный изъ Новгорода, гибнетъ въ Заволочьи [4]). Изяславъ получилъ обратно свои западныя волости. А на востокъ отъ Днѣпра сила Святославля объединяется съ прежними владѣніями Всеволода: Переяславль, Черниговъ, Смоленскъ и Поволжье — въ его рукахъ. И когда Изяславъ умеръ, когда Всеволодъ сѣлъ въ Кыевѣ «на столѣ отца своего и брата своего», лѣтописецъ могъ сказать, что онъ: «переима власть Русьскую всю»: [5]) очевидно, не видѣлъ онъ раздѣла власти въ томъ, что Всеволодъ сохранилъ Новгородъ за Святополкомъ Изяславичемъ, а младшему Изяславичу Ярополку далъ Владимиръ съ Туровомъ.

Время продолжительнаго княженія Всеволода (1078—1093) было критическимъ въ исторіи междукняжескихъ отношеній древней Руси. При немъ выяснились основныя противорѣчія въ обычномъ пониманіи началъ княжого владѣнія, и врѣзались они въ жизнь

---

[1]) Лавр. стр. 177—178; характерно: „сѣдоста на столѣ на Берестовомь", а потомъ: „Святославъ сѣде Кыевѣ".

[2]) Лавр. стр. 238—239. Не знаю, почему *Грушевскій* думаетъ, что Олегъ получилъ Волынь только отъ Всеволода, по смерти Святослава (Ист. Укр. II², стр. 67). Глѣба Святославича Лавр. упоминаетъ въ Новгородѣ подъ 1071 г., Новг. I—подъ 1069. Можно думать, что онъ водворенъ въ Новгородѣ послѣ перваго изгнанія Изяслава, что бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на политику Святослава. Ср. Новг. I, стр. 67.

[3]) Лавр., стр. 196.

[4]) Лавр., стр. 193; ср. *Грушевскаго*, II², стр. 68

[5]) Лавр., стр. 197.

съ большею силою, расшатывая въ конецъ выдвинутую въ предыдущемъ изложеніи тенденцію къ сохраненію единства русской земли путемъ концентраціи ея волостей въ рукахъ князей, владѣвшихъ Кіевомъ.

Положеніе, создавшееся во второй половинѣ XI вѣка можетъ быть характеризовано борьбою двухъ противоположныхъ тенденцій: той, что вытекала изъ пониманія каждой волости, выдѣленной тому или иному изъ сыновей Ярослава, какъ отчины его потомковъ, и той, что была вызвана къ жизни самымъ процессомъ созиданія кіевскаго государства и выражалась въ стремленіи князей, владѣвшихъ Кіевомъ, сохранить единство распоряженія силами и средствами всей страны, а для этого и судьбами отдѣльныхъ составныхъ ея частей. Ошибку «родовой», а также «очередной» теоріи древне-русскаго княжого владѣнія можно усмотрѣть въ попыткѣ объяснить явленія, обусловленныя борьбою двухъ указанныхъ противоположныхъ тенденцій, во что бы то ни стало, изъ одного принципа. Сливая въ одно вопросы о старѣйшинствѣ въ землѣ русской и о владѣніи княжими волостями, теорія развивалась по пути возведенія въ нормы права всѣхъ наблюдаемыхъ въ древней жизни фактическихъ отношеній и тѣмъ достигла большой искусственности въ построеніяхъ и въ толкованіи текстовъ.

Не различая владѣльческихъ отношеній къ волостямъ отъ преемства въ старѣйшинствѣ, теорія поставила владѣніе территоріальными отчинами въ зависимость отъ «политической карьеры» князя, опредѣляя ее «движеніемъ его отца въ ряду поколѣній» и создала особую «норму», состоящую въ томъ, что «когда у князя отецъ умиралъ раньше дѣда», то осиротѣлый княжичь «терялъ участіе въ очередномъ владѣльческомъ порядкѣ», и тѣмъ самымъ утрачивалъ право на̀ отчину, становился «изгоемъ» [1]). Это понятіе княжого изгойства сильно укоренилось въ традиціонныхъ представленіяхъ о древне-русскомъ княжескомъ бытѣ: оно давало выходъ ряду недоумѣній, которыя создались благодаря отрицанію въ этомъ правѣ понятія отчины, какъ наслѣдственнаго семейнаго владѣнія. Укоренилось оно и держится, несмотря на своеобразное происхожденіе, какъ самого термина, принятаго въ исторической литературѣ, такъ и связаннаго съ нимъ понятія.

---

[1]) *В. О. Ключевскій*, Курсъ, I, стр. 221.

Единственный источникъ, примѣняющій слово «изгой» къ князю—пресловутый« уставъ великаго князя Всеволода о церковныхъ судѣхъ и о людѣхъ и мирилѣхъ торговыхъ» [1]). Тутъ въ перечнѣ «церковныхъ людей», между которыми «судъ или обиду» вѣдаетъ митрополитъ или епископъ, читаемъ ставшія знаменитыми слова: «изгои трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣеть, холопъ ис холопьства выкупится, купець одолжаеть; а се и четвертое изгойство и сего (вар.: и къ себѣ) приложимъ: аще князь осиротѣеть». Исторія текста этого устава еще не возстановлена, хотя онъ вызываетъ рядъ недоумѣній, и слова м. Макарія: «излишнимъ считаемъ замѣчать, что эта грамота Всеволода дошла до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ» не подлежатъ спору. Замѣчу только, что нѣкоторые списки имѣютъ чтеніе, вмѣсто «изгой» — «изгойской», вѣроятно первоначальное, такъ какъ оно не нарушаетъ общей конструкціи перечня [2]). А текстъ о троихъ изгояхъ—глосса, неизвѣстно кѣмъ приписанная, къ которой, внѣ всякаго отношенія къ содержанію грамоты, приросло еще лирическое восклицаніе какого-то князя: «а се четвертое изгойство и сего приложимъ: аще князь осиротѣеть». Говорю: лирическое восклицаніе, потому что едва-ли кому приходило въ голову зачислять осиротѣлыхъ князей въ церковные, богодѣльные люди, подсудные церкви [3]). Само по себѣ сопоставленіе «изгоя» съ сиротой—естественно. В. И. Сергѣевичъ указалъ на то, что терминъ «сироты» замѣнилъ слово «изгои» относительно монастырскихъ крестьянъ въ грамотахъ XIV в. [4]) Но какъ бы ни каза-

---

[1]) „Христоматія по исторіи русскаго права“ Владимирскаго-Буданова, вып. I.

[2]) Предполагаю слѣд. текстъ: „А се перковныа люди: игуменъ, игуменья..... пущеникъ, задушный человѣкъ. изгойской, монастыреве, больници, гостинници, страннопріимници, то люди церковныа, богадѣльные“.

[3]) Нельзя же такъ истолковать слова *С. М. Соловьева*: „такіе исключенные изъ старшинства князя *считались въ числѣ изгоевъ*“—„Ист. Россіи“, книга I, ст. 283. Или то, что *В. И. Сергѣевичъ* разсматриваетъ нашу глоссу, какъ слова устава? См. Р. Ю. Др. I, стр. 273: „Всеволодовъ уставъ, перечисливъ три вида, прибавляетъ къ нимъ четвертый, новый“ или II, стр. 332: „Уставъ причисляетъ къ изгоямъ всѣхъ князей сиротъ“.

[4]) Р. Ю. Др. I², стр. 274: „этотъ новый терминъ очень близко передаетъ смыслъ болѣе стариннаго термина—изгои“. В. И. Сергѣевичъ относитъ оба термина вообще къ крестьянству, но указанные имъ тексты говорятъ о крестьянахъ монастырскихъ.

лось мѣткимъ—съ точки зрѣнія обиженнаго судьбою княжича—сопоставленіе княжого сиротства съ изгойствомъ, теорія обосновавшая на немъ ученіе о потерѣ не во время осиротѣвшими князьями ихъ отчинныхъ правъ, ввела въ оборотъ понятія, которыя чужды древне-русской жизни. Не только нигдѣ, кромѣ приведенной глоссы, нѣтъ примѣненія къ княжичу термина изгой, но нигдѣ въ источникахъ не найти и отрицанія за какими-либо князьями ихъ отчинныхъ правъ, нигдѣ нѣтъ указанія на возможность потери этихъ правъ въ силу какихъ-либо условій родового или иного характера.

Правда, политика старшихъ Ярославичей часто нарушала отчинныя права младшихъ князей, нарушала систематически и настойчиво. Этимъ она вызвала много смутъ: «сироты, скажемъ словами М. С. Грушевскаго, — отчины которыхъ забрали старшіе Ярославичи во время ихъ малолѣтства, ничего имъ не оставивъ, выростали одинъ за другимъ и шли добиваться своего добра» [1]). Но правда—не права, а общественнаго интереса—бывала часто на сторонѣ нарушителей, и съ ними видимъ симпатіи лѣтописца, голосъ его среды, быть можетъ, и кіевскаго общества; да и то не всегда. Этотъ тонъ лѣтописныхъ разсказовъ, питавшій въ исторической литературѣ представленіе, что право не было на сторонѣ «изгоевъ», нельзя принимать въ разсчетъ, такъ какъ и въ нихъ мы найдемъ не отрицаніе отчинныхъ правъ младшихъ князей, а лишь пренебреженіе этими правами тамъ, гдѣ они противорѣчили интересамъ населенія, гдѣ ихъ защита приносила «землѣ Русской много зла». А какъ только доходятъ до насъ настроенія мѣстнаго населенія спорныхъ городовъ—въ ходѣ самыхъ событій или въ случайныхъ замѣткахъ лѣтописца, почти всегда мы видимъ это населеніе на сторонѣ мѣстныхъ отчичей, и его сочувствіе, обусловленное всѣмъ строемъ древнерусской жизни, доставило, въ концѣ концовъ, побѣду началу «отчины».

Выше уже было отмѣчено, какъ Владиміръ «воздвигъ» отчину Рогнѣды и далъ Полоцкъ ей съ сыномъ Изяславомъ. Полоцкая земля, отчина Рогволожихъ внуковъ, съ тѣхъ поръ стоитъ отдѣльно отъ отчины и дѣдины внуковъ Ярославлихъ и переходитъ отъ Изяслава къ его сыну Брячиславу, затѣмъ къ Всеславу Брячиславичу (1044—1101), чтобы потомъ пойти въ раздѣлъ сыновьямъ послѣдняго.

---

[1]) II², стр. 69.

Та же судьба, по обычному праву семейному, предстояла и надѣламъ сыновей Ярославлихъ. Характерно, что хоть Святославъ умеръ на кіевскомъ княженіи, похороненъ онъ «Черниговѣ у святого Спаса», въ Преображенскомъ соборѣ, у гроба его основателя, Мстислава Владимировича [1]). Потомъ Черниговымъ овладѣли Всеволодъ и сынъ его Владимиръ; но когда кончилась усобица за Черниговъ, уже по смерти Всеволода, и Владимиръ уступилъ Олегу, то лѣтописецъ, рѣшительно осуждающій послѣдняго, однако такъ выражается: «Володимеръ же створи миръ съ Олегомъ и иде изъ града на столъ отень Переяславлю; и Олегъ вниде въ градъ отца своего» [2]); онъ ничего не знаетъ о «правѣ» Всеволода перейти въ Черниговъ, разъ Святославъ занялъ Кіевъ [3]), а упоминаетъ, какъ и «Поученіе» Мономаха, Всеволода въ Черниговѣ лишь послѣ смерти Святослава, въ связи съ тѣмъ, что Олега «вывели» съ Волыни, и онъ «бѣ» у Всеволода Черниговѣ, пока не «бѣжа отъ Всеволода» въ Тмуторокань [4]), откуда и началъ борьбу за свою отчину.

На Олегѣ Святославичѣ повторилась судьба другихъ младшихъ князей, лишенныхъ отчинъ: Бориса Вячеславича, Давыда Игоревича, Ростислава Владимировича. Этотъ послѣдній выдержавъ борьбу съ Святославомъ, положилъ начало значенію Тмуторокани, какъ убѣжища младшихъ князей, выбитыхъ изъ земли русской. Въ моментъ бѣгства Олега отъ дяди—въ Тмуторокани, какъ черниговской волости, сидѣлъ братъ его Романъ, къ которому скрылся и Борисъ Вячеславичь, послѣ неудавшейся попытки засѣсть въ Черниговѣ во время усобицы Всеволода съ Изяславомъ [5]). Въ союзѣ съ Половцами начали Олегъ и Борисъ борьбу

---

[1]) Лавр. стр. 193 и 146.

[2]) Лавр., стр. 218.

[3]) *Татищевъ*, II, стр. 127; *Соловьевъ*, книга 1 ст. 297; *Ключевскій*, Курсъ, I, 206.

[4]) Лавр., стр. 193 и 239.

[5]) *Д. И. Иловайскій* („Исторія Рязанскаго княжества“ въ „Сочиненіяхъ“, стр. 9) полагаетъ, что Всеволодъ оставилъ за Олегомъ и его младшимъ братомъ (Ярославомъ) Муромо-рязанскія земли, на томъ основаніи, что позднѣе видимъ въ Муромѣ Олегова посадника (Лавр., стр. 222, подъ 1095 г.). Весь складъ отношеній говоритъ противъ этого; Олеговъ посадникъ въ Муромѣ появился, очевидно, послѣ примиренія Олега съ Владимиромъ въ 1093 г.—Неясна роль какихъ-то Козаръ въ убіеніи Романа Половцами и въ ссылкѣ Олега, см. Лавр., стр. 198. Но эти факты не могутъ стоять внѣ связи съ политикой Всеволода. Ср. *Грушевскаго*, II², стр. 72 и 511.

противъ дядей. Побѣда на Сожицѣ привела къ тому, что Черниговцы, хотя съ ними ни Олега, ни Бориса не было, стали за своего отчича и сѣли въ осаду противъ Изяслава и Всеволода; только послѣ битвы на Нѣжатиной нивѣ, гдѣ палъ Изяславъ, но палъ и Борисъ, а Олегъ едва ушелъ съ малой дружиной, удалось Всеволоду водворить въ Черниговѣ сына Владимира. Удача слѣдующаго, 1079 г.—миръ съ Половцами и гибель убитаго ими Романа, позволила Всеволоду захватить Тмуторокань: Олегъ сосланъ за море въ Царьградъ, а въ Тмуторокани видимъ Всеволодова посадника Ратибора [1]).

Таково послѣднее проявленіе «практики» перваго поколѣнія Ярославичей. Слѣдующіе годы приносятъ коренную перемѣну въ междукняжескихъ отношеніяхъ. Всеволодъ не въ силахъ довести послѣдовательно до конца политику концентраціи волостей и вынужденъ итти на уступки отчичамъ отдѣльныхъ частей земли русской, уступки, которыя подготовляютъ постановленія Любецкаго съѣзда [2]).

Моментъ поворота указанъ событіями 1084 — 1086 гг. «Въ се же время выбѣгоста Ростиславича два отъ Ярополка и пришедше прогнаста Ярополка. И посла Всеволодъ Володимера, сына своего, и выгна Ростиславича и посади Ярополка Володимери. Въ се же лѣто Давыдъ зая Грькы (вар.: гречникы) въ Олешьи и зая у нихъ имѣнье; Всеволодъ же пославъ приведе и и вда ему Дорогобужь. Въ лѣто 6593. Ярополкъ же хотяше ити на Всеволода, послушавъ злыхъ свѣтникъ; се увѣда Всеволодъ, посла противу ему сына своего Володимера. Ярополкъ же, оставивъ матерь свою и дружину Лучьскѣ, бѣжа въ Ляхы. Володимеру же пришедшю Лучьску, и вдашася Лучане; Володимеръ же посади Давыда Володимери, въ Ярополка мѣсто, а матерь Ярополчю, и жену его, и дружину его приведе Кыеву и имѣнье вземъ его. Въ лѣто 6594. Приде Ярополкъ изъ Ляховъ и створи миръ съ Володимеромь. И иде Володимеръ вспять Чернигову, Ярополкъ же сѣде Володимери. И пересѣдевъ мало дний, иде Звенигороду; и не дошедшю ему града и прободенъ бысть отъ проклятаго Нерадьця, отъ дьяволя наученья и отъ злыхъ человѣкъ... Бѣжа Нерадець треклятый Перемышлю къ Рюрикови» [3]).

---

[1]) Лавр., стр. 194—195 и 198.
[2]) Ср. *Грушевскаго*, II², стр. 71—81.
[3]) Лавр., стр. 198—200.

*

Всеволодъ, перенявъ по смерти Святослава «власть Русьскую всю» и продолжая политику сосредоточенія въ своихъ рукахъ волостей за счетъ младшихъ князей-отчичей, держитъ эти волости своими сыновьями и племянниками—Изяславичами. Ярополкъ Изяславичъ сидитъ во Владимирѣ Волынскомъ, повидимому на всѣхъ западныхъ волостяхъ. На него направлены притязанія Давыда Игоревича и Ростиславичей [1]). Всеволодъ защищаетъ своего ставленника. Но для «ставленника» этого его княженіе—нѣчто иное: его отчина, какъ видно изъ приведенныхъ словъ Святополка. Въ столкновеніи Ярополка съ Ростиславичами, съ Игоревичемъ Давыдомъ передъ нами столкновеніе разныхъ отчинныхъ правъ, отчинныхъ притязаній.

Такъ называемые «изгои» сумѣли заставить Всеволода пойти на уступки. Не знаемъ, когда Ростиславичи получили отъ Всеволода Перемышль и Теребовль: М. С. Грушевскій высказываетъ предположеніе, что послѣ ихъ борьбы съ Ярополкомъ въ 1084 г., и такое предположеніе естественно вытекаетъ изъ указаній лѣтописи [2]). По смерти Рюрика Ростиславича Перемышль переходитъ къ его брату Володарю, и затѣмъ «Червенскіе города» остаются во владѣніи Ростиславовой линіи Ярославля рода.

Сумѣлъ добиться своего и Давыдъ, перехвативъ въ Олешьи артерію византійской торговли Кіева [3]). На первыхъ порахъ Всеволодъ далъ ему только Дорогобужъ на р. Горыни, волость, выдѣленную также изъ владѣній Ярополка [4]). Такое дробленіе своей волости Ярополкъ, видно, призналъ нарушеніемъ своихъ правъ:

---

[1]) Позднѣе, см. подъ 1077 г., братъ его Святополкъ, изгнавъ Давыда изъ Владимира „нача думати на Володаря и на Василка, глаголя: яко се есть волость отца моего и брата“, Лавр., отр. 260.

[2]) *Грушевскій*, II [2], стр. 74—75. Ростисливичи жили во Владимирѣ у Ярополка, очевидно подъ надзоромъ, потому что ихъ выступленіе начинается съ того, что они „выбѣгоста отъ Ярополка“, повидимому, пока тотъ былъ въ Кіевѣ у Всеволода (Лавр., стр. 198); Владимиръ вернулъ отъ нихъ Владимиръ Ярополку, но подъ 1086 г. читаемъ о Рюрикѣ въ Перемышлѣ, а подъ 1097 узнаемъ, что Володарю Перемышль, а Василько Теребовль далъ Всеволодъ [Рюрикъ умеръ въ 1092 г.—Лавр., стр. 208]. Къ соглашенію съ Ростиславичами относитъ *М. С. Грушевскій* договоръ Владимира съ Ярополкомъ на Бродахъ (Лавр., стр. 239).

[3]) О значеніи Олешья см. *Грушевскій*, II [2], стр. 517—518.

[4]) *Грушевскій*, II [2], стр. 74 и 386.

происходитъ усобица его съ Всеволодомъ (Владимиромъ) [1]), а по ея замиреніи—къ сожалѣнію, не знаемъ на какихъ условіяхъ — видимъ гибель его отъ руки убійцы, подосланнаго, очевидно, Ростиславичами. Теперь Давыдъ утверждается на отнѣ столѣ, во Владимирѣ [2]). Остатки южной отчины Изяславичей получаетъ Святополкъ: кромѣ Турова и Пинска—Берестье и Погорину изъ волынскихъ волостей Ярополка [3]). А Новгородъ переходитъ изъ его рукъ къ Всеволоду, который послалъ туда внука, Мстислава Владимировича [4]).

Этимъ раздѣломъ южно-русскихъ волостей вопросъ о наслѣдствѣ Ярослава крайне осложнился. Долгое владычество старшихъ Ярославичей создало, какъ мы видѣли, представленіе, что они трое единственные преемники отца. И лѣтописный пересказъ постановленій Любецкаго съѣзда отражаетъ туже точку зрѣнія: онъ знаетъ только три отчины: Изяславлю, Святославлю и Всеволожу, а волости, доставшіяся младшимъ князьямъ, считаетъ данными имъ по волѣ Всеволода [5]). Также смотритъ и Святополкъ Изяславичъ, полагая, что Давидъ и Ростиславичи владѣютъ его, Святополка отчиной. Такъ смотрѣлъ и авторъ лѣтописнаго поминальнаго слова по Всеволодѣ, говоря: «се же въ Кыевѣ княжа, быша ему печали больши, паче неже сѣдящю ему въ Пе-

---

[1]) Иначе объясняетъ эту усобицу *В. И. Сергѣевичъ*: „Лѣтописецъ, по обыкновенію, чрезвычайно кратокъ и не объясняетъ причинъ, побудившихъ владимірскаго князя возстать на сильнаго дядю. Онъ говоритъ только, что Ярополкъ послушалъ злыхъ совѣтниковъ. Можно думать, что злые совѣтники объяснили своему князю, что онъ имѣетъ болѣе права на Кіевъ, чѣмъ его дядя; вотъ почему онъ и собрался войной на него“ (Р. Ю. Др. II², стр. 268). Трудно думать, чтобы Ярополкъ нуждался въ злыхъ совѣтникахъ, чтобы узнать о своихъ правахъ на Кіевъ, и чтобы онъ предъявилъ ихъ, просидѣвъ спокойно нѣсколько лѣтъ на Волыни, безъ всякаго повода. Совокупность извѣстій о событіяхъ этихъ лѣтъ достаточно объясняетъ мотивы Ярополка.

[2]) Лавр., стр. 247.

[3]) *М. С. Грушевскій* (II², стр. 77) полагаетъ, что Погорину Всеволодъ оставилъ себѣ, но заключаетъ объ этомъ изъ того же текста (Лавр., стр. 253), откуда раньше вывелъ, что Погорина волость Ярополка (стр. 74). Также двойственно его сужденіе о Берестьи (стр. 77 и 366; ср. стр. 387). Данныя лѣтописи могутъ быть истолкованы безъ натяжки лишь въ томъ смыслѣ, что это части волости Ярополка, переданныя его брату.

[4]) Новг. I, стр. 67; Лавр., стр. 201.

[5]) Различіе: „кождо да держитъ отчину свою“ и „а имже роздаялъ Всеволодъ городы“—Лавр., стр. 247.

реяславли; сѣдящю бо ему Кыевѣ, печаль бысть ему отъ сыновець своихъ, яко начаша ему стужати, хотя власти, овъ сея, овъ же другіе; сей же, омиряя ихъ, раздаваше власти имъ» [1]).

Къ встрѣчающемуся въ послѣднемъ текстѣ понятію «раздачи» городовъ и волостей—еще вернемся. А пока примемъ во вниманіе что упомянутая «теорія трехъ отчинъ», если можно такъ обозначить это воззрѣніе, хотя и вытекала изъ хода событій по смерти Ярослава, но могла сформулироваться только послѣ смерти Всеволода: до тѣхъ поръ черниговская отчина Святославичей оставалась предметомъ упорной борьбы. Только въ 1094 г. добился Олегъ Святославичъ того, что Владиміръ уступилъ ему «градъ отца его», а самъ вернулся «на столъ отень Переяславлю». Да и это соглашеніе не закончило борьбы за черниговскія волости, точнѣе—за волости Святославли. Выше было упомянуто, что отрывочность и неполнота дошедшихъ до насъ извѣстій не позволяетъ отчетливо разграничить владѣльческія права Святослава и Всеволода Ярославичей въ Поволжьи. Возвращеніе Олега въ Черниговъ не замедлило поднять споры о взаимномъ отношеніи потомства обоихъ князей на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ. Разыгрывается продолжительная усобица, въ которой характеренъ, наряду съ упорной защитой черниговскихъ волостей Олегомъ, [2]) также широкій размахъ его покушеній на Смоленскъ, Новгородъ, Суздаль, Ростовъ, на весь сѣверъ. И противники не отрицаютъ его правъ на отнія волости, а твердятъ ему только: «иди ис Суждаля Мурому, а въ чюжей волости не сѣди» и т. под. [3]). Именно борьба Олега утвердила представленіе объ отчинѣ Святославичей.

Смерть Всеволода открыла снова вопросъ о столѣ кіевскомъ. Всеволодъ княжилъ при близкомъ участіи сыновей. Владимира видимъ постояннымъ замѣстителемъ отца во всѣхъ дѣйствіяхъ внѣ Кіева, въ походахъ и переговорахъ, въ борьбѣ за города и волости. Ростиславъ, повидимому, постоянно былъ при отцѣ:

---

[1]) Лавр., стр. 209.

[2]) Изяславу Владимировичу, занявшему Муромъ, Олегъ говоритъ въ сознаніи отчинныхъ правъ своихъ: „иди въ волость отца своего, Ростову, а то есть волость отца моего; да хочю ту сѣдя порядъ створити со отцемь твоимъ, се бо мя выгналъ изъ города отца моего; а ты ли ми здѣ хлѣба моего же не хощеши дати?“; Лавр. стр. 228—229.

[3]) Лавр., стр. 222-232.

только послѣ его смерти отправляется онъ въ Переяславль, а въ моментъ кончины Всеволода за Владимиромъ посылаютъ, но Ростиславъ тутъ, при немъ. Любопытный текстъ, читаемый подъ 1089 г.: «Священа бысть церкви Печерская святыя Богородица манастыря Ѳеодосьева Іоаномь митрополитомъ... при благородьнѣмь князи Всеволодѣ, державному Русьскыя земли и чадома его, Володимера и Ростислава, воеводьство держащю Кыевьскыя тысяща Яневи, игуменьство держащю Іоану», хоть и искаженный [1]) похожъ на оффиціальную торжественную запись, въ которой событіе датируется княженіемъ князя и его сыновей, воеводствомъ тысяцкаго, игуменствомъ Печерскаго игумена. Естественно возникъ вопросъ о правѣ Владимира сѣсть «на столѣ отца своего» Но онъ «нача размышляти, река: «аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столъ преже отца его былъ»; и размысливъ послалъ за Святополкомъ въ Туровъ, а самъ «иде Чернигову», Святополкъ-же «сѣде на столѣ отца своего и стрыя своего». [2]).

Часто приводили этотъ разсказъ въ доказательство, что Владимиръ признавалъ родовое старѣйшинство. Но что въ немъ больше всего поражаетъ, это отсутствіе упоминанія о старѣйшинствѣ. И нигдѣ въ лѣтописныхъ разсказахъ о Святополкѣ, о междукняжескихъ отношеніяхъ въ его время не примѣнено къ нему это понятіе, хотя поводовъ къ тому было бы не мало. Ни изъ чего не видно, чтобы Святополкъ могъ повторить въ обращеніи къ Владимиру то, что его отецъ говорилъ отцу Владимирову: «ты, брате мой, нарекъ мя старѣйшину собѣ». Владимиръ лишь размышляетъ о кіевскомъ столѣ: «яко есть столъ преже отца его былъ», т.-е. опять таки о столкновеніи двухъ отчинныхъ правъ, и отнюдь не охуляя своего («аще сяду на столѣ отца своего»), предвидитъ нежелательную борьбу съ Святополкомъ (въ то время, замѣтимъ, какъ не были еще закончены его счеты съ Олегомъ изъ за Чернигова). Что отношеніе между Святополкомъ и Владимиромъ не было повтореніемъ отношенія ихъ отцовъ, ни въ признаніи старѣйшинства, ни въ формулѣ: «ты ми еси братъ, а я тобѣ», видно изъ всего дальнѣйшаго хода событій. Святополкъ, повидимому, встрѣтился съ Владими-

---

[1]) Лавр., стр., 201. *А. Ѳ. Бычковъ* поправлялъ такъ: „державнѣмь... и чаду его, Володимерѣ и Ростилавѣ“.

[2]) Лавр., стр. 210.

ромъ по вокняженіи своемъ въ Кіевѣ только по поводу предположеннаго похода на Половцевъ. Не какъ старѣйшина земли русской зоветъ онъ князей въ походъ, а долженъ выслушать и исполнить совѣтъ: «послися къ брату своему Володимеру, дабы ти помоглъ». По посольству Святополка Владимиръ «посла по Ростислава, брата своего, Переяславлю, веля ему помагати Святополку» и самъ прибылъ въ Кіевъ. Тутъ князья «совокупистася у святаго Михаила и взяста межи собою распря и которы, и уладившеся цѣловаста крестъ межи собою». Къ сожалѣнію, содержаніе этого соглашенія, вынужденнаго настояніями «мужей смысленихъ», остается неизвѣстнымъ. Но что оно не привело къ возстановленію помянутыхъ отношеній старшихъ князей видно хотя бы изъ того, что Святополкъ не помогаетъ Владимиру противъ Олега [1]), какъ помогалъ Изяславъ Всеволоду въ борьбѣ за Черниговъ. Вообще политика Святополка и Владимира совершенно независимы одна отъ другой и часто скрещиваются. Въ событіяхъ и отношеніяхъ по смерти Всеволода Ярославича (1093) видимъ не проявленіе «нераздѣльно-поочереднаго» владѣнія, а торжество отчинныхъ тенденцій и раздѣльности княжихъ интересовъ надъ началомъ старѣйшинства кіевскаго князя въ русской землѣ.

Такъ подготовлялись постановленія Любецкаго съѣзда. «Въ лѣто 6605. Придоша Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ Игоревичъ, и Василко Ростиславичь, и Давыдъ Святославичь, и братъ его Олегъ, и сняшася Любячи на устроенье мира, и глаголаша къ собѣ, рекуще: «почто губимъ Русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? а Половцы землю нашю несуть розно и ради суть, оже межю нами рати; да нынѣ отселѣ имемся по едино сердце и блюдемъ Рускыѣ земли. Кождо да держитъ отчину свою: Святополкъ Кыевъ Изяславль, Володимерь Всеволожь(-ю?), Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Святослав(лю?); а имже роздаялъ Всеволодъ городы, Давыду Володимерь, Ростиславичема Перемышль Володареви, Теребовль Василкови». И на томъ цѣловаша крестъ:

---

[1]) Иначе *Грушевскій*, II [2], стр. 91. Но въ 1094 г. Владимиръ стоитъ одинъ противъ Олега. Участіе Святополка въ походѣ на Черниговъ и битвѣ подъ Стародубомъ—имѣетъ иную мотивировку: „поганыхъ дѣля“, по выраженію Мономаха (Лавр., стр. 245; ср. стр. 222). Въ дальнѣйшей борьбѣ не видно участія Святополка.

«да аще кто отселѣ на кого будеть, то на того будемъ вси и крестъ честный; рекоша вси: «да будетъ на нь [хрестъ честный— Ип.] и вся земля Руськая»; и цѣловавшеся поидоша всвояси» [1]).

Таковъ этотъ знаменитый текстъ. Возьмемъ его, какъ онъ намъ данъ. Отмѣтимъ въ немъ, прежде всего, отсутствіе двухъ представленій: о единствѣ владѣнія князей Ярославова потомства и о старѣйшинствѣ надъ ними кіевскаго князя. Это не простое умолчаніе: рѣшительно выражено начало раздѣльнаго, отчиннаго владѣнія, даже Кіевъ названъ Изяславлимъ, и достается Святополку, какъ его отчина, а не въ силу старѣйшинства среди князей, о которомъ нѣтъ и помину. И тѣ функціи, какія возлагались на старшаго князя въ «рядѣ» Ярослава: охрана мира между братьями-князьями и единства въ оборонѣ земли—тутъ возлагаются на совокупность князей, цѣлующихъ крестъ на солидарности дѣйствій. Любецкій съѣздъ подводитъ итогъ положенію, создавшемуся въ предыдущіе годы. Изслѣдователи склонны придавать большое значеніе его постановленіямъ. Оно, конечно, очень велико, какъ показатель силы и значенія, прежде всего, отчиннаго начала. «Чрезвычайно важно—повторимъ за В. И. Сергѣевичемъ—начало, положенное въ основу этого распредѣленія (волостей). Князья принимаютъ начало отчины; внуки Ярославли должны сидѣть на столахъ, которые даны были дѣдомъ ихъ отцамъ. Принципъ раздѣльности владѣній не есть, такимъ образомъ, новость, появившаяся только въ XIII вѣкѣ. Это исконное явленіе нашей исторіи» [2]). Но нѣкоторые идутъ дальше, приписывая постановленіямъ Любецкаго съѣзда своего рода творческое значеніе. С. М. Соловьевъ [3]) полагалъ, что Любецкій съѣздъ отстранялъ главную причину усобицъ—отсутствіе отчинности. М. С. Грушевскій [4]) полагаетъ, что хоть эти постановленія касались

---

[1]) Лавр., стр. 247.

[2]) Р. Ю. Др., II [2], стр. 139. Не вполнѣ точнымъ представляется лишь то, что это „исконное явленіе“ (исконное потому, что коренится въ обычномъ правѣ древнѣйшаго, какой можно исторически уловить, склада) имѣетъ свое начало „въ особности первоначальныхъ волостей, существовавшихъ еще до Рюрика“. Едва ли можно установить такую древнюю „особность“ хотя бы для какой-нибудь волости! Всѣ онѣ позднѣйшаго и постепенно развивавшагося образованія.

[3]) „Ист. Россіи“, книга I, ст. 327—328.

[4]) II [2], стр. 90—91. Нерѣшительныя разсужденія *Грушевскаго* о старѣйшинствѣ см. стр. 109 и 131.

только данныхъ волостей, но имѣли значеніе прецедента на будущее время и были «финаломъ концентраціонной политики въ ея теоріи, рѣшительнымъ ударомъ тенденціи собиранія земель, проявившейся по смерти Ярослава». Это сильно преувеличено. Рѣшительный ударъ «концентраціонной политикѣ» былъ нанесенъ борьбою 70-хъ—90-хъ гг.—и постановленія Любецкаго съѣзда, которыя В. И. Сергѣевичъ мѣтко назвалъ «мирнымъ трактатомъ», только санкціонируютъ ея результаты; значенія «прецедента» не могли они имѣть для одного изъ основныхъ и исконныхъ началъ обычнаго права! Къ тому же и на дѣлѣ они закончили борьбу за отчины только на востокѣ, относительно волостей черниговскихъ.

Мы не знаемъ, какъ возникла замѣчательная особенность лѣтописной редакціи Любецкихъ рѣшеній: отличіе трехъ отчинъ отъ городовъ, розданныхъ Всеволодомъ. Но игнорируя его, изслѣдователи неточно передаютъ ихъ содержаніе: надъ владѣніями Давыда Игоревича и Ростиславичей, хоть они и были какъ бы гарантированы княжескимъ съѣздомъ, нависла нѣкоторая прекарность.

И въ этомъ была одна изъ причинъ непрочности результатовъ Любецкаго съѣзда. Она тѣсно связана съ другой—съ вопросомъ объ отчинныхъ правахъ на Кіевъ. «Князья объявили,—читаемъ у С. М. Соловьева,—что пусть каждое племя (линія) держитъ отчину свою». «Любецкія постановленія,—говоритъ М. С. Грушевскій,—признали каждой княжой линіи ея отчину, но ничего не сказали (по крайней мѣрѣ, въ той редакціи, въ какой мы ихъ имѣемъ) про порядокъ дальнѣйшей передачи этихъ отчинъ по наслѣдству... Соотвѣтственно тому Кіевъ долженъ бы быть наслѣдственной волостью линіи Изяслава и ничто не указываетъ на то, чтобы за Кіевомъ было впредь признано какое-либо исключительное положеніе» [1]). Примирился ли съ такой перспек-

---

[1]) Но ниже *Грушевскій* возвращается къ „родовой“ схемѣ: „Мы видѣли, что въ двухъ первыхъ поколѣніяхъ Ярославичей Кіевъ переходилъ не отъ отца къ сыну, а въ порядкѣ семейнаго („родичного“) старшинства: отъ старшаго брата къ меньшему, и отъ меньшого брата къ сыну старшаго брата. Мономахъ этотъ порядокъ прервалъ и передалъ Кіевъ сыну“ (стр. 131). Мы видѣли, что эта схема слишкомъ внѣшне снята съ хода событій и осмыслена искусственно. Старшіе Ярославичи владѣютъ каждый своей частью, а общія дѣла вершатъ сперва втроемъ, потомъ по двое. Всеволодъ—старѣйшина не для всѣхъ князей, а для тѣхъ, кого дер-

тивой Мономахъ, котораго обычно считаютъ иниціаторомъ Любецкаго съѣзда? Какъ мы и раньше не видѣли «тѣснаго союза двухъ наисильнѣйшихъ князей Мономаха и Святополка», какой М. С. Грушевскій полагаетъ «въ основу политическаго положенія», такъ не видимъ его и далѣе. Новгородъ остался въ рукахъ Мономахова сына Мстислава, хотя, примѣнивъ къ нему понятіе отчины, пришлось бы его признать Изяславлимъ наслѣдствомъ. И когда Святополкъ попытался замѣнить Мстислава своимъ сыномъ, то встрѣтилъ отпоръ Новгородцевъ, за которымъ М. С. Грушевскій видитъ не безъ основанія дѣйствіе политики Мономаха. Но то же умѣнье опереться на мѣстныя общественныя силы помогло Владимиру позднѣе осуществить и свои притязанія на Кіевъ, отказъ отъ которыхъ въ 1093 г. былъ, какъ мы видѣли, естественно обусловленъ обстоятельствами положенія. То, что тогда связало Владимира, грозило ему и связывало его политику и далѣе: возможность, затѣмъ осуществленіе союза Святополка со Святославичами. Втеченіе всего кіевскаго княженія Святополка Владимиръ стоитъ изолированнымъ среди князей, такъ какъ исторія съ ослѣпленіемъ Василька лишь мимолетно поставила Святополка въ затрудненіе, а въ концѣ концовъ только развязала ему руки. Извѣстный антагонизмъ между Владимиромъ и Святополкомъ красной нитью проходитъ черезъ событія этихъ лѣтъ: причиной его могло быть только столкновеніе ихъ отчинныхъ правъ на Кіевъ [1]).

Итакъ, Любецкій съѣздъ не разрѣшилъ споровъ между кня-

житъ подъ рукой своей: сыновей и Изяславичей, волостями которыхъ распоряжается по усмотрѣнію, вызвавъ усобицу съ Ярополкомъ. Святополку же Мономахъ уступаетъ отчинное преимущество на Кіевъ, ничѣмъ не проявивъ признанія за нимъ старѣйшинства въ княжомъ родѣ. Намѣреніе Ярослава, если и осуществилось, то въ весьма искаженномъ видѣ.

[1]) *Соловьевъ.* Ист. Россіи, книга I, ст. 327. *Грушевскій*, II [2], стр. 91. 101, 131. Порча лѣтописнаго текста Любецкихъ постановленій своеобразна; послѣ „Святославъ Кыевъ Изяславль“ ожидалось бы: Володимеръ Переяславль Всеволожь; но Переяславль—выпалъ; а далѣе Лавр. даетъ: Давыдъ и Олегъ и Ярославъ и Святославъ (тоже Р. А.—безъ „и“). Въ спискахъ Соф. I (П. С. Р. Л. т. V, стр. 150) имѣемъ: Святославль (Черниговъ?). Воскресенская (VII, стр. 12) даетъ чтенія: Изяславле, Всеволоже, Святославле. Если ихъ держаться, то „Изяславле“ будетъ не опредѣленіемъ Кіева, а указаніемъ на другія волости? Но чтенія Воскресенской не первоначальны. Порча этого текста очень стара, такъ какъ и Ипат. (стр. 167) имѣетъ уже то самое, что Лавр.: Всеволожь, Святославъ (Х. П.: Святославли).

зями-отчичами о раздѣлѣ наслѣдія, доставшагося Ярославлимъ внукамъ. Въ ихъ спорахъ пала идея единства и старѣйшинства. И остро стали два вопроса: о владѣніи юго-западными землями, о дальнѣйшихъ судьбахъ Кіева.

Святополкъ всѣ усилія направилъ на то, чтобы осуществить свое представленіе объ отчинѣ Изяславлей возвращеніемъ себѣ всѣхъ западныхъ волостей. Поводъ къ дѣйствію ему далъ Давыдъ Игоревичъ, сплетшій свои опасенія передъ Ростиславичами съ недовѣріемъ Святополка къ Владимиру изъ-за Кіева [1]). Ослѣпленіе Василька возстановило было, по почину Мономаха, и Святославичей противъ Святополка, но вмѣшательство Кіевлянъ и уступчивость Святополка обернули все дѣло на голову Давыда, наказать котораго поручили самому Святополку. Въ союзѣ съ Святославичами—въ его войскѣ видимъ сына Давыда черниговскаго, Святошу—онъ изгоняетъ Давыда, чтобы себѣ взять Волынь, а затѣмъ «нача думати на Володаря и на Василька глаголя: яко се есть волость отца моего и брата», подымаетъ на нихъ Венгровъ. Поздно понялъ Давыдъ, какую яму себѣ вырылъ, и сталъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Ростиславичами. Ростиславичамъ удалось отстоять свою волость, и Давыдъ вернулъ себѣ Владиміръ. Но съѣздъ князей въ Увѣтичахъ рѣшилъ отнять у него Владиміръ въ пользу Святополка, а ему предоставилъ Бужскъ и Острогъ, да отъ Святополка—Дубенъ и Чарторыйскъ, а позднѣе и Дорогобужъ, съ приплатой по 200 гр. отъ Мономаха и Святославичей. Возвративъ себѣ Владиміръ Волынскій, Святополкъ, опираясь на союзъ съ Святославичами, дѣлаетъ слѣдующіе шаги къ той же цѣли: князья (вѣроятно послѣ съѣзда, безъ участія Мономаха [2]) послали сказать Володарю: «поими брата

---

[1]) Если вѣрить разсказу современника, Давыда смутили слухи о союзѣ Владимира съ Васильком противъ Святополка и его, Давыда. „Аще не имевѣ Василька, сталъ онъ твердить Святополку, то ни тобѣ княженья Кыевѣ, ни мнѣ въ Володимери“. Пусть это была клевета, или сплетня. Общее положеніе дѣлало ее вѣроятной, и тревога разыгралась въ кровавую драму. См. Лавр., стр. 248 263. *Грушевскій*, II [2], стр. 91—99.

[2]) Къ этимъ планамъ относится показаніе Мономаха въ началѣ его „Поученія“, что къ нему пришли послы отъ братьи съ такими рѣчами: „потъснися къ намъ, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимемъ; ежелп не поидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ“. Лавр., стр. 232—233. Ср. *Грушевскаго*, II [2], стр. 99.

своего Василка къ собѣ, и буди вамъ едина власть, Перемышль», но сопротивленіе Ростиславичей и отказъ Владимира свели на нѣтъ эту попытку. Наконецъ, и племянникъ Святополка теряетъ Берестье и умираетъ въ Кіевѣ въ оковахъ [1]). Если вспомнить еще объ упомянутой попыткѣ Святополка вернуть себѣ Новгородъ, о чемъ у нихъ былъ рядъ съ Владимиромъ, «яко Новугороду быть Святополчу», разбитую сопротивленіемъ Новгородцевъ [2]), и о возобновленіи наступательныхъ дѣйствій противъ полоцкихъ князей [3]), то основныя черты политики Святополка станутъ вполнѣ ясны: онъ стремится, хотя и неудачно въ цѣломъ, къ возстановленію «отчины Изяславлей», того господства на западъ отъ Днѣпра и въ Новгородѣ, которое было намѣчено для кіевскаго князя Изяславомъ Ярославичемъ.

Время отъ смерти Ярослава (1054) до смерти Святополка Изяславича (1113) можно разсматривать какъ опредѣленный циклъ развитія междукняжескихъ отношеній. Въ основѣ ихъ лежитъ отношеніе къ княжому владѣнію, какъ владѣнію землей по нормамъ обычнаго семейнаго права. Нераздѣльное владѣніе—при нераздѣльности семьи; послѣ раздѣла, полная отдѣльность, самостоятельность владѣнія съ распадомъ семейнаго союза на рядъ отдѣльныхъ, независимыхъ семей, общей дѣдины—на рядъ самостоятельныхъ отчинъ. Дѣйствіе такого обычая, рѣзко противорѣчившаго интересамъ молодого кіевскаго государства, привело къ попыткѣ компромисса, какую видимъ въ «рядѣ» Ярослава. Если мы принимаемъ за источникъ, съ которымъ надо считаться и которымъ можно пользоваться, лѣтописную передачу этого ряда, то нѣтъ основанія иначе отнестись къ даннымъ, сообщаемымъ той же лѣтописью въ разсказѣ о смерти Всеволода Ярославича. Вотъ почему не могу принять мнѣнія В. И. Сергѣевича, что Ярославъ имѣлъ въ виду преемство кіевскаго стола, какъ и всякой отчины, въ прямомъ, нисходящемъ потомствѣ Изяслава, и считаю мысль Ярослава вполнѣ аналогичной содержанію завѣщаній Бретислава чешскаго и Болеслава польскаго. Только съ паденіемъ силы старѣйшинства кіевскаго князя стало возможнымъ то прямолинейное примѣненіе къ Кіеву понятія отчины, какое нахо-

---

[1]) Лавр., стр. 264—265.
[2]) Лавр., стр. 265—266.
[3]) Походъ на Минскъ, подъ 1104 г., Лавр., стр. 270.

димъ въ постановленіяхъ Любецкаго съѣзда. Причиной крушенія Ярославова завѣта можно назвать тотъ характеръ нерѣшительнаго компромисса, который лежитъ въ основѣ его содержанія, попытку примирить раздѣлъ владѣній и единство политики призывомъ князей къ братскому единодушію и къ признанію старшаго брата «въ отца мѣсто» [1]). Житейски болѣе сильное начало—отчинныхъ, владѣльческихъ интересовъ естественно взяло верхъ надъ тенденціей, осуществленіе которой требовало подчасъ отказа отъ сепаратныхъ выгодъ ради общей цѣли.

Старѣйшинство, которое, кстати сказать, никогда въ памятникахъ Кіевской Руси не обозначается терминомъ «великое княженіе» [2])—не имѣло реальной основы въ «общеземскомъ значеніи политическаго средоточія Руси», какое, напр., В. О. Ключевскій приписываетъ городу Кіеву. Такой основой для старѣйшинства Кіевъ могъ бы стать, если бы, дѣйствительно, былъ «политическимъ средоточіемъ» въ смыслѣ центра политической власти надъ остальными волостями русской земли. А такимъ онъ былъ только для небольшой кіевской волости. Остальныя—никогда не управлялись изъ Кіева, даже тѣ, какія принадлежали въ данное время кіевскому князю, сажавшему по городамъ сыновей или посадниковъ. Мало того, все развитіе кіевской жизни въ разсматриваемый періодъ, подъемъ вліянія мѣстныхъ общественныхъ силъ, выразившійся въ значеніи вѣча, какъ самостоятельнаго фактора кіевской политической жизни, надо понять, какъ одно изъ условій паденія старѣйшинства кіевскаго князя. Иначе было во времена до Ярослава, когда все восточное славянство подчинялось нераздѣльной, хотя и внѣшней, власти кіевскаго князя, и Кіевъ можно было разсматривать, какъ центръ создававшагося госу-

---

[1]) „Это была—говоритъ *В. О. Ключевскій* про древнюю Русь—федерація не политическая, а генеалогическая, если можно соединять въ одномъ опредѣленіи понятія столь различныхъ порядковъ, федерація, построенная на фактѣ родства правителей, союзъ невольный по происхожденію и ни къ чему не обязывавшій по своему дѣйствію—одинъ изъ тѣхъ средневѣковыхъ общественныхъ составовъ, въ которыхъ изъ частноправовой основы возникали политическія отношенія"—Курсъ, I, стр. 241.

[2]) Старшіе лѣтописные своды не знаютъ термина „великій князь" для обозначенія какого-либо явленія междукняжескихъ отношеній, и когда историки разсуждаютъ о великокняжеской власти въ древней Руси, то касаются темы, въ сущности, чуждой древне-русской жизни. Ср. объ этомъ замѣчанія *Грушевскаго*, III [2], стр. 206.

дарства. Но раздѣлъ владѣній, принесенный эпохой сыновей Ярослава, и затѣмъ индивидуализація кіевскихъ интересовъ—пошатнули «общеземское», центральное значеніе кіевскаго князя. Съ перваго самостоятельнаго выступленія кіевскаго вѣча (изгнаніе Изяслава, провозглашеніе Всеслава, переговоры съ Святославомъ и Всеволодомъ), оно является выразителемъ мѣстныхъ, кіевскихъ, а не общерусскихъ интересовъ. Въ этотъ періодъ заложены основы вліянія кіевскаго вѣча на политику князей и на преемство кіевскаго стола. И вліяніе это тѣмъ можетъ быть характеризовано, что лицо, занимающее золотой столъ кіевскій, для Кіевлянъ—свой, мѣстный князь. Въ связи съ такимъ складомъ кіевскихъ отношеній стоятъ какъ противодѣйствіе Кіевлянъ образованію наслѣдственнаго, династическаго владѣнія Кіевомъ въ одной линіи, такъ и—на первый взглядъ противоположная—ихъ тенденція къ обращенію линіи старшихъ Мономашичей въ мѣстную кіевскую династію: и то, и другое вело къ перевѣсу въ Кіевѣ мѣстныхъ интересовъ надъ общерусскими, къ усиленію мѣстнаго значенія кіевскаго князя за счетъ его старѣйшинства въ землѣ русской [1]). Не развившись до государственнаго властвованія въ отдѣльныхъ волостяхъ, въ частности и кіевской, княжая власть не могла стать той силой, которая создала бы единое русское государство, преодолѣвъ раздѣльность княжого владѣнія и все нараставшую по мѣрѣ усложненія жизни—обособленность русскихъ земель.

«Наша древность—читаемъ въ началѣ «Русскихъ Юридическихъ Древностей»—не знаетъ единаго «государства Россійскаго»; она имѣетъ дѣло со множествомъ единовременно существующихъ небольшихъ государствъ». Это, несомнѣнно, лучшая изъ попытокъ установить формальное опредѣленіе древне-русской государственности, попытокъ, которыя, ввиду логической несоизмѣримости явленій древней политической жизни и понятій нашего государственнаго права, неизбѣжно носятъ условный и искусствен-

---

[1]) Сходное значеніе для упадка принципата краковскихъ князей, установленнаго завѣщаніемъ Кривоустаго, имѣла „индивидуальность“ интересовъ и тенденцій Кракова. Ср. объ этомъ замѣчанія *Пѣкосиньскаго*: Józef Szujski i Fr. Piekosiński, Stary Kraków, стр. 22. И попытка Казимира Справедливаго—на Ленчицкомъ съѣздѣ 1180—замѣнить сеніоратъ Кривоустаго наслѣдственной въ линіи своего потомства великокняжеской властью краковскихъ князей не спасла Польшу отъ полнаго раздробленія на удѣлы, по той же причинѣ.

ный характеръ стремленія выдѣлить изъ явленій древней жизни тѣ признаки, какіе можно безъ явной натяжки подвести подъ наше понятіе государства. Литература исторіи русскаго права не находитъ государственной формы у древней Руси, какъ цѣлаго, указывая на отдѣльную волость-землю, какъ на «законченное соціальное цѣлое, со всѣми необходимыми элементами государственности» — своей опредѣленной территоріей, населеніемъ и самостоятельной верховной властью [1]). Форму этой государственности В. И. Сергѣевичъ опредѣляетъ, какъ «смѣшанную», въ которой участвуютъ два элемента: монархическій, въ лицѣ князя, и народный, демократическій, въ лицѣ вѣча [2]). А попытки опредѣлить государственно-правовую форму «единства русской земли» не дали удовлетворительныхъ результатовъ.

Трудно говорить о единствѣ «государственной» территоріи древней Руси, не только потому, что непрочными оказались ея усилія достигнуть территоріальнаго самоопредѣленія, но еще болѣе по ея раздробленности между отдѣльными волостями-княженіями, не преодолѣваемой какой-либо общей властью, дѣйствіемъ общаго территоріальнаго права [3]). Правда, раздробленность эта не была устойчивой; иногда исчезала обособленность той или иной волости, поглощаемой сосѣдней землей. Но эти «инкорпораціи» явленія исключительныя, часто временныя и не шедшія глубоко [4]). За то чаще видимъ—и чѣмъ дальше, тѣмъ больше—обособленіе все новыхъ и новыхъ волостей-княженій. Трудно говорить о единствѣ населенія древней Руси (въ государственно-правовомъ смыслѣ слова) при медленномъ усвоеніи даже обще-національнаго наименованія для него, при отсутствіи объединяющей его административно-политической организаціи, при слабости бытовыхъ связей, развивающихся въ направленіи все большей децентрализаціи жизненныхъ интересовъ. Наконецъ, попытки выработать понятіе о единой власти, стоящей во главѣ древней Руси, пришли къ полному крушенію, такъ остроумно оформленному В. О. Ключевскимъ въ приведенномъ выше его опредѣленіи древне-русской «федераціи», какъ «генеалогической», а не политической.

---

[1]) *Бар. Корфъ.* Исторія русской государственности, т. I, стр. 70 и 88.

[2]) *В. И. Сергѣевичъ.* Лекціи и изслѣдованія, 3-е изд., стр. 130.

[3]) „А изъ своего города въ чюжю землю свода нѣтуть"—Рус. Пр., III-я ред., ст. 48 (изд. В. И. Сергѣевича).

[4]) *Грушевскій*, II [2], стр. 254—259.

Намѣченное рядомъ Ярослава старѣйшинство кіевскаго князя не имѣло въ складѣ древне-русской жизни реальной основы, на которой оно могло бы вырости въ силу, организующую единство всей земли русской.

Не поддержалъ его и мнимый «очередной» порядокъ, выведенный изъ фактовъ, свидѣтельствующихъ именно объ отсутствіи жизненныхъ условій для развитія идеи Ярослава въ явленіяхъ княжого владѣнія и междукняжескихъ отношеній [1]). Не развили единства земли русской и княжескіе съѣзды, хотя на нихъ и возложены Любецкимъ уговоромъ тѣ функціи, для которыхъ Ярославъ обмыслилъ старѣйшинство.

Представляя древнія княженія, какъ «суверенныя государства», коихъ суверенныя права ограничивались лишь договорами, В. И. Сергѣевичъ изображаетъ княжескіе съѣзды, какъ «собранія независимыхъ государей» [2]). Такое опредѣленіе ихъ какъ

---

[1]) Славянская исторія знаетъ любопытный примѣръ княжого владѣнія, которое, дѣйствительно, подходитъ подъ опредѣленіе „нераздѣльно-поочереднаго“, примѣняемое *В. О. Ключевскимъ* къ древней Руси. Это владѣніе князей острова Крка (Вельи). Въ концѣ XII в. видимъ управленіе въ рукахъ двухъ братьевъ, которые управляютъ „alterutrum succedentes“, что *ак. Ягичъ* поясняетъ „обычаемъ, существовавшимъ въ княжескомъ родѣ съ давнихъ временъ, по которому князья управляли сообща, раздѣливъ совокупное имѣніе на столько участковъ, сколько было владѣтельныхъ членовъ дома, въ управленіи которыми они смѣняли по очереди другъ друга“. Въ 1232 г. раздоры между князьями привели, при вмѣшательствѣ Венеціанской республики, верховнаго владѣльца этихъ островковъ, къ слѣд. порядку: владѣнія—острова Велья и Първичъ—раздѣлены, по числу князей, на три части; каждый князь получалъ свой участокъ въ управленіе на шесть мѣсяцевъ, а потомъ они должны были мѣняться; всѣ доходы составляли одно состояніе, принадлежавшее въ равномъ размѣрѣ всѣмъ троимъ князьямъ. Тутъ есть и нераздѣльность и поочередность. См. „Законъ Винодольскій“, трудъ В. В. Ягича, изд. Общ. Люб. Древ. Письменности. Случаи нераздѣльнаго владѣнія, но безъ поочередности, встрѣчались и на Руси, напр. владѣніе Москвой и „численными людьми“ по духовнымъ Калиты, Ивана, Симеона и Дмитрія Ивановичей: тутъ доходы дѣлятся поровну или „по частямъ“, но „блюдуть сопча, съ одиного“. Ниже встрѣтимъ и примѣры поочередности, не срочной, а пожалуй „лѣствичной“, но не по отношенію къ Кіеву.

[2]) „Р. Юр. Др.“, II [2], стр. 211—112. *Г. Тельбергъ* въ статьѣ: „Нѣсколько замѣчаній о междукняжескихъ снемахъ въ древней Руси“ (Ж. М. Н. Пр., 1905 г., іюнь) устанавливаетъ существенный признакъ „снема“: цѣль „политико-юридическаго характера“, установленіе „ряда“; князья схо-

нельзя лучше иллюстрируетъ условный и, по необходимости, искусственный характеръ подведенія явленій древней жизни подъ понятія нашего времени. Оно далеко не передаетъ того смысла, какой вкладывался въ съѣзды ихъ участниками и современнымъ имъ русскимъ обществомъ. Для своего времени съѣзды были собраніемъ «всей братьи» или нѣсколькихъ князей для принятія общихъ рѣшеній, часто вытекавшихъ не изъ положенія князей, какъ носителей власти въ той или иной волости, а изъ присущаго имъ сознанія, что они—группа князей, Ярославлихъ внуковъ, призванная «блюсти русскую землю» и принимать рѣшенія, не связанныя непремѣнно съ дѣлами волостей, во главѣ которыхъ стоятъ участники съѣзда. Рѣчамъ князей на Любецкомъ съѣздѣ, когда они «глаголаша къ собѣ, рекуще: «почто губимъ Русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? а Половци землю нашю несуть розно и ради суть, оже межю нами рати; да нынѣ отселѣ имемся по едино сердце, и блюдемъ Рускыѣ земли»—тѣсно въ опредѣленіи В. И. Сергѣевича. Князья сознавали себя членами болѣе широкаго цѣлаго, чѣмъ отдѣльныя волости, ихъ отчины, и это цѣлое не было для нихъ только суммою отдѣльныхъ и независимыхъ волостей-княженій. И связь, ихъ объединявшая—въ XI в.—не была только договорной. Это былъ, скажемъ словами В. О. Ключевскаго, «союзъ невольный по происхожденію»—«одинъ изъ тѣхъ средневѣковыхъ составовъ, въ которыхъ изъ частно-правовой основы возникали политическія отношенія», и которыхъ, добавимъ, по существу, не уложить въ категоріи современныхъ понятій государственнаго права [1]).

дятся на снемъ, чтобы „порядъ положити о Русьтѣй земли“, „ряды вся укончати о Русской земли и о братьи своей“ и т. п.; и, въ то же время, г. Тельбергъ соглашается съ мнѣніемъ *В. И. Сергѣевича*, что княжескіе съѣзды были „обычнымъ средствомъ для заключенія договоровъ и соглашеній, имѣющихъ цѣлью какое-либо совокупное дѣйствіе нѣсколькихъ князей“. Но существенная черта „снемовъ“—рядъ о землѣ и братьи: рѣшенія ихъ обязательны для младшей братьи. И эта черта рѣшаетъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ, слѣдуетъ ли приписывать снемамъ „дѣйствіе на всю территорію“ Руси. Самый характеръ вопросовъ, рѣшавшихся на снемахъ, мѣшаетъ признать ихъ участниковъ только представителями отдѣльныхъ волостей, а самые „снемы“—собраніями суверенныхъ государей.

[1]) Русская историческая мысль упорно искала государственно-правоваго опредѣленія древней Руси, какъ политическаго цѣлаго. Разновидность этихъ усилій представляетъ и воззрѣніе *В. И. Сергѣевича* на

Присматриваясь къ княжескимъ съѣздамъ за время кіевскаго княженія Святополка, отмѣтимъ, прежде всего, одну ихъ черту. Въ Увѣтичахъ и на Золотьчѣ видимъ только Святополка, Владимира и Святославичей, что не мѣшаетъ лѣтописцу про второй изъ этихъ съѣздовъ сказать: «совокупишася вся братья». На Долобьскѣ Святославичей не было, и только къ нимъ, по разсказу лѣтописца, отправлено особое посольство съ призывомъ къ предположенному походу на Половцевъ.

Сопоставляя эту черту съ тѣмъ, что въ постановленіяхъ Любецкаго съѣзда отчинами названы только владѣнія потомковъ Изяслава, Святослава и Всеволода, видимъ, что составляло основу политической системы даннаго времени. Передъ нами положеніе, сходное съ тѣмъ, какое наблюдается въ первые годы послѣ кончины Ярослава. Потомки старшихъ Ярославичей унаслѣдовали не только ихъ отчины, но также ихъ совмѣстное властвованіе въ землѣ русской.

И этотъ ихъ союзъ оказался не болѣе глубокимъ и тѣснымъ, чѣмъ союзъ ихъ отцовъ. Выше была отмѣчена изолированность Мономаха при сближеніи Святополка съ Святославичами. Любецкое соглашеніе не устранило по существу соперничества изъ-за Кіева между отчичами по Изяславѣ и Всеволодѣ. Позднѣе выплыли наружу и притязанія на Кіевъ Святославова потомства.

древнюю Русь, какъ на сумму „суверенныхъ государствъ“ связанныхъ лишь договорными отношеніями. Мысль людей нашего времени съ трудомъ мирится съ явленіями, которымъ она не можетъ отказать въ политическомъ характерѣ и которыя, всетаки, не укладываются въ привычныя для нея правовыя формулы. Поэтому приведу мѣткое сужденіе *Карла Лемана* о древней Швеціи: „Zum staatsrechtlichen Begriffe eines Reiches ist die schwedische Verfassung im Anfange des dreizehnten Jahrhunderts noch nicht durchgedrungen. Das „riki“ oder „Konongsriki“, von welchem die älteste Aufzeichnung des westgöthichen Rechtes an mehreren Stellen spricht, ist eine Summe von Einzelstaaten, welche nur durch die Person des Königs miteinander verbunden sind. Ueber diesen „Einzelstaaten“, den „Landschaften“, steht keine höhere staatsrechtliche Einheit, weder eine selbständige, noch eine aus den Landschaften durch Wahl oder Geburt hervorgegangene Einheit. Unvermittelt, wenn man vom Könige absieht, stehen sie nebeneinander. Jede Landschaft hat ihr eigenes Recht, ihre eigene Aemterverfassung. Der Angehörige einer anderen Landschaft ist Ausländer in demselben Sinne, wie der Angehörige eines anderen Reiches“ (Der Königsfriede der Nordgermanen, стр. 7). Отсутствіе королевскаго права, которое стояло бы внѣ и выше земскихъ правъ отдѣльныхъ волостей, объединяя ихъ, не позволяетъ Леману видѣть въ королевской власти силу, создающую „eine höhere staatsrechtliche Einheit“.

*

Такимъ образомъ, нельзя свести все содержаніе постановленій Любецкаго съѣзда и выраженныхъ ими междукняжескихъ отношеній къ признанію начала отчиннаго, раздѣльнаго владѣнія. Рѣзко отразилось въ Любецкомъ рядѣ это начало, но послѣдовательно оно въ немъ не проведено, такъ какъ отчинами названы лишь владѣнія трехъ старшихъ Ярославичей по отношенію къ ихъ потомству. Рѣзко отразилось въ немъ и паденіе кіевскаго старѣйшинства, такъ какъ къ Кіеву примѣнено понятіе отчины и кіевскій князь ничѣмъ, кромѣ перваго мѣста для его имени, не выдѣленъ изъ другихъ князей, какъ не выдѣляла его и политическая жизнь слѣдующихъ лѣтъ. Но отрицаніе руководящей роли за Святополкомъ Изяславичемъ еще не убило до конца представленія о необходимости власти, которая защищала бы землю отъ внѣшнихъ враговъ, объединяя для этого всѣ ея силы, и отъ внутреннихъ раздоровъ, умиряя рознь князей-отчичей. Княжескіе съѣзды конца XI и начала XII в., худо ли, хорошо ли, сохранили эту традицію въ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ наиболѣе сильныхъ князей этого времени.

На итогахъ этого прошлаго сталъ строить свою систему Владимиръ Всеволодовичъ Мономахъ, занявъ кіевскій столъ по смерти Святополка и поставивъ себѣ цѣлью возродить связанное съ этимъ столомъ старѣйшинство въ землѣ русской.

V.

Борьба за старѣйшинство въ XII в.

Для того, чтобы понять дѣятельность Владимира Всеволодовича, надо имѣть ввиду все ту же борьбу въ исторіи междукняжескихъ отношеній древней Руси двухъ началъ, которыя назовемъ началами отчины и старѣйшинства. Мы видѣли, что въ предыдущемъ періодѣ первое изъ нихъ росло и крѣпло, а второе оказалось безсильнымъ удовлетворить своему назначенію и сохранить единство въ распоряженіи средствами всей страны для защиты внѣшней ея безопасности, а для этого — установить центральную силу, которая охраняла бы внутренній миръ, вліяя на судьбы отдѣльныхъ составныхъ частей молодого государства и на ихъ взаимоотношенія. Отчинное право—частноправовое по понятіе семейнаго владѣнія и наслѣдованія—претерпѣло въ примѣненіи къ княжому владѣнію два существенныхъ осложненія. Отцовскій раздѣлъ наслѣдства между сыновьями, произведенный

Ярославомъ, не могъ руководиться только хозяйственными, экономическими соображеніями, какъ при раздѣлѣ частнаго имущества. Въ немъ, какъ мы видѣли, замѣтна извѣстная политическая тенденція, сказавшаяся въ группировкѣ западныхъ волостей вокругъ Кіева, восточныхъ—вокругъ Чернигова, но не проведенная послѣдовательно, такъ какъ доля третьяго Ярославича разбивала своимъ существованіемъ цѣльность слагавшейся системы двухъ крупныхъ державъ—право и лѣво-бережной по отношенію къ Днѣпру. Съ этой точки зрѣнія, которую можно назвать политико-географической, становится особенно понятной дѣятельность Всеволода и его сына, направленная сперва на пріобрѣтеніе Чернигова и его волостей, затѣмъ на пріобрѣтеніе Кіева и западныхъ волостей, при сохраненіи переяславскаго княжества, какъ кіевскаго форпоста со стороны степи, а также сѣверныхъ владѣній, которыя, окружая, вмѣстѣ съ южными, волости черниговскихъ князей, служили хорошей базой для вліянія на нихъ. Искаженіе и осложненіе простыхъ задачъ семейнаго раздѣла тѣмъ, что мы назвали проявленіемъ въ Ярославовомъ рядѣ политической тенденціи, обусловило и преобладаніе трехъ Ярославичей съ ихъ потомствомъ и борьбу между ними.

Десятилѣтія, протекшія со смерти Ярослава, принесли и другое осложненіе условій отчиннаго княжого владѣнія и наслѣдованія. Княжое отчинное право приходитъ въ столкновеніе съ политической силой вѣча. Съ перваго проявленія этой силы на югѣ въ 1068 г. видимъ развитіе такихъ отношеній между князьями и населеніемъ, которыя сильно осложняютъ практику преемства княжихъ столовъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ рѣзкихъ проявленій народной воли въ формѣ призванія и изгнанія князей, утверждается необходимость народнаго признанія и ряда между княземъ и вѣчемъ. Населеніе каждаго стольнаго города полноправно въ признаніи князя и рядѣ съ нимъ, если, конечно, имѣетъ силу осуществить свое право: князь для него свой мѣстный князь; и Кіевъ, въ этомъ отношеніи, не составляетъ исключенія, рядясь съ своимъ княземъ только объ управленіи мѣстными дѣлами. Народное избраніе, однако, ограничено обычнымъ правомъ на княженіе потомковъ Владимира и Ярослава. При встрѣчѣ княжого отчиннаго права съ началомъ народнаго избранія слагается тотъ же компромиссъ между ними, какой господствовалъ въ королевствахъ германскаго міра. Право на престолъ принадлежитъ всему составу княжого рода, но безъ

опредѣленной послѣдовательности индивидуальнаго наслѣдованія; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ народное избраніе — или признаніе—«сажаетъ на столѣ» того или иного изъ носителей этого «гипотетическаго» права: обычное право очерчивать лишь кругъ возможныхъ наслѣдниковъ. Съ другой стороны, начало старѣйшинства не нашло себѣ сколько-нибудь устойчиваго осуществленія. Въ своеобразномъ сочетаніи съ раздѣльностью владѣній старшихъ Ярославичей оно создало гегемонію трехъ князей, приведя, въ ихъ столкновеніяхъ и соглашеніяхъ, къ возстановленію единовластія Всеволода, быстро, однако, подточеннаго борьбой съ младшими отчичами и выродившагося по его смерти въ плохо согласованное властвованіе болѣе сильныхъ князей, рѣшавшихъ общія дѣла по взаимному соглашенію на съѣздахъ.

Передъ Мономахомъ стояли двѣ задачи: укрѣпить за собою Кіевъ, осуществивъ при томъ наиболѣе широкое представленіе о «Всеволожей отчинѣ» и возродить старѣйшинство, придавъ ему значеніе династической привиллегіи своего потомства, т. е. укрѣпивъ за этимъ потомствомъ отчинныя права на Кіевъ, сохранить и связь старѣйшинства въ землѣ русской съ обладаніемъ «золотымъ столомъ кіевскимъ» [1]). Такое пониманіе «задачъ» Мономаха вытекаетъ изъ совокупности фактовъ, характеризующихъ его дѣятельность, какъ кіевскаго князя [2]).

16 апрѣля 1113 г. умеръ Святополкъ Изяславичъ. На другой день Кіевляне, собравшись на вѣче, послали къ Владимиру со словами: «поиде, княже, на столъ отенъ и дѣденъ». Мономахъ замедлилъ прибытіемъ въ Кіевъ и пріѣхалъ лишь по второму посольству. Этому промедленію изслѣдователи не разъ придавали особое значеніе. С. М. Соловьемъ полагалъ, что Мономахомъ руководили тѣже побужденія, что при уступкѣ Кіева Святополку: уваженіе къ старшинству на этотъ разъ Святославичей [3]) Говорить-ли, какъ это плохо вяжется съ его борьбой противъ правъ тѣхъ же Святославичей на Черниговъ? М. С. Грушевскій также думаетъ, что Владимиръ искалъ оправданія своей узурпаціи въ воззрѣніяхъ князей, которые «не очень-то призна-

---

[1]) Ср. приведенныя выше постановленія польскаго короля Казимира Справедливаго на Ленчицкомъ съѣздѣ 1180 г.

[2]) Ср. *Грушевскаго*, II [2], стр. 109—125.

[3]) „Исторія Россіи“, книга I, ст. 349.

вали права народнаго избранія» [1]), но узурпацію видитъ не столько въ нарушеніи правъ Святославичей, сколько въ оттѣсненіи отъ кіевскаго стола старшей линіи Ярославичей; также смотритъ и В. И. Сергѣевичъ. Ни изъ чего не видно, чтобы Владимиръ самъ раздѣлялъ это мнѣніе. И старшій Святославичъ Ярославъ, сидѣвшій на Волыни, возстаетъ противъ Владимира только, когда на югѣ появился Мстиславъ Владимировичъ, какъ возможный преемникъ отца. Самому промедленію Владимира едва-ли можно приписывать столько значенія. Лѣтопись не указываетъ его причины, говоря только: «не поиде, жаляся по братѣ». Кіевляне вторымъ посольствомъ его торопятъ, встревоженные народнымъ бунтомъ. Сама сложность положенія дѣлъ въ Кіевѣ, охваченномъ разрухой, можетъ быть достаточнымъ объясненіемъ промедленія, столь краткаго: 17-го апрѣля кіевляне послали первый призывъ Владимиру, 20-го «вниде Владимиръ въ Кіевъ». Этого, быть можетъ, достаточно, чтобы освѣдомиться о положеніи дѣлъ въ Кіевѣ, но едва-ли, чтобы выяснить отношеніе другихъ князей къ своему шагу.

Какъ бы то ни было Владимиръ, призванный Кіевлянами «сѣде на столѣ отца своего и дѣдъ своихъ». Его двѣнадцатилѣтнее княженіе М. С. Грушевскій такъ характеризуетъ: «Кіевскій столъ занимаетъ сильнѣйшая и способнѣйшая линія Всеволода, поэтому концентрація земель русской державы около своего стараго центра—Кіева могла достигнуть еще нѣсколькихъ успѣховъ: послѣдній проблескъ въ агоніи этой концентраціи».

Земли «русской державы» были объединены подъ кіевской властью во времена Владимира, Ярослава. Механизмъ этого объединенія не сложенъ: сыновья кіевскаго князя держатъ наиболѣе важные пункты, какъ отцовскіе посадники. Старѣйшинство «въ отца мѣсто», о которомъ говоритъ рядъ Ярославовъ, могло бы имѣть значеніе реальной силы, поддерживающей единство всей земли, если бы оно вело къ такимъ же отношеніямъ между старѣйшиной и младшими князьями, какія существовали между отцомъ и сыновьями. Этого не произошло по смерти Ярослава. Но мы видимъ, что старшіе Ярославичи свои волости держатъ сыновьями. Изяславичи теряютъ волости съ изгнаніемъ отца, Святославичи съ возвращеніемъ Изяслава. Всеволодъ, перенявъ во-

---

[1]) II [2], стр. 110. Сужденіе *М. С. Грушевскаго* нерѣшительно: ср. стр. 111.

лость русскую всю, оставляетъ Изяславичей при управленіи Новгородомъ и Волынью, но держитъ ихъ въ положеніи подвластныхъ, распоряжаясь ихъ волостями, безъ всякаго вниманія къ неприкосновенности ихъ отчинъ, и уступая города «изгоямъ», повидимому, не считаетъ это «вводомъ во владѣніе», а лишь такой же «раздачей» городовъ, какая практиковалась по отношенію къ сыновьямъ, что и подчеркнуто въ лѣтописной передачѣ постановленій Любецкаго съѣзда.

Эпоха княжескихъ съѣздовъ, какъ можно назвать время кіевскаго княженія Святополка, приноситъ, въ значительной степени, утвержденіе княжескихъ правъ на отчины. Но въ практикѣ общихъ дѣйствій, младшіе князья остаются въ зависимости отъ старѣйшинства володѣвшихъ на Руси Святополка, Владимира и Святославичей: только эти принимаютъ рѣшенія, а въ походы идутъ младшіе, не участвовавшіе въ совѣтѣ, не опрошенные лишь разногласіе старшихъ князей даетъ напр. Ростиславичамъ возможность отвратить грозившую имъ снова судьбу «изгоевъ».

Въ этихъ чертахъ предыдущаго времени была своего рода историческая основа для политики Владимира по отношенію къ младшимъ князьямъ. Волости, бывшія у него въ рукахъ, онъ поручаетъ сыновьямъ — видимъ Мстислава въ Новгородѣ, Святослава, а по его смерти Ярополка въ Переяславлѣ, Вячеслава въ Смоленскѣ, Юрія въ Суздалѣ. Кромѣ того, занявъ Кіевъ, Владиміръ вступаетъ въ наслѣдіе политики Изяслава и Святополка Изяславича. Тѣ волости, что находились въ непосредственномъ владѣніи Святополка, переходятъ къ нему: турово-пинская земля, какъ «кіевская волость», по выраженію одного изъ позднѣйшихъ князей [1]). Но и младшихъ князей, сидѣвшихъ на западныхъ волостяхъ, Владиміръ втягиваетъ въ свой семейный союзъ. Волынскій князь, Ярославъ Святополчичь, былъ женатъ на внучкѣ Владимира, Мстиславнѣ. За Всеволодка, сына Давыда Игоревича, князя Городенскаго, онъ выдаетъ дочь свою, Агафью; на дочери Володаря Ростиславича женитъ сына своего Романа. Едва ли эти родственныя связи имѣли цѣлью только политическій союзъ, какъ полагаетъ М. С. Грушевскій. По крайней мѣрѣ по отношенію къ Ярославу Святополчичу видно нѣчто иное. Подъ 1117 г. читаемъ разсказъ о походѣ Владимира на него: «и створи миръ съ Ярославомъ, Ярославу покорившюся и вдарившю челомъ пе-

[1]) Ипат., 2-е изд., стр. 222.

редъ стрыемъ своимъ Володимеромъ, и наказавъ его Володимеръ о всемъ, веля ему къ собѣ приходити, когда тя позову». Черезъ годъ Ярославъ бѣжалъ въ Венгрію и началъ борьбу съ помощью Венгровъ, Поляковъ и Чеховъ, втянувъ въ нее и Ростиславичей, пока не погибъ подъ Владимиромъ. И лѣтописецъ, сторонникъ дома Мономахова, доказываетъ правоту Владимира, «оному бо младу сущю и гордящюся противу строеви своему и пакы противу тьсти своему Мьстиславу» [1]).

Эта мотивировка не лишена значенія. Вспомнимъ, что позднѣйшіе своды сохранили указаніе на связь между разрывомъ Ярослава съ Владимиромъ и ихъ семейными отношеніями: «Ярославъ Святополчичь отсла отъ себе жену свою, дщерь Мьстиславлю, внуку Володимерю; Володимеръ же слышавъ се и совокупи воя, поиде на нь» [2]). Если превращеніе семейной исторіи Ярослава въ основной мотивъ и является, вѣроятно, позднѣйшей комбинаціей книжника, то само извѣстіе о ней нельзя признать какимъ-либо вымысломъ, а въ сопоставленіи съ приведеннымъ разсужденіемъ кіевскаго лѣтописца оно пріобрѣтаетъ несомнѣнный интересъ. Владимиръ мужа внучки, обязаннаго почтеніемъ къ тестю, а тѣмъ болѣе къ его отцу, ставитъ своимъ «наказаніемъ» [3]) въ положеніи послушнаго подручника. Послѣ бѣгства Ярослава Владимиръ сажаетъ на Волыни сына Романа, а по его смерти Андрея.

Послѣ гибели Ярослава Святополчича — старшая линія Ярославичей быстро захудала [4]). Волынь остается подъ властью кіевскаго князя: по переходѣ Андрея въ Переяславль (1135 г.) Ярополкъ Владимировичъ сажаетъ тутъ племянника, Изяслава Мстиславича.

Соединеніе Волыни съ Кіевомъ въ однѣхъ рукахъ, объединительныя тенденціи политики Владимира—представляли серіозную опасность для Ростиславичей. Въ первомъ походѣ Владимира на

---

[1]) Ипат., 2-е изд., стр. 205—207.

[2]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 24; т. IX, стр. 150.

[3]) Тонъ этого „наказанія о всемъ“ отмѣченъ въ Лавр., стр. 277: „сварився нань много“.

[4]) Младшіе братья Ярослава—умерли юношами, не оставивъ потомства; изъ его сыновей Вячеслава видимъ позднѣе на мелкомъ Клецкомъ княженіи, а второму, Юрію, удалось въ концѣ 50-хъ годовъ XII вѣка вернуть себѣ клочекъ своей дѣдины—Туровъ. Отъ него пошло цѣлое гнѣздо мелкихъ турово-пинскихъ князей.

Волынь видимъ ихъ въ его войскѣ, но изгнаніе Ярослава толкнуло ихъ къ союзу съ изгнанникомъ, а послѣ его гибели, когда ушли приведенныя на Мономаха венгерскія и польскія силы, Василько и Володарь «къ Володимеру съ мольбою и съ дары посласта послы» [1]); больше о нихъ не слышимъ.

Въ то же время и въ томъ же духѣ устанавливаетъ Мономахъ свои отношенія къ князьямъ полоцкой земли. Причины разрыва съ Глѣбомъ Всеславичемъ, княжившимъ въ Минскѣ, лѣтопись не указываетъ, разсказывая только, что Глѣбъ «бяше воевалъ Дреговичи и Случескъ пожегъ, и не каяшеться о семъ, ни покоряшеться, но болѣ противу Володимеру глаголаше, укаряи и». Слова эти намекаютъ на предшествовавшія недоразумѣнія, о которыхъ кіевская лѣтопись предпочла умолчать. Владимиръ смирилъ Глѣба, который «вышедъ изъ города съ дѣтми и съ дружиною, поклонися Володимеру, и молвиша рѣчи о мирѣ, и обѣщася Глѣбъ по всему послушати Володимера; Володимеръ же умиривъ Глѣба и наказавъ его о всемъ вдасть ему Менескъ». А черезъ два года—Мономахъ, «взя Менескъ у Глѣба у Всеславича, самого приведе Кыеву», гдѣ онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и умеръ [2]). Продолжаетъ дѣло Мстиславъ Мономаховичъ. Въ 1127 г. онъ заставилъ Полочанъ выгнать Давыда Всеславича и просить себѣ въ князья Рогволода Всеславича, а на третій годъ «поточи Мьстиславъ Полотскии князѣ, съ женами и съ дѣтми, въ Грѣкы, еже преступиша хрестьное целование»—«зане не бяхуть въ его воли и не слушахуть его, коли е зовяшеть въ Рускую землю въ помощь, но паче молвяху Бонякови шелудивому во здоровье»; за это Мстиславъ «посла по Кривитьстѣи князѣ, по Давыда, по Ростислава и Святослава и Рогъволодича два, и усажа у три лодьи и поточи и Царьграду за неслушание ихъ, а мужи свои посажа по городомъ ихъ» [3]). Такъ Владимиръ и Мстиславъ довели до конца дѣло объединенія западныхъ волостей подъ кіевской властью, осуществили задачи, намѣченныя Изяславомъ и Святополкомъ. Отсутствіе извѣстій о столкновеніяхъ съ Ростиславичами [4]), оставшихся на своемъ посту — западномъ

---

[1]) Ипат., стр. 206—207.

[2]) Ипат., стр. 203—205.

[3]) Ипат., стр. 211 и 217—218.

[4]) Относительно особенности ихъ положенія сравнительно съ другими князьями см. ниже.

форпостѣ южной Руси, распаденіе ихъ отчины и раздоры, по смерти Василька и Володаря, между ихъ сыновьями—заставляютъ думать, что и галицкіе князья не нарушали кіевскаго властованія на западъ отъ Днѣпра.

Съ другой стороны, характерны отношенія между Владимиромъ, а затѣмъ, Мстиславомъ и черниговскими Святославичами. Не слышно о раздорахъ между ними. Но нѣтъ основанія говорить и о такой зависимости Святославичей отъ Мономаха, какая создавалась для младшихъ князей правобережнаго Днѣпровья. Въ фразеологіи кіевской лѣтописи Святославичи всегда выдѣлены, поставлены рядомъ съ Владимиромъ. Ихъ она вмѣстѣ называетъ: «братья Русции князи» [1]). Въ походъ на Ярослава волынскаго идутъ Владиміръ и Давыдъ Святославичъ и Володарь и Василько [2]). Быть можетъ, и то не лишено значенія, что Давыдъ упоминается въ походѣ только вмѣстѣ съ самимъ Владиміромъ, а когда Владиміръ послалъ на Донъ сына Ярополка, то и Давыдъ послалъ сына своего Всеволода [3]). Прослѣдимъ и дальнѣйшее развитіе этихъ отношеній при Мстиславѣ Владимировичѣ. Старшіе Святославичи сошли со сцены. Олегъ умеръ еще въ 1115 г., Давыдъ въ 1123. Черниговскій столъ занялъ было третій братъ ихъ Ярославъ, но Всеволодъ Ольговичъ «изъѣхалъ» его, дружину перебилъ, а самого дядю вернулъ въ Муромъ. Лѣ-

---

[1]) Ипат., стр. 201: „Въ лѣто 6623, индикта 8, съвъкупишися братья Русции князи, Володимеръ, зовемый Мономахъ, сынъ Всеволожь, и Давыдъ Святославлиць, и Олегъ, братъ его“—на перенесеніе мощей св. Бориса и Глѣба въ Вышгородѣ изъ деревянной церкви въ каменную. Происходитъ споръ о томъ, гдѣ поставить раку, среди ли церкви, какъ хотѣлъ Владиміръ или, по плану Святослава Ярославича, въ приготовленной комарѣ, и рѣшается жребіемъ въ пользу Святославичей. Отмѣчу одну подробность: князья обѣдали у Олега. Не было-ли у него своего двора въ Вышгородѣ? И почему Олегъ принимаетъ въ Вышгородѣ братьевъ, а не Владиміръ? Ср. позднѣйшія отношенія Вышгорода къ Всеволоду Ольговичу.

[2]) Ипат., стр. 204—ошибочно: Давыдъ Ольговичъ. То, что и какъ тутъ названы Ростиславичи, вѣроятно, указываетъ на бо́льшую, по крайней мѣрѣ формально, независимость, признанную за ними Мономахомъ. Напомню, что Володарь былъ тестемъ Мономашича Романа.

[3]) Ипат., стр. 204. Если изъ одной строчки слишкомъ смѣло дѣлать выводъ, то, всетаки, не могу не отмѣтить, какъ указанная черта напоминаетъ позднѣйшее правило договоровъ: „а гдѣ ми буде, брате, поити на рать... всѣсти ти самому съ нами на конь... а пошлемъ воеводъ, и тобѣ и своихъ воеводъ послати“.

тописецъ, благочестивый поклонникъ Мономахова племени, разсказываетъ, какъ Мстиславъ собирался походомъ на Всеволода, чтобы соблюсти крестное цѣлованіе къ Ярославу, какъ молилъ его Всеволодъ, подкупая кіевскихъ бояръ, какъ медлилъ и колебался Мстиславъ, пока игуменъ Андреевскаго монастыря и «соборъ іерейскій» не взяли на свою душу преступленіе крестнаго цѣлованія, какъ Мстиславъ, наконецъ, «створи волю ихъ и съступи хреста къ Ярославу и плакася того вся дни живота своего» [1]). Ярославъ остался въ Муромѣ, а Всеволодъ на столѣ черниговскомъ.

Плачъ по свершенномъ клятвопреступленіи не помѣшалъ Мстиславу использовать положеніе въ духѣ отцовской политики. «Въ то же лѣта посла князь Мстиславъ братью свою на Кривичѣ» [2]) и въ числѣ братьи этой видимъ его зятя Всеволода Ольговича: такъ про старшихъ Святославичей не выражались. Не обошлось дѣло и безъ территоріальныхъ уступокъ Всеволода въ пользу кіевскаго князя, расширившихъ южныя владѣнія его за счетъ черниговскихъ волостей въ Посемьи [3]). А владѣнія эти представляли особую важность именно потому, что разрывали связь черниговщины съ половецкими степями, такъ часто служившими для Святославичей источникомъ силъ на борьбу съ кіевскими князьями.

Съ объединеніемъ подъ одною властью Кіева западныхъ волостей и владѣній, охватывавшихъ съ сѣвера и юга волости черниговскія, семья Мономашичей, пока дружно держалась подъ

---

[1]) Ипат., стр. 209—210.

[2]) Лавр., стр. 282.

[3]) *Грушевскій* (Іст. Укр., II², стр. 123) къ этому моменту относитъ захватъ Мстиславомъ Посемья и посаженіе въ Курскѣ Изяслава Мстиславича. Такъ и *Голубовскій* (Ист. Сѣверской земли, стр. 108) говоритъ о вторичномъ присоединеніи Курска къ переяславскому княжеству въ 1128 г.—Но въ Лавр. лѣт. находимъ извѣстіе, что „Ярополчи бяхуть посадници по всей Семи и Мстиславича Изяслава посадилъ Курьскѣ“ въ связи съ первымъ столкновеніемъ Мстислава съ Всеволодомъ изъ за Ярослава—и ранѣе ихъ примиренія (подъ 1127 г.). Ср. *Голубовскаго* стр. 107: его ссылка на различіе хронологіи Лавр. и Ипат. не имѣетъ значенія, такъ какъ и послѣдняя упоминаетъ о Ярополчихъ посадникахъ на Локнѣ въ томъ же моментѣ изложенія, какъ первая. Захватъ Курска съ Посемьемъ, очевидно, былъ первымъ шагомъ кіевскаго князя по черниговскомъ переворотѣ,—и Всеволоду пришлось съ нимъ примириться, купивъ этой цѣной миръ съ Мстиславомъ.

старѣйшинствомъ Мстислава, оказывалась подавляющей силой въ политической системѣ древней Руси [1]).

Такъ возстановилъ Мономахъ—точнѣе впервые осуществилъ на дѣлѣ—идею старѣйшинства въ землѣ русской: Мстиславу лишь оставалось достроить начатое отцомъ зданіе. Они проводили въ жизнь воззрѣніе, что отдѣльные князья—держатъ части русской земли съ обязанностью соединять свои силы на общее дѣло по требованію старѣйшаго, кіевскаго князя подъ страхомъ кары, лишенія волости. Что такое осмысленіе практики Мономаха и сына его не заключаетъ въ себѣ преувеличенія, показываетъ одно позднѣйшее свидѣтельство. Въ 1177 г. въ Кіевѣ сидѣлъ Романъ Ростиславичъ, и послалъ онъ на Половцевъ сыновей и братьевъ, изъ которыхъ одинъ, Давыдъ Ростиславичъ, не пришелъ и сталъ виновникомъ пораженія. Тогда одинъ изъ Ольговичей поѣхалъ въ Кіевъ къ Роману съ такимъ заявленіемъ: «брате! я не ищю подъ тобою ничегоже, но рядъ нашь такъ есть: оже ся князь извинить, то въ волость, а мужь у голову, а Давыдъ виноватъ — онъ же того не створи», добавляетъ лѣтописецъ, видимо признавая норму княжого права, на которую ссылался обвинитель, Святославъ Всеволодовичъ. И дѣло кончилось изгнаніемъ Романа изъ Кіева [2]). Не въ смутные годы середины XII в. могла выработаться такая норма княжого права, а лишь во времена энергичной кіевской власти; и не даромъ прозвучало злорадствомъ обращеніе Святослава къ Роману—«обрадовашася, говоритъ кіевскій лѣтописецъ, Ольговичи, аки не вѣдуще Божія казни»: онъ ссылался на правило, съ которымъ Романа должна бы связывать семейная традиція [3]).

---

[1]) О Ростиславичахъ наши лѣтописи молчатъ, указавъ подъ 1124 г. на смерть Василька и Володаря. Свѣдѣнія о дальнѣйшихъ событіяхъ въ Галичинѣ сохранились лишь у Длугоша (Ср. *Грушевскаго*, II², примѣтка 10). Тамъ идетъ борьба Васильковичей и Володаревичей, при вмѣшательствѣ Мстислава Владимировича. Лишь по смерти его удалось Володимерку Володаревичу объединить Галичину въ своихъ рукахъ.

[2]) Ипат., стр. 409.

[3]) *В. И. Сергѣевичъ* полагаетъ, что Святославъ Всеволодовичъ ссылался въ данномъ случаѣ на условіе, внесенное въ договоръ между Романомъ и черниговскими князьями (Р. Ю. Др., II², стр. 240). Но не совсѣмъ понятно, какъ могли эти князья вносить въ свой договоръ условіе относительно кары вообще князей за вину, сопоставляя ее, притомъ, съ виною мужа. Святославъ требуетъ, чтобы Романъ покаралъ брата, какъ Мстиславъ полоцкихъ князей. Напомню, кстати, что терминъ „рядъ“

Рука объ руку съ объединительной политикой идетъ стремленіе Мономаха подвести подъ непрочную идею старѣйшинства новое династическое основаніе. Результаты Мономаховой политики были блестящи и окружили его память особымъ ореоломъ въ глазахъ кіевскаго общества: Половцы оттѣснены за Донъ, усобицы прекратились, княжая власть окрѣпла, проявляя свою силу въ уставномъ законодательствѣ, стремившемся поставить въ опредѣленныя рамки нароставшую соціальную рознь. Симпатіи населенія Кіевщины были обезпечены потомству Мономаха. Обезпечить и на будущее время устойчивость созданной системѣ отношеній—не могло не стать цѣлью ея создателя. И обстоятельства, казалось, сулили успѣхъ, но самыя основы этой системы и Мономахова ряда оказались непрочными.

Лѣтописецъ лишь вскользь упоминаетъ объ этомъ рядѣ. Сообщивъ о кончинѣ Владимира, онъ заключаетъ: «и сынове его разидошася кождо въ свою волость, съ плачемъ великомъ, идѣже бяше комуждо ихъ раздаялъ волости. Мьстиславъ, старѣйшій сынъ его, сѣдѣ на столѣ въ Кіеви, отца мѣсто своего» [1]). Не подлежитъ сомнѣнію, что Мстиславъ занялъ кіевскій столъ по «ряду» отца. Въ началѣ княженія Владимира онъ сидѣлъ въ Новгородѣ. Подъ 1117 г. читаемъ извѣстіе, что Владимиръ «приведе» Мстислава изъ Новгорода, и далъ ему Бѣлгородъ [2]), за чѣмъ послѣдовалъ разрывъ Владимира съ Ярославомъ Святополчичемъ. С. М. Соловьевъ допускалъ, что призывъ на югъ Мстислава могъ вызвать у Ярослава подозрѣніе о планахъ преемства на Кіевъ, но не находилъ основанія объяснять ими само распоряженіе Мономаха [3]). Рѣшительнѣе судитъ М. С. Грушевскій [4]), указывая, что для простой помощи себѣ Мономахъ взялъ бы кого-нибудь изъ младшихъ сыновей. Моментъ этотъ представляется, дѣйствительно, знаменательнымъ въ политикѣ Мономаха

далеко не тождественъ по значенію со словомъ „договоръ“. Ср. рядъ рядити, рядъ держати=управлять; рядъ=мирный порядокъ: Новгородцы негодуютъ, что князь „не створи имъ ряду, нъ боле раздьра“; безъ ряду умретъ=безъ языка умреть, не сдѣлавъ уряженья, раздѣла наслѣдникамъ. Ср. опредѣленіе понятія „ряда“ у *Ѳ. И. Леонтовича*, Ж. М. Н. Пр., 1874 г., № 8, стр. 219.

[1]) Ипат., стр. 208.

[2]) Лавр., стр. 277, Ипат., стр. 204.

[3]) „Ист. Россіи“, книга I, стр. 353.

[4]) II², стр. 111.

уже потому, что Мстиславъ, уйдя на югъ, номинально остался новгородскимъ княземъ: въ Новгородской лѣтописи читаемъ, что уходя въ Кіевъ, Мстиславъ «сына посади въ Новѣгородѣ Всеволода на столѣ», а «посадиша на столѣ Всеволода Новгородци» только послѣ смерти Владимира и вокняженіи Мстислава въ Кіевѣ [1]).

Передача кіевскаго стола Мстиславу, насколько знаемъ, не представила затрудненій. Святополковичи были устранены, безсильные и по личному составу. Старшихъ Святославичей уже не стало, а третій братъ ихъ Ярославъ не смогъ и Чернигова удержать противъ племянника. Но рядъ Мономаха не остановился на этомъ. Намекъ на дальнѣйшее его содержаніе изслѣдователи находятъ въ извѣстіи о событіяхъ по кончинѣ Мстислава (1132): «Преставися Мстиславъ... и сѣде по немь братъ его Ярополкъ, княжа Кыевѣ; людье бо Кыяне послаша по нь. Въ то же лѣто Ярополкъ приведе Всеволода Мстиславича изъ Новагорода и да ему Переяславль по крестьному цѣлованію, акоже ся бяше урядилъ съ братомъ своимъ Мстиславомь, по отню повелѣнью, акоже бяше имъ далъ Переяславль съ Мстиславомъ» [2]).

Въ текстѣ этомъ, прежде всего, привлекаютъ вниманіе послѣднія слова, отмѣченныя В. И. Сергѣевичемъ, какъ единственный примѣръ—въ древней Руси—оставленія стола сыновьямъ въ общее владѣніе [3]). Насколько знаемъ, Мстиславъ никогда не занималъ переяславскаго стола. Съ 1113 г. сидитъ въ Переяславлѣ Ярополкъ. А Владимиръ, передъ кончиной, оставляя Мстиславу золотой столъ кіевскій, даетъ ему вмѣстѣ съ Ярополкомъ—Переяславль. Это могло имѣть лишь смыслъ предоставленія Мстиславу права распорядиться переяславскимъ столомъ и утвердить на него отчинныя права Мстиславичей. Мстиславъ по смерти отца урядился крестнымъ цѣлованіемъ съ Ярополкомъ о передачѣ, по отню повелѣнью, Переяславля Мстиславичу Всеволоду, точнѣе вообще Мстиславичамъ, какъ ихъ отчину: по изгнаніи Всеволода Юріемъ, Ярополкъ даетъ Переяславль, крестнаго ради цѣлованія, другому Мстиславичу Изяславу. Въ уряженьи этомъ заключалось и опредѣленіе относительно судебъ стола кіевскаго. Моментъ пе-

---

[1]) Новг. I, стр. 121 и 123.

[2]) Лавр., стр. 286. Ср. *В. И. Сергѣевича,* Р. Ю. Др. II², стр. 270—272; *М. С. Грушевскаго,* II², стр. 131—132.

[3]) II², стр. 253.

редачи Переяславля Всеволоду—переходъ Ярополка въ Кіевъ, когда преставился Мстиславъ, «оставивъ княженіе брату своему Ярополку, емуже и дѣти свои съ Богомъ на руцѣ предасть» [1]). Исчерпывалось ли содержаніе Мономахова ряда преемствомъ Ярополка по Мстиславѣ на кіевскомъ столѣ съ передачей Переяславля Мстиславичамъ? Едва-ли. Когда Ярополкъ передалъ Всеволоду Переяславль, вызвавъ его изъ Новгорода, то Юрій и Андрей Владимировичи поняли это, какъ шагъ къ передачѣ ему и кіевскаго стола по Ярополкѣ: «се Ярополкъ, братъ наю, по смерти своей хощеть дати Кыевъ Всеволоду, братану своему», порѣшили они, и выгнали его изъ Переяславля [2]).

Переходъ на югъ Всеволода Мстиславича получилъ такое же значеніе, какъ въ 1117 г. появленіе Мстислава въ кіевской землѣ. Отмѣчу, притомъ, что съ уходомъ Всеволода изъ Новгорода, столъ новгородскій не былъ переданъ другому князю: изгнанный Юріемъ, Всеволодъ вернулся въ Новгородъ, но Новгородцы, негодуя, что онъ покинулъ ихъ, хотя крестнымъ цѣлованіемъ обязался княжить у нихъ пожизненно, не сразу его приняли, да и потомъ, низлагая его черезъ три года, корили: «чему хотѣлъ еси сѣсти Переяславли?» [3]).

Можно, конечно, при отрывочности нашихъ извѣстій, колебаться: отнести-ли планъ преемства Мстиславичей по Ярополкѣ на кіевскомъ столѣ къ ряду Мономахову или къ соглашенію Мстислава съ Ярополкомъ. Но колебанія эти устраняются, полагаю, самымъ характеромъ какъ завѣщанія Мономаха относительно Переяславля, которое создавало права на него кіевскаго князя Мстислава съ потомствомъ, хотя временно волость и оставалась въ рукахъ Ярополка, такъ и содержаніемъ завѣщанія Мстислава, оставившаго брату Кіевъ, вмѣстѣ съ опекой надъ сыновьями. Совокупность извѣстій даетъ представленіе о послѣдовательно проводимой династической реформѣ, вполнѣ согласной съ общимъ характеромъ дѣятельности Мономаха; и нѣтъ основаній противополагать планы и соглашенія Мстислава съ Ярополкомъ—содержанію Мономахова ряда [4]).

---

[1]) Ипат., стр. 212.

[2]) Новг. I, стр. 126. Лавр. и Ипат. не упоминаютъ объ участіи Андрея въ изгнаніи Всеволода: но въ дальнѣйшемъ видимъ, что онъ переходитъ въ Переяславль, чѣмъ подтверждается показаніе Новг. I.

[3]) Новг. I, стр. 126—129.

[4]) Къ такому пониманію склоняется и *М. С. Грушевскій*, II², стр. 131.

Дѣло шло объ утвержденіи за одной изъ линій Мономахова потомства—какъ исключительныхъ правъ на владѣніе Кіевомъ, Переяславлемъ и Новгородомъ, такъ и связаннаго съ кіевскимъ столомъ старѣйшинства въ землѣ русской, руководящей роли во всей системѣ русскихъ земель-княженій. Рѣчь шла обо всемъ наслѣдіи Владимира и Мстислава—владѣльческомъ и политическомъ. Только такое толкованіе дошедшихъ до насъ отрывочныхъ извѣстій, согласное съ общимъ направленіемъ политики Владимира и Мстислава, даетъ объясненіе и той упорной борьбѣ, какая завязалась между Мономашичами при первой попыткѣ осуществить на дѣлѣ новый порядокъ преемства на столѣ кіевскомъ.

Но имѣемъ ли мы основаніе видѣть тутъ установленіе новаго принципа въ княжомъ наслѣдованіи? На такой вопросъ отвѣтъ возможенъ только отрицательный. Мономахъ и Мстиславъ лишь повторяютъ, въ болѣе сильной степени, потому что княжескій родъ количественно разросся, то, что въ свое время удалось старому Ярославу: свести владѣніе ядромъ древней Руси къ владѣнію одной семьи, съ исключеніемъ другихъ, боковыхъ линій. Ничто не указываетъ на то, чтобы въ ихъ планахъ играла какую либо роль идея маіората, чтобы она приходила имъ въ голову. Съ другой стороны, попытка эта происходила въ условіяхъ иной исторической эпохи, и смыслъ ея долженъ быть ограниченъ указаніемъ на установившіяся избирательныя права населенія [1]). Поскольку пошедшая отъ Владимира и Мстислава традиція была принята населеніемъ земли кіевской—сперва по отношенію вообще къ Мономахову потомству, затѣмъ къ старшимъ Мономашичамъ—она лишь суживала кругъ возможныхъ наслѣдниковъ даннаго стола, не предопредѣляя, однако, строгой послѣдовательности индивидуальныхъ правъ въ ихъ средѣ, и не поддерживая идею старѣйшинства кіевскаго князя.

Втеченіе дальнѣйшихъ событій именно династическія тенденціи старшихъ Мономашичей дали толчокъ къ кровавой смутѣ, въ которой «раздьрася вся земля русьская», погибли результаты политики Мстислава и Мономаха, пало и значеніе Кіева.

Крушеніе системы отношеній, созданной трудами Мономаха и Мстислава, а тѣмъ болѣе ихъ династическихъ плановъ вполнѣ опредѣлилось въ первый же годъ по смерти Мстислава. Переходъ

---

[1]) „И сѣде Кыевѣ Мстиславъ“—читаемъ въ Лавр., стр. 280; „Мстислава посадиша на столѣ“—въ Новг. I, стр. 123.

Всеволода Мстиславича изъ Новгорода въ Переяславль—оказался неосуществимымъ. Дядя Юрій въ тотъ же день его выгналъ, а бурное настроеніе Новгородцевъ требовало оставить его на ихъ столѣ, чтобы удержать Новгородъ въ рукахъ Мстиславичей. Попытка Ярополка иначе исполнить свой рядъ съ Мстиславомъ, переводя въ Переяславль Изяслава Мстиславича изъ Полоцка [1]), привела къ утратѣ полоцкаго княженія. Раздраженные, подобно Новгородцамъ, уходомъ своего князя, Полочане изгнали его брата Святополка и посадили на столъ своего отчича, Василька Святославича, внука Всеслава [2]). Новгородскія и полоцкія дѣла заставили Ярополка отступить отъ ряда Мстиславова и «уладиться» съ братьями—Юріемъ и Андреемъ (роль Вячеслава рисуется пассивной). Изяслава Ярополкъ «съ нужею» вывелъ изъ Переяславля, чтобы отдать этотъ городъ Вячеславу. А Изяславу «даша» къ Минску, который одинъ уцѣлѣлъ изъ прежней его полоцкой волости—Туровъ и Пинскъ, куда, однако, вскорѣ вернулся Вячеславъ, не утвердившійся въ Переяславлѣ [3]).

---

[1]) „И сѣде Гюрги дній 8, и выведе и Ярополкъ, хрестьнаго ради цѣлованія, и посла по другаго Мстиславича, по Изяслава, въ Полтескъ, и приведе и съ клятвою". Лавр., стр. 286. Ср. *Соловьева*, „Исторія Россіи", книга I, стр. 368.

[2]) Ср. *С. М. Соловьева* (тамъ-же); *Данилевича* „Очеркъ исторіи Полоцкой земли", стр. 82.

[3]) Ходъ событій и ихъ хронологія за эти годы сильно спутаны. *Лавр.* даетъ подъ 1133 г. неясный текстъ: „Ярополкъ посла Мстиславича Изяслава къ братьи Новугороду, и даша дани Печерьскыѣ и отъ Смолиньска даръ, и тако хрестъ цѣловаша; и поча лишатися Вячеславъ Переяславля и, дошедъ Городца, воротися опять". Не идетъ ли тутъ рѣчь о неосуществленномъ на дѣлѣ новомъ соглашеніи Ярополка съ Мстиславичами, пытавшимися цѣною даровъ привлечь его на свою сторону въ переяславскомъ вопросѣ? Не могу видѣть тутъ дары, которыя Ярополкъ поручилъ князьямъ новгородскому и смоленскому дать Изяславу, какъ предлагаетъ *Грушевскій*: въ Новгородѣ сидѣлъ Всеволодъ, въ Смоленскѣ—Ростиславъ Мстиславичи. Подъ 1134 г. Лавр. сообщаетъ о выходѣ Вячеслава изъ Переяславля въ Туровъ противъ воли Ярополка, а подъ 1135 г.—о томъ, какъ Юрій „испроси у брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку вда Суждаль и Ростовъ и прочюю волость свою, но не всю"; затѣмъ, въ то же лѣто „изъ Турова иде Изяславъ въ Мѣнескъ, оттолѣ же иде Новугороду къ братьи, и сложишася (со Р. А.) Олговичи и съ Давыдовичи, и вставша вси на рать". Въ *Ипат.* читаемъ только: подъ 1134 г.—„Вячьславъ лишився Переяславля, иде опять Турову, не послушавъ брата своего Ярополка", а подъ 1135 г., то-же, что въ Лавр., извѣстіе о соглашеніи Юрія съ Ярополкомъ—„и про то заратишася Ол-

И снова видимъ группировку князей, сходную—на первый взглядъ—съ той, какая сложилась по смерти Ярослава: союзъ Мономашичей—Ярополка, Юрія, Андрея, съ ними и второй братъ, безличный Вячеславъ,—противъ племянниковъ. Но времена были другія. Въ рукахъ младшихъ князей было слишкомъ много силъ для того, чтобы союзъ старшихъ Мономашичей могъ властвовать въ землѣ, подобно старшимъ Ярославичамъ. Серьезной силой сказалась въ возникшей усобицѣ и самостоятельная политика вѣчевыхъ городовъ.

По началу, Мстиславичи выбиты изъ южной Руси. Кіевъ, Волынь, Туровъ, Переяславль въ рукахъ дядей. По соглашенію съ Ярополкомъ, Юрій, получивъ Переяславль, отдалъ ему Суздаль и Ростовъ, «и прочюю волость свою, но не всю»: Поволжье также въ рукахъ дядей, Ростиславъ Мстиславичъ удержался въ Смоленскѣ, но объ его участіи въ усобицѣ, мы ничего не слышимъ [1]). Опорнымъ пунктомъ Мстиславичей оказался, на первыхъ порахъ, Новгородъ, но съ первыхъ же шаговъ Всеволода, направленныхъ къ тому, чтобы втянуть его въ борьбу за интересы Мстиславичей, выступила сильная партія противниковъ служенія княжеской династической политикѣ, а неудача суздальскихъ походовъ доставила ей рѣшительный перевѣсъ [2]). Только союзъ съ сильными Святославичами, во главѣ которыхъ стоялъ энергичный Ольговичъ Всеволодъ, помогъ Мстиславичамъ добиться уступокъ.

говичи". *Новг. 1*—относитъ начало усобицы къ 1134 г., упоминая о походѣ Всеволода съ Новгородцами, чтобы брата (Изяслава) посадить въ Суздалѣ, послѣ котораго „Изяславъ иде Кыеву: и раздьрася вся земля Русьская". Послѣдній походъ—это походъ Изяслава подъ Черниговъ въ помощь Ольговичамъ, падающій по Лавр. на осень 6643 г., что можетъ быть и 1134 г.—Въ предыдущемъ Лавр. явно двоитъ извѣстіе о Туровѣ, и запаздываетъ съ началомъ усобицы, путая записи о событіяхъ въ Поволжьи и въ Переяславлѣ (Лавр,. стр. 287—288; Ипат., стр. 213—214; Новг. I, стр. 126—127).

[1]) Не знаю, какъ это объяснить. Выступаетъ Ростиславъ только по примиреніи Мстиславичей съ Ярополкомъ, какъ противникъ Ольговичей: Смольняне перехватываютъ Святослава Ольговича, изгнаннаго Новгородцами и участвуютъ въ походѣ подъ Черниговъ.

[2]) Новг. I, стр. 126—127. Послѣ пораженія при Жданѣ горѣ посадничество переходитъ въ руки Мирослава Гюрятинича, который дѣлаетъ неудачную попытку посредничества между Кіевомъ и Черниговымъ; а примиреніе Мстиславичей съ Ярополкомъ и разрывъ ихъ союза съ Святославичами—привели къ низложенію Всеволода: „велѣлъ ны, рече, къ Всеволоду приступити, а пакы отступити велить", (тамъ-же, стр. 129).

*

Андрей Владимировичъ перешелъ въ Переяславль, очищая Владиміръ Волынскій для Изяслава, а изгнанный Новгородцами Всеволодъ получилъ Вышгородъ, чтобы вскорѣ перейти въ Псковъ, куда звали его новгородскіе «милостници», куда манила надежда вернуть себѣ новгородскій столъ. Но Новгородъ былъ уже потерянъ для Мономахова племени, въ смыслѣ надежной опоры его силы. «Не только Мономаховичи, но и вообще Ярославичи съ этого времени, можно сказать, теряютъ новгородскую волость, и она занимаетъ совсѣмъ особое, исключительное положеніе въ политической системѣ Руси» [1]). Потеряна и минская волость, вернувшаяся въ руки полоцкой княжой линіи [2]).

Мономахово наслѣдіе разбито. И территоріальныя потери, и еще болѣе разрушеніе силы, объединившей политическое руководство всей землей русской—вскрыли съ яркой наглядностью несоотвѣтствіе основаній, на которыхъ строилъ Мономахъ, какъ складу междукняжескихъ отношеній, такъ и настроенію населенія. Его дѣло нашло себѣ продолжателя только въ Мстиславѣ. Но оно оказалось слишкомъ тѣсно связаннымъ съ личными свойствами, а еще болѣе—съ положеніемъ этихъ князей среди княжой братьи и рушилось при первыхъ раздорахъ въ средѣ Мономахова потомства.

Рушилось дѣло Мономаха. Но не исчезла безслѣдно традиція, доведенная имъ до такого напряженія, что возможной казалась ея побѣда. И ее проявленія въ ходѣ дальнѣйшихъ событій требуютъ вниманія.

Въ 40-мъ годахъ XII вѣка ее беретъ въ свои руки Всеволодъ Ольговичъ (1138—1146) [3]). Раздорами Мономашичей черниговскіе князья воспользовались, чтобы возстановить свое положеніе, стѣсненное политикой Мономаха и Мстислава: «Олговичи

---

[1]) *Грушевскій*, II², стр. 138.

[2]) Съ ухода Изяслава Мстиславича изъ Минска на сѣверъ—не имѣемъ свѣдѣній о минской волости. Съ конца 30-хъ гг. видимъ полоцкихъ князей въ союзѣ съ Ярополкомъ, потомъ съ Всеволодомъ Ольговичемъ. Подъ 1140 г. Ипат. сообщаетъ о возвращеніи изъ Царьграда двухъ полоцкихъ княжичей. Вѣроятно, съ этими извѣстіями надо связать возвращеніе Минска въ руки его „отчичей“; первое упоминаніе о немъ, какъ владѣніи полоцкихъ князей—подъ 1151 г. (Ипат., стр. 308). Ср. *Даниловича*. Очеркъ исторіи Полоцкой земли, стр. 83—86.

[3]) Обзоръ его княженія см. у *Грушевскаго*, II², стр. 138—146.

начаша просити у Ярополка: «что ны отець держалъ при вашемъ отци, того же и мы хочемъ»—и послѣ примиренія съ Мстиславичами «вда Ярополкъ Олговичемъ отчину свою, чего и хотѣли» [1]). М. С. Грушевскій догадывается, что рѣчь шла о Посемьи, указывая, что Куряне послѣ этого выступаютъ въ составѣ силъ Ольговичей [2]). Смерть Ярополка (въ февралѣ 1138 г.)—открыла Всеволоду Ольговичу болѣе широкіе пути. Мономашичи были ослаблены отсутствіемъ солидарности между двумя самыми сильными представителями ихъ рода—Юріемъ Владимировичемъ и Изяславомъ Мстиславичемъ [3]). Только этимъ можно объяснить безпомощное положеніе Вячеслава, занявшаго было Кіевъ, по смерти брата. Всеволодъ Ольговичъ, придя подъ Кіевъ съ Вышегородцами [4]), послалъ сказать ему: «иди з добромъ изъ города», и Вячеславъ уступилъ безъ борьбы, вернувшись въ свой Туровъ.

И «сѣде Ольговичь въ Кыевѣ и нача замышляти на Володимеричѣ и на Мстиславичѣ, надѣяся силѣ своей, и хотѣ самъ всю землю держати съ своею братьею: искаше подъ Ростиславомъ Смолиньска, а подъ Изяславомъ Володимеря» [5]).

Глава черниговскихъ князей, занявъ столъ кіевскій, могъ

---

[1]) Ипат., стр. 213 и 215.

[2]) Новг. I, стр. 130. Соглашеніе не оказалось прочнымъ: черезъ два года Всеволодъ съ Половцами нападаетъ на переяславскія волости и „поима Посульское“, повидимому спорную территорію (Ипат., стр. 216).

[3]) По вокняженіи въ Кіевѣ Всеволода—Юрій пріѣзжалъ къ Ростиславу Мстиславичу въ Смоленскъ, обращался и къ Новгородцамъ, тщетно хлопоча о коалиціи противъ Всеволода (Н. I, стр. 132). И позднѣе: Изяславъ ѣздилъ къ Юрію, но не могъ съ нимъ уладиться (Лавр., стр. 294).

[4]) Это участіе Вышегородцевъ въ захватѣ Кіева Ольговичемъ заставляетъ вспомнить объ указанной выше роли Олега въ Вышегородѣ при перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба: онъ принимаетъ у себя и угощаетъ Мономаха. Братья Святославичи добиваются при этомъ исполненія предначертаній своего отца относительно помѣщенія раки святыхъ. Связь Святославичей съ Вышегородомъ не ясна изъ дошедшихъ до насъ извѣстій. Но едва-ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что Всеволодъ Ольговичъ имѣлъ бы основаніе назвать Вышегородъ—отнимъ городомъ. Онъ и умираетъ въ Вышгородѣ (Лавр., стр., 297): не въ Кіевъ, а въ Вышгородъ везутъ его, больного. Еще при Изяславѣ „держа Вышгородъ Чюдинъ“—Лавр., 177, подъ 1072 г.; это—по всей вѣроятности—Микула Чюдинъ, участвующій четвертымъ въ ряду княжихъ мужей на съѣздѣ трехъ Ярославичей, установившихъ свою „Правду“—А при Владимирѣ Мономахѣ: Иванко Чюдиновичъ, *мужъ Ольговъ*, участвуетъ въ составленіи устава о рѣзахъ.

[5]) Лавр., стр. 291.

лелѣять самые широкіе планы, могъ чувствовать себя призваннымъ къ объединенію Всеволожей и Святославлей отчинъ старшихъ Ярославичей въ одной политической системѣ, построенной въ духѣ Мономаха, но на болѣе широкомъ основаніи, чѣмъ то, что служило Владимиру. И Всеволодъ Ольговичъ дѣлаетъ попытку вступить на путь Мономаха, «оставивъ свою отчину», какъ упрекалъ его Вячеславъ [1]), попытку безнадежную, такъ какъ не имѣлъ онъ, на самомъ дѣлѣ, ни одной изъ тѣхъ опоръ, на какихъ покоилось положеніе Мономаха: ни въ солидарности своей семьи, ни въ перевѣсѣ силъ надъ другими князьями, ни въ сочувствіи населенія. Тѣмъ она любопытнѣе, такъ какъ не вытекала изъ окружавшихъ Всеволода условій, а вызвана исключительно силой традиціи кіевскаго старѣйшинства.

Первыя покушенія Всеволода направлены на Волынь и Переяславль. «Иди изъ Володимера» послалъ онъ сказать Изяславу, а Андрею Переяславскому: «иди Курску». Но Мономашичи твердо стали за свои отчины и, даже разрозненные, оказались въ силахъ ихъ удержать [2]). Пришлось считаться съ Мономашичами. Начались переговоры. Всеволодъ сперва «не хотѣ учинити волѣ ихъ», но «послѣдѣ съдумавъ, оже ему безъ нихъ нелзѣ быти, и давъ имъ прошеніе ихъ и крестъ къ нимъ цѣлова» [3]). Не знаемъ, въ

---

[1]) „Азъ, брате,—такія слова влагаетъ ему въ уста лѣтописецъ, чей разсказъ сохранился въ позднѣйшихъ сводахъ,— пріидохъ здѣ по братіи своей Мстиславѣ и Ярополцѣ, по отець нашихъ завѣщанію; аще ли ты восхотѣлъ еси сего стола, оставя свою отчину, ино, брате, азъ есмь мній тебе буду“—Воскр. (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 32). Ср. замѣчаніе *К. Н. Бестужева—Рюмина*. О составѣ русскихъ лѣтописей, стр. 77.

[2]) Лавр., стр. 291.

[3]) Ипат., стр, 219.—*М. С. Грушевскій* полагаетъ, что Всеволодъ обѣщалъ передать Вячеславу и Изяславу Кіевъ, принявъ соглашеніе состоявшееся еще до того между этими князьями. Указаніе на то, что между ними такое соглашеніе было уже при жизни Всеволода, онъ видитъ въ словахъ Вячеслава: „Изяславъ ѣда бится съ Игоремъ, тако молвить: язъ Кіева не собѣ ищю, но оно отець мой Вячьславъ братъ старѣй, а тому его ищю“ (Ипат., стр. 297), и въ покаяніи Изяслава передъ дядей, что онъ по удачѣ на немъ „чести не положилъ“ (Ипат., стр. 289). Это еще не указываетъ на уговоръ совмѣстно владѣть Кіевомъ, а поведеніе Вячеслава послѣ побѣды Изяслава надъ Игоремъ (Лавр., стр. 298) прямо говоритъ о намѣреніи его править самостоятельно. Всего вѣроятнѣе, что всѣ эти извѣстія указываютъ на согласіе Изяслава признать старѣйшинство и кіевскій столъ за Вячеславомъ во время его краткаго княженія по смерти Ярополка. Ср. *Грушевскаго* II², стр. 141 и 150.

чемъ состояли уступки Всеволода, но Мономашичи сохранили свои княженія, а Всеволода, какъ говорилъ позднѣе Изяславъ, признали старѣйшиной [1]). По смерти Андрея, Всеволодъ послалъ на Вячеслава, чтобы отнять у него Туровъ: «сѣдиши, велѣлъ онъ ему сказать, въ Кыевьской волости, а мнѣ достоить; а ты иди Переяславлю въ отчину свою»; Вячеславъ подчинился, но затѣмъ уговорилъ Всеволода вернуть ему Туровъ, а Переяславль отдать Изяславу, въ обмѣнъ на Владимиръ, куда Всеволодъ послалъ сына Святослава [2]).

Еще менѣе успѣшна была новгородская политика Всеволода. Ни его брату, ни сыну не удалось тамъ утвердиться, а опасность перехода Новгорода на сторону враждебнаго Юрія Владимировича побудила Всеволода къ новому соглашенію съ Мстиславичами: «уладися Всеволодъ съ шюринама своима и да има Новъгородъ и посадиша Святополка Новѣгородѣ».

Такъ сложились своеобразныя отношенія: Ольговичъ, захватившій Кіевъ и старѣйшинство, главную опору находитъ въ Мстиславичахъ, союзъ съ которыми и далъ ему возможность удержать за собою занятое положеніе. Союзъ этотъ служилъ Всеволоду не только для того, чтобы изолировать Юрія и держать волости, гдѣ вліяніе Мономашичей пустило наиболѣе глубокіе корни. Онъ былъ ему необходимъ въ противовѣсъ недовольству и требованіямъ своей черниговской родни. Крайне характерно положеніе этого Святославича, перекинувшагося на правый берегъ Днѣпра и тѣмъ самымъ поставленнаго въ антагонизмъ съ братьей, сидѣвшей на столахъ черниговской области.

Святославичи, въ дни Всеволода, дѣлились на три линіи— Давыдовичей, Ольговичей и Ярославичей. Послѣдніе замкнулись въ своихъ муроморязанскихъ волостяхъ, а старшая линія была оттѣснена на второй планъ Всеволодомъ, но оставалась достаточно сильной, чтобы съ нею считаться. Стремясь сохранить независимость отъ всей этой родни и держать ее въ рукахъ, Всеволодъ, повидимому, ничего такъ не опасался, какъ согласія между Давыдовичами и своей братьей Ольговичами. По крайней мѣрѣ, кіевская лѣтопись приписываетъ ему политику по правилу divide et impera относительно черниговскихъ князей [3]). Ему при-

[1]) „Всеволода есми имѣлъ въправду брата старишаго, занеже ми братъ и зять старѣй мене, яко отець“ Ипат., стр. 230.

[2]) Лавр., стр. 293—294.

[3]) „Бѣ бо Игореви обѣщалъ изъдавна дати подъ собой Черниговъ,

ходилось не опоры въ нихъ искать для своей, по замыслу, общерусской политики, а бороться противъ ихъ стремленія вытѣснить его самого изъ черниговскихъ волостей, гдѣ онъ за собой сохранилъ область Вятичей [1]), и навязать ему свои планы по распредѣленію волостей и отношеніямъ къ другимъ князьямъ [2]). Всеволодъ стремился къ старѣйшинству въ землѣ русской, лавируя въ теченіяхъ княжескихъ отношеній, а братья хотѣли видѣть въ немъ орудіе своихъ интересовъ и семейныхъ традицій. Доходило до того, что Игорь пробовалъ добиваться Переяславля, помимо брата, и вступилъ въ неудачную борьбу съ Мстиславичами на свой страхъ [3]): лѣтопись объ участіи въ ней Всеволода не упоминаетъ.

И въ такой обстановкѣ Всеволодъ Ольговичъ пробуетъ осуществлять свое старѣйшинство, требуя гдѣ можно, покорности; пробуетъ осуществить и распоряженіе кіевскимъ столомъ на случай смерти, повторяя Мономаха, но въ пользу семьи Ольговичей.

Въ концѣ концовъ Всеволодъ достигъ признанія своего старѣйшинства всѣми князьями, кромѣ Юрія Владимировича и Володимирка галицкаго. Какъ бы ни было оно поверхностно, сравнительно съ властнымъ положеніемъ Мономаха или Мстислава, Всеволодъ, все таки, стоялъ въ центрѣ всѣхъ событій за время своего кіевскаго княженія и, если не силой, то дипломотической игрой — вліялъ на нихъ, идя отъ компромисса къ компромиссу.

и не да ему, но да и Давыдовичю Володимеру, и свади братью, и тако отпусти"—Ипат., стр. 217. „Всеволодъ же, не хотя того, оже ся братья съвъкупила въ едину мысль, посла къ Давыдовичема, река има: „отступита вы отъ брату моею: азъ ваю надѣлю". Ипат., стр. 223.

[1]) „А отчинѣ своеѣ не дасть, Вятичь", жалуется на него братъ его Игорь—Ипат., стр. 222.

[2]) Его сдѣлки съ Мстиславичами и передача Турова, а потомъ Владимира сыну Святославу—вызывали постоянное недовольство братьевъ: „и бысть братьи его тяжко сердце, Игореви и Святославу: волости бо даетъ сынови, а братьи не надѣли ничимъ же"—Ипат., стр. 222; „И не любляхуть сего Олговичи, братья Всеволожа, и порошташа на нь, оже любовь имѣеть съ Мьстиславичи, съ шюрьями своими, а съ нашими ворогы, и осажался ими около, а намъ на безголовіе и безъмѣстье и собѣ"—Ипат., стр. 223—224.

[3]) Лавр., стр. 294. Слѣдствіемъ этой усобицы была уступка Вячеславомъ Переяславля Изяславу съ согласія Всеволода. Сдѣлавъ братьямъ нѣкоторыя уступки въ черниговскихъ волостяхъ, Всеволодъ далъ имъ на западѣ: Клеческъ и Черторыйскъ Святославу Ольговичу, а Давыдовичамъ—Берестье и Дорогичинъ.

Непримиримый Юрій замкнулся въ своей сѣверо-восточной отчинѣ и до поры, до времени, не имѣлъ значенія на югѣ. Всеволодъ не могъ привести его, хоть формально, къ признанію своего, узурпированнаго, съ точки зрѣнія отчинныхъ правъ Мономашича, старѣйшинства. Онъ ограничился тѣмъ, что захватилъ «городы Гюргевѣ, конѣ, скотъ, овцѣ и кде чьто чюя товаръ», т. е. все, чѣмъ владѣлъ Юрій на югѣ [1]). Что до галицкихъ князей, то въ началѣ княженія Всеволода видимъ ихъ на его сторонѣ противъ Изяслава волынскаго; но когда Волынь перешла къ Всеволоду, а Володимерко Володаревичъ началъ объединять Галичину въ своихъ рукахъ, дошло до разрыва. Всеволодъ и князья, его союзники [2]) «идоша на многоглаголиваго Володимерка и волею (вар.: неволею) нудяще его пріѣхати къ Всеволоду поклонитися ему, оному же того не хотящю». Володимерко купилъ себѣ миръ крупною контрибуціей [3]), склонивъ на свою сторону Игоря Ольговича.

Въ переговорахъ Володимерка съ Игоремъ впервые возникаетъ вопросъ о кіевскомъ преемствѣ. «И поча Володимеръ слати ко Игореви, река: оже мя съ братомь умиришь, то по его смерти помогу ти къ Кыеву. Тѣмже перельсти Игоря, и Игорь нача молитися къ Всеволоду, и молбою и гнѣваяся, река: не хочеши ми добра; про что ми обреклъ еси Кыевъ, а пріятелевъ ми не даси пріимати?». Всеволодъ «обрекъ» Кіевъ Игорю. Чтобы заранѣе обезпечить это преемство, созвалъ онъ братьевъ и Владимира Давыдовича съ Изяславомъ Мстиславичемъ и, по разсказу кіевской лѣтописи, сказалъ имъ: «Володимиръ посадилъ Мьстислава, сына своего, по собѣ въ Кіевѣ, а Мьстиславъ Ярополка, брата своего, и се я мольвлю: оже мя Богъ поимѣть, то азъ по собѣ даю брату моему Игореви Кіевъ». Не одинъ Кіевъ давалъ онъ Игорю, а и старѣйшинство надъ князьями: «цѣлуйте, сказалъ онъ имъ, крестъ ко Игореви; что вы начнеть даяти, но по воли,

---

[1]) Ипат., стр. 221; Лавр., стр. 294. Объ Остерскомъ городкѣ Юрьевѣ см. *Грушевскаго*, II², стр. 355—356. Какіе еще разумѣются тутъ „городы“. лѣтописи не указываютъ.

[2]) „Совокупи вси князи Русскіе“ (Лавр., стр. 295); „ходиша Ольговичи на Володимерька, Всеволодъ съ братома, сь Игоремь, Святославомъ, Давыдовиць Володимеръ и Вячеславъ Володимеричь, Мстиславича два, Изяславъ, Ростиславъ, и Святославъ Всеволодичь, Всеволодковича два, Борисъ и Глѣбъ, и Глѣбовичь Ростиславъ“ (Ипат., стр. 225).

[3]) Ипат., стр. 225—226; Лавр., стр. 295—296.

а не по нужи», а Игорю: «цѣлуй крестъ, яко имѣти братью въ любовь» [1]). Всеволодъ въ данномъ текстѣ выдвигаетъ ту черту старѣйшинства, которая была наиболѣе спорной и наиболѣе вызывала сопротивленія. Старѣйшина, будучи «въ отца мѣсто», долженъ быть не только руководителемъ и распорядителемъ общихъ предпріятій, объединяющимъ силы всей земли, онъ долженъ имѣть право и распредѣлять ея части-волости между князьями, какъ отецъ между дѣтьми [2]). И въ этомъ состояло противорѣчіе между началами старѣйшинства и отчины, одна изъ его сторонъ, тянувшихъ къ сохраненію единства въ распоряженіи владѣніями, подвергшимися отчинному раздѣлу. Эту черту старѣйшинства князья никогда не теряли изъ виду—и въ стремленіи его осуществить, и въ стремленіи его обезсилить [3]).

Затѣмъ, на смертномъ ложѣ въ Вышгородѣ, Всеволодъ «призва къ собѣ Кіяне и нача молвити: «азъ есмь велми боленъ, а се вы братъ мой Игорь, имѣтесь по нь». Они же рекоша: «княже! ради ся имемь». И пояша Игоря въ Кіевъ, иде съ ними подъ Угорьскій и съзва Кіянѣ вси; они же вси цѣловавше къ нему крестъ, рекуче: «ты намъ князь». [4])

Передъ нами характерный примѣръ номинаціи кіевскаго князя предшественникомъ. Она сама по себѣ не даетъ ему правъ, необходимо признаніе населенія для пріобрѣтенія стола кіевскаго, необходимо признаніе князей для пріобрѣтенія старѣйшинства. Примѣръ этотъ еще тѣмъ интересенъ, что тутъ видимъ, насколько знаю, первый примѣръ крестнаго цѣлованія князю-преемнику при жизни предшественника [5]), пріема, который сыгралъ столь круп-

[1]) Ипат., стр. 227.

[2]) *Я. А. Голяшкинъ* въ „Очеркѣ личныхъ отношеній между князьями Кіевской Руси въ половинѣ XII вѣка“ („Изданія Историческаго Общества при Имп. Моск. Унив.“; т. II, М. 1898 г.) пришелъ къ заключенію, что „князь - отецъ могъ раздавать волости безъ вниманія къ возрасту сыновей“.

[3]) Изяславъ Мстиславичъ, уступая Кіевъ дядѣ Вячеславу и возлагая на него старѣйшинство, говоритъ: „ты ми еси отець, а се ти Кіевъ,—а се волость: которое тобѣ годно, то возми, а иное мнѣ вдай“ (Ипат., стр. 278). Когда Изяславъ впервые занялъ Кіевъ, то Вячеславъ, „надѣяся на старѣйшинство“—начинаетъ распоряжаться волостями: „отъя городы опять, иже бяше отъ него Всеволодъ отъялъ; не токмо же то, но и Володимерь зая и посади въ немъ Андрѣевича“ (Лавр., стр. 298).

[4]) Ипат., стр. 229.—„Заутріи же день ѣха Игорь Вышегороду, и цѣловаше къ нему хрестъ Вышегородьцѣ“.

[5]) „Всеволодъ же еще сы въ животѣ своемъ, посла къ Изяславу

ную роль въ развитіи престолонаслѣдія и у насъ, и на Западѣ. На этотъ разъ онъ не далъ прочныхъ результатовъ. Напротивъ, повидимому, именно эта особенность вызвала протестъ Кіевлянъ: «Олговичевъ не хощемъ быти аки въ задничи». Игорю пришлось возобновить рядъ съ Кіевлянами, повторить крестоцѣлованіе по смерти Всеволода, принявъ условія, поставленныя вѣчемъ, причемъ оно признало княземъ не одного Игоря, а обоихъ Ольговичей: «брать твой князь и ты», заявили Кіевляне Святославу Ольговичу [1]). Пришлось Игорю возобновлять переговоры и съ князьями, причемъ Изяславъ Мстиславичъ «ни отвѣта ему не дасть», рѣшивъ «налѣзти столъ дѣда и отца своего», и Кіевляне перешли на его сторону, принявъ отъ Изяслава во время боя тысяцкого съ его стягомъ, а двоюродные братья Игоря, Давыдовичи, сперва «въспросиста у него волостій много», а потомъ, несмотря на уступчивость Игоря, «по малѣ же дній съступиста хрестьного цѣлованія» [2]).

Такъ рушилась попытка Ольговича пойти по слѣдамъ Мономаха. Даже при жизни Всеволода достигнутые имъ результаты были меньше тѣхъ, какихъ добился Владимиръ. Двѣ возросшія въ силѣ и значеніи окраины — ростово-суздальская область на сѣверо-востокѣ, галицкая на западѣ — остались внѣ сферы его вліянія; полоцкая земля за ново обособилась; Новгородъ не былъ орудіемъ его политики. Не менѣе значительна разница внутренней силы старѣйшинства при Всеволодѣ и Мономахѣ. Авторитетъ перваго—незначителенъ; лишь хитрая дипломатія союзовъ и внесенія разлада въ среду князей позволила ему формально добиться первенствующаго положенія и до конца удержать его. И если даже Мономаху не удалось преодолѣть раздѣльности Кіевщины и Черниговщины, обособленности червенскихъ городовъ, а пришлось признать за ихъ князьями особое, равное своему, хотя и обусловленное признаніемъ его старѣйшинства, положеніе; если шагъ къ успѣху въ этомъ отношеніи, сдѣланный Мстиславомъ, былъ неполонъ, такъ какъ права распоряженія черниговскими и галицкими волостями и онъ не достигъ, то тѣмъ поучительнѣе отноше-

---

Мьстиславичю Володислава, зятя своего, и къ Давыдовичема Мирослава Андрѣевича, река: „стоите ли въ хрестьномъ цѣлованьи у брата своего у Игоря?“, и рѣша: „стоимы“. Ипат., стр. 229.

[1]) Ипат., стр. 229—230. „Святославъ же рече имъ: язъ цѣлую крестъ за братомъ своимъ“.

[2]) Ипат., стр. 231.

нія Ольговича кіевскаго къ его черниговской роднѣ, разбитой на три линіи отчичей отдѣльныхъ частей Святославляго наслѣдства: переходъ на кіевскій столъ, на старѣйшинство въ землѣ русской, не только не усиливаетъ его авторитета въ средѣ князей черниговскихъ, но лишь отчуждаетъ его отъ нихъ, какъ измѣнника фамильнымъ интересамъ и традиціямъ [1]). Его дѣло оказалось еще болѣе личнымъ, чѣмъ у Мономаха, такъ какъ не получило той династической окраски, какая ярко сказалась у послѣдняго. Намѣреніе, какое приписалъ ему лѣтописецъ въ началѣ его княженія,—«хотѣ самъ всю землю держати съ своею братьею» (Лавр.), если оно было, разбилось о семейныя и междукняжескія отношенія Всеволода; исторически надо предпочесть чтеніе Ипатьевской: «самъ хотяше землю всю держати» (безъ словъ: «съ своею братьею»—стр. 218): Всеволодъ не укрѣпилъ владѣльческаго положенія своей семьи, какъ сдѣлали это Мономахъ съ Мстиславомъ.

Если оглянемся назадъ на ходъ русской исторической жизни за столѣтіе отъ смерти Ярослава Владимировича до смерти Ольговича Всеволода, передъ нами развернется сложная картина упорной борьбы началъ отчины и старѣйшинства въ междукняжескихъ отношеніяхъ. Въ предыдущемъ изложеніи ея разсмотрѣніе естественно разбилось на характерные моменты. Старшіе Ярославичи—и въ мирѣ, и въ борьбѣ—держатъ старѣйшинство одни, не считаясь съ младшими князьями, но и не уступая его старшему въ своей средѣ. Общая ихъ дѣятельность обусловлена скорѣе равновѣсіемъ ихъ силъ, чѣмъ дѣйствительной солидарностью: какъ только первое нарушилось, возрождается борьба, приведшая къ единовластію Всеволода. Въ рукахъ Всеволода старѣйшинство еще болѣе разлагается — и отчинныя права младшихъ князей достигаютъ фактическаго, если не формальнаго признанія. При Святополкѣ Изяславичѣ — не наблюдаемъ ни формальнаго, ни фактическаго признанія правъ старѣйшинства за кіевскимъ

---

[1]) Даже кіевскій сводъ сохраняетъ особую похвалу Игорю Ольговичу за то, что онъ „бяшеть добрый поборникъ отечьства своего“. Что подъ этимъ разумѣется, видно изъ упрека Давыдовичамъ, что они забыли завѣтъ, „яко же лѣпо жити братьи единомысленно вькупѣ, блюдучи отецьства своего“, и дьяволъ вложилъ имъ мысль „не взыскати брата Игоря, ни помянути отецьства“. Ипат., стр. 249 и 234. О недовольствѣ Ольговичей и Давыдовичей противъ Всеволода см. выше.

княземъ, но и Любецкій съѣздъ не принесъ полнаго торжества началу отчиннаго раздѣла и раздѣльнаго владѣнія. Оно еще не созрѣло для такой побѣды, прежде всего потому, что не имѣло подъ собой опредѣленныхъ территоріальныхъ основъ.

Раздѣлъ, произведенный Ярославомъ, ихъ намѣтилъ, но не создалъ. Отдавая въ руки старшихъ сыновей цѣлыя системы волостей, то болѣе цѣльныхъ, какъ надѣлы Изяслава и Святослава, то болѣе раздробленныхъ, какъ отчины Всеволода, рядъ Ярославовъ только въ черниговскихъ владѣніяхъ образовалъ территорію, оказавшуюся сравнительно устойчивымъ фундаментомъ для обособленнаго владѣнія одной изъ линій Ярославова потомства. Указаніе В. И. Сергѣевича на вліяніе, какое раздѣлы княжескихъ владѣній испытывали отъ «естественнаго дѣленія ихъ на волости», такъ что и самъ «принципъ раздѣльности владѣній» — исконное явленіе нашей исторіи—имѣетъ свое начало «въ особенности первоначальныхъ волостей, существовавшихъ еще до Рюрика» — требуетъ развитія и исправленія въ томъ смыслѣ, что сама «особность волостей» и само «естественное» дѣленіе на нихъ земли русской развивались постепенно, по мѣрѣ усложненія мѣстной жизни и, такъ сказать, на глазахъ исторіи.

Дѣйствительно, принципъ раздѣльности владѣнія, имѣющій свою основу въ практикѣ семейныхъ раздѣловъ по обычному праву, могъ послѣдовательно развиться въ примѣненіи къ княжескимъ владѣніямъ лишь съ полнымъ паденіемъ если не традицій старѣйшинства, никогда не исчезавшихъ въ теоріи, то ихъ реальной силы и жизненнаго значенія, а также съ развитіемъ обособленности отдѣльныхъ земель-волостей, постепенно замыкавшихся въ своихъ мѣстныхъ интересахъ. Этотъ послѣдній процессъ, естественно развивавшійся болѣе напряженно и быстро въ окраинныхъ земляхъ, жившихъ особою жизнью по самому географическому положенію своему, составлялъ коренную и глубокую основу, какъ упадка старѣйшинства, такъ и торжества начала отчины—по отношенію къ тому цѣлому, какимъ владѣли Владиміръ и Ярославъ [1]). Онъ сдѣлалъ уже столь значительные успѣхи

[1]) Не имѣя возможности въ данномъ контекстѣ останавливаться подробнѣе на этомъ явленіи, приведу слѣд. слова *М. С. Грушевскаго*: Въ XII в. „создавалась такая сложность жизни и отношеній внутри каждой земли, что она начинаетъ все больше жить своею жизнью, а интересы и дѣятельность ея князей, дружины, общества все рѣже выходятъ за границы своей земли, что очевидно, ослабляетъ связи—не только данной земли

въ серединѣ XII вѣка, что попытка Всеволода Ольговича возродить традицію Мономаха не могла не оказаться безплодной. Борьба, разыгравшаяся по его смерти, тѣмъ и поучительна, что хоть мотивы ея и можно, по прежнему, подвести подъ опредѣленіе борьбы двухъ началъ: отчиннаго раздѣла и старѣйшинства, но ея обостреніе и различіе условій, въ какихъ она протекаетъ, сравнительно съ прошлымъ временемъ, приводятъ къ послѣдствіямъ существенно новымъ.

VI.

Паденіе кіевскаго старѣйшинства.

Сложныя перепетіи напряженной усобицы [1]), закончившейся княженіемъ въ Кіевѣ Юрія Владимировича, которое можно назвать временемъ заката старыхъ кіевскихъ традицій, представляютъ, съ точки зрѣнія моего очерка, интересъ лишь въ самыхъ общихъ, основныхъ чертахъ своихъ. Подробный лѣтописный разсказъ о событіяхъ этихъ лѣтъ, показываетъ, какъ глубоко потрясли они всю землю русскую, втянувъ въ одинъ бурный круговоротъ силы всѣхъ ея частей, кромѣ развѣ одной только полоцкой земли [2]).

съ другими, но и ея собственныхъ частей между собою". Историческая жизнь, „разбившись на атомы, ушла въ глубь областей, въ низы общества, замыкаясь во все болѣе узкомъ, тѣсномъ пространствѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мельчала, сѣрѣла и вырождалась, потому что при такой децентрализаціи и партикуляризмѣ не могли уже возникать центры, достаточно сильные, мощные, чтобы оплодотворять новыми запасами энергіи, новыми теченіями идей и творческихъ силъ этотъ процессъ раздробленія, разсѣянія всего, что было добыто политической и культурной эволюціей кіевскаго государства" — Іст. Укр. II ², стр. 129—130.

[1]) Ипат., стр. 233—336; Лавр., стр. 297—330.

[2]) „Сколько запомнила исторія—пишетъ объ этихъ событіяхъ *Грушевскій*—старый Кіевъ не былъ еще свидѣтелемъ такой сложной политической системы, такой безконечной сѣти союзовъ и контръ-союзовъ. Всѣ почти княженія старой Кіевской державы, хоть и выдѣлившіяся уже, принимали дѣятельное участіе въ этой борьбѣ за Кіевъ—отъ Новгорода до Переяславля, отъ Суздаля до Галича; кромѣ княжескихъ союзовъ и разсчетовъ вліяли и стремленія общинъ - земель къ опредѣленнымъ своимъ политическимъ цѣлямъ: Кіевской къ обособленію въ особое цѣлое, Переяславской къ отдѣленію отъ Кіева и Чернигова, Туровской къ отдѣленію отъ Кіева и т. п. Изъ силъ, стоявшихъ внѣ системы земель древней Кіевской державы, играютъ болѣе или менѣе видную роль Польша, Венгрія, не говоря уже про Половцевъ".—Іст. Укр. II ², стр. 153—154.

Никогда еще не достигала такой широты самая территорія борьбы. Еще въ дни кіевскаго княженія Всеволода Ольговича за привычнымъ для прежнихъ поколѣній горизонтомъ междукняжескихъ счетовъ и отношеній—стала новая сила Юрія Владимировича, князя земли ростовско-суздальской. Онъ остался внѣ тѣхъ связей, какія удалось Ольговичу стянуть къ Кіеву, но дальнѣйшія событія показали, что и онъ не мирится съ суженіемъ понятія своей отчины до предѣловъ тѣхъ владѣній, какія находились въ тѣ годы въ его рукахъ. Паденіе власти Ольговичей въ Кіевѣ, переходъ кіевскаго стола къ Изяславу Мстиславичу вызвали его на южную арену. Началась знаменитая борьба между дядей и племянникомъ, игравшая такую роль въ воззрѣніи родовой теоріи, хотя Юрій столь же мало былъ «старшимъ въ родѣ», какъ Изяславъ.

Борьба между ними шла несомнѣнно изъ-за старѣйшинства. Не признавшій Ольговича, Юрій тѣмъ менѣе склоненъ былъ признать племянника старѣйшиной въ князьяхъ русскихъ: «противу моложьшему не могу ся поклонити», говорилъ онъ брату Вячеславу [1]). «Старѣйшинство еси с мене снялъ», корилъ онъ Изяслава [2]), и самъ Изяславъ, точно забывая, подобно Юрію, о старшемъ своемъ дядѣ Вячеславѣ, на слова Ростислава Юрьевича: «ты еси старѣй насъ въ Володимирихъ внуцѣхъ», отвѣчаетъ признаніемъ старшинства Юрія: «всихъ насъ старѣй отецъ твой, но съ нами не умѣеть жити».

О чемъ князья говорили въ такихъ выраженіяхъ? Если мы попробуемъ собрать указанія лѣтописнаго разсказа на причины вражды Юрія къ Изяславу, то, быть можетъ, отнесемся болѣе осторожно, чѣмъ это принято въ исторической литературѣ, къ мнѣнію, что завѣтной мыслью Юрія было именно княжить въ Кіевѣ, что въ этомъ былъ основной мотивъ его дѣйствій. Во время первой борьбы съ Изяславомъ онъ предлагалъ племяннику такой компромиссъ: «дай ми Переяславль, ать посажю сына своего у Переяславли, а ты сѣди царствуя въ Кіевѣ». Утвердившись въ въ Кіевѣ, онъ «поваби Вячеслава на столъ Кіеву», но бояре его отговорили, «рекуче: брату твоему не удержати Кіева». И позднѣе онъ готовъ помириться съ княженіемъ въ Кіевѣ Вячеслава: какъ онъ во время борьбы съ Изяславомъ увѣрялъ: «язъ

---

[1]) Ипат., стр. 298.
[2]) Ипат., стр. 266.

Кіева не собѣ ищю, но оно отець мой Вячьславъ братъ старѣй а тому его ищю», такъ, при ссылкѣ брата на такія рѣчи, отвѣчаетъ: «язъ ся тобѣ, брате, кланяю: тако право есть, ако то и молвиши, ты мнѣ еси, яко отець», лишь бы Вячеславъ пересталъ быть орудіемъ въ рукахъ Изяслава, опорой его дѣйствительной власти: «ать поѣдеть Изяславъ Володимерю, а Ростиславъ Смоленьску, а вѣ ся сама урядивѣ» [1]).

Рядомъ съ такими заявленіями Юрія стоятъ въ томъ же разсказѣ лѣтописца его обвиненія противъ Изяслава: не о Кіевѣ говоритъ Юрій, а объ обидахъ своихъ, о порухѣ своей чести. Изяславъ принялъ къ себѣ его сына, Ростислава, и далъ ему нѣсколько городовъ, потомъ, послѣ похода на Юрія въ Поволжье, изгналъ его съ юга, лишивъ волостей: «Гюрги же соромѣ сына своего сжали въ собѣ, рече: таколи мнѣ части нѣту въ Руской земли и моимъ дѣтемъ?» И далѣе: «Сыновець мой Изяславъ, на мя пришедъ, волость мою повоевалъ и пожеглъ, и еще и сына моего выгналъ изъ Русьской земли, и волости ему не далъ, и соромъ на мя възложилъ; а любо соромъ сложю и земли своей мьщю, любо честь свою налѣзу, пакы ли а голову свою сложю». Наконецъ: «се, брате, на мя еси приходилъ и землю повоевалъ, и старѣйшиньство еси съ мене снялъ» [2]). Если взять послѣдній текстъ какъ онъ намъ данъ, безъ предвзятаго опредѣленія того, что долженъ былъ Юрій считать старѣйшинствомъ, надо будетъ признать, что, по его мнѣнію, тѣмъ Изяславъ съ него старѣйшинство снялъ, что повоевалъ его землю, [3]) что сына ему оскорбилъ, что считаетъ его ломтемъ, отрѣзаннымъ отъ русской земли.

Конечно, всѣхъ этихъ мелкихъ наблюденій и соображеній самихъ по себѣ недостаточно для того, чтобы строить на нихъ какіе-либо выводы. Но они характерны для того освѣщенія, какое получаетъ дѣятельность Юрія въ разсказѣ южнаго лѣтописца о борьбѣ его съ Изяславомъ. Степень ихъ историческаго значенія опредѣлится ихъ сопоставленіемъ съ фактами Юрьевой политики.

Изяславъ Мстиславичъ, занявъ Кіевъ, опредѣленно стремится не только къ владѣнію этой волостью, но къ старѣйшинству

---

[1]) Ипат., стр. 266, 275, 297—8.

[2]) Ипат., стр. 262, 263, 266.

[3]) Такъ толкуетъ мысли Юрія *В. И. Сергѣевичъ*; Р. Юр. Др., II[2] стр. 279—280.

среди русскихъ князей и къ утвержденію его на семейномъ владѣніи главными княженіями: «всихъ насъ старѣй отець твой, говоритъ онъ Ростиславу Юрьевичу, но съ нами не умѣеть жити, а мнѣ дай Богъ васъ, братью свою всю, имѣти и весь родъ свой въ правду, ако и душю свою; нынѣ же аче отець ти волости не далъ, а язъ ти даю». Выведя изъ Владимира Волынскаго Святослава Всеволодича, сына сестры своей, и «водивъ его ко кресту», Изяславъ даетъ ему 5 городовъ въ Побужьи, а Владимиръ сохраняетъ за собой: съ этихъ поръ Волынь семейное владѣніе Мстиславичей. Рѣшительно отвергнувъ попытку дяди Вячеслава войти въ роль старѣйшины и распоряжаться волостями, Изяславъ отнимаетъ у него Туровъ въ пользу сына своего Ярослава. Въ Смоленскѣ—братъ его, Ростиславъ; въ Преяславлѣ сынъ Мстиславъ. Такъ заняты основныя позиціи. Старыя новгородскія связи давали надежду, что и Новгородъ, гдѣ княжили Святополкъ Мстиславичъ, потомъ Изяславичъ Ярославъ, можно упрочить за своей системой. На очереди вопросъ объ отношеніи къ князьямъ черниговскимъ. Давыдовичи признали Изяслава, съ нимъ въ союзѣ ищутъ господства въ черниговскихъ волостяхъ, противъ Ольговичей. Къ Изяславу тянетъ и Ростиславъ рязанскій, видимо, опасаясь сильнаго сѣвернаго сосѣда. Но Ольговичъ Святославъ, бѣжавшій изъ Кіева и тѣснимый союзниками Изяслава, Давыдовичами, послалъ къ Юрію въ Суздаль: «а поиди въ Русскую землю Кіеву». Призывая Юрія, Ольговичъ призналъ его своимъ «отцемъ». Но ему пришлось бѣжать «за лѣсъ у Вятичѣ»: Изяславъ волости Ольговичей передалъ Давидовичамъ, забравъ себѣ все имущество Игоря, подѣлившись съ Давыдовичами челядью и товаромъ Святослава. Юрія пока удалось парализовать, направивъ на него рязанскаго союзника и новгородскую силу Святополка Мстиславича.

Но всѣ эти успѣхи—непрочны, пока Ольговичъ имѣетъ опору въ Юріи, показавшемъ свою силу на Рязани: отъ Юрьевичей Ростиславу пришлось бѣжать къ Половцамъ; на Новгородѣ: Юрій взялъ Новый торгъ и всю Мсту, поотнималъ у Новгородцевъ дани ихъ и пути торговые; на смоленской волости, противъ которой Юрій направилъ Святослава Ольговича.

Такъ создалось положеніе, требовавшее разрѣшенія: «поидевѣ на Дюрдевъ Суждаль, твердятъ Давыдовичи, любо съ нимъ миръ створимъ, любо ся съ нимъ бьемъ». И самъ Изяславъ чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе видитъ, что необходимо ему съ Юріемъ

«управить, либо миромъ, любо ратью». Иначе недостижимо равновѣсіе въ системѣ русскихъ княженій подъ старѣйшинствомъ Изяслава.

Сѣверный противникъ заявляетъ о правахъ своихъ на югѣ. Глѣбъ Юрьевичъ посадилъ посадниковъ въ Курскѣ и по Посемью, занялъ «у Изяслава», по выраженію южнаго лѣтописца—«отень городокъ»—Городокъ Остерскій, отнятый у Юрія Всеволодомъ Ольговичемъ, покушался на Переяславль, гдѣ были у него, повидимому, сторонники. А, главное, когда онъ прибылъ въ Городокъ, Изяславъ звалъ его къ себѣ въ Кіевъ, и онъ «обѣщавъ же ся идти къ нему—и не иде». За то пришелъ къ Изяславу другой, старшій Юрьевичъ-Ростиславъ.

Темна исторіи съ этимъ княземъ. Лаврентьевская лѣтопись причиной его шага считаетъ разногласіе съ отцомъ изъ за союза съ Ольговичами, врагами Мономахова племени. Ипатская—недовольство, что отецъ ему волости не далъ [1]). Дѣло кончилось разры-

---

[1]) Лавр., стр. 303: „Въ то же лѣто поиде Ростиславъ Гюргевичь ис Суждаля съ дружиною своею въ помочь Олговичемъ на Изяслава Мстиславича, посланъ отъ отца своего. И здумавъ Ростиславъ съ дружиною своею, река: „Любо си ся на мя отцю гнѣвати, не иду къ ворогомъ своимъ, то суть были ворози и дѣду моему и стрыемъ моимъ; но поидемъ, дружино моя, къ Изяславу, то ми есть сердце свое, ту ти дасть ны волость". Этотъ мотивъ идетъ какъ бы навстрѣчу настроенію Кіявлянъ противъ борьбы въ средѣ Мономахова племени и союзовъ съ Ольговичами (Святославичами, ср. Ипат., стр. 243, 246 и 250). Иначе Ипат., стр. 257: „Въ то же время пришелъ бѣ Гюргевичь старѣйшій Ростиславъ, роскоторався съ отцемь своимъ, оже ему отець волости не далъ въ Суждальской земли, и приде къ Изяславу Кіеву, поклонився ему рече: „отець мя переобидилъ и волости ми не далъ". Этотъ приходъ Ростислава Лавр. ставитъ въ связь съ уходомъ Глѣба, его брата: принявъ Ростислава съ радостью, Изяславъ послалъ сказать Глѣбу: „иди къ Олговичемъ, къ тѣмъ еси пришелъ, ати ти дадять волость", и иде Глѣбъ Чернигову, а оттуда къ отцю, а Ростиславъ иде въ Городецъ, а по городомъ посажа посадникы своя". Ипат. раздѣляетъ эти два факта, см. стр. 256 и 257, указывая, что Изяславъ далъ Ростиславу 5 городовъ въ Побужьи (бывшій надѣлъ Святослава Всеволодовича), а въ Городокъ Остерскій взялъ его съ собой только на съѣздъ съ Давыдовичами. Уходя въ походъ на Юрія Изяславъ довѣрилъ Ростиславу стеречь землю кіевскую, а по возвращеніи услыхалъ обвиненія, что тотъ подговаривалъ на него Кіевлянъ и Берендѣевъ (на случай, если бы Юрій побѣдилъ Изяслава—Ипат., стр. 261; Лавр., стр. 304), и не принявъ оправданій Ростислава, выслалъ его, пограбивъ его имѣніе и расточивъ его дружину, къ отцу.—*М. С. Грушевскій*, подчеркивая отвѣтъ Изяслава

вомъ, съ обвиненіемъ Ростислава въ происках на югѣ въ пользу Юрія. Не считая возможнымъ толковать лѣтописные разсказы о Ростиславѣ, приписывая ему роль своеобразнаго Валленрода, думаю, что они характерны для междукняжескихъ отношеній, прежде всего тѣмъ, что Ростиславъ призналъ Изяслава старѣйшиной въ Володимерихъ внукахъ, выражая готовность «за Рускую землю страдати» и «подлѣ него ѣздити». Вспомнимъ, что и Глѣбъ Юрьевичъ, все время вѣрно служившій отцу противъ Изяслава, когда приходится стать лицомъ къ лицу съ этимъ послѣднимъ, подчеркиваетъ, что онъ не судья между ними: «ако мнѣ Гюрги отець, тако мнѣ и ты отець, а язъ ти ся кланяю; ты ся съ моимъ отцемъ самъ вѣдаешь, а мене пусти къ отцю»—говоритъ онъ Изяславу, осажденный въ Пересопницѣ. А Изяславъ отвѣчаетъ: «вы мнѣ братья своя, до васъ нѣту рѣчи никоеяже» и, принявъ у себя Глѣба, выѣхавшаго къ нему съ поклономъ, отпустилъ его къ отцу [1]). Во всѣхъ этихъ переговорахъ и отношеніяхъ есть нѣчто большее, чѣмъ простая дипломатія съ ея уловками: своеобразіе отношеній, въ которыхъ семейныя воззрѣнія и навыки такъ неожиданно подчасъ окрашиваютъ детали кровавыхъ усобицъ и политической борьбы.

Итакъ, первыя реальныя требованія, выдвинутыя Юріемъ,— это часть въ русской землѣ черезъ сыновей и прежде всего Городецъ, Посемье, Переяславль. Но центръ столкновенія—пока

на требованіе Ростислава, чтобы онъ разсудилъ его съ тѣми, кто его оговариваетъ: „того на мнѣ не проси, хотя мя заворожити съ хрестьянами или погаными“, а также извѣстіе, что Ростиславъ пришелъ къ отцу съ заявленіемъ: „слышалъ есмь, оже хощеть тебе вся Руская земля и Черныи Клобуки“ — считаетъ обвиненія противъ Ростислава весьма вѣроятными (Іст. Укр. II², стр. 159). *С. М. Соловьевъ* (Ист. Рос. книга I, ст. 411, пр. 2) пробовалъ согласить оба извѣстія: „Вѣроятно, Юрій послалъ Ростислава на югъ съ тѣмъ, чтобы тотъ добылъ себѣ тамъ волость, подобно тому, какъ добыли волость прежде сынъ его Иванъ (получившій отъ Святослава Ольговича Курскъ съ Посемьемъ — Ипат., стр. 236), потомъ Глѣбъ; но пришедши на югъ и увидавши, что дѣла Черниговскихъ идутъ плохо и что они хотятъ заключить миръ съ Изяславомъ, Ростиславъ заблагоразсудилъ обратиться также къ послѣднему, тѣмъ болѣе, что прежде Изяславъ звалъ къ себѣ брата его Глѣба. Такъ могутъ быть согласованы извѣстія обоихъ списковъ“. Вѣрно тутъ то, что похожденія Юрьевичей на югѣ постепенно выясняютъ Юрію положеніе дѣлъ и втягиваютъ его въ кіево-переяславскія отношенія.

[1]) Ипат., стр. 275—276.

*

еще больше на сѣверѣ: только тутъ выступаетъ лично Юрій, направляя удары свои на Новгородъ. «Се стрый мой Гюргій изъ Ростова обидить мой Новгородъ, и дани отъ нихъ отоималъ, и на путехъ имъ пакости дѣеть», жалуется Изяславъ союзникамъ, набрасывая планъ большого похода на Суздальщину [2]). Придя въ Новгородъ, онъ созываетъ вѣче Новгородцевъ и Псковичей, зовя ихъ на Юрія за ихъ обиды. Широко задуманный походъ этотъ не далъ большихъ результатовъ, вслѣдствіе выжидающей позиціи, занятой Святославичами [2]). Но что рѣчи Изяслава Новгородцамъ не были простой уловкой, чтобы увлечь ихъ за собой, показываетъ то значеніе, какое вопросъ о новгородскихъ даняхъ, отнятыхъ Юріемъ, занялъ въ послѣдующихъ переговорахъ между князьями.

Только послѣ всѣхъ этихъ наступательныхъ шаговъ Изяслава поднялся Юрій на югъ, и на отказъ Изяслава уступить ему Переяславль, сохраняя себѣ Кіевъ, отвѣтилъ пораженіемъ его войскъ, занятіемъ Переяславля и Кіева. Но Изяславъ—сила, съ которой нельзя не считаться: онъ сохранилъ Владимиръ, а черезъ брата силы смоленскія, черезъ сына—новгородскія, кромѣ того союзъ съ Польшей и Венгріей. И старикъ Вячеславъ указываетъ брату, что прочнаго мира не достигнуть безъ соглашенія съ Изяславомъ. Въ начавшихся переговорахъ характерно обоюдное упорство Юрія и Изяслава въ вопросѣ о новгородскихъ данях: Изяславу нужно сохранить вліяніе и популярность въ Новгородѣ, Юрій началъ наступленіе на новгородскую волю, столь существенное въ политикѣ сѣверныхъ князей [3]).

---

[1]) Ипат., стр. 258.

[2]) Ипат., стр. 259—260; Новг. I, стр. 137.

[3]) Поляки и Венгры, союзники Изяслава, ставятъ Юрію условіе: что касается Кіева, то „а быста вы сѣдѣла въ Киевѣ, сама ся вѣдаюча, кому вама приходить, а Изяславу осе его Володимирь готовъ, а се его Луческъ, а што его городовъ, ать сѣдить въ томъ, ать знамо къ Новугороду Великому ать взворотить Гюрги дани ихъ вси“ — и далѣе: „Изяславъ же хотяше всихъ даній къ Новугороду Новгородцкыхъ, акоже есть и переже было,—и тако не уладишася“, Юрій „не да даній, а Изяславъ не отступися“. Только вооруженное посредничество Володимерка галицкаго и просьбы Вячеслава привели къ миру: „Изяславъ съступи Дюргеви Киева, Дюрги възврати всѣ дани Новгородцкыи Изяславу и егоже Изяславъ хотяше“. Ипат., стр. 270—274. Но и уступивъ Кіевъ, Изяславъ не призналъ старѣйшинства Юрія „въ отца мѣсто“: онъ не иначе называетъ его, какъ стрыемъ. О борьбѣ ростово-суздальскихъ князей за „дани“ съ Новгородцами—ср. Н. I, 148.

Не умѣлъ Юрій жить съ южными князьями. Не умѣлъ онъ и ладить съ кіевскимъ обществомъ. «А вы вѣдаета, говорятъ Кіевляне Мстиславичамъ, оже намъ съ Гюргемъ не ужити». Онъ, видимо, и не старался «уладиться», «урядиться» съ людьми, пріобрѣсти популярность въ связи съ формальнымъ признаніемъ его Кіевлянами. Пріемы его круты. Въ тѣ времена усобицы между князьями сопровождались захватомъ имущества не князей только, но и ихъ дружины. «И дружину его изсѣче и разграби»—обычный припѣвъ усобицъ. Побѣдивъ Изяслава подъ Переяславлемъ и занявъ Кіевъ, Юрій далъ волю своей дружинѣ. Послѣ заключенія мира уговорились князья вернуть награбленное, но Юрій со своими Суздальцами оставилъ Изяславлихъ мужей въ большой обидѣ. Тѣмъ болѣе пострадали они при слѣдующихъ захватахъ Кіева Юріемъ, лишаясь селъ своихъ и имущества. Противъ Суздальцевъ, владѣвшихъ чужимъ, поднялся цѣлый погромъ по смерти Юрія [1]).

Кіевляне, долго стоявшіе на томъ, что не могутъ поднять рукъ на Володимирово племя, съ появленіемъ Юрія на югѣ увидали, что его власть для нихъ чужая и чуждая, что имъ «съ Гюргемъ не ужити» [2]). И прочной почвы подъ ногами Юрій на югѣ не пріобрѣлъ.

Важнѣе другое: Юрій, въ противоположность Изяславу, не

---

[1]) На Пересопницѣ въ 1149 г. князья уговорились такъ: „яко по Переяславьскомъ полку что будеть пограблено, или стада, или челядь, что ли кому будеть свое познавши, поимати же по лицю. Изяславъ же посла мужи своя и тивуны, своего дѣля товара и своихъ дѣля стадъ, егоже бѣ отшелъ, а мужи, своего дѣля, они самѣ ѣхаша, а друзии тивуны своѣ послаша; и тако пріѣхавше къ Гюргеви и начаша познавати свое. Гюрги же того всего не управи, и мужи Изяславли пріѣхаша къ Изяславу, ничтоже исправивъще своего“. Ипат., стр. 274. — Вторично изгнанный изъ Кіева Изяславъ говоритъ дружинѣ: „вы есте по мнѣ изъ Рускые земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизній лишився“—Ипат., стр. 284. Когда Юрій умеръ — „много зла створися въ тъ денъ: розграбиша дворъ его красный, и другый дворъ его за Днѣпромъ разъграбиша, егоже звашеть самъ раемъ, и Василковъ дворъ, сына его, разграбиша въ городѣ; избивахуть Суждальци по городомъ и по селомъ, а товаръ ихъ грабяче“—Ипат., 336.

[2]) Неосвѣдомленность Юрія о движеніяхъ Изяслава лучше всего показываетъ, на чьей сторонѣ было все населеніе. Два раза захватывалъ Изяславъ Юрія въ расплохъ,—см. Ипат., стр. 276 и 288, такъ что его союзникъ Володимерко галицкій удивлялся: „како есть княженіе свата моего, аже рать на нь изъ Володимеря идеть, а како того не увѣдати?“.

можетъ быть названъ борцомъ за продолженіе Мономаховой традиціи. Изяславъ сохраняетъ и въ трудномъ положеніи своемъ болѣе широкій политическій кругозоръ. Добиваясь Кіева, онъ ищетъ стать во главѣ всѣхъ князей русскихъ, имѣть всю братью свою и весь родъ свой въ правду, чтобы они ѣздили по немъ со своими полками,—а борьба съ Юріемъ для него неизбѣжна, такъ какъ независимая и враждебная суздальская сила грозитъ вліянію его въ Новгородѣ, и служитъ опорой враждебнымъ элементамъ Черниговщины; вытѣснивъ Юрія съ юга, Изяславъ требуетъ, чтобы онъ отрекся отъ союза съ Ольговичемъ, чтобы онъ покинулъ Переяславль и Городокъ, предоставивъ ихъ сыновьямъ и отказавшись отъ личной политики на югѣ [1]). Покончивъ борьбу съ Юріемъ, Изяславъ всѣ силы свои и венгерскую помощь обращаетъ на князя галицкаго, чтобы добиться не только захваченныхъ Владимиркомъ городовъ, но и обязать его «съ Изяславомъ быти, и его ся не отлучити ни въ добрѣ, ни въ лисѣ, но всегда съ нимъ быти».

Возстановить во что бы то ни стало разрушавшуюся, въ сущности уже разрушенную, систему, связывавшую вокругъ Кіева всѣ волости земли русской—постоянная тенденція Изяслава, какъ только онъ получаетъ возможность дѣйствовать свободнѣе.

Иное—Юрій. Трудно про него сказать, что онъ, занявъ Кіевъ, вошелъ въ связанныя со столомъ кіевскимъ традиціи, хоть онъ и родной сынъ Мономаха, братъ Мстислава. Занявъ Кіевъ впервые, онъ сажаетъ сыновей по пригородамъ кіевскимъ, въ границахъ собственно кіевской «Русской» земли [2]), да въ Переяславлѣ. Попытка отнестись непримиримо къ Изяславу, до намѣренія: «выжену Изяслава, а волость его всю переиму»—разбилась о противодѣйствіе Володимерка галицкаго, Вячеслава и всѣхъ условій, съ какими на югѣ считаться приходилось. Далѣе, лишь спорныя между Волынью и Кіевомъ земли по р. Горыни, да «кіевская волость»—Дреговичи (Туровъ-Пинскъ), входятъ въ кругъ власти Юрія. Притомъ въ подробномъ разсказѣ обо всей этой борьбѣ за Кіевъ нигдѣ нѣтъ намека на то, чтобы Юрій

---

[1]) Ипат., стр. 306. По уходѣ Юрія, Изяславъ Городокъ до тла разсорилъ.—Ипат., стр. 308.

[2]) „Гюрги же старѣйшаго сына своего Ростислава посади у Переяславли, Андрѣя Вышегородѣ, а Бориса въ Бѣлгородѣ, а Глѣба въ Каневѣ“—Ипат., стр. 268.

пытался добиться признанія за собой старѣйшинства—въ Мономаховомъ смыслѣ слова. Особенно показательно для разсматриваемаго историческаго момента третье, и послѣднее, княженіе Юрія въ Кіевѣ. На этотъ разъ, по смерти Изяслава Мстиславича и брата своего Вячеслава, Юріи окончательно «сѣде на столѣ отець своихъ и дѣдъ», принятый «всей землею Русскою», устранивъ, безъ особыхъ усилій, такихъ соперниковъ, какъ Ростиславъ Мстиславичъ и Давыдовичъ Изяславъ. Посадивъ сыновей по пригородамъ кіевскимъ и въ Переяславлѣ, Юрій пробуетъ войти въ южную систему отношеній, въ которую вводитъ его столъ кіевскій. Для этого приходится ему искать опоры въ Ростиславѣ Мстиславичѣ [1]), который явился посредникомъ между нимъ и другими князьями, приведя ихъ «и съ полкома ею» къ Юрію, и тотъ ихъ «прія въ любовь» [2]).

Примирился и уладился Юрій и съ черниговскими князьями [3]). И передъ Половцами—на съѣздѣ съ ними о мирѣ въ Зарубѣ—Юрій выступаетъ съ Изяславомъ Давыдовичемъ и Святославомъ Ольговичемъ, повидимому, за всѣхъ князей русскихъ. Но дѣйствительное его вліяніе—незначительно. Земли-волости, внѣ границъ Кіевщины, уже живутъ своею жизнью, не оглядываясь на кіевскаго князя. Волынь, составлявшая въ Мономаховой системѣ вмѣстѣ съ Кіевщиной ядро центральныхъ владѣній—при немъ окончательно выдѣляется въ особую, самодовлѣющую единицу. Мстиславъ Изяславичъ выгналъ оттуда дядю, Мстиславича Владимира, и занялъ Владимиръ Волынскій. Юрій поднялся на него походомъ. Но это было его частное, личное дѣло, не связанное

---

[1]). Ростиславъ призналъ его старѣйшинство: „отце, кланяю ти ся... стрый ми еси, яко отець". Гюрги же рече: „право, сыну, съ Изяславомъ есмь не могълъ быти, а ты ми еси свой братъ и сынъ".—Ипат., стр. 328. Утвердившись въ Кіевщинѣ, вернувъ ей Погорыню, Юрій посылаетъ за Ростиславомъ: „сыну, мнѣ съ кимъ Рускую землю удержати? съ тобою: а поѣди сѣмо".—Ипат., стр. 330.

[2]) „Ростиславъ же посла по брата своего Володимера Володимерю, и по Мьстислава и Ярослава Лучьску, и приведъ я оба къ Гюргеви, къ строеви своему, и съ полкома ею, а Мьстислава остави Володимери: нѣ смѣ бо Мьстиславъ ѣхати, река: „иметь мя Дюрги". Дюрги же сею пріимъ въ любовь, а ко Мьстиславу посла съ хрестьнымъ целованіемъ, и того прія въ любовь".—Ипат., стр. 330.

[3]) На съѣздѣ у Лутавы: „тогда же Гюрги въда Изяславу Корческъ, а Святославу Олговичю Мозырь, и ту уладився съ нима, иде въ свой Кіевъ".—Ипат., стр. 331.

ни съ какимъ общимъ политическимъ планомъ: надо было исполнить, разъ представился поводъ, крестное цѣлованіе покойному брату, Андрею, что Юрій добудетъ Волынь его сыну [1]); а встрѣтивъ сопротивленіе, Юрій, постоявъ десять дней у Владимира, отступилъ, такъ легко примирившись съ утратой вліянія на Волынь [2]), что, видно, ему уже незачѣмъ было настаивать на борьбѣ съ Мстиславомъ: это яркій симптомъ глубокаго переворота во всемъ складѣ политической жизни древней Руси, издавна наростаившаго, теперь достигшаго зрѣлости.

Совокупность извѣстій о дѣятельности Юрія Владимировича ведетъ къ заключенію, что у него не связывалось съ обладаніемъ кіевскимъ столомъ какихъ-либо широкихъ положительныхъ задачъ. Вотъ почему не вижу основаній ставить его въ рядъ борцовъ за сохраненіе и поддержаніе Мономаховыхъ традицій, быстро шедшихъ къ полному упадку; вотъ почему отмѣченныя выше черты въ повѣствованіи о его дѣятельности южнаго лѣтописца слѣдуетъ признатъ заслуживающими вниманія: онѣ сильно ограничиваютъ мнѣніе о Юріѣ — въ противоположность его сыновьямъ, Андрею, Всеволоду,—какъ о представителѣ старыхъ кіевскихъ традицій и тенденцій. Напротивъ характерныя черты южно-русской политики Андрея и Всеволода Юрьевичей, съ ихъ стремленіемъ устранить возможность возрожденія въ Кіевѣ, въ рукахъ потомковъ Мстислава Мономашича, сильнаго политическаго центра, претендующаго на руководящую роль во всей системѣ русскихъ земель-княженій—выросли на той же почвѣ, какъ и дѣятельность Юрія. Рѣзкое различіе, сказавшееся въ томъ, что Юрій, въ концѣ концовъ, перешелъ на югъ, а сыновья его оставались на своемъ сѣверо-востокѣ, обусловлено не столько противоположностью цѣлей, какія ставили себѣ эти князья, сколько иными условіями, въ ка-

---

[1]) „Гюрги же Володимиря не собѣ искашеть, но цѣловалъ бяшеть хрестъ къ брату своему Андрѣеви, въ животѣ и еще, яко по животѣ его волость удержати сынови его; и потомъ къ Володимеру къ Андрѣевичю хрестъ целова, яко искати ему Володимира; и про то поиде къ Володимирю, ища Володимиру“.—Ипат., стр. 334.

[2]) „Дюрдій же видя непокорьство его къ собѣ и съжалиси о погыбели людьстѣй, нача молвити дѣтемъ своимъ и бояромъ своимъ: не можемъ стояти сдѣ, зане онъ, мній буда, не покорить ми ся; а язъ не радуюся о погыбели его, ни прогнанью его, но рекохъ: уведу и въ хрестьное цѣлованіе, яко и братью его; онъ же не всхотѣ того“.—Ипат., стр. 335. Племянника Юрій утѣшилъ погоринской волостью.

кихъ привелось имъ дѣйствовать. Передъ Юріемъ стояла внушительная сила Изяслава, объединявшаго своимъ вліяніемъ кіевскія, волынскія, смоленскія, новгородскія силы, наконецъ, и турово-пинскія. Чтобы не дать реализоваться цѣлямъ, за которыми такія силы стояли, Юрію пришлось взять въ свои руки Кіевъ, напречь всѣ средства, какія были въ его распоряженіи. Въ его время — уходъ на сѣверъ былъ бы отступленіемъ съ юга въ пользу соперника. И Юрій видимо думалъ обезпечить разъ завоеванную позицію, предоставляя Суздальщину младшимъ сыновьямъ, а энергію старшихъ сосредоточивая на югѣ [1]). Во времена Андрея и Всеволода—реальная почва для осуществленія плановъ линіи Мономахова потомства разбита; Андрей можетъ отдать Кіевъ младшему брату, даже смоленскимъ Ростиславичамъ, а Всеволодъ ограничиться возбужденіямъ ссоръ между южными князьями и требованіемъ, чтобы его воля признавалась всюду, гдѣ онъ заинтересованъ.

Какъ бы то ни было, время Юрія Владимировича можетъ быть названо тѣмъ историческимъ моментомъ, когда исходъ борьбы различныхъ теченій въ древне-русской жизни вполнѣ опредѣлился въ смыслѣ окончательнаго упадка централизовавшаго и объединявшаго эту жизнь вліянія Кіева. Съ образованіемъ на сѣверо-востокѣ сильнаго суздальскаго княжества, съ обособленіемъ Волыни и турово-пинскаго княжества кіевскій центръ, земля русская въ коренномъ значеніи термина, сталъ жертвой своего исключительнаго историческаго положенія, жертвой традиціи старѣйшинства. Въ то время, какъ другія земли перестраивали въ своемъ обособленіи мѣстный бытъ на новыхъ началахъ, Кіевщинѣ не было дано сложиться въ особое политическое цѣлое и выработать себѣ прочную внутреннюю организацію, подъ управленіемъ своей мѣстной династіи. Ревниво смотрѣли князья, осѣвшіе въ своихъ удѣлахъ, за тѣмъ, чтобы никому изъ нихъ не досталась Кіевщина въ такое удѣльное владѣніе. Со временъ Юрія развивается среди нихъ тенденція — имѣть «часть въ Русской землѣ»; это было, по замѣчанію М. С. Грушевскаго, своего рода вопросомъ чести, а также средствомъ слѣдить за судьбами Кіева, имѣя подъ руками опорную точку для вліянія на нихъ [2]).

---

[1]) Лавр., стр. 353. Ср. ниже, въ главѣ VII.

[2]) „Іст. Укр.“ II [2], стр. 296—297. *М. С. Грушевскій* даетъ списокъ 15 волостей Кіевщины, бывавшихъ особыми надѣлами отдѣльныхъ князей.

Въ столь исключительномъ положеніи Кіевщины на закатѣ ея силы и значенія сказалась живучесть традицій кіевскаго старѣйшинства. Но не только въ этомъ. Вторая половина XII в. принесла ей нѣкоторый эпилогъ историческихъ ея судебъ. Кіевскія княженія Ростислава Мстиславича, Мстислава Изяславича, Святослава Всеволодовича, еще окрашены въ старые кіевскіе цвѣта, хоть и сильно полинялые. Ростиславу М. С. Грушевскій приписываетъ «спокойное, авторитетное и довольно вліятельное положеніе патріарха Русской земли» [1]), но положеніе это далеко отъ роли руководителя дѣлъ земли русской, кромѣ дѣлъ половецкихъ. Ростиславъ, какъ, слѣдомъ за нимъ и съ удвоенной энергіей, Мстиславъ Изяславичъ [2]), ведутъ тяжкую оборону противъ степи. Святослава Всеволодовича, послѣ фантастической попытки предпринять борьбу съ южными Мономаховичами и Всеволодомъ суздальскимъ [3]), видимъ втеченіе 13 лѣтъ на кіевскомъ столѣ въ почетной роли патріарха, какимъ его рисуетъ «Слово о полку Игоревѣ», безсильнаго, зависимаго отъ «брата и сына», какъ ему Всеволодъ позволяетъ себя называть [4]), отдавшаго всю землю кіевскую въ руки Ростиславичей, живущаго, по прежнему, черниговскими интересами.

Кіевское старѣйшинство пало, такъ какъ процессъ децентрализаціи жизненныхъ интересовъ земель-волостей, составлявшихъ

---

[1]) „Черниговскіе Ольговичи, Волынскіе Изяславичи, Галицкій Ярославъ, Переяславскій Глѣбъ, Рязань, Новгородъ — стояли въ сферѣ его политическаго вліянія, и онъ еще (уже въ послѣдній разъ) поддерживаетъ Кіевскую традицію прежнихъ добрыхъ временъ: требуетъ уваженія къ себѣ, чтобы князья имѣли его „отцомъ собѣ въ правду“ и въ его послушаньи ходили, а съ своей стороны соблюдалъ традиціонный долгъ— блюсти справедливость между князьями и надѣлялъ волостями разныхъ захудалыхъ князей“.—II², стр. 189. Андрей не стѣсняетъ Ростислава, даже уступаетъ ему въ дѣлахъ новгородскихъ.

[2]) Соглашаясь признать Мстислава кіевскимъ княземъ, князья „цѣловали крестъ, якоже взяти имъ волость у Мьстислава по своей воли“; отъ старшаго князя теперь прежде всего ждутъ надѣловъ изъ того, чѣмъ онъ владѣлъ, норовятъ съ нимъ „волоститься“. Мстислава признали и черниговскіе князья старѣйшиной: „бяху бо тогда Олговичи въ Мьстиславли воли“.—Ипат., стр. 265 и 268. Сохранивъ за собой владимирское княженіе, Мстиславъ съ тѣхъ поръ, какъ въ 1170 г. сынъ его Романъ сталъ новгородскимъ княземъ, соединяетъ силы Кіева, Волыни и Новгорода въ своихъ рукахъ.

[3]) Ипат., стр. 415—422.

[4]) Ипат., стр. 456.

древнюю Русь, взялъ верхъ надъ ихъ объединеніемъ вокругъ Кіева; и горькій плачъ черниговскаго поэта, что никто изъ князей не слышитъ призыва вступить въ златъ стремень за землю русскую, прозвучалъ надгробнымъ словомъ уходящей въ прошлое старинѣ.

Вторая половина XII вѣка — критическій моментъ въ исторіи Руси, и стало быть и въ исторіи междукняжескихъ отношеній. Распадъ того цѣлаго, которымъ владѣли Владимиръ и Ярославъ, во главѣ котораго стояли Мономахъ и Мстиславъ Владимировичъ, на рядъ отдѣльныхъ, замкнутыхъ въ себѣ земель-княженій, постепенно развиваясь и углубляясь дошелъ до полнаго осуществленія. Завѣщанная Ярославомъ, развитая и воплощенная въ жизни Мономахомъ, идея старѣйшинства въ землѣ русской — изжита и исчерпана. Съ точки зрѣнія междукняжескихъ отношеній мы опредѣляли этотъ процессъ, какъ борьбу двухъ началъ: старѣйшинства и отчиннаго раздѣла. Посмотримъ, что сталось съ обоими понятіями къ концу разсматриваемаго историческаго періода.

Въ ряду событій второй половины XII вѣка рѣзко выдѣляется—согласно обычной исторической схемѣ—раззореніе Кіева войсками Андрея Боголюбскаго въ 1169 г. Незачѣмъ, конечно, и говорить теперь, что слѣдствіемъ побѣды Андрея — не было «перенесеніе великокняжескаго престола изъ Кіева во Владиміръ». Но «Андрей впервые отдѣлилъ старшинство отъ мѣста» [1]). Точнѣе, старѣйшинство осталось и при Андреѣ связаннымъ съ Кіевомъ и «Русской» землей, но отношенія между ними измѣнились: прежде кто занималъ столъ кіевскій, тотъ пріобрѣталъ и связанное съ нимъ старѣйшинство; теперь Андрей, какъ потомъ и братъ его Всеволодъ, заставивъ признать за собой старѣйшинство, считаетъ своимъ правомъ распоряжаться столомъ кіевскимъ и волостями въ предѣлахъ кіевской земли [2]). Такъ сузилась тер-

---

[1]) *В. О. Ключевскій*, Курсъ, I, стр. 393.

[2]) По раззореніи Кіева Мстиславъ Андреевичь посадилъ тамъ дядю Глѣба. По его смерти сѣлъ было въ Кіевѣ Владиміръ Мстиславичъ, но Андрею „не любо бяше сѣдѣнье Володимере Кіевѣ и насылаше на нь, веля ему ити ис Киева, а Романовѣ Ростиславичю веляше ити Киеву“ Ростиславичамъ онъ посылаетъ сказать: „нарекли мя есте собѣ отцомъ, а хочю вы добра, а даю Романови, брату вашему, Киевъ“. Ослушаніе Ростиславичей вызываетъ такую отповѣдь Роману; „не ходиши въ моей воли съ братьею своею, а пойди с Киева, а Давыдъ ис Вышегорода, а

риторіальная основа этого старѣйшинства: всѣ остальныя волости прочно освоены на отчинномъ началѣ и даже властный Андрей не пробуетъ мѣшаться въ ихъ судьбы. И теперь значеніе этой связи старѣйшинства съ Кіевомъ—только формальное, не въ ней источникъ и опора его силы. Поэтому, совершенно вѣрно передаетъ суть дѣла замѣчаніе В. О. Ключевскаго: «княжеское старшинство, оторвавшись отъ мѣста, получило личное значеніе».

Личное и условное. Это старѣйшинство не вытекаетъ изъ опредѣленной территоріально-политической системы, не служитъ ея историческимъ нуждамъ. Поэтому и логика жизни не требуетъ уже, чтобы оно было одно въ общемъ союзѣ князей. Кромѣ тѣхъ формъ территоріально-политическаго старѣйшинства, какія наблюдаются въ отдѣльныхъ земляхъ, обособившихся въ самостоятельныя системы мелкихъ княженій (о нихъ ниже), возможно образованіе иныхъ связей на началѣ старѣйшинства, которыя можно назвать произвольными, искусственными. Такъ подъ 1151 г. читаемъ, что «прислашася Полотьчане къ Святославу Ольговичю съ любовью, яко имѣти его отцемь себѣ и ходити въ послушаньи его, и на томъ целоваша хрестъ» [1]); подъ 1154 г.: «Ростиславъ Мьстиславичъ, Смоленьскій князь, цѣлова хрестъ съ братьею своею, съ Рязаньскими князи, на всей любви; они же вси зряху на Ростислава, имѣяхуть и отцемъ себѣ» [2]). Конечно, и ранѣе отношенія старѣйшинства устанавливались договорами [3]): при отсутствіи твердыхъ нормъ преемства это вытекало изъ существа дѣла; но характеръ соглашеній былъ иной, пока рѣчь шла о признаніи за даннымъ лицомъ того традиціоннаго старѣйшин-

---

Мьстиславъ изъ Бѣлагорода; ато вы Смоленскъ, а тѣмь ся подѣлите", и Ростиславичи отвѣчаютъ: „брате, въ правду тя нарекли есмы отцемъ собѣ... а намъ путь кажеши изъ Руськой земли безъ нашеѣ вины"—Ипат., стр. 386—388.

[1]) Ипат., стр. 308, ср. стр. 338. Объ этихъ отношеніяхъ у *Данилевича*, Очеркъ исторіи Полоцкой земли, стр. 86—87.

[2]) Ипат., стр. 332.

[3]) Напримѣръ: Изяславъ Владимировичъ говоритъ—подъ 1078 г.—Всеволоду: „ты, брате мой,... введе мя на столъ мой и нарекъ мя старѣйшину собѣ", Лавр., стр. 196 (стилизація тутъ, быть можетъ, и позднѣйшая); или: признаніе Юрія „отцемъ" Ольговичей съ призывомъ занять кіевскій столъ; ср. договоръ Изяслава Мстиславича съ Вячеславомъ: „ты ми еси отець, а се ти Кіевъ"—Ипат., стр. 278, и т. п.

ства, какое связано было съ обладаніемъ золотымъ столомъ кіевскимъ, чѣмъ въ приведенныхъ примѣрахъ, гдѣ все сводится къ исканію личнаго покровительства и союза. И рядъ, коимъ признавалось за опредѣленнымъ лицомъ положеніе, вытекавшее изъ традиціи кіевскаго старѣйшинства, по существу, не тожественъ съ договоромъ объ отеческой опекѣ и сыновнемъ признаніи авторитета и послушаніи между любыми князьями. Только соглашенія послѣдняго типа можно въ точномъ смыслѣ слова назвать «договорнымъ старѣйшинствомъ», такъ какъ только въ нихъ все содержаніе взаимоотношенія сторонъ устанавливалось произвольнымъ дѣйствіемъ ихъ. Во второй половинѣ XII вѣка, если оставить въ сторонѣ указанные выше пережитки кіевской традиціи, старѣйшинство получаетъ, дѣйствительно, характеръ личнаго, договорнаго отношенія. Дѣло въ томъ, что оно въ эту эпоху потеряло значеніе принципа, на которомъ князья пытались построить организацію, предназначенную для сохраненія единства Ярославова наслѣдія отъ распада подъ давленіемъ отчиннаго раздѣла. Вмѣстѣ съ потерей своего общеполитическаго назначенія старѣйшинство теряетъ и свой первоначальный и основной смыслъ учрежденія, предназначеннаго для сохраненія единства въ нѣдрахъ разросшагося семейнаго союза, пока имѣются общія для всего его сложнаго состава интересы. Какъ ни слабо исполняло кіевское старѣйшинство намѣченныя для него Ярославомъ функціи—оно жило и періодически возрождалось, пока такіе интересы были на лицо и имѣли нѣкоторую силу. Оно падало, по мѣрѣ наростанія розни въ интересахъ земель-волостей и въ княжеской средѣ, постепенно теряя всякое значеніе для земли русской, взятой въ ея цѣломъ.

Измѣненіе въ характерѣ и смыслѣ тѣхъ отношеній, какія связаны съ понятіемъ старѣйшинства, лишь одно изъ проявленій того новаго склада междукняжескихъ отношеній, какой наблюдаемъ во второй половинѣ XII в. Ту же эволюцію, что старѣйшинство, пережили и всѣ кровныя отношенія между князьями. Явленіе это привлекло вниманіе и вызвало интересный этюдъ Я. А. Голяшкина [1]), посвященный тщательному изученію терминологіи, употребляемой князьями середины XII в. въ сношеніяхъ

---

[1]) „Очеркъ личныхъ отношеній между князьями Кіевской Руси въ половинѣ XII вѣка (въ связи съ воззрѣніями родовой теоріи)“—„Изданія Ист. Общ. при Моск. Универс.“—т. II, М. 1898.

и соглашевіяхъ другъ съ другомъ. Общій выводъ автора таковъ, что во вторую половину XII вѣка въ княжескомъ быту разыгрывается глубокій кризисъ, представляющій картину разложенія старыхъ формъ междукняжескихъ отношеній и зарожденія новыхъ. Суть же наблюдаемаго процесса Я. А. Голяшкинъ усматриваетъ въ томъ, что «общество князей родственниковъ превращается въ общество самостоятельныхъ правителей».

Подобно тому, какъ старѣйшинство, оторванное отъ политической задачи, для которой пытались его использовать Ярославъ и Мономахъ, получило личное значеніе и преимущественно договорный характеръ, такъ и всѣ личныя отношенія между князьями пережили ту же эволюцію, все болѣе отрываясь отъ традиціи единства, все болѣе теряя характеръ союза «невольнаго по происхожденію», «генеалогической федераціи», по образному выраженію В. О. Ключевскаго. И эволюція эта естественно отразилась на тѣхъ формулахъ, заимствованныхъ изъ области семейнаго быта, которыми князья продолжали пользоваться, въ виду кровнаго родства своего, для выраженія отношеній, содержаніе которыхъ давно отошло отъ условій «нехитраго семейнаго строя». Но это перерожденіе смысла терминовъ семейнаго быта въ ихъ примѣненіи къ междукняжескимъ отношеніямъ, конечно, старше второй половины XII в., на которой сосредоточилъ свое вниманіе Я. А. Голяшкинъ. «Выйдя, говорилъ онъ, изъ ячейки нехитраго семейнаго строя, междукняжескія отношенія еще въ Кіевѣ стали замѣтно и быстро мѣнять свою физіономію, впитывать въ себя новыя идеи, возникавшія на почвѣ частныхъ столкновеній между князьями, и постепенно пріобрѣтать политическій характеръ». Какъ мы видѣли, начало этого процесса надо искать въ попыткѣ, выразившейся впервые въ рядѣ Ярослава, обратить форму нераздѣльной семьи подъ руководствомъ единаго старѣйшины въ учрежденіе, предназначенное для сохраненія единства во внутренней жизни и внѣшней самообороны молодого русскаго государства. Отсюда, прежде всего, вытекли особенности значенія словъ: отецъ, братъ старѣйшій, братья—въ примѣненіи къ междукняжескимъ отношеніямъ. Первые два—естественно сближаются, отождествляясь въ обозначеніи старѣйшинства, пріобрѣтая характеръ терминовъ политическаго быта. Пусть «попытка связать со старшинствомъ извѣстныя политическія права на послушаніе со стороны младшихъ князей удалось также мало, какъ и попытка установить правильный переходъ кіевскаго престола

по очереди старѣйшинства» [1]), но «попытка» эта выразилась въ рядѣ явленій исторической жизни русской, а при Мономахѣ приняла такой оборотъ, что «отеческая опека» уступила мѣсто «простой политической гегемоніи». Лишь съ упадкомъ гегемоніи кіевскихъ князей и побѣдой началъ семейнаго, отчиннаго раздѣла, разрушавшаго единство и земли русской и рода княжескаго, получаютъ эти термины значеніе личныхъ, индивидуальныхъ отношеній—союза, связаннаго съ покровительствомъ одного, болѣе сильнаго, союзника другому и зависимостью послѣдняго, болѣе или менѣе неопредѣленной: отъ обязательства «быти за одинъ» до «во всей воли ходити». Сплошь и рядомъ звучатъ въ рѣчахъ княжескихъ термины «отче» и «сыну», и какъ простыя формулы дипломатическаго языка, или проще, какъ бытовые обороты рѣчи. Выводъ, что «положеніе князя-отца опредѣлялось не само собой, естественнымъ порядкомъ перехода старшинства, а самопроизвольнымъ «хотѣніемъ» или «нареченіемъ» со стороны остальныхъ князей» одинаково вѣренъ и для временъ, когда одинъ изъ старшихъ Ярославичей нарекаетъ другого себѣ старѣйшиной, и для конца XII в., когда южные Мономашичи нарекли Всеволода суздальскаго старѣйшимъ въ своемъ Володимеровомъ племени [2]). Но глубокую разницу видимъ въ томъ, что для XI и начала XII в. это «нареченіе» или признаніе чьего либо старѣйшинства связано съ построеніемъ опредѣленной территоріально-политической системы и тенденціей къ созданію началъ политической гегемоніи въ цѣломъ союзѣ князей, а для второй половины XII в.—это лишь условная формула частнаго, личнаго союза, подъ старѣйшинствомъ одного князя, группы независимыхъ владѣльцевъ вполнѣ обособившихся вотчинъ [3]). Грань, которая на-

---

[1]) *Я. А. Голяшкинъ* то полагаетъ, что родъ Ярославичей „никогда не подчинялся родовой организаціи, *если только* не видѣть ея въ завѣщаніи Ярослава, никогда не былъ учрежденіемъ“, то признаетъ, что въ старину „власть разсматривается, какъ принадлежность старшинства и пріобрѣтается поэтому не усиліями личной энергіи, а самымъ порядкомъ рожденія“.

[2]) Ипат., стр. 459.

[3]) Наиболѣе сильное выраженіе готовности стать въ личную зависимость далъ Ярославъ галицкій, обращаясь къ Изяславу: „ныне, отце, кланяю ти ся, прими мя яко сына своего Мьстислава, такоже и мене, ать ездить Мьстиславъ подле твой стремень по одиной сторонѣ тебе, а язъ по другой сторонѣ подлѣ твоей стремень ѣздю, всими своими полкы“. Это предложеніе вѣрнаго и послушнаго союза въ трудную ми-

мѣчается между этими явленіями, можетъ быть названа относительной, тѣмъ болѣе, что, какъ выше указано, старѣйшинство, напр., суздальскихъ князей связывалось и въ концѣ XII в. съ правомъ распоряжаться въ «Русской землѣ» (въ тѣсномъ значеніи кіевской области), но это не должно затуманивать ея исторической содержательности, въ виду явнаго распада всей старой территоріально-политической системы.

Внѣ тенденцій старѣйшинства, князья называются братьями безъ различія степеней родства. Еще Неволинъ отмѣтилъ, что «всѣ вообще князья, какъ равные въ извѣстномъ отношеніи другъ другу по княжескому достоинству, называютъ себя взаимно братьями». Сама по себѣ черта эта не заключаетъ въ себѣ ничего своеобразнаго. Изслѣдователи славянскаго семейнаго быта не разъ отмѣчали широкое значеніе слова братья, объемлющаго всѣхъ членовъ нераздѣльной семьи. Съ примѣненіемъ той же схемы семейныхъ отношеній къ владѣтельному роду, это слово естественно приняло политическій оттѣнокъ, подчеркивая равенство князей. Братья-князья собирались на съѣзды XI в., «вся братья»—русскіе князи. По мѣрѣ пріобрѣтенія младшими князьями все большаго признанія ихъ правъ, какъ отчичей,—рѣзче выступаетъ это подчеркиванье равенства князей въ терминѣ «братья». Старшій начинаетъ обращаться къ младшему со словами: «брате и сыну», и слышитъ въ отвѣтъ: «брате и отче!», а не то встрѣчаетъ протестъ противъ тона, который требовалъ бы выраженій: господине—отче, какъ напримѣръ: «аже еси сь сякыми рѣчьми прислалъ, не акы къ князю, но акы къ подручнику и просту человѣку, а что умыслилъ еси, а тое дѣй, а Богъ за всѣмъ» [1]). Въ эпоху, принесшую торжество началу раздѣльнаго отчиннаго владѣнія надъ тенденціями къ единству земли и властвованія, терминъ «братья» дѣйствительно означаетъ «лицъ, просто равноправныхъ, независимыхъ владѣтелей, которыхъ соединяло между собой общее происхожденіе отъ одного родственника». Я. А. Голяшкинъ удачно объясняетъ сохраненіе старыхъ семейныхъ формъ и формулъ при новомъ складѣ политическаго быта, кромѣ силы

нуту разрѣшилось черезъ нѣсколько мѣсяцевъ войной. Позднѣе встрѣчаемъ терминъ „господинъ“: „ты господинъ, ты отецъ“ обращаются пронскіе князья къ Всеволоду суздальскому (Лавр., стр. 367); „отце-господине“, взываетъ къ нему Владимиръ Ярославичъ галицкій.—Ипат., стр. 448.

[1]) Ипат., стр. 390—слова Мстислава Ростиславича Андрею Юрьевичу.

традиціи, тѣмъ, что «князья, даже окунувшись совершенно въ водоворотъ новыхъ политическихъ отношеній, продолжали составлять одинъ родъ, изолированный отъ общества и потому тѣснѣе захватывавшій своихъ членовъ, внушая имъ постоянную мысль о ихъ исключительной кровной близости другъ къ другу». Сознаніе своей монополіи на княжое достоинство, въ силу принадлежности къ роду владѣтельныхъ [1]) князей — такова та грань, которая обособляетъ князей отъ общества въ данный періодъ. И Лешко польскій, настаивая на низложеніи боярина Володислава, захватившаго было власть въ Галичѣ: «не есть лѣпо боярину княжити въ Галичи», несомнѣнно выразилъ мнѣніе и русскихъ князей: погибшій въ заточеніи Володиславъ «нашедъ

---

[1]) Едва-ли можно признать удавшейся попытку *В. И. Сергѣевича* (Р. Ю. Др., II [2], стр. 303—304) отыскать въ древней Руси безземельныхъ служилыхъ князей. Онъ указываетъ на Давыда Всеславича, на основаніи его участія въ походѣ 1103 г. на Половцевъ: „Это была, конечно, служба его Ярославичамъ“. Если считать достовѣрнымъ, что Давыдъ въ это время былъ изгнанникомъ изъ полоцкой земли (полоцкія дѣла за это время почти совсѣмъ неизвѣстны, но мнѣніе В. И. Сергѣевича наиболѣе вѣроятно), то все таки временное отлученіе отъ отчины и участіе въ общекняжескомъ предпріятіи—не дѣлаютъ его представителемъ особой категоріи „служилыхъ“ и „безземельныхъ“ князей, какъ и участіе въ походѣ для него, конечно, не служба. Еще менѣе повода считать безземельнымъ служилымъ княземъ Ростислава Юрьевича. Ростиславъ, по мнѣнію В. И. Сергѣевича, обиженный отцомъ, пріѣхалъ къ Изяславу съ предложеніемъ услугъ и не требуя волости; Изяславъ услуги принялъ и далъ ему нѣсколько городовъ въ кормленіе, на условіи вѣрной службы. Выше была рѣчь объ этомъ эпизодѣ, приведены и тексты, изъ которыхъ видно, что по Лавр., Ростиславъ и ѣхалъ въ Кіевъ искать волости, а по Ипат.—жалуется Изяславу, что отецъ ему волости не далъ, и Юрій понималъ удѣлъ сына, какъ „часть въ землѣ Русской“, а не какъ служилое кормленіе. Наиболѣе безземельный князь древней Руси—Иванъ Берладникъ, но и его нельзя подводить подъ эту категорію, такъ какъ и для него безземельное состояніе ненормально: онъ опасный претендентъ-противникъ для Ярослава галицкаго, а не слуга князей, у которыхъ ищетъ убѣжища и помощи. Скорѣе можно признать первыми „безземельными“ служилыми князьями — Константина Владимировича, изъ рязанскихъ князей,—на службѣ у Ростислава Михайловича черниговскаго, Ипат., стр. 527, и его сына Евстафія, перекинувшагося къ Миндовгу, Ипат., стр. 565 и 569. Ср. *Д. И. Иловайскаго*, Исторія Рязанскаго княжества, „Сочиненія“, стр. 59. *М. С. Грушевскій* почему-то служилымъ княземъ считаетъ Святополка, котораго видимъ въ рядахъ галицкаго боярства: не по „княжому“ ли имени? см. Ипат., стр. 384—385, ср. „Іст. Укр.“ II [2], стр. 443.

зло племени своему и дѣтемъ своимъ, княженія дѣля: вси бо князи не призряху дѣтій его того ради».

Братство князей предполагало не только равенство ихъ въ княжескомъ достоинствѣ, но и ихъ союзность. Вся братья, русскіе князи, послушающе братъ брата, со старѣйшимъ, въ отца мѣсто, во главѣ, какъ единая дѣйствующая на Руси сила—таковъ идеалъ Ярославова ряда. Распадъ его наслѣдія привелъ къ дробленію братскаго союза князей на рядъ «частныхъ политическихъ союзовъ съ разнородными системами взаимныхъ отношеній» (Голяшкинъ). И слово «братъ» пріобрѣтаетъ особое значеніе въ половинѣ XII в: братъ тотъ, съ кѣмъ можно жить въ союзѣ [1]), братъ-союзникъ, кто обѣщалъ «быти за одинъ братъ»: «дажь стоиши въ томъ ряду, говорятъ князья другъ другу, то ты намъ братъ, пакы ли поминаешь давныя тяжа... то съступилъ еси ряду». Это договорное, политическое братство явленіе того же порядка и той же эпохи, какъ и условное, договорное старѣйшинство. Такова эволюція терминологіи междукняжескихъ отношеній, объясняющая вычурную форму, въ какой Вячеславъ Владимировичъ выразилъ свою радость по поводу уступки ему Кіева Изяславомъ: «ты мой еси отець, и ты мой и сынъ, у тебе отца нѣту, а у мене сына нѣтуть, а ты же мой сынъ, ты же мой братъ»[2]). Конечно, вся эта «терминологія», въ которой такъ мало опредѣленности и такъ трудно различить отраженіе бытовыхъ явленій и личныхъ чувствъ отъ политическаго элемента взаимныхъ обязательствъ и пріобрѣтаемыхъ правъ—еще далека отъ схоластики московскихъ договоровъ съ ихъ канцелярски выработанными формулами. Но присматриваясь къ ней мы несомнѣнно вступаемъ въ условія удѣльнаго быта и отношеній между князьями, какъ независимыми владѣльцами обособленныхъ волостей-княженій, ограниченныхъ въ своей независимости и связанныхъ другъ съ другомъ лишь фактическимъ соотношеніемъ силъ и интересовъ, да договорными соглашеніями.

---

[1]) „Вы мнѣ братья своя, говоритъ Изяславъ Мстиславичъ Глѣбу Юрьевичу, до васъ нѣту рѣчи никоея же; но обидить мя твой отець, а съ нами не умѣеть жити“.—Ипат., стр. 276. А Юрій—Ростиславу: „право, сыну, съ Изяславомъ есмь не могль быти, а ты ми еси свой братъ и сынъ“.—Ипат., стр. 328.

[2]) Ипат., стр. 290.

Договорныя отношенія между князьями удѣльнаго времени подробно изучены В. И. Сергѣевичемъ и легли въ основу его исторической теоріи. Выводы, полученные, прежде всего, на основаніи извѣстій, идущихъ «отъ XII вѣка и ближайшихъ къ нему годовъ смежныхъ столѣтій» [1]) приняты въ этой теоріи за исходный пунктъ русскаго историческаго развитія, на нихъ построена характеристика древнѣйшаго періода русской исторіи. Такъ возникло представленіе объ «исконной» политической особности древне-русскихъ волостей, «первоначальныхъ», существовавшихъ «еще до Рюрика»; о «преобладающемъ значеніи договорнаго и союзнаго начала въ нашей исторіи» [2]), и притомъ—во всей нашей древнѣйшей исторіи, съ первыхъ моментовъ ея, о какихъ мы можемъ получить нѣкоторое представленіе изъ источниковъ. То «множество единовременно существующихъ небольшихъ государствъ», какими представляются волости-княженія XII в., возникло и сложилось въ доисторическія времена. Волость—территорія, потому и составляющая «одно государственное цѣлое», что состоитъ подъ одною властью. И эта власть—старше дѣятельности князей Рюрикова рода; ея возникновеніе одновременно и неразрывно связано съ возникновеніемъ древнѣйшихъ городовъ. И древнѣйшія волости—не племенныя. Племена, перечисляемыя начальнымъ лѣтописцемъ, какъ имѣющія каждое свое княженіе [3]), носятъ мѣстныя наименованія: нѣтъ основанія предполагать «родовое единство отдѣльныхъ племенъ и условливаемую этимъ единствомъ политическую ихъ цѣльность». Волости возникли не на племенной основѣ. «Скрытый отъ глазъ историка процессъ возникновенія первоначальныхъ волостей совершался, надо думать, медленно, но не мирно, а съ оружіемъ въ рукахъ». «Группами предпріимчивыхъ людей» строились города; «жители такихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, при благопріятныхъ условіяхъ, могли стремиться къ расширенію своихъ владѣній и съ этою цѣлью захватывать чужія земли и подчинять себѣ разрозненное населеніе этихъ земель», а для «береженья» своихъ пріобрѣтеній—строили пригороды. «Центръ волости городъ, къ нему тянетъ земля, огражденная пригородами. Сила, создавшая такую волость, должна была выдти изъ города» [4]). Такъ возникли

[1]) Р. Юр. Др., II², стр. 2.
[2]) Тамъ-же, стр. 131, 139, 231.
[3]) Лавр., стр. 9.
[4]) „Р. Юр. Др.“, I², стр. 1—12.

волости, политически обособленныя, исконное и основное явленіе древне-русскаго политическаго быта.

По существу это гипотетическое построеніе В. И. Сергѣевича несомнѣнно содержитъ рядъ очень цѣнныхъ указаній на то, въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать выясненія древнѣйшихъ моментовъ русскаго историческаго процесса. Но оно, само явившись результатомъ перенесенія на древнѣйшія времена наблюденій, установленныхъ для XII в., получило въ исторической теоріи В. И. Сергѣевича такую силу, которая едва ли плодотворно отразилась на пониманіи дѣятельности русскихъ князей и междукняжескихъ отношеній X и XI столѣтій, вызвавъ неудачную попытку подвести подъ дѣйствіе «договорнаго» начала кровавую борьбу сыновей Святослава и Владимира, гдѣ рать не до мира стояла, а до полнаго уничтоженія противника и объединенія власти надъ всѣми волостями, и несогласную съ изложеніемъ лѣтописи оцѣнку дѣятельности Владимира и Ярослава, одностороннее освѣщеніе времени старшихъ Ярославичей и Мономаха. Дѣло въ томъ, что В. И. Сергѣевичъ предположилъ слишкомъ большую опредѣленность и зрѣлость волостного строя на зарѣ русской исторической жизни и тѣмъ подорвалъ возможность эволюціоннаго пониманія формъ древне-русскаго политическаго быта. Удѣльный строй, характеризуемый въ политическомъ отношеніи обособленностью волостей-княженій и договорными отношеніями между князьями, явился результатомъ долгаго историческаго развитія, хотя бы оно и опиралось на основахъ, заложенныхъ еще во времена «доисторическія», въ эпоху колонизаціи восточно-европейской равнины славянскими племенами и перехода ихъ отъ племенного быта къ городскому и волостному строю. Волости-княженія и междукняжескія отношенія XII и XIII в.—во всѣхъ существенныхъ историческихъ чертахъ своихъ—не пережитки глубокой древности, а новообразованія. Не въ цѣляхъ этого очерка древнерусскихъ междукняжескихъ отношеній слѣдить за постепеннымъ самоопредѣленіемъ земель-волостей. Отмѣчу только, что оно не встрѣтило, въ концѣ концовъ, достаточнаго противодѣйствія во вліяніи княжой политики, а, напротивъ, нашло въ ней, именно въ началѣ отчиннаго раздѣла—силу, которая каждой землѣ давала возможность выработать себѣ законченный политическій строй укрѣпленіемъ у себя опредѣленной княжой семьи. Такъ начало отчины встрѣтило поддержку въ тенденціяхъ самого населенія, созидая основы удѣльнаго уклада всего русскаго политическаго быта.

VII.

Строй княжого владѣнія въ отдѣльныхъ земляхъ.

До сихъ поръ мы говорили только о борьбѣ началъ старѣйшинства и отчиннаго раздѣла по отношенію къ тому цѣлому, которымъ владѣли Владимиръ и Ярославъ. Теперь заглянемъ внутрь постепенно обособлявшихся частей этого цѣлаго.

Въ нихъ основныя черты княжого владѣнія и междукняжескихъ отношеній по существу, конечно, тѣ же, но въ разнообразныхъ комбинаціяхъ и измѣненіяхъ, обусловленныхъ особенностями мѣстной исторической жизни.

«Процессъ распада,—читаемъ у М. С. Грушевскаго,—не ограничился раздѣломъ державы на особыя земли, а проходилъ свои дальнѣйшія стадіи внутри отдѣльныхъ земель. Въ XI в., можно сказать, «земля» вообще соотвѣтствуетъ княженію; князь, чаще всего, представляетъ собою цѣлую землю (а иногда и нѣсколько земель). Въ XII в. каждая земля, за немногими исключеніями, превращается въ цѣлую политическую систему, съ цѣлою группою княженій, съ княжими линіями старшими и младшими, съ бо̀льшими и меньшими политическими центрами, съ различными системами княжескихъ отношеній; однимъ словомъ, земля, какъ микрокосмъ, повторятъ въ себѣ складъ политической системы Русской державы» [1]).

Основнымъ факторомъ такого дробленія отдѣльныхъ земель было начало отчиннаго раздѣла и владѣнія, въ связи съ стремленіями пригородовъ къ независимости и обособленію.

Первой выдѣлилась въ особое владѣніе полоцкая земля. Къ сожалѣнію, отношенія между ея князьями отразились въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ столь отрывочными и случайными извѣстіями, что сколько-нибудь обстоятельное ихъ изученіе прямо невозможно: сама генеалогія ихъ представляетъ не мало пунктовъ неясныхъ и сомнительныхъ [2]). То немногое, что можно сказать съ нѣкоторой увѣренностью, сводится къ слѣдующему. Послѣ

---

[1]) II [2], стр. 129.

[2]) Ср. *Данилевича*, Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV столѣтія, Кіевъ, 1896 г.—и *Довнара-Запольскаго*, Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столѣтія, Кіевъ. 1891 г.

Изяслава Владимировича и, вѣроятно, еще при жизни его отца, полоцкая отчина перешла къ его сыну Брячиславу [1]), затѣмъ къ Всеславу Брячиславичу. Смерть Всеслава (1101 г.) принесла первый раздѣлъ полоцкой земли, но возстановить его не представляется возможнымъ [2]). Впрочемъ, съ этихъ поръ можно отмѣтить борьбу за Полоцкъ и смѣну въ немъ князей путемъ усобицъ и вмѣшательства вѣча полоцкаго. Видимъ и совмѣстныя предпріятія всей братьи Всеславичей [3]), свидѣтельствующія о томъ, что полнаго распада отчины Рогволожихъ внуковъ на рядъ вполнѣ обособленныхъ владѣній не произошло. О томъ же говоритъ и опала, постигшая всѣхъ полоцкихъ князей со стороны Мстислава въ 1129 г. — Съ паденіемъ власти Мстиславичей въ Полоцкѣ (1132 г.) развитіе полоцкихъ отношеній начинается какъ бы за ново. И основныя ихъ черты: во-первыхъ то, что Полоцку такъ и не привелось до конца его независимости установить у себя опредѣленный порядокъ преемства въ одной династіи, не пришлось обособиться, въ полной мѣрѣ замкнувшись въ своихъ мѣстныхъ интересахъ; во-вторыхъ, въ общемъ устойчивое, раздѣленіе полоцкой земли на отчины отдѣльныхъ линій Всеславова потомства [4]). Кромѣ того, нѣкоторыя

---

[1]) О Всеславѣ Изяславичѣ мы знаемъ только, что смерть его записана подъ 1003 г. Сидѣлъ ли онъ въ Полоцкѣ—лѣтопись не указываетъ, а старшимъ его считаютъ, повидимому, потому только, что онъ раньше умеръ. Быть можетъ то, что Изяславъ подъ 1001 г. названъ „отецъ Брячиславль“ можно, за неимѣніемъ лучшаго, принять за намекъ на преемство Брячислава по Изяславѣ?

[2]) Нѣтъ у насъ даже списка его сыновей—шести или семи—по старшинству лѣтъ, нѣтъ свѣдѣній ни объ ихъ посаженіи при отцѣ, ни о какомъ либо рядѣ Изяслава.

[3]) „Томъ же лѣтѣ (1106) побѣдиша Зимѣгола Всеславичь, всю братью“.— Лавр., стр. 271. Естественно предположить съ *В. Е. Данилевичемъ* руководящую роль полоцкаго князя, какимъ для этого времени онъ признаетъ Бориса Всеславича (указ. соч., стр. 73), а Довнаръ-Запольскій— Давыда (выраженіе Лавр., стр. 270: „Олегъ самъ иде на Глѣба, *поемше* Давыда Всеславича“ скорѣе указываетъ на попытку Олега въ 1104 г. помочь изгнанному братьями Давыду).

[4]) „Слѣдя за борьбою князей изъ за Полоцка, говоритъ *Довнаръ-Запольскій*—нельзя не замѣтить, что полоцкіе князья не переходятъ съ одного удѣла на другой, что еще сыновья Всеслава осѣли уже на своихъ удѣлахъ“ и указываетъ на минскую волость Глѣбовичей, сохраняющуюся въ ихъ рукахъ, сквозь рядъ бурныхъ событій, втеченіе всего XII вѣка, на витебскую волость Святославичей или Васильковичей (линія Ва-

черты [1]) въ исторіи полоцкихъ князей указываютъ на одно естественное послѣдствіе сочетанія устойчиваго владѣнія волостями, доставшимися отдѣльнымъ семьямъ княжого рода, съ отсутствіемъ прочно установленнаго преемства, а, тѣмъ болѣе, династическаго обособленія главнаго княжого стола въ землѣ полоцкой: занятіе тѣмъ или инымъ княземъ этого стола—не вело къ разрыву его владѣльческихъ отношеній къ прежней отчинѣ. Изгнанный изъ Полоцка князь возвращается на прежній столъ свой [2]), и семьямъ княжескимъ, князьямъ-братьямъ, повидимому дружно державшимся въ борьбѣ изъ-за Полоцка, приходилось мириться

силька Святославича), которую, впрочемъ, прослѣдить значительно труднѣе, и на друцкую отчину Борисовичей. Во вторую половину XII в., какъ справедливо указываетъ *Данилевичъ*, „уже замѣчается въ общихъ чертахъ то территоріальное раздѣленіе полоцкой земли, которое выразилось въ литовскій періодъ въ распаденіи ея на три земли: полоцкую, минскую и витебскую". Предыдущія группировки владѣній могутъ быть уловлены лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

[1]) Наблюдая борьбу трехъ семей полоцкихъ князей — Глѣбовичей Васильковичей и Борисовичей, *В. Е. Данилевичъ* отмѣчаетъ, что около 1151 г. братья Глѣбовичи сидѣли: Ростиславъ въ Минскѣ (Ипат., стр. 308), Володарь въ Городцѣ (гдѣ видимъ его позднѣе), Всеволодъ въ Изяславлѣ (упомянутъ тамъ позднѣе, Ипат., стр. 340), а затѣмъ, когда въ 1151 г Ростиславъ перешелъ въ Полоцкъ, то Минскъ занимаетъ Володарь, чтобы по изгнаніи Ростислава изъ Полоцка, уступить ему Минскъ и вернуться въ свой Городецъ. Въ этомъ *В. Е. Данилевичъ* видитъ примѣръ владѣнія по „праву старшинства", то, что *В. О. Ключевскій* назвалъ бы очереднымъ порядкомъ. То же и еще въ двухъ примѣрахъ: когда Всеславъ Васильковичъ витебскій занялъ полоцкій столъ, братъ его Брячиславъ перешелъ изъ Изяславля въ Витебскъ; въ Друцкѣ послѣ Рогволода Борисовича княжили другъ за другомъ два его сына: Глѣбъ и Всеславъ (Ипат., стр. 355 и 419; Ипат., стр. 419 и Лавр., стр. 383). Само по себѣ княженіе брата по братѣ немного даетъ, когда мы не знаемъ ни времени, ни обстоятельствъ смѣны князей, какъ въ двухъ послѣднихъ случаяхъ. Первый примѣръ былъ бы интересенъ, если бы мы хоть то знали навѣрное, что Володарь старше Всеволода (въ росписи князей самъ *Данилевичъ* помѣщаетъ вторымъ Всеволода, а Володаря третьимъ).—Но и безъ этого, можемъ признать удачнымъ наблюденіе *В. Е. Данилевича*, указывающее, однако, не столько на преимущества въ наслѣдованіи дядей передъ племянниками, какъ онъ выводитъ, сколько на зарожденіе нераздѣльнаго или лишь условно-раздѣльнаго владѣнія братьевъ съ чередованіемъ ихъ въ зависимости отъ судебъ стола полоцкаго.

[2]) Ср. возвращеніе Ростислава Глѣбовича въ Минскъ—Ипат. 340; Рогволода Борисовича въ Друцкъ—Ипат., стр. 355; Всеслава Васильковича въ Витебскъ—Ипат., стр. 406 и т. п.

съ невозможностью произвести въ своей средѣ сколько-нибудь окончательный раздѣлъ владѣній. При переходѣ старшаго изъ братьевъ на столъ княженія полоцкаго, его прежнее княженіе занимаетъ другой братъ, но съ всегдашней перспективой возвращенія брата и перераспредѣленія столовъ снова по старому или, смотря по соглашенію, какъ-либо иначе. Такова почва, на которой дѣйствительно возникаетъ своего рода нераздѣльность владѣнія отчиной группы князей, съ распредѣленіемъ между ними волостей, которое, измѣняясь, смотря по обстоятельствамъ, не ведетъ, иногда, къ распаду этой отчины на рядъ обособленныхъ владѣній, а создаетъ своего рода «очередное» пользованіе ими.

Сходныя явленія мы встрѣчали уже и на югѣ и еще встрѣтимъ. Обратимся къ черниговской землѣ.

Черниговская отчина Святославичей [1]) оказалась наиболѣе устойчивымъ изъ созданій Ярославова ряда. Въ 90-хъ годахъ XI в. закончилась кровавая борьба за отчинныя права сыновей Святослава и они осѣли въ своихъ владѣніяхъ. Не знаемъ подробнѣе, какъ они подѣлились. Но старшій, Давыдъ сѣлъ въ Черниговѣ, Олегъ, по всей вѣроятности, въ Новгородѣ Сѣверскомъ, младшій, Ярославъ, въ волостяхъ муромо-рязанскихъ. Понимать это надо какъ раздѣлъ отцовскаго наслѣдія на три отчины. Только Черниговъ, какъ старшій столъ и большее княженіе во всей землѣ, сразу занялъ особое положеніе въ междукняжескихъ отношеніяхъ Святославичей. По смерти Олега и Давыда (1123 г.) его занялъ было Ярославъ Святославичь—«по принципу родового старшинства», но не въ наслѣдованіи отчинъ, а въ преемствѣ старѣйшинства, связаннаго съ черниговскимъ столомъ. Изгнаніе его племянникомъ, Всеволодомъ Ольговичемъ, въ 1127 г., заставило Ярослава, лишеннаго поддержки со стороны Мстислава кіевскаго, вернуться въ Муромъ. Съ этихъ поръ его муромо-рязанскія волости составляютъ особое владѣніе его потомковъ, оторванное отъ черниговской системы княженій.

Остались двѣ линіи, Давыдовичей и Ольговичей, со своими двумя отчинами [2]). Политическое значеніе Чернигова, его несо-

---

[1]) Ср. *Голубовскаго*, Исторія Сѣверской земли до половины XIV в., Кіевъ, 1881 г. *Багалѣя*, Исторія Сѣверской земли до половины XIV в., 1882 г. *Грушевскаго*, Історія України-Руси, II², стр. 317—328.

[2]) Въ 1151 г. Святославъ Ольговичъ и его племянникъ, Святославъ Всеволодичь, говорятъ Изяславу Давыдовичу: «А се отцинѣ межи нама

измѣримость съ другими волостями помѣшали окончательному распаду этихъ владѣній на два самостоятельныхъ княженія. Всеволодъ Ольговичъ, отнявъ у дяди Черниговъ, сумѣлъ путемъ сближенія съ сильнымъ Мстиславомъ, а затѣмъ ловкой политикой во время раздоровъ между Мономашичами, не только удержаться во главѣ черниговской земли, но добиться, наконецъ, и княженія въ Кіевѣ. Черниговъ онъ, при этомъ, уступаетъ Давыдовичу, Владимиру, удержавъ, однако за собой одну изъ волостей черниговскихъ—землю Вятичей. По смерти его, Давыдовичи пытаются использовать вражду между Изяславомъ Мстиславичемъ и Ольговичами, чтобы овладѣть всѣми волостями Ольговичей и этой борьбой двухъ линій занята первая половина XII в. Въ непрерывной борьбѣ за Кіевъ и черниговскія волости погибли одинъ за другимъ представители старшей линіи, угасшей съ послѣднимъ изъ Давыдовичей Святославомъ Владимировичемъ, который умеръ въ 1167 г. на незначительномъ княженіи въ землѣ Вятичей [1]). Черниговскія владѣнія остаются въ рукахъ двухъ линій Ольговичей: потомковъ Всеволода и Святослава.

Долгіе годы борьбы сплотили Ольговичей. Какъ ранѣе они хранили единство отчины Олега, не доводя распредѣленія владѣній въ своей средѣ до окончательнаго раздѣла на рядъ мелкихъ отчинъ, такъ и послѣ паденія Давыдовичей они, успѣшнѣе чѣмъ какая либо линія Рюрикова рода, сочетаютъ раздѣльное пользованіе волостями съ сохраненіемъ единства владѣнія. Своеобразный порядокъ этотъ былъ подготовленъ тѣми особенностями, какія вносило во владѣніе черниговскими волостями постоянное стремленіе Святославичей къ столу кіевскому. Оно поддерживало въ нихъ потребность солидарности, совмѣстныхъ дѣйствій, соглашеній относительно Чернигова, передававшихъ его изъ одной линіи въ другую. Примѣръ мы уже видѣли во времена Всеволода Ольговича. Далѣе, когда, по смерти Изяслава и Вячеслава кіевскихъ, мелькнула Изяславу Давыдовичу надежда на Кіевъ, онъ сговаривается съ Святославомъ Ольговичемъ, «яко же бы Изяславу у Кіевѣ сѣдѣти, а Святославу у Черниговѣ».

двѣ, одина моего отца Олга, а другая твоего отца Давыда, а ты, брате, Давыдовичь, а язъ Ольговичь; ты же, брате, прими отца своего, Давыдово, а што Олгово, а то нама дай, ать вѣ ся тѣмъ подиливѣ"—Ипат., стр. 307. Изяславъ же „отцину има узвороти, а свою къ собѣ прія".

[1]) „Умре Святославъ Володимиричь во Вщижи, внукъ Давыдовъ"—Ипат., стр. 359.

Узнавъ, что въ Кіевѣ не удержаться (идетъ Юрій Владимировичъ) Святославъ посылаетъ сказать Изяславу: «пойди ис Кіева, сеть идеть въ Кіевъ Дюрги; а язъ ти Чернигова съступлю». Изяславу пришлось уступить Кіевъ Юрію и вернуться въ Черниговъ, а Святославъ «поиде Сновьску» [1]). Въ этомъ нѣтъ, конечно, никакого «порядка преемства»: передъ нами только соглашеніе на данный случай, обусловленное для Давыдовича необходимостью заручиться поддержкой Ольговичей [2]). Необходимость эта, однако, краснорѣчиво указываетъ на условія, затиравшія раздѣльность отчиннаго владѣнія новыми комбинаціями. Тѣ же условія, побуждавшія черниговскихъ князей держаться вкупѣ при почти непрерывной борьбѣ ихъ съ Мономаховымъ племенемъ, привели къ болѣе опредѣленнымъ и устойчивымъ явленіямъ въ области междукняжескихъ отношеній черниговской области, когда линія Давыдовичей сошла со сцены и всѣ волости сосредоточились въ рукахъ потомковъ Олега. И то не сразу. По смерти Святослава Ольговича (1164 г.) видимъ попытку его сына Олега занять Черниговъ, какъ отчину свою, съ исключеніемъ старшей, Всеволожей, линіи Ольговичей. Ему это не удалось, пришлось уступить Черниговъ дядѣ Святославу Всеволодовичу, но до смерти Олега видимъ рядъ проявленій его вражды къ черниговскимъ князьямъ, споры о волостяхъ, которыми Святославъ распоряжался въ пользу своей родни и въ ущербъ интересамъ племянниковъ [3]). Отчинная

---

[1]) Ипат., стр. 328—329.

[2]) Занявъ Кіевъ по смерти Юрія Долгорукаго, Изяславъ пробуетъ сохранить Черниговъ за собой, оставивъ тамъ племянника со всѣмъ полкомъ своимъ. Но Ольговичи заставили его уступить: „и даша Святославу Олговичу Черниговъ, а Всеволодичю Новгородъ (Сѣверскій), а Изяславъ иде въ свой Кіевъ“—Ипат., стр. 336—337. Притомъ Изяславъ, подобно Всеволоду Ольговичю, сохранилъ за собою часть черниговскихъ волостей: Святославъ жаловался потомъ, что взялъ только „Черниговъ съ 7-ю городъ пустыхъ, Моровіескъ, Любескъ, Оргощь, Всеволожь, а въ нѣхъ сѣдять псареве же и Половци“, тогда какъ Изяславъ „всю волость Черниговьскую собою держить и съ своимъ сыновцемъ“—Ипат., стр. 343. При вторичномъ изгнаніи Изяслава изъ Кіева, Святославъ не уступилъ ему Чернигова, и между ними пошла усобица (Ипат., стр. 344—352), неудачная для Изяслава, который, наконецъ, оставивъ надежду на Черниговъ, гибнетъ въ 1162 г. въ борьбѣ съ кіевскими князьями (Ипат., стр., 354).

[3]) Мать Олега по соглашенію съ епископомъ и передними мужами мужа своего три дня скрывала смерть отца, пока не пріѣхалъ въ Чер-

тенденція раздѣла давала себя сильно чувствовать въ борьбѣ родственныхъ линій и вполнѣ преодолѣть ее, повидимому, такъ и не удалось группѣ черниговскихъ Ольговичей [1]). Но и осуществленія она въ до-монгольскія времена не получила. Рядъ компромиссовъ, къ какимъ прибѣгали Ольговичи для преодолѣнія внутренней розни и для объединенія своихъ силъ, помѣшалъ Черниговщинѣ распасться на нѣсколько обособленныхъ княженій и создалъ тѣ черты княжескихъ отношеній, которыя позднѣйшій книжникъ обобщилъ въ выраженіи: «лѣствичное восхожденіе», перенеся его съ Чернигова на Кіевъ.

Присмотримся къ упомянутымъ компромиссамъ. Святославъ Всеволодовичъ занявъ кіевскій столъ, на первое время, Черниговъ сохраняетъ за собой [2]), потомъ сажаетъ въ немъ брата Ярослава, но во главѣ общихъ дѣлъ Черниговщины стоитъ попрежнему не Ярославъ, а Святославъ [3]). «Одиначество» Ольговичей носитъ при немъ характеръ союза двухъ линій, остающихся раздѣльными. Такъ собираясь походомъ на Всеволода суздальскаго, Святославъ говоритъ братьѣ: «се азъ старѣе Ярослава, а ты, Игорю, старѣе Всеволода, а нынѣ я вамъ во отця мѣсто

ниговъ Олегъ. Но епископъ, преступивъ клятву, далъ вѣсть Святославу „и начаста слати межи собою, ладячася о волостехъ; Олегъ же, на ся поступивъ уладися, Святославу съступи Чернигова, а собѣ взя Новгородъ“—Ипат., стр. 358; для дальнѣйшихъ отношеній, ср. стр. 358, 360, 406, 408.

[1]) Ср. усобицу Михаила Всеволодича съ Олегомъ (Игоревичемъ?) курскимъ—Лавр., стр. 426.

[2]) „Иде Володимеръ съ женою къ Чернигову ко отцю: ту бо живяше Святославъ, пришедъ ис Кіева“ Ипат., стр. 414.—„Въ томъ же лѣтѣ преставися Олегъ Святославичь.... Потомъ же Игорь, братъ его, сѣде въ Новѣгородѣ Сѣвѣрьскѣмь, а Ярославъ Всеволодиць въ Черниговѣ сѣде“. Ипат., стр. 415. Повидимому, водвореніе въ Черниговѣ Ярослава стояло въ связи съ кончиной Олега, отказавшагося, вѣроятно, отъ притязаній на Черниговъ только въ пользу Святослава? Ср. его столкновеніе съ Святославомъ въ 1167 г., „Олегъ бо просяше въ правду надѣленья; Святославъ же не пода ему, но вда брату своему лѣпшюю волость“—Ипат., стр. 359—360.

[3]) „Иде Святославъ къ Любчю и призва къ собѣ братью свою, Ярослава, Игоря, Всеволода, ряды ему дѣющу“... Ипат., стр. 415. „Святославъ посла сына своего Олга и Володимера въ Посемье“—стр. 435. „Святославъ позва братью свою въ Роговъ: Ярослава, Игоря, Всеволода, и поча съ ними думати, хотя на Рязаньскіи князи: бяхуть бо имъ рѣчи про волости“—стр. 456.

остался: а велю тебѣ, Игорю, сдѣ остати съ Ярославомъ, блюсти Чернигова и всѣ волости своей» [1]). По его смерти, братъ его, Ярославъ, остается въ той же роли патріарха всѣхъ Ольговичей и дѣйствуетъ «собравъ братью свою и сдумавъ съ ними» [2]).

Установившаяся солидарность дѣйствій въ средѣ Ольговичей, какъ бы осуществившихъ для себя завѣтъ стараго Ярослава, привела къ двумъ послѣдствіямъ, характеризующимъ внутреннія отношенія Черниговщины за вторую половину XII и начало XIII в. Это, во-первыхъ, особая практика преемства въ старѣйшинствѣ и владѣніи столомъ черниговскимъ, а, во-вторыхъ, слабое проявленіе началъ отчиннаго раздѣла въ порядкѣ владѣнія отдѣльными волостями. Для характеристики первой достаточно перечислить князей, занимавшихъ черниговскій столъ за указанное время: сперва, какъ мы видѣли, идутъ Святославъ Всеволодовичъ и братъ его Ярославъ; потомъ Игорь Святославичъ; за нимъ слѣдуетъ сынъ Святослава-Всеволодъ Чермный и другъ за другомъ его братья: Глѣбъ и Мстиславъ Святославичи. По смерти Мстислава, сынъ Всеволода Михаилъ занимаетъ Черниговъ, вопреки притязаніямъ Олега курскаго: это первая усобица за столько смѣнъ княженій [3]). Подъ понятіе «родоваго» преемства по праву «старшинства въ родѣ» это явленіе подойдетъ въ томъ смыслѣ, что, повидимому, старѣйшинство каждый разъ принадлежало старшему во всей группѣ черниговскихъ князей, по возрасту и вліянію [4]): «княжаше въ Чернигове—говоритъ черниговское «Слово

---

[1]) Ипат., стр. 418. Ср. Лавр., стр. 405.

[2]) Ипат., стр. 468. Всеволодъ суздальскій посылаетъ не къ Ярославу, а „къ Олговичемъ“ и съ ними рядится, водя „Ярослава ко честному кресту и всихъ Олговичь“—Ипат., стр. 469.

[3]) Ср. *М. С. Грушевскаго*, II², стр. 326. Эпизодъ съ княженіемъ въ Черниговѣ Рюрика Ростиславича—Лавр., стр. 416—искусственная комбинація въ связи съ сложной политикой Всеволода Чермнаго, лишь случайно врѣзавшаяся въ судьбы Чернигова. Преемство черниговское за данное время протекаетъ безъ смутъ: о нихъ не слышимъ. Ср., напротивъ, опредѣленно указанную солидарность Ольговичей за время Всеволода Чермнаго: „Совокупишася Олговичи вси въ Черниговъ на снемъ, Всеволодъ Чермны съ своею братьею, и Володимеръ Игоревичъ съ своею братьею“ (1206 г.)—тутъ отмѣченная выше союзность двухъ линій; въ дальнѣйшемъ разсказѣ постоянно выступаютъ „Олговичи вси“—Лавр., стр. 405—413.

[4]) Если такъ, то передъ нами сеніоратъ въ пониманіи Болеслава Кривоустаго, Гензериха, осуществленіе идеи ряда Ярославля. Ср. рѣше-

о князьяхъ»—въ большемъ княженьи, понеже бо старій братьи своей» [1]).

Передъ нами—несомнѣнный примѣръ «очереднаго» порядка, «нераздѣльно поочереднаго» владѣнія. Нераздѣльно-ли? Думаю, что Святославъ Ольговичъ вѣрно выразилъ черниговское воззрѣніе, поручая старѣйшимъ послѣ него представителямъ рода Олегова блюсти «всеѣ волости своей». Не одинъ Черниговъ переходилъ изъ рукъ одной княжеской линіи къ другой. Выдѣленіе муромо-рязанскихъ волостей, паденіе Давыдовичей устранили представленіе объ отчинахъ трехъ Святославичей: черниговскія волости общая дѣдина Ольговичей. И видимъ, какъ это мимоходомъ отмѣтилъ Грушевскій, что во вторую половиду XII в. рѣчь идетъ не объ отчинахъ отдѣльныхъ князей, не о раздѣлѣ, а о надѣленіи младшихъ князей старѣйшиной черниговскимъ. Мирясь съ Олегомъ Святославичемъ, Святославъ Всеволодичъ обѣщаетъ ему: «а брата ти надѣлю Игоря и Всеволода». При господствѣ отчинныхъ представленій князья рядились относительно опредѣленныхъ волостей, на какія предъявляли свои права; а тутъ Олегъ требуетъ «въ правду надѣленья», считая несправедливымъ предпочтеніе, оказанное Святославомъ своимъ брату и сыну; споръ идетъ о лучшихъ и худшихъ волостяхъ, не объ отчинахъ.

Не вижу, однако, возможности итти такъ далеко, какъ М. С. Грушевскій, и признать для Черниговщины сложившуюся систему «лѣствичнаго восхожденія»: оно—схема книжнаго происхожденія, отчасти обобщившая факты жизни, подгоняя ихъ подъ такую систематичность, какой они никогда не достигали, отчасти, по-, видимому, осмыслившая ихъ съ точки зрѣнія позднѣйшей мысли, воспитанной въ практикѣ мѣстническихъ счетовъ [2]).

ніе Рюрика Ростиславича: „съ мужи своими угадавъ, бѣ бо Святославъ старѣй лѣты, и урядився съ нимъ, съступися ему старѣйшинства и Кіева“—Ипат., стр. 422.

[1]) Вар.: „той бѣ князь старѣйшій въ братьи своей“ („Слово похвальное на перенесеніе мощей свв. Бориса и Глѣба“, изд. *Х. М. Лопарева*, Пам. Др. Пис., вып. 98). Это „слово о князьяхъ“ драгоцѣнный памятникъ стремленія Черниговщины къ княжому „одиначеству“, подобно „Слову о полку Игоревѣ“. Ср. *П. С. Голубовскаго*, „Опытъ пріуроченія древне-русской проповѣди „Слово о князьяхъ“ къ опредѣленной хронологической датѣ“ (Древности, Труды археогр. ком. М. Ар. Общ., т. I. в. 3) и замѣчанія *М. С. Грушевскаго* (Зап. Наук. Тов. им. Шевченка, т. 43).

[2]) Напомню источникъ этой схемы. Въ старыхъ лѣтописныхъ сводахъ читаемъ разсказъ—подъ 1195—1196 г.—о томъ, какъ Всеволодъ

Конечно, можно предположить, что «надѣленіе въ правду» должно было естественно привести къ тому, что лучшій столъ, послѣ черниговскаго, доставался тому, кто былъ слѣдующимъ по старшинству послѣ черниговскаго князя. Но это только на первый взглядъ. Подобное соображеніе на дѣлѣ разбивается необходимостью считаться съ тѣмъ, что черниговское княжое «одиначество» было, по существу, компромиссомъ между двумя линіями Ольговичей. Новгородъ Сѣверскій не сталъ ступенью къ Чернигову, хотя иногда служилъ для удовлетворенія старѣйшаго во второй линіи. Если по соглашенію 1158 г. [1]) Святославъ Ольговичъ получилъ Черниговъ, а Новгородъ Сѣверскій достался Святославу Всеволодичу, который и занялъ послѣ дяди Черниговъ (благодаря устраненію Давыдовичей), то въ 1179 г. видимъ переходъ на черниговскій столъ Ярослава Всеволодича, въ то время какъ Новгородъ по Олегѣ достался Игорю Святославичу [2]). Въ чьихъ рукахъ Новгородъ Сѣверскій во время старѣйшинства Игоря—не знаемъ, какъ и вообще не можемъ составить списка его князей. Тѣмъ болѣе осторожно слѣдуетъ относиться къ схематизаціи явленій, о которыхъ свѣдѣнія столь отрывочны [3]).

суздальскій и Рюрикъ Ростиславичъ требовали отъ Ольговичей отказа отъ Кіева и получили отвѣтъ: „мы есмы не Угре, ни Ляхове, но единого дѣда есмы внуци; при вашемъ животѣ не ищемъ его, ажь по васъ, кому и Богъ дасть“—Ипат., стр. 463. Никоновская лѣтопись замѣняетъ этотъ отвѣтъ риторической рѣчью Ярослава Всеволодовича: „Не буди мнѣ отлученія великаго стола и главы и славы всеа Русіи Кіева, но якоже и отъ прадедъ нашихъ лествицею каждо восхожаше на великое княженіе Кіевское, аще же и намъ и вамъ, возлюбленная и драгая братія, лествичнымъ восхоженіемъ, кому аще Господь Богъ дастъ, взыти на великое княженіе великаго Кіева. Его, братія, не разоряйте, ни присецайте, да не Божій гнѣвъ на себѣ привлецете, хотяще едины во всей Росіи господствовати. Богъ убо мститель есть неправду творящимъ“. Это, конечно, не показаніе источника, а такое же книжное мнѣніе, какъ позднѣйшія ученыя теоріи. Оно можетъ служить источникомъ для изученія историческихъ воззрѣній своего времени, а не явленій древней жизни.

[1]) Ипат., стр. 337.

[2]) Ипат., стр. 415.

[3]) Замѣчанія эти направлены, въ сущности, не по адресу *М. С. Грушевскаго*. Этотъ осторожный изслѣдователь допускаетъ „лѣствичное восхожденіе“ съ такими оговорками, что признаетъ его скорѣе стилистически, какъ терминъ, который „во всякомъ случаѣ хорошо передаетъ этотъ порядокъ перехода столовъ и къ тому же былъ довольно распро-

Одиначество черниговскихъ Ольговичей было обусловлено, прежде всего, ихъ упорной борьбой съ Мономаховымъ племенемъ, ставшей для нихъ особенно тяжелой со времени усиленія ростовско-суздальской земли. Господство Мономашичей на западѣ отъ Днѣпра, на сѣверѣ и на югѣ отъ Черниговщины грозило большою опасностью черниговскимъ князьямъ; и она становилась еще значительнѣе, когда муромо-рязанская волость попадала въ сферу вліянія Суздальщины, становилась орудіемъ ея политики. Разбивать по мѣрѣ силъ эту мощь Мономашичей стало необходимой задачей черниговской политики. Отсюда борьба черниговскихъ князей за Посемье, за Новгородъ, гдѣ во второй половинѣ XII в. такъ часты князья-Черниговцы, за Кіевъ и кіевскія волости. Всякая консолидація владѣній, гдѣ осѣдали постепенно линіи

страненъ въ новѣйшей исторической литературѣ", чѣмъ по существу. Правда, онъ говоритъ такъ: „Наиболѣе чистый типъ родовыхъ отношеній держался... въ Черниговщинѣ. Хоть тутъ была исключена младшая линія Святославичей, а были попытки сдѣлать это и со старшей линіей, да не было недостатка и въ отдѣльныхъ конфликтахъ, но во всякомъ случаѣ въ XII в. выработалась тутъ система „лѣствичнаго восхожденія", которая и проводилась довольно точно: братья въ мѣру своего старшинства переходили со стола на столъ, а за ними, въ томъ же порядкѣ переходили на второстепенныхъ столахъ ихъ сыновья" (III², стр. 202). И даже, поясняя, что Черниговщина, въ силу особаго склада княжого владѣнія не раздѣлилась на нѣсколько обособленныхъ княженій, несмотря на существованіе нѣсколькихъ княжескихъ линій и по крайней мѣрѣ двухъ или трехъ установившихся княжихъ волостей, утверждаетъ слѣдующее: „Каждый членъ династіи, если онъ не умеръ преждевременно и кто нибудь не пересѣкъ ему дороги, долженъ былъ переходить со стола на столъ, начавъ съ наименьшаго до самого Чернигова; за нимъ передвигались его братья: когда онъ доходилъ до старшихъ волостей, гдѣ-нибудь съ тылу начинали свое движеніе его сыновья. Этотъ круговой оборотъ князей неустанно связывалъ вмѣстѣ всѣ волости земли и не давалъ имъ выдѣляться". Конечно, все это такая же стилизація наблюденныхъ явленій, какъ и въ Никоновской лѣтописи. Самъ же М. С. Грушевскій, когда не отрѣшается отъ конкретной почвы, говоритъ правильно: „Если мелкія волости, можетъ быть, не были устойчивы и очень часто, или даже обычно назначались старшими князьями младшимъ каждый разъ ad hoc, то и это тоже вліяло на нераздѣльность земли", и признаетъ, что „не можемъ даже сказать, было ли установлено практикой такое же соотношеніе по степенямъ другихъ волостей, какъ этихъ двухъ: Чернигова и Новгорода"—(II², стр. 326—327). Эта неопредѣленность сужденія есть недостатокъ изложенія и, къ сожалѣнію, въ обобщеніяхъ получается много больше, чѣмъ даютъ источники и факты, и даже не безъ противоворѣчія съ этими данными.

Мономахова племени, была враждебна черниговскимъ интересамъ, грозя самому существованію ихъ дѣдины. Отсюда постоянное участіе ихъ въ раздорахъ Мономашичей, ихъ роль сѣятелей недовольства и союзниковъ всѣхъ враждующихъ въ Мономаховомъ племени. Въ этой борьбѣ выковалось одиначество черниговское, вылившееся въ своеобразный укладъ междукняжескихъ отношеній. Не старина тутъ передъ нами, а новое явленіе, хотя и связанное съ развитіемъ и разцвѣтомъ, въ особо благопріятныхъ условіяхъ, одной изъ характерныхъ для древне-русскаго политическаго быта тенденцій.

Реальныя условія черниговской политики XII в., а не преданность ихъ старой—точнѣе книжной и позднѣйшей—теоріи, объясняютъ намъ и ихъ упорную борьбу противъ стремленія Мономашичей обратить Кіевъ въ свою фамильную отчину. Впервые, кажется, поставили Мономашичи требованіе «раздѣла Днѣпромъ» въ 1154 г., когда Ростиславъ Мстиславичъ послалъ сказать Изяславу Давыдовичю: «цѣлуй къ нама хрестъ, ты въ отцинѣ своей Черниговѣ сѣди, а мы у Кыевѣ будемъ» [1]). Изяславъ Давыдовичъ, отвѣтивъ на такое требованіе вызовомъ на борьбу, добивается Кіева, вызывая отповѣдь Юрія Владимировича: «мнѣ отцина Кіевъ, а не тебѣ». Черезъ 20 лѣтъ новое столкновеніе на той же почвѣ: Святославъ Ольговичъ требуетъ отъ Ярослава Изяславича, на которомъ Ростиславичи, давъ ему Кіевъ, положили старѣйшинство, надѣла въ кіевскихъ волостяхъ и получаетъ отвѣтъ: «чему тобѣ наша отчина? тобѣ си сторона не надобѣ». «Святославъ же поча ему молвити: «я не Угринъ, ни Ляхъ, но единого дѣда есмы внуцы, а колко тобѣ до него, толко и мнѣ» [2]). Въ еще болѣе общей и отчетливой формѣ сохранила намъ лѣтопись то же требованіе Мономашичей подъ 1195 г., когда Рюрикъ Ростиславичъ съ братомъ Давыдомъ и съ Всеволодомъ суздальскимъ «послаша мужи своя ко Яро-

---

[1]) Ипат., стр. 326.

[2]) Ипат., стр. 393. *М. С. Грушевскій* (II [2], стр. 203) полагаетъ, что послѣдними словами Святославъ хотѣлъ отмѣтить, что онъ также какъ Ярославъ принадлежитъ къ четвертому поколѣнію отъ Ярослава, только династія Святослава старше Мономаховой. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы князья занимались такими генеалогическими выкладками. Скорѣе слѣдуетъ указать на то, что никогда Святославичи не ссылаются на генеалогическое старшинство своей линіи Ярославова рода.

славу и ко всѣмъ Олговичемъ, рекше ему: целуй къ намъ крестъ къ всѣмъ со всею своею братьею, како вы не искати отцины нашея, Кыева и Смоленьска, подъ нами и подъ нашими дѣтми, и подо всимъ нашимъ Володимеримь племенемь: како насъ роздѣлилъ дѣдъ нашь Ярославъ по Дънѣпръ, а Кыевъ вы не надобѣ». Ольговичи отвѣтили Всеволоду (какъ старѣйшему въ Володимеровомъ племени—Ипат., стр. 461): «ажь ны еси вмѣнилъ Кыевъ, тоже ны его блюсти подъ тобою и подъ сватомъ твоимъ Рюрикомъ, то въ томъ стоимъ; ажь ны лишитися его велишь отъинудь, то мы есмы не Угре, ни Ляхове, но единого дѣда есмы внуци; при вашемъ животѣ не ищемъ его, ажь по васъ, кому и Богъ дасть». Всеволодъ «хотѣ оправити все племя Володимере» и итти на Ольговичей—но они сумѣли заключить съ нимъ отдѣльный миръ, раздѣливъ интересы противниковъ [1]). Признавъ наслѣдственность владѣній Всеволода суздальскаго [2]), Ольговичи упорно отрицаютъ исключительность отчинныхъ правъ на Кіевъ потомковъ Мономаха. Кіевъ — общая дѣдина Ярославлихъ внуковъ, и владѣетъ имъ, «кому Богъ дастъ». Знаменательно, что представленіе это такъ настойчиво выдвигается какъ разъ въ эпоху упадка связаннаго съ Кіевомъ старѣйшинства во всей землѣ русской, когда оно раздробилось, уступая мѣсто старѣйшинству въ томъ или иномъ княжескомъ «племени» или въ произвольно возникшей группѣ князей-союзниковъ. Различные мотивы вліяли на такую поддержку традиціоннаго взгляда на Кіевъ и землю кіевскую. Но общій ихъ корень—въ борьбѣ противъ стремленія старшихъ Мономашичей, потомковъ Мстислава, къ обращенію Кіева въ свое отчинное владѣніе, въ противовѣсъ которому какъ суздальскіе князья, такъ и Ольговичи настаиваютъ на общемъ, родовомъ значеніи Кіева и его

---

[1]) Ипат., стр. 462—463. Всѣ эти заявленія Ольговичей не указываютъ на то, чтобы относительно Кіева установился какой-либо порядокъ владѣнія имъ по очереди. „Кому Богъ дастъ“, говорятъ они, зная, что Богъ даетъ княженія военной удачей, вѣчевымъ призывомъ и т. п. Ольговичи протестуютъ противъ своего исключенія изъ круга возможныхъ претендентовъ на кіевскій столъ, защищая свое „гипотетическое“ право на преемство въ немъ.

[2]) Всеволодъ урядился съ Ольговичами „про волость свою и про дѣти своя, а Кыева подъ Рюрикомъ не искати, а подъ Давыдомъ Смоленска не искати“—Ипат., стр. 496 Вспомнимъ, что Владимирцы цѣловали крестъ Всеволоду „и на дѣтяхъ его “—Лавр., стр. 360.

«Русской» земли, во всемъ ли племени Мономаха или во всемъ родѣ Ярославлемъ. Возвращаюсь къ этому явленію по его связи съ черниговской политикой, чтобы дополнить уже сказанное нѣсколькими замѣчаніями о тѣхъ чертахъ въ позднихъ судьбахъ Кіевщины, которыя аналогичны особенностямъ княжого быта въ землѣ черниговской. Поучительны тутъ и черты сходства и черты различія.

Подобно Черниговщинѣ, и кіевская земля не распалась на рядъ отдѣльныхъ вотчинъ-княженій. И въ ней наблюдаемъ образованіе мелкихъ княженій, неустойчивыхъ и перемѣнныхъ, путемъ не раздѣла, а надѣла [1]). Но суть отношеній была иная. «Въ Кіевщинѣ, — приведу слова М. С. Грушевскаго, — волости разнымъ князьямъ раздавались довольно часто, особенно начиная съ середины XII в., но эта практика имѣла тутъ свои отличія. Мотивы надѣленія были весьма разнородны. То это были волости для близкихъ родственниковъ, братьевъ или сыновей кіевскаго князя, который хотѣлъ имѣть ихъ поближе, либо для помощи, либо для обезпеченія имъ наслѣдованія кіевскаго стола. Иногда это были волости для разныхъ младшихъ родственниковъ, которые вовсе не имѣли волости въ другой землѣ или утратили ее, и кіевскій князь, какъ патріархъ династіи, считалъ долгомъ позаботиться о нихъ. То волости эти должны были удовлетворить или вознаградить тѣхъ, кто помогъ кіевскому князю добыть столъ, или имѣлъ на него какія-либо права или претензіи, такъ что дѣло доходило до полюбовнаго дѣлежа Кіевщиной». Кромѣ того, «при частыхъ смѣнахъ князей на кіевскомъ столѣ и при частыхъ измѣненіяхъ относительно второстепенныхъ князей въ Кіевщинѣ, постоянно мѣнялись и волости кіевскія: выкраивалась волость для какого-нибудь князя—возникало маленькое княжество; уходилъ онъ черезъ нѣкоторое время—это княжество теряло свою отдѣльность; являлся новый князь, котораго надо было надѣлить—для него выкраивали волость гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Какихъ-либо опредѣленныхъ волостей, которыя по-

---

[1]) „Помяни первый рядъ, говоритъ Святославъ Ольговичъ Ярославу Изяславичу, реклъ бо еси, оже я сяду въ Кіевѣ, то я тебе надѣлю, пакы ли ты сядеши въ Кыевѣ, то ты мене надѣли; нынѣ же ты сѣлъ еси право-ли, криво-ли, надѣли же мене“—Ипат., стр. 393. Рюрикъ Ростиславичъ про Романа Мстиславича: „ажь ми ся уже молить... но язъ его пріиму и ко кресту вожю и надѣлокъ ему даю“—Ипат., стр. 462.

стоянно играли бы роль особыхъ княженій, можно сказать—не было»[1]).

Не было тутъ ни отчинныхъ раздѣловъ, которые разбили бы землю на отдѣльныя княжества, ни общаго, нераздѣльнаго владѣнія, которое покоилось бы на единствѣ владѣльческой группы. Первое обусловило внѣшнюю нераздѣльность Кіевщины, второе—дробило ее внутри, разлагая ея внутреннюю силу и значеніе кіевскаго князя не только въ ряду другихъ князей, но и въ самой землѣ кіевской[2]).

Иначе, чѣмъ въ Черниговщинѣ, сложилось княжое владѣніе въ отдѣлившейся отъ нея землѣ муромо-рязанской[3]). Тутъ, по смерти перваго ея князя Ярослава (1129), видимъ всѣ волости въ рукахъ его сыновей—Ростислава, Святослава и Юрія, и въ 30-хъ годахъ рязанскіе, муромскіе и пронскіе князья выступаютъ совмѣстно въ борьбѣ съ Половцами[4]). Въ Муромѣ сидѣлъ Юрій, а по его смерти (1143 г.) видимъ въ Муромѣ Святослава, умершаго черезъ 2 года. Тогда Ростиславъ соединяетъ всѣ волости въ своихъ рукахъ: садится въ Муромѣ, а въ Рязань посылаетъ сына Глѣба[5]). Эта попытка свести владѣніе Ярославичей къ

---

[1]) „Іст. Укр.“ II², стр. 296. Изъ 15—16 волостей кіевскихъ, перечисленныхъ Грушевскимъ, больше половины только по одному разу бывали особыми княженіями.

[2]) Возможны стали такіе факты, какъ рядъ Рюрика Ростиславича съ Святославомъ Всеволодичемъ, по которому онъ уступилъ Святославу старѣйшинство и Кіевъ, „а собѣ взя всю Русскую землю“—Ипат., стр. 422. Происходитъ, по выраженію Я. А. Голяшкина, выдѣленіе Кіева изъ „Русской“ земли.

[3]) Ср. *Д. И. Иловайскаго*, Исторія Рязанскаго княжества, въ „Сочиненіяхъ“, М. 1884 г.

[4]) Въ статьѣ Воскресенскаго свода: „Начало о великихъ князехъ Рязанскихъ“ читаемъ: „Ярославъ сѣде на Муромѣ и на Рязанѣ, и сиде два году, и преставися, и положенъ въ Муромѣ. А на Муромѣ и на Рязанѣ остался дѣти его: Ростиславъ да Святославъ да Юрьи; и Ростиславъ да Святославъ были на Рязани, а Юрьи на Муромѣ“—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 242. *Д. И. Иловайскій* считаетъ Юрія старшимъ (Муромъ старшій столъ), а Ростислава младшимъ. Подъ 1131 г. находимъ извѣстіе: „Князи Рязанстіи и Пронстіи и Муромстіи много Половець побиша“ (П. С. Р. Л., т. IX, стр. 157).

[5]) „Той же зимѣ умре Святославъ, сынъ Ярославль, у Муромѣ, а братъ его Ростиславъ сѣде на столѣ; а Рязаню послаша мѣншего Ростиславича Глѣба“—Ипат., стр. 227, подъ 1145 г.

единству въ рукахъ старѣйшаго, вызвало борьбу противъ дяди Владимира Святославича, вѣроятно, оставленнаго безъ надѣла. Видимъ его на сторонѣ Юрія Долгорукаго и Ольговичей противъ Ростислава, союзника Изяслава и Давыдовичей. Не совсѣмъ ясныя, по отрывочности, извѣстія о перипетіяхъ этой борьбы двухъ линій муромо-рязанскихъ Ярославичей [1]), позволяютъ отмѣтить двѣ черты: стремленіе Ростислава осуществить старѣйшинство въ видѣ сперва единства владѣнія, затѣмъ, повидимому, гегемоніи во всей землѣ [2]), и исходъ въ торжествѣ начала отчиннаго раздѣла. Это послѣднее произошло по смерти Владимира Святославича, отчича муромскаго, но умершаго княземъ на Рязани въ 1162 г. [3]). Никоновская лѣтопись, вѣроятно, правильно освѣщаетъ его положеніе, назвавъ его, по позднѣйшему—«великимъ княземъ рязанскимъ» [4]). Но послѣ него Муромъ и Рязань обособляются другъ отъ друга: Муромъ въ линіи Святославичей, Рязань—Ростиславичей [5]). Не буду подробнѣе слѣдить за дальнѣйшей судьбой этихъ княжескихъ волостей. О внутреннихъ дѣлахъ муромскаго княжества дошло слишкомъ мало извѣстій. А бурное и

---

[1]) *Д. И. Иловайскій*, стр. 26—32.—Авторъ принимаетъ извѣстія Никоновской лѣтописи (подъ 1147 и 1149 гг.) о другихъ членахъ Святославлей линіи, заподозрѣнныя Карамзинымъ, и даетъ имъ весьма вѣроятное толкованіе.

[2]) Ростиславъ Ярославичъ вернулъ себѣ княженіе, принявъ необходимость союза съ Юріемъ суздальскимъ, и въ 1152 г. „Ярославичъ Ростиславъ съ братьею, и съ Рязанци и съ Муромци, поидоша съ Гюргемь, а не отрекоша ему“.—Ипат., стр. 314. Послѣднія слова намекаютъ на отказъ въ рязанской помощи въ предыдущемъ году, о чемъ извѣстіе сохранилось въ Никоновской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. IX, стр. 186). Смерть Ростислава *Д. И. Иловайскій* относитъ къ 1155 г., полагая, что извѣстіе — Ипат., стр. 332—о крестоцѣлованіи Ростислава Мстиславича съ рязанскими князьями, которые „вси зряху на Ростислава, имѣяхуть и отцемъ собѣ“, указываетъ на группу младшихъ князей.

[3]) „Преставися Володимеръ князь Рязани, сынъ Святославль, внукъ Ярославичь“—Ипат., стр. 355.

[4]) П. С. Р. Л., т. IX, стр. 229.

[5]) Юрій Владимировичъ муромскій и Глѣбъ Ростиславичъ рязанскій—въ полной зависимости отъ Андрея Боголюбскаго, но для ихъ взаимоотношеній надо отмѣтить, что когда Андрей идетъ на Болгаръ, съ нимъ идетъ Юрій муромскій (1164 г., П. С. Р. Л., т. VII, стр. 77); когда же „посла князь Андрей сына Мьстислава на Болгары, а Муромьскій князь сына посла, и Рязаньскій князь сына посла“.—Ипат., стр. 385. Ср. составъ ополченія, посланнаго на Кіевъ въ 1169 г., и выше объ отношеніяхъ между Мономахомъ и Святославичами черниговскими.

многоголовое гнѣздо князей рязанскихъ наполняетъ два послѣднихъ десятилѣтія XII в. почти неустанной борьбой за волости, осложняемой вмѣшательствомъ Всеволода суздальскаго. Сыновья Глѣба Ростиславича призываютъ это вмѣшательство, потому что братъ ихъ старѣйшій Романъ «уимаеть волости» у нихъ, и Всеволодъ беретъ на себя роль справедливаго старѣйшины «порядъ створивъ всей братьи, роздавъ имъ волость ихъ комуждо по старѣйшинству» [1]), но умирилъ ихъ не надолго. Они сидятъ гнѣздомъ, дѣлясь и передѣляясь, и стремленіе пронскаго князя къ выдѣлу вызываетъ рѣзкую вражду къ нему братьевъ: «есмы воевали на своего брата, оже насъ не слушаеть», оправдывались они передъ Всеволодомъ суздальскимъ [2]). Но ни одиначества княжого, ни раздѣла отчинами такъ и не установилось въ бурныхъ смутахъ, едвали не разжигаемыхъ Всеволодомъ, который, наконецъ, лишаетъ рязанскихъ князей ихъ владѣній, отдавъ Пронскъ муромскому князю, а въ Рязани посадивъ сына Ярослава [3]). По возвращеніи рязанскимъ князьямъ ихъ отчины Юріемъ Всеволодичемъ [4]), борьба возобновляется съ сугубымъ напряженіемъ. Въ 1217 г. Глѣбъ Владимировичъ измѣннически избиваетъ братью, а черезъ два года отнявшій у него съ суздальской помощью Рязань Ингварь Игоревичъ покончилъ смуту, занявъ рязанскія волости для своей семьи; Владимировичамъ на долю осталось изгнаніе [5]). Татарское нашествіе застаетъ семью Игоревичей—сидящей на рязанскихъ волостяхъ подъ старѣйшинствомъ Ингварева брата Юрія, рязанскаго «великаго князя». И хоть дальнѣйшее развитіе княжескихъ отношеній происходитъ въ слѣдующій періодъ на тѣхъ же основахъ, общихъ всей древней Руси, но его касаться не буду: оно протекаетъ въ иныхъ условіяхъ, изученіе которыхъ выходитъ за границы моего изложенія.

Что же находимъ въ этой окраинѣ земли русской? Мы не знаемъ положенія младшихъ князей при жизни перваго поколѣнія Ярославичей. Братья слѣдуютъ другъ за другомъ въ ста-

---

[1]) Лавр., стр. 367—368.
[2]) Лавр., стр. 382—383.
[3]) Лавр., стр. 409—412.
[4]) Лѣт. Пер. Суз., стр. 111.
[5]) Лавр., стр. 418—419 и 422. О судьбѣ Владимировичей см. у *Д. И. Иловайскаго*, стр. 59.

рѣйшинствѣ, и пережившій другихъ Ростиславъ объединяетъ всѣ волости. Тутъ въ миніатюрѣ повторилась исторія кіевскихъ Ярославичей. Повторяется она и въ борьбѣ Владимира Святославича за отчину, и въ побѣдѣ отчиннаго раздѣла владѣній на муромскую и рязанскую волости. Раздѣлъ этотъ упразднилъ, повидимому и вопросъ о старѣйшинствѣ: Муромъ уходитъ подъ вліяніе суздальскаго князя, какъ и Рязань сильно его чувствуетъ. Въ рязанской землѣ—наблюдаемъ упорную борьбу, которая, хоть Всеволодъ и разсадилъ князей на волости по старшинству, не утолилась выработкой какого-нибудь устойчиваго порядка; ни раздѣла на отчины, ни очереднаго владѣнія мы не видимъ. Нѣтъ въ рязанской землѣ ни распада, ни внутренняго равновѣсія. Княжескія отношенія, бурлившія подъ тяжелымъ давленіемъ суздальской силы, не успѣли до катастрофы 1217—1219 гг. уложиться въ какую-либо мирную систему.

Вернемся на юго-западъ.

Галицкая земля, назовемъ ее удобнымъ позднѣйшимъ выраженіемъ, обособилась въ самостоятельное княженіе Ростиславичей одновременно съ Черниговщиной. И ея «особность» сразу опредѣлилась рѣзче, чѣмъ какой либо иной области. Связанная съ кіевской политикой лишь интересомъ къ положенію дѣлъ на Волыни, поглощаемая своими польскими, венгерскими, чешскими отношеніями, Галичина зажила особой жизнью. Владѣютъ ею, по смерти Рюрика Ростиславича (1092 г.), Володарь и Василько, при чемъ Володарь держитъ Перемышль и Звенигородъ, а Василько Галичъ и Теребовль—съ волостями.

Наши лѣтописи молчатъ о судьбахъ княжого владѣнія въ Галичинѣ за это время. Единственный источникъ—тѣ свѣдѣнія, какія сохранила хроника Длугоша. Она сообщаетъ, что по смерти Володаря его сыновья владѣютъ: Ростиславъ—Перемышлемъ, а Владимиръ (Володимерко)—Звенигородомъ; она же называетъ двухъ Васильковичей: Григорія (по Грушевскому ошибочно, вмѣсто Юрія) и Ивана [1]). Наши лѣтописи только послѣдняго знаютъ, сообщая о смерти его на галицкомъ княженіи, [2]) да Володимерка. При такомъ состояніи нашихъ свѣдѣній, трудно

---

[1]) *М. С. Грушевскій*, II², стр. 417—421. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ* (О составѣ русскихъ лѣтописей) стр. 186—187.

[2]) Ипат., стр. 221, подъ 1141 г.

получить какіе-либо выводы. Длугошъ передаетъ о борьбѣ въ 20-хъ годахъ между Володаревичами; на сторонѣ Ростислава стояли Васильковичи, за него вступился и Мстиславъ кіевскій. Володимерко, видно, съ этихъ поръ сталъ итти къ цѣли объединить Галичину въ своихъ рукахъ. Подъ 1140 г. лѣтопись упоминаетъ Ивана Васильковича и Володимерка [1]): остальныхъ, по всей вѣроятности, уже не было въ живыхъ. Черезъ годъ Иванъ умеръ, и Володимерко «сѣде во обою волостью, княжа въ Галичи». Обѣ волости, по характеру записи, надо тутъ, насколько разумѣю, понять, какъ обѣ основныя волости: Володареву, которой Володимерко владѣлъ со смерти брата Ростислава, и Василькову, объединенную въ рукахъ Ивана. Передъ нами извѣстіе объ объединеніи Галичины. М. С. Грушевскому мѣшаетъ признать это указаніе на Ивана Ростиславича въ Звенигородѣ. Но ничто не говоритъ о томъ, чтобы онъ тамъ сидѣлъ, какъ самостоятельный князь, а не какъ подручный дядѣ племянникъ [2]): вспомнимъ, что лѣтописецъ о вокняженіи въ Кіевѣ Всеволода Ярославича сказалъ «переима власть Русьскую всю», хотя на Волыни и въ Новгородѣ сидѣли Изяславичи. Въ такихъ явленіяхъ нѣтъ чертъ «очереднаго порядка», какой допускаетъ М. С. Грушевскій для Галичины на основаніи одного этого факта.

Какъ бы то ни было, попытка Ивана Ростиславича занять Галичъ по призыву населенія, привела къ суровой расправѣ Володимирка съ Галичанами и къ изгнанію Ивана, ставшаго знаменитымъ княземъ-скитальцемъ, подъ прозвищемъ Берладника.

---

[1]) Въ нѣсколько странной формѣ: Всеволодъ послалъ на Волынь: „Ивана Васильковича и Володаревича изъ Галича Володимерка“, но подъ слѣд. годомъ читаемъ: „преставися у Галичи Васильковичъ Иванъ и прія волость его Володимерко Володаревичь; сѣде во обою волостью княжа въ Галичи“—(Ипат., стр. 218 и 221. „Изъ Галича“ *М. С. Грушевскій* въ первомъ извѣстіи ститаетъ припиской на полѣ, не на мѣсто вставленной.

[2]) На томъ основаніи, что въ 1144 г. Галичане, пользуясь отсутствіемъ Володимерка, послали „по Ивана по Ростиславича въ Звенигородъ и въведоша къ собѣ въ Галичь“—(Ипат., стр. 226), *М. С. Грушевскій* полагаетъ, что послѣ смерти Ростислава „отношенія сложились *нормально*, Володимерко перешелъ на старшій столъ въ Переяславль, и меньшій столъ, Звенигородъ, передалъ Ростиславову сыну Ивану“ (II стр. 419). Тутъ для объясненія извѣстія лѣтописи предпосылкой служитъ „норма“, существованіе которой еще не доказано для Галичины.

Объединенная Галичина стала серьозной политической силой, вліятельной въ южной Руси, съ довольно сложными и самостоятельными международными отношеніями. Это единство она сохранила и при единственномъ сынѣ Владимирка—Ярославѣ. Ярославъ «одинъ худою своею головою ходя, удержалъ всю Галичкую землю», а умирая «приказалъ мѣсто свое Олгови, сынови своему меншему, а Володимѣру далъ Перемышль». Олегъ—не только меньшій, но и незаконный («Настасьчичь»), погибъ въ поднявшейся смутѣ, а съ Владимиромъ кончилась династія Ростиславичей, своеобразныя судьбы которой такъ далеко вышли за рамки всякихъ традицій.

Постоянное стремленіе кіевскихъ князей владѣть и Волынью [1]) привело, послѣ крушенія Монамаховой системы, къ неожиданному результату. Та линія княжого рода, завѣтной цѣлью которой было стать кіевской династіей, та семья, членовъ которой Кіевляне называли «своими» князьями, осѣла на Волыни, обособивъ ее въ свое фамильное владѣніе. Отношенія между Кіевомъ и Волынью обернулись: теперь изъ Волыни Мстиславичи добываютъ Кіевъ; Волынь становится ихъ опорнымъ пунктомъ и убѣжищемъ въ неудачныя годины, а затѣмъ—единственнымъ ихъ владѣніемъ.

Когда Изяславъ Мстиславичъ въ первый разъ занялъ Кіевъ (1146 г.) и вывелъ съ Волыни Святослава Ольговича, онъ, повидимому, оставляетъ ее въ своихъ рукахъ, а черезъ 2 года переводитъ во Владимиръ брата Святополка изъ Новгорода [2]) а въ Луцкѣ видимъ Владимира Мстиславича. Но [3]) непрочность

---

[1]) *М. С. Грушевскій.* Історія Украіни-Руси. II², стр. 367—369. *Андріашевъ.* Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV ст. *П. А. Ивановъ.* Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV вѣка. Одесса, 1895 г.

[2]) Новг. I, стр. 137; *Андріашевъ* предполагаетъ, что во Владимирѣ въ 1146—1148 г. сидѣлъ Владимиръ Мстиславичь, стр. 123.

[3]) „А язъ поѣду въ свой Володимирь"—Ипат., стр. 280; ср. стр. 268 *М. С. Грушевскій* полагаетъ, что Изяславъ передалъ Волынь Святополку въ завѣдываніе, „блюсти", а потомъ, можетъ быть, болѣе опредѣленно, но всетаки не безъ оговорокъ (II, стр. 365). Едва-ли есть основаніе для предположенія такого формальнаго „ряда". А текстъ, на который ссылается Грушевскій: „пусти Изяславъ брата своего Святополка во Володимеръ, Володимера блюсти"—Ипат., стр. 285—касается стратегической мѣры, а не владѣльческихъ отношеній, и относится уже къ 1150 г.

его положенія въ Кіевѣ дѣлаетъ эту передачу Владимира брату весьма условной: сюда Изяславъ возвращается каждый разъ, какъ вынужденъ покинуть Кіевъ, и возвращается не къ брату, а въ «свой» Владимиръ. Братья Изяслава не имѣли основанія считать Владимиръ и Луцкъ своими личными владѣніями: они сидѣли подъ рукой Изяслава, на общей, нераздѣленной въ прокъ, волости [1]). По смерти Святополка Мстиславича, Изяславъ посылаетъ второго своего сына Ярослава «Володимирю княжить» [2]).

Изяславъ Мстиславичь умеръ въ томъ же году, и Владимиръ Мстиславичъ занимаетъ, видимо по старшинству своему среди Волынскихъ князей, Владимиръ. Ярославъ, и потерявшій переяславское княженіе Мстиславъ ютятся въ Луцкѣ [3]). Но Изяславичи не склонны признавать старшинства Владимира: по матери онъ не родной имъ дядя, а «мачешичь», къ тому же онъ, быть можетъ, недовѣря племянникамъ, ищетъ опоры у Юрія, идетъ на нихъ по приказу новаго кіевскаго князя къ Луцку [4]). И Мстиславъ «ѣха изъѣздомъ на стрыя своего на Володимера Володимерю», захватилъ его семью и добро [5]), занялъ Волынь и сумѣлъ въ ней удержаться.

Въ 1167 г. южные князья, Мономашичи, зовутъ Мстислава на кіевское княженіе, сговорившись при этомъ взять у него волости по своей воли: Ярославъ требуетъ Владимиръ Волынскій [6]). Такая «твердь» братьевъ встрѣтила самый рѣшительный отпоръ, и Ярославъ остался въ Луцкѣ, а Мстиславъ и на кіевскомъ княженіи удержалъ Владимиръ за собой. Взятіе Кіева Мстиславомъ Андреевичемъ, неудача попытокъ возобновить борьбу—оправдали осторожность Мстислава. Волынь осталась единственнымъ убѣжищемъ его семьи. Передъ смертью онъ устанавливаетъ окончательный раздѣлъ отней волости на два княженія: Владимирское и Луцкое.

Въ тяжкой болѣзни—это было въ 1170 г.—Мстиславъ посылаетъ къ Ярославу и «урядився добрѣ съ братомъ и крестъ цѣ-

---

[1]) „А Изяславу осе его Володимерь готовъ, а се его Луческъ", говорятъ союзники Изяслава Юрію—Ипат., стр. 270—271.

[2]) Ипат., стр. 322.

[3]) Ср. *Андріашевъ*, стр. 131.

[4]) Ипат., стр. 330. Характерно подчеркнутое тутъ „мачешичь".

[5]) Ипат., стр. 333.

[6]) Ипат., стр. 365.

ловавъ, якоже ему не подозрѣти волости подъ дѣтми его» [1]). Нѣкоторое время слѣдъ прежнихъ отношеній—временъ Изяслава, повидимому, сохранялся, въ видѣ волынскаго старѣйшинства Ярослава Изяславича: искать себѣ Кіева идетъ Ярославъ «Лучьскый», но «со всею землею Велыньскою» [2]). По смерти его и этотъ слѣдъ исчезаетъ. Двѣ отчины—Владимирская и Луцкая—имѣютъ каждая свою судьбу, дробясь далѣе между наслѣдниками.

У Мстислава было четыре сына: Романъ утверждается во Владимирѣ, Всеволода видимъ въ Бельзѣ, Святослава и Владимира — въ Червнѣ и Берестьи [3]). Но младшіе въ томъ же году сошли съ житейской сцены, не оставивъ потомства. Владѣнія подѣлись между двумя старшими. Дальнѣйшее развитіе княжескихъ владѣній и отношеній протекало въ сложныхъ условіяхъ созиданія галицко-волынской державы и борьбы въ юго-западной Руси разноплеменныхъ силъ, крайне ими осложненное [4]).

Ярославъ Изяславичъ луцкій оставилъ также четырехъ сыновей. Извѣстія объ ихъ владѣніяхъ и отношеніяхъ крайне отрывочны и скудны [5]). Присматриваясь къ нимъ, М. С. Грушевскій пришелъ къ заключенію, что среди потомковъ Ярослава луцкаго, наблюдается переходъ братьевъ со стола на столъ [6]). Дѣло въ томъ, что на луцкомъ столѣ упоминаются, послѣ Ярослава, его сыновья: сперва Всеволодъ, потомъ Ингварь, наконецъ Мстиславъ Нѣмой [7]). Но это и все, что мы объ этихъ отношеніяхъ знаемъ. Видя въ рядѣ другихъ извѣстій братьевъ Ярославичей луцкихъ дѣйствующими вмѣстѣ, можемъ предположить, что они, охраняя свое наслѣдіе въ крайне тревожныхъ и напряженныхъ обстоятель-

---

[1]) Ипат., стр. 381—382.

[2]) Ипат., стр. 392. Не найдя себѣ „старѣйшинства въ Олговичѣхъ“, которые „не ступишася ему Кыева“, Ярославъ урядился съ смоленскими Ростиславичами, и тѣ „положиша на Ярославѣ старѣйшиньство и даша ему Кыевъ“.

[3]) Ипат., стр. 383, 446, 384 и 383.

[4]) Сыновей Всеволода Мстиславича видимъ владѣльцами Бельза (Александръ) и Червна (Всеволодъ)—Ипат., стр. 483, и это можетъ быть, какъ принимаетъ *М. С. Грушевскій*, первоначальные ихъ надѣлы.

[5]) Всеволодъ владѣлъ Луцкомъ, въ рукахъ Ингваря видимъ Дорогобужъ и Шумскъ, Мстислава Нѣмого—находимъ въ Пересопницѣ, объ Изяславѣ и вовсе нѣтъ указаній, да и остальныя (Ипат., стр. 426, 428 и 485) случайны.

[6]) III², стр. 202.

[7]) Ипат., стр. 426, 485, 501.

ствахъ, держались «за одинъ братъ», сохраняя, быть можетъ по завѣту отца, традицію луцкаго старѣйшинства. Но дальнѣйшаго развитія этимъ княжескимъ отношеніямъ получить не привелось. Мстиславъ Нѣмой передъ смертью «далъ свою отчину князю Данилови и сына своего поручивъ Ивана». Иванъ пережилъ отца не надолго, а Луцкъ захватилъ было другой его отчичь Ярославъ Ингваревичъ. Но у него Даніилъ отнялъ луцкую волость, передавъ ее своему брату Василькy [1]).

Своеобразны владѣльческія судьбы смоленскихъ Ростиславичей [2]). Ростиславъ Мстиславичъ, лѣтъ сорокъ княжившій на столѣ, порученномъ ему отъ отца, сильно поднялъ значеніе Смоленска, сдѣлавъ его центромъ сѣверной политики старшихъ Мономашичей. Настойчиво, и въ общемъ успѣшно, поддерживая свое вліяніе въ Новгородѣ, Ростиславъ имѣетъ большое значеніе въ дѣлахъ полоцкой земли,—одно время въ Витебскѣ даже княжилъ сынъ его Давидъ, — служитъ главной опорой Изяслава въ борьбѣ за Кіевъ, заставляетъ считаться съ собой черниговскихъ и суздальскихъ противниковъ. Онъ носитель общей политики Мстиславичей, наравнѣ съ старшимъ братомъ, который съ нимъ постоянно совѣщается о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ; именно Ростиславъ впервые формулировалъ притязаніе Мономахова племени на господство въ западномъ Поднѣпровьи. И, въ то же время, этотъ осторожный политикъ сумѣлъ не принести интересы Смоленска въ жертву своимъ болѣе широкимъ планамъ. Напротивъ, онъ то и положилъ начало обособленію Смоленска, какъ семейнаго владѣнія своихъ потомковъ. При немъ Смоленскъ выростаетъ въ значительный торговый центръ; при немъ получаетъ больше самостоятельности смоленское церковное управленіе съ учрежденіемъ епископіи; и сами столкновенія смоленскаго вѣча съ князьями, начавшіяся при его сыновьяхъ, свидѣтельствуютъ о подъемѣ общественныхъ силъ, о развитіи мѣстной жизни Смоленска.

Занявъ кіевскій столъ, Ростиславъ сохраняетъ въ своихъ ру-

---

[1]) Ипат., стр. 501—502. Ярослава онъ потомъ надѣлилъ—Перемилемъ, затѣмъ Межибожьемъ.

[2]) Ср. *Голубовскаго*, „Исторія Смоленской земли до начала XV в.“, К. 1895, и *М. Довнара-Запольскаго*, Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столѣтія, К., 1891 г.

кахъ и Смоленскъ, посадивъ въ немъ сына Романа [1]). Другихъ сыновей онъ устроилъ въ Кіевщинѣ, гдѣ они держатся цѣлымъ гнѣздомъ [2]). Это обстоятельство избавило смоленскую волость отъ раздробленія [3]) и упрочивало вліятельное положеніе Ростиславичей на югѣ: выбить ихъ изъ занятой позиціи и стало главной побудительной цѣлью для другихъ линій княжескаго рода, когда ихъ представители требуютъ себѣ «части въ русской землѣ».

При такихъ условіяхъ Смоленскъ сталъ не старшимъ столомъ среди территоріальныхъ владѣній данной княжеской семьи, а столомъ старѣйшаго въ ихъ средѣ. Иной разъ это вызывало возраженія: «и рече Андрей Романови: не ходиши въ моей воли съ братьею своею, а пойди съ Кіева, а Давыдъ изъ Вышегорода, а Мьстиславъ изъ Бѣлагорода: ато вы Смоленскъ, а тѣмь ся подѣлите». [4]). Но Ростиславичи сумѣли долго держаться въ своеобразномъ укладѣ своего владѣльческаго и политическаго обезпеченія.

Романъ Ростиславичъ остался въ Смоленскѣ по смерти отца. Когда судьба, по волѣ Андрея Боголюбскаго, послала ему кіевское княженіе, онъ «вниде въ Кыевъ и сѣде на столѣ отца своего и дѣда», а «сынови Ярополку да Смоленескъ». Тутъ нѣтъ «очередного» владѣнія. Романъ держитъ Смоленскъ сыномъ, чтобы туда вернуться, разъ Андрей снова «вывелъ» его изъ Кіева [5]).

Если раздѣлъ земли-волости легко велъ къ ея распаду, то разсѣяніе князей Ростиславичей ведетъ постепенно къ ослабленію ихъ солидарности и связи со Смоленскомъ. Между братьями

---

[1]) Ипат., стр. 349, 352.—Во время послѣдней болѣзни Ростислава, его сестра Рогнѣдь уговариваетъ его остаться дома, не ѣхать въ Кіевъ: „веля ему лечи Смоленьски въ своемъ ему зданьи“, но онъ отвѣтилъ: „не могу зде лечи, повезите мя Кіеву“, предпочитая лечь „въ отни благословеньи“, монастырѣ св. Ѳедора—Ипат., стр. 362.

[2]) Рюрикъ: Ипат., 349, 354; его надѣлъ—Вручій, стр. 372; Давыдъ въ Вышгородѣ—стр. 372, потомъ тутъ сынъ его Мстиславъ Давыдовичъ, стр. 440—441; Мстиславъ—въ Бѣлгородѣ, стр. 355, 388.

[3]) Ср. *П. С. Голубовскаго*, Исторія Смоленской земли, стр. 277. Голубовскій указываетъ на волости, принадлежавшія отдѣльнымъ князьямъ въ землѣ смоленской, но справедливо замѣчаетъ, что эти „удѣлы“ смоленскихъ князей—не были „политическими единицами“, а только „волостями, доходы съ которыхъ шли имъ на содержаніе“, такъ что „князь смоленскій оставался всегда полнымъ хозяиномъ всей земли“. Ср. тамъ же, стр. 290.

[4]) Ипат., стр. 388.

[5]) Ипат., стр. 387—388.

происходятъ политическія разногласія. Младшіе не согласны съ уступчивостью Романа передъ Андреемъ, и Рюрикъ занимаетъ Кіевъ по его уходѣ въ Смоленскъ: «братья же даша Кыевъ Рюрикови». А Романъ нехотя служитъ Андрею противъ строптивыхъ братьевъ: «нужею пусти сынъ свой Сьмолняны на братью, не хотяся обьявити, бяше бо тогда въ рукахъ его (Андрея)» [1]). Далѣе видимъ столкновеніе между Романомъ и Мстиславомъ, встрѣчая извѣстіе, что «Смольняне выгнали отъ себѣ Романовича Ярополка, а Ростиславича Мьстислава вьведоша Смоленьску княжитъ» [2]). Это должно было произойти во время княженія Романа въ Новгородѣ [3]). Но черезъ годъ, или въ томъ же году— Романа въ Новгородѣ смѣнилъ Мстиславъ, а старшій братъ вернулся въ Смоленскъ, чтобы затѣмъ занять снова столъ кіевскій [4]), и опять не на долго: его видимо тяготитъ суетливая борьба на югѣ.

Смерть Романа привела къ новой комбинаціи отношеній между Ростиславичами. Давыдъ, пошедшій къ Смоленску въ помощь брату, ввиду ожидавшагося нападенія Ольговичей, не засталъ его въ живыхъ—и «сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего», помимо старшаго брата Рюрика, только что занявшаго столъ кіевскій [5]). И Рюрикъ, не удержавшись въ Кіевѣ, не въ Смоленскъ уходитъ, а въ свой Бѣлгородъ [6]).

Но разрывъ стараго «одиначества» еще не полонъ. Правда, ни Давыдъ, видимо, не признаетъ надъ собою старѣйшинства Рюрика, ни тѣмъ болѣе Рюрикъ—Давыда. Ихъ взаимоотношеніе такъ отражается въ словахъ Рюрика: «брате», посылаетъ онъ сказать Давыду, когда снова сѣлъ въ Кіевѣ: «се вѣ осталася старѣйшими всѣхъ въ Русьской землѣ, а поѣди ко мнѣ, Кыеву; что будеть на Руской землѣ думы и о братьи своей, о Володимерѣ племени, и то все укончаевѣ» [7]). Если вспомнимъ, что въ это время Ростиславичи признаютъ старѣйшинство «въ своемъ племени во Володимерѣ» за Всеволодомъ суздальскимъ и дѣйству-

---

[1]) Ипат., стр. 390—391.

[2]) Ипат., стр. 406.

[3]) Новг., I, стр. 155—156: хронологія сводовъ не согласна.

[4]) Ипат., стр. 407.—Видимъ и далѣе столкновеніе Романа съ Мстиславомъ новгородскимъ изъ за полоцкихъ дѣлъ—Ипат., стр. 412.

[5]) Ипат., стр. 417.

[6]) Ипат., стр. 420.

[7]) Ипат., стр. 458.

ютъ въ общихъ спорахъ съ Ольговичами съ нимъ сообща [1]),— то передъ нами хорошій примѣръ того дробленія идеи старѣйшинства, которое дѣлаетъ возможными столь искусственныя и условныя сочетанія отношеній [2]).

«Одиначество» Ростиславичей, лишенное основы въ общемъ территорьяльномъ владѣніи и общихъ территорьяльно-политическихъ интересахъ, быстро разлагается, по мѣрѣ утраты надеждъ на осуществленіе «раздѣла Днѣпромъ», оставляя по себѣ лишь союзныя отношенія и соглашенія, выражаемыя въ традиціонныхъ терминахъ, ставшихъ условными. Оставляетъ оно свой слѣдъ и въ бытовыхъ отношеніяхъ: старшіе князья хранятъ еще представленіе объ обязанности и правѣ опеки надъ младшими, сохраняютъ и традицію своеобразнаго преемства на смоленскомъ княженіи, хотя, какъ мы видѣли, и не выдерживаютъ ее строго. Таковъ и послѣдній примѣръ этого преемства при жизни старшихъ Ростиславичей.

Давыдъ смоленскій умеръ раньше Рюрика, но этотъ князь, въ третій разъ княжившій въ Кіевѣ, не предъявляетъ правъ на Смоленскъ. «Давыдъ, же столъ свой далъ сыновцю своему Мьстиславу Романовичю, а сына своего Константина въ Русь посла брату своему Рюрикови на руцѣ» [3]).

Что тутъ—въ этомъ переходѣ стола отъ младшаго дяди къ старшему племяннику—родовой или очередной порядокъ или номинація предшественника съ согласія вѣча? Происходитъ это при жизни второго Ростиславича, Рюрика, и, очевидно, съ его согласія [4]); Константинъ, вѣроятно, малолѣтній; Рюрикъ занятъ на

---

[1]) Ипат., стр. 459, 462; а Всеволодъ и безъ нихъ обходится: стр. 469—470.

[2]) Старѣйшина въ Володимеровомъ племени, Всеволодъ требуетъ себѣ части въ русской землѣ, волости которой Рюрикъ роздалъ „молодшимъ братьи своей“, прибавляя грозныя слова: „даже мнѣ въ ней части нѣтъ, да то ты, а то Киевъ и Русская область“. А въ устахъ Рюрика, старѣйшины по Кіеву, это освѣщается такъ: „свату! (не: отче) крестъ еси ко мнѣ целовалъ на томъ, кто мнѣ ворогъ, то и тобѣ ворогъ, и въ Руской землѣ части просилъ еси у мене“. Наконецъ къ Давыду, старѣйшинѣ въ Ростиславичахъ по Смоленску, Рюрикъ обращается съ приведенными выше рѣчами.

[3]) Ипат., стр. 472—подъ 1197 г. Мстиславъ Давыдовичъ умеръ еще въ 1187 г.—Ипат, стр. 440—441.

[4]) Мстиславъ Романовичъ участвуетъ въ южныхъ дѣлахъ въ 1206 г. Когда Всеволодъ Чермный сѣлъ въ Кіевѣ „Рюрикъ же, видѣвъ свое не-

югѣ, но не присылаетъ въ Смоленскъ и сына. Случай столь сложный, что его можно легко подвести подъ любую «теорію».

Во всякомъ случаѣ смоленскіе князья кончаютъ XII вѣкъ не водворивъ въ своей волости началъ отчиннаго раздѣла, не введя у себя частно-правового семейнаго наслѣдованія. Преемство въ старѣйшинствѣ, постепенно искажаясь, дожило у нихъ до исхода разсматриваемаго нами историческаго періода.

Только нѣсколько словъ скажу о турово-пинскомъ княженіи. Особымъ семейнымъ владѣніемъ оно стало въ рукахъ Юрія Ярославича, отпрыска старшей, Изяславлей, линіи потомковъ стараго Ярослава [1]).

Послѣ двухъ неудавшихся попытокъ отнять у него Туровъ, Мономашичи признали его владѣніе: «створи миръ Ростиславъ съ Гюргемъ Ярославичемъ» [2]).

Мало мы знаемъ о его потомствѣ. Изъ пяти его сыновей, въ Туровѣ упоминаются сперва Святополкъ, потомъ Глѣбъ, ранѣе сидѣвшій въ Дубровицѣ, а въ Пинскѣ Ярославъ [3]); о Ярополкѣ и Иванѣ—нѣтъ указаній. Въ началѣ XIII в. на турово-пинской волости сидятъ Святополчичи [4]), причемъ во главѣ ихъ, вѣроятно, стоитъ Владиміръ пинскій [5]). Весьма вѣроятно, что въ пору этихъ извѣстій туровскіе и пинскіе князья еще на раздробили своего владѣнія на рядъ обособленныхъ отчинъ и что старѣйшинство не закрѣпилось за Туровымъ, уступившемъ свое значеніе Пинску. Но скудныя извѣстія оставляютъ насъ въ потемкахъ.

«Изучая исторію Суздальской земли съ половины XII в. до смерти Всеволода III, мы на каждомъ шагу встрѣчали все новые и неожиданные факты», такъ заключаетъ В. О. Ключевскій

погодье, отъиде въ свой Вручій"—а Мстиславъ „сѣде въ Бѣлѣгородѣ"; не выдержавъ дальнѣйшей борьбы, онъ черезъ годъ „иде Смоленьску въ свою отчину"—Лавр., стр. 405—408.

[1]) Ипат., стр. 337, подъ 1158 г.—Ср. *Довнара-Запольскаго*, указ. соч., стр. 130—133, и *Грушевскаго*, II², стр. 307—311, и III², стр. 202: „Что до Турово-Пинской земли, то тутъ при концѣ XII в. мы видимъ родовой порядокъ".

[2]) Ипат., стр. 356, подъ 1162 г.

[3]) Ипат., стр. 428, 466, 426.

[4]) Лавр., стр. 407.

[5]) См. *М. С. Грушевскаго*, II², стр. 309.

свое изложеніе «политическихъ слѣдствій русской колонизаціи верхняго Поволжья».

Начало обособленію ростовско-суздальской земли изъ общей кіевской системы земель-княженій положено Юріемъ Владимировичемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Мономахъ послалъ его въ суздальскую землю [1]) и до смерти своей въ 1157 г. владѣетъ Юрій этими волостями. При жизни отца и старшаго брата о немъ не слышно, кромѣ упоминанія о его походѣ на Камскихъ Болгаръ въ 1120 г. Въ 30-хъ г.г. онъ выступилъ борцомъ противъ династическихъ плановъ Мстиславичей, чтобы во время кіевскаго княженія Всеволода Ольговича снова замкнуться на своемъ сѣверѣ, пока борьба съ Изяславомъ Мстиславичемъ не вовлекла его снова въ южныя дѣла. Трижды княжитъ онъ въ Кіевѣ и умираетъ на золотомъ столѣ кіевскомъ. Но и во время этихъ княженій онъ держитъ въ рукѣ ростово-суздальскую землю, поручивъ ее тысяцкому—варягу Георгію Симоновичу. Извѣстно, что Юрій свои сѣверныя волости предназначалъ младшимъ сыновьямъ—Михалку и Всеволоду и что «на нихъ» цѣловали ему крестъ Ростовцы и Суздальцы [2]). Къ сожалѣнію, не знаемъ, какъ думалъ онъ урядить старшихъ сыновей; повидимому, онъ имѣлъ ввиду утвердить ихъ на югѣ. Но Андрей ушелъ отъ отца, безъ его воли «въ свою волость Володимерю», какъ и раньше уходилъ [3]). По всей видимости, его присутствіе на сѣверѣ было необходимо, если онъ хотѣлъ, вопреки отцовскому ряду, удержать за собою Суздальщину. О томъ же свидѣтельствуютъ и дальнѣйшія отношенія.

И по смерти Юрія, забывъ крестное цѣлованіе, «Ростовци и Суждальцы вси, пояша Андрея, сына его старѣйшаго, и посадиша и въ Ростовѣ на отни столѣ и Суждали» [4]).

---

[1]) Печерскій Патерикъ сохранилъ преданіе о варягахъ Симонѣ и Георгіи, въ которомъ читаемъ: „И бысть посланъ отъ Владимера Мономаха въ Суздальскую землю сій Георгій. Дасть же ему на руцѣ сына сына своего Георгія. По лѣтѣхъ же мнозѣхъ сѣде Владимеровичь въ Кіевѣ; тысяцкому же своему Георгіеви, яко отцу, предасть область Суздальскую"—*Яковлевъ*. Памятники русской литературы XII и XIII вв., стр. 114. Первое упоминаніе о Юріи на сѣверѣ подъ 1120 г.—Лавр., стр. 277.

[2]) Лавр., стр. 353.

[3]) Лавр., стр. 318 и 328—329. Интересно извѣстіе, что „его же лестью подъяша Кучковичи"—Карамзинъ, II, пр. 383.

[4]) Лавр., стр. 330.

Двадцать лѣтъ владѣетъ Андрей Суздальщиной, не дѣлясь ею съ братьями. Ихъ онъ держитъ на югѣ. Тутъ они должны быть орудіемъ его политики, противовѣсомъ стремленію южныхъ родичей утвердить власть въ Кіевѣ. Глѣбъ Юрьевичъ, князь переяславскій, затѣмъ кіевскій, исполняетъ это назначеніе, опираясь на всю силу Андрея въ княжеской средѣ. На югѣ, на «частяхъ» земли «русской» видимъ младшихъ братьевъ, Михаила, Всеволода. Но братья оказались ненадежными союзниками и орудіями. Въ первые годы они, повидимому, пытались «волоститься» съ Андреемъ въ самой Суздальщинѣ, имѣя сторонниковъ въ землѣ, и онъ «братью свою погна Мьстислава и Василка и два Ростиславича, сыновца своя», вмѣстѣ съ епископомъ Леономъ, и «мужи отца своего передни» [1]). Далѣе, видимъ Михалка Юрьевича ведущимъ свою политику на югѣ, поддавшимся вліянію Ростиславичей [2]). Это объясняетъ намъ попытку Андрея подчинить своей политикѣ непосредственно Ростиславичей, что, какъ мы видѣли, удалось ему въ значительной степени относительно Романа: Ростиславичи оказались разъединенными.

Послѣдній результатъ приводитъ насъ и къ другой сторонѣ той политической обстановки, въ какой дѣйствовалъ Андрей Юрьевичъ. Исторія борьбы Изяслава и Юрія вскрыла то значеніе, какое имѣло въ рукахъ старшихъ Мономашичей ихъ положеніе въ Смоленскѣ и вліяніе въ Новгородѣ [3]). И Андрей, по разсказу южнаго лѣтописца, круто ставитъ вопросъ о своихъ отношеніяхъ къ Новгороду,ославъ сказать Новгородцамъ: «вѣдомо буди, хочю искати Новагорода и добромъ и лихомъ; а хрестъ есте были цѣловали ко мнѣ на томъ, яко имѣти мене княземъ собѣ, и мнѣ вамъ добра хотѣти» [4]). Вспомнимъ, что эта

---

[1]) Ипат., стр. 356, подъ 1162 г. Дѣло это стоитъ въ какой-то связи съ разногласіями между Андреемъ и Леономъ по вопросу о постѣ въ среду и пятокъ; изложеніе лѣтописи явно сплетаетъ исторію Леона съ ссорой Андрея и братьевъ.

[2]) Ростиславичи придали ему къ Торческу Переяславль, и Михалко „лишися Андрѣя брата своего и Святослава Всеволодича Черниговьского а къ Ростиславичемъ приступи“—Ипат. 389.

[3]) „Тамо, брате, у тебе по Бозѣ Новъгородъ силный и Смолнескъ, а скупився постереги же землѣ своея“, говаривалъ Изяславъ Ростиславу; или еще: „ты по Бозѣ тамо у Смоленьскѣ и въ Новѣгородѣ у Велицимъ еси, а ты тамо удержи Гюргя съ тѣми“—Ипат., стр. 314 и 316.

[4]) Ипат., стр. 349, подъ 1160 г. И Новгородци „начаша ся мясти и вѣче начаша часто творити“; кончилось смѣной посадника, ссылкой Свя-

настойчивость проявилась немедля по занятіи Кіева Мстиславомъ Изяславичемъ: дѣло шло о подрывѣ союзной силы Мстиславичей. На этотъ разъ Мстиславъ уступилъ Кіевъ въ пользу Ростислава, съ которымъ Андрей «уладися о Новгородъ». Но борьба за Новгородъ, опираясь на партійныя разногласія въ самомъ Новгородѣ, идетъ красной нитью въ политикѣ Андрея. И характерно, что онъ и тутъ, неохотно отпуская отъ себя сыновей, стремится, подобно тому, какъ на югѣ, вести свою политику черезъ братьевъ и племянниковъ [1]).

Въ борьбѣ съ Мстиславичами сѣверные князья стремятся разбить ихъ систему объединенія основного ядра древней кіевской державы, занимая своими силами ея основные пункты: Кіевъ и Новгородъ. Можно отмѣтить и еще одну черту, аналогичную въ политикѣ противниковъ: сохраненіе ядра фамильныхъ владѣній въ рукахъ старѣйшаго представителя семьи, держаніе кіевской земли и Новгорода младшими братьями. Ростиславичи и Андрей дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи, по существу, одинаково.

Аналогіи эти могутъ показаться внѣшними передъ основнымъ отличіемъ дѣятельности Андрея: онъ лично остается въ своей отчинѣ, отдѣливъ старѣйшинство отъ мѣста. Но не будемъ терять изъ виду условія, въ какихъ произошло это событіе. Андрей занялъ ростовско-суздальское княженіе вопреки ряду отца, вопреки, насколько можно замѣтить по скуднымъ намекамъ источниковъ, и партіи вліятельныхъ людей, «переднихъ мужей»; удержать его онъ могъ только личной силой. Съ другой стороны, измѣнились дѣла на югѣ. Вмѣсто дѣятеля съ широкими запросами въ духѣ традицій Мономаха, какимъ представляется Изяславъ Мстиславичъ,—осторожный и сдержанный Ростиславъ, лишенный авторитета и ослабленный раздорами съ южной братьей Мстиславъ. Опытъ Юрія показалъ, что кіевское старѣйшинство — разбито, что вмѣсто всей русской земли—оно имѣетъ нѣкоторое значеніе лишь для Кіевщины, что оттуда нельзя уже ждать подъема силы, дѣйствительно грозной для обособившихся княженій. Значитель-

---

тослава Ростиславича въ Ладогу, арестомъ его дружины и вокняженіемъ Андреева племянника Мстислава Ростиславича. Новг. I, стр. 143—144.

[1]) „Новъгородци же послашася къ Андрѣеви Дюрдевичю у Суждаль просяче у него сына княжить Новугороду. Онъ же нѣ вдавъ имъ сына, но поча имъ давати брата своего Мьстислава; они же не въсхотѣша... и пусти къ нимъ сыновца своего Мьстислава Ростиславича". — Ипат., стр. 350.

ное вліяніе въ средѣ княжеской не требовало владѣнія Кіевомъ: напротивъ, и то, и другое являлось результатомъ дѣйствія силъ, накопленныхъ въ своемъ княженіи князьями, которые имѣли такую опору. Сила Изяслава—въ Волыни, какъ Володимерка въ Галичинѣ, какъ Святославичей въ ихъ Черниговщинѣ, какъ Ростиславичей въ Смоленскѣ, какъ самого Юрія въ его Суздальщинѣ. И для политики княжеской владѣніе Кіевомъ получаетъ скорѣе отрицательное значеніе—противодѣйствія его переходу въ исключительное владѣніе какой либо линіи, особенно Мстиславичей, строившихъ на этомъ свое стремленіе къ центральному положенію на Руси. Такъ была подготовлена и обусловлена политика Андрея.

Андрей—отдѣлилъ старѣйшинство отъ мѣста, и оно получило личное значеніе. Такъ, но оно и само измѣнилось по содержанію. Давая право на распоряженіе кіевскимъ столомъ и волостями кіевской земли—оно потеряло общерусское значеніе. Фактически лишь во времена Мономаха и Мстислава осуществлялось это значеніе, затѣмъ постепенно и быстро падало.

Отказъ отъ самой идеи, тенденціи къ такому осуществленію—трудно сказать, сознательный ли, или въ силу подчиненія сложившимся условіямъ — опредѣленно видимъ на примѣрѣ Юрія Долгорукаго. Андрей сдѣлалъ послѣдній выводъ изъ итоговъ этой эволюціи.

Оцѣнивая дѣятельность Андрея, В. О. Ключевскій говоритъ, что въ связи съ новымъ отношеніемъ Андрея къ Кіеву «измѣнилось и положеніе суздальской области среди другихъ областей русской земли, и ея князь сталъ въ небывалое къ ней отношеніе. До сихъ поръ князь, который достигалъ старшинства и садился на кіевскомъ столѣ, обыкновенно покидалъ свою прежнюю волость, передавая ее по очереди другому владѣльцу. Каждая княжеская волость была временнымъ, очереднымъ владѣніемъ извѣстнаго князя, оставаясь родовымъ, не личнымъ достояніемъ. Андрей, ставъ великимъ княземъ, не покинулъ своей суздальской области, которая вслѣдствіе того утратила родовое значеніе, получивъ характеръ личнаго, неотъемлемаго достоянія одного князя, и, такимъ образомъ, вышла изъ круга русскихъ областей, владѣемыхъ по очереди старшинства» [1]).

---

[1]) Курсъ, I, стр. 394.

Мы не знаемъ «круга русскихъ областей, владѣемыхъ по очереди старшинства», къ которому когда-либо принадлежала суздальская область, и не то намъ въ этой цитатѣ важно. Въ ней ставится два вопроса—о прекращеніи перехода на старѣйшинство въ Кіевъ съ передачей прежней волости другому князю—и о возникновеніи новаго отношенія князя къ волости, какъ къ своему личному владѣнію. Это два разныхъ вопроса, лишь косвенно связанныхъ другъ съ другомъ.

Андрей первый изъ князей русскихъ, добившись Кіева и власти надъ нимъ, остался на прежней волости своей, не переѣхалъ въ Кіевъ. Но это само по себѣ не поставило его въ новое отношеніе къ волости-отчинѣ. И старшіе Ярославичи не отрѣшались отъ своихъ отчинъ, занимая Кіевъ. Въ XII в. Всеволодъ Ольговичъ, Изяславъ Давыдовичъ, поступаясь Черниговымъ—сохраняютъ за собою черниговскія волости; Святославъ Ольговичъ, княжа въ Кіевѣ, оставался правителемъ-старѣйшиной черниговскимъ и т. д. Рядъ приведенныхъ выше примѣровъ переноситъ тяжесть вопроса объ Андреѣ и Суздальщинѣ съ порядка на характеръ владѣнія. И, въ этомъ отношеніи, дѣло сводится не къ нарушенію «родового» или «очередного» порядка, а къ вопросу: была ли Суздальщина для Андрея его личнымъ владѣніемъ или семейнымъ. По отношенію къ братьямъ—трудно усомниться, что Андрей не считалъ нужнымъ дѣлиться съ ними суздальской отчиной, предоставляя имъ сидѣть въ Переяславлѣ, Городцѣ, Торческѣ, вообще на югѣ, либо искать стола новгородскаго, подъ своимъ старѣйшинствомъ. Возникало положеніе, сходное съ тѣмъ, какое мы наблюдали среди смоленскихъ Ростиславичей, при Романѣ, особенно при Давыдѣ. Андрей лишь болѣе рѣшительно и круто выдѣляетъ Суздальщину въ личное свое распоряженіе, стремясь въ ней быть «самовластцемъ». Но достаточно-ли всѣхъ данныхъ, какія мы имѣемъ относительно Андрея, чтобы приписать ему какой-либо опредѣленный планъ относительно наслѣдія въ его волости? В. О. Ключевскій склоненъ признать чисто личный характеръ этого «самовластія», даже съ элементами «самодурства», разбирая дѣятельность Андрея по управленію Суздальщиной. Не идя такъ далеко, можемъ сказать, что намъ ничего не извѣстно о «рядѣ» Андрея, погибшаго неожиданно подъ ударами своей же дружины, а дальнѣйшія событія не уясняютъ, подготовлялъ-ли онъ какое либо преемство по себѣ, напр., единственнаго пережившаго его сына, или больше

вѣроятія, что вопросъ этотъ при жизни Андрея и не ставился. Во всякомъ случаѣ Суздальщина осталась семейнымъ владѣніемъ Юрьевичей, вступившихъ въ раздоры при рѣшительномъ и дѣятельномъ участіи городского населенія.

Борьба эта между дядями Юрьевичами и племянниками Ростиславичами—не представляетъ интереса для исторіи междукняжескихъ отношеній, такъ какъ князья явились тутъ, въ значительной степени, орудіями борьбы земскихъ партій. Но въ концѣ этой усобицы, точнѣе въ послѣднемъ актѣ ея, находимъ цѣнную черту: Владимирцы, стоявшіе за Михалка и Всеволода Юрьевичей, во имя вѣрности ряду Юрія и крестоцѣлованію, послѣ смерти перваго «цѣловаша крестъ ко Всеволоду князю, брату Михалкову, и на дѣтяхъ его, посадиша и на отни и на дѣдни столѣ въ Володимери» [1]). «Значитъ, замѣчаетъ по этому поводу В. О. Ключевскій, установили у себя наслѣдственность княжеской власти въ нисходящей линіи, вопреки очередному порядку и выросшему изъ него притязанію старшихъ городовъ выбирать между князьями-совмѣстниками» [2]).

Владимирцы цѣловали крестъ не на старшемъ сынѣ Всеволода, а на дѣтяхъ его. Князья-совмѣстники остаются: это сыновья Всеволода; остается и возможность избранія: «народъ только ограничиваетъ на будущее время свое право избранія средою потомства Всеволода» [3]). Княжой рядъ такого рода не безпримѣренъ: тоже сдѣлали, напр., Ярославъ и Мономахъ (Мстиславъ); новость тутъ лишь въ томъ, что рядъ этотъ обезпеченъ крестоцѣлованіемъ населенія города Владимира не только при жизни Всеволода, но и при самомъ началѣ его княженія. Всеволодъ не устанавливаетъ этимъ актомъ никакого порядка преемства между своими сыновьями. Онъ только стремится обратить Владиміръ, съ согласія населенія, въ семейное княжое владѣніе своего потомства.

Опредѣленіемъ будущности сыновей своихъ Всеволодъ занялся позднѣе. Лаврентьевская лѣтопись—подъ 1206 г.—заставляетъ его, въ напутствіи сыну Константину при отправленіи на новгородское княженіе, говорить о его старѣйшинствѣ въ братьи и

---

[1]) Лавр. стр. 360.

[2]) Курсъ, I, стр. 406.

[3]) *В. И. Сергѣевичъ*, Р. Юр. Др., II [2], стр. 77.

во всей русской землѣ [1]). Какъ ни сомнительно это извѣстіе, вѣроятно, окрашенное позднѣйшей тенденціей, оно можетъ имѣть нѣкоторое основаніе. Позднѣйшіе своды сохранили извѣстіе о «рядѣ» Всеволода, какъ онъ послалъ «по сына своего Константина въ Ростовъ, дая ему по своемъ животѣ Володимерь, а Ростовъ Юрью дая». Что съ владимирскимъ столомъ Всеволодъ связывалъ старѣйшинство во всей братьи и во всей волости своей видно изъ дальнѣйшаго.

Константинъ не принялъ отцовскаго ряда, не желая двумя важнѣйшими городами дѣлиться съ Юріемъ, и, можетъ быть, предпочитая связать свое старѣйшинство съ ростовскимъ столомъ: «хотяше Володимеря къ Ростову» [2]). Тогда Всеволодъ передалъ и княжой столъ владимирскій и старѣйшинство Юрію. Къ сожалѣнію, извѣстіе о рядѣ Всеволода сохранилось лишь въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ и притомъ въ редакціяхъ вызывающихъ нѣкоторыя недоумѣнія [3]). Отмѣчу, что въ обѣихъ

---

[1]) Текстъ этотъ очень своеобразенъ: „сыну мой, Константине, на тобѣ Богъ положилъ переже старѣйшиньство во всей братьи твоей, а Новъгородъ Великый старѣйшиньство имать княженью во всей Русьской земли, по имени твоемъ тако и хвала твоя, не токмо Богъ положилъ на тебѣ старѣйшинство въ братьи твоей, но и въ всей Русской земли; и язъ ти даю старѣйшиньство, поѣди въ свой городъ"—Лавр., стр. 401. Это очень похоже на измышленіе книжника, возникшее подъ вліяніемъ позднѣйшихъ споровъ о старшинствѣ Константина и Юрія, съ попыткой обосновать права перваго не только на томъ, что ему ихъ, какъ старшему по рожденію, самъ Богъ далъ, но и на томъ, что они получены отъ Всеволода тѣмъ самымъ, что его, а не другого сына отпустилъ отецъ на новгородское княженіе; для чего бы иначе понадобилось измышлять старѣйшинство новгородскаго княженія, играя, повидимому, на книжной памяти о призваніи перваго князя—Рюрика?

[2]) Воскр. лѣт., подъ 1211 г. (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 117). *В. И. Сергѣевичъ* послѣднія слова понимаетъ такъ, что Константинъ „захотѣлъ взять Владиміръ къ Ростову, т. е. захотѣлъ возстановить первенствующее значеніе Ростова и подчинить ему Владиміръ" (II [2], стр. 78). *С. М. Соловьевъ* раздѣлялъ то толкованіе, какое это мѣсто получило въ Никоновской лѣтописи: „аще, говоритъ тутъ Константинъ отцу,.. старѣйшину мя хощеши устроити, то даждь ми старый и начальный градъ Ростовъ и къ нему Володимерь; аще ли не хощеть твоя честность тако сотворити, то даждь ми Володимерь и къ нему Ростовъ" (П. С. Р. Л., т. X, стр. 63; ср. „Исторію Россіи", т. I, ст. 580).

[3]) Имѣемъ двѣ редакціи этого извѣстія: 1) „Того же лѣта князь велики Всеволодъ Юрьевичъ созва вся боаре свои и начя смышляти о сынѣ своемъ Констянтинѣ, и много о семъ словесъ быша, и не може

редакціяхъ рѣчь идетъ о передачѣ Юрію старѣйшинства во всей братьи, Всеволодичахъ [1]). Далѣе обѣ редакціи говорятъ, хотя и различно, объ участіи въ актѣ Всеволода «бояръ и всѣхъ людей» [2]). Сопоставляя эти извѣстія съ ролью «бояръ и всей дру-

---

како уставити о немъ; таже посла по отца своего Ивана епископа, и много совѣтоваше о семъ, но убо князь велики Всеволодъ восхотѣ дати Володимерь другому сыну своему князю Юрью. И тако посла по сына своего по князя Юрья, и даде ему градъ Владимерь со всѣми боары и со всѣми людми и всѣхъ укрѣпи къ нему крестнымъ целованіемъ, и даде ему и вся дѣти своя, а его братью. Князь же Констянтинъ, старѣйшій сынъ его, услышавъ сіа и разгорѣся яростію, и воздвиже брови своя з гнѣвомъ на князя Юрья, брата своего, и на всѣхъ думцевъ, иже здумаша сіа тако сотворити, и много волненіе и смущеніе бысть о семъ, и многи людіе сюду и сюду отъѣзжаху мятущеся", (П. С. Р. Л., т. X, стр. 63—64) и 2) „Князь великій Всеволодъ созва всѣхъ бояръ своихъ съ городовъ и съ волостей, и епископа Іоана, и игумены, и попы, и купцы, и дворяны, и вси люди, и да сыну своему Юрью Володимерь по себѣ, и води всѣхъ ко кресту, и цѣловаша вси людіе на Юріи: приказа же ему и братью свою (т. VII, стр. 117; ср. т. X, тамъ же).

[1]) *В. И. Сергѣевичъ* (Р. Юр. Др., II², стр. 250) полагаетъ, что Всеволодъ поручилъ попеченію Юрья двухъ младшихъ братьевъ, которымъ не назначилъ „участковъ" (ср. тамъ же, стр. 78—79): но оба текста говорятъ о „братьи" вообще, а первый о всѣхъ дѣтяхъ, а его братьи.

[2]) Неуклюжую конструкцію Никоновскаго текста слѣдуетъ, конечно, понимать такъ, что Всеволодъ „со всѣми боярами и со всѣми людьми" далъ Юрію Владимиръ. Не спорю, что, въ виду выраженія „даде ему и вся дѣти своя", можно понять мысль книжника-редактора иначе: Всеволодъ далъ Юрію Владимиръ, всѣхъ бояръ, всѣхъ людей и всю братью-князей. Крайняя необычность такой трактовки бояръ, какъ принадлежности города, совершенно противорѣчащей отношеніямъ не только XIII в., но и позднѣйшимъ, заставила бы, во всякомъ случаѣ, признать значительное искаженіе протографа въ этой редакціи, не понявшей или устранившей указаніе на авторитетную роль бояръ и „всѣхъ людей". Вторая редакція сомнительна, по замѣчанію С. Ѳ. Платонова („Къ исторіи московскихъ земскихъ соборовъ", стр. 13), для XIII вѣка по упоминанію „дворянъ" послѣ купцовъ; сомнительно, пожалуй, и само упоминаніе „купцовъ" въ данномъ текстѣ. Но каковы бы ни были сомнѣнія относительно деталей редакціи, само содержаніе извѣстія не заслуживаетъ отрицанія: оно подготовлено и поясняется разсказомъ о суздальскихъ событіяхъ по смерти Андрея Боголюбскаго въ Лаврентьевской лѣтописи, когда „къ Володимерю" съѣхались „Ростовци и Суждальцы и Переяславци и вся дружина, отъ мала и до велика", дѣйствуютъ „Ростовци и боляре, гридьба и пасынки" и т. п. „Дворяне" и „купцы" Воскресенскаго текста могутъ быть поняты, какъ осмысленіе позднѣйшимъ книжникомъ устарѣлой для него терминологіи его, до насъ недошедшаго

жины» въ спорахъ о княженіи по смерти Андрея Боголюбскаго, считаю характерной особенностью дѣйствій Всеволода—стремленіе укрѣпить за Юріемъ старѣйшинство во всей ростово-суздальской землѣ на рядѣ со всѣми вліятельными элементами главныхъ ея городовъ. Въ рядѣ этомъ, очевидно, участвовали и Ростовцы—одни ли бояре ростовскіе или и другіе представители соціальныхъ верховъ Ростова, трудно рѣшить; поэтому на назначеніе Константину Ростова нельзя смотрѣть, какъ на окончательный и полный выдѣлъ. Все содержаніе нашихъ извѣстій предполагаетъ политическое единеніе князей и всей земли подъ старѣйшинствомъ Юрія, а необходимость утверждать его на рядѣ съ боярствомъ, съ соціальными верхами не одного стольнаго города, а всей земли, въ чемъ можно видѣть результатъ объединительной работы Андрея, рѣзче, чѣмъ когда-либо ранѣе, отдѣляетъ политическое старѣйшинство отъ владѣнія того или иного князя тѣми или иными городами и волостями въ ростово-суздальской землѣ. Старѣйшинство во всей землѣ пріобрѣтало новое основаніе, новую гарантію, независимую отъ соглашеній между братьями. Въ этомъ можно видѣть крупное политическое явленіе, крупную политическую мысль, не давшую, впрочемъ, прочныхъ результатовъ въ дальнѣйшемъ развитіи историческихъ судебъ сѣверо-восточной Руси.

Черезъ пять лѣтъ по смерти отца, Всеволодичи измѣнили завѣщаніе Всеволода. Константинъ вернулъ себѣ старѣйшинство и сѣлъ во Владимирѣ, а Юрій перешелъ въ Суздаль. Ростовъ остался за Константиномъ, какъ и Ярославль [1]); эти два города входили въ составъ отчины его сыновей: передъ кончиной Константинъ «посла старѣйшаго сына своего Василька Ростову на столъ, а Всеволода на Ярославль на столъ»; третій — Владимиръ сидитъ въ Угличѣ [2]); отчинное раздѣльное владѣніе тутъ развивается и дальше: по Васильковѣ Ростовъ достается старшему его сыну — Борису, а младшій Глѣбъ садится на Бѣлозерской воло-

---

источника. А самъ разсказъ вызываетъ представленіе о „рядѣ“ Всеволода съ собраніемъ, котораго элементы: „бояре и вся дружина“, созванная съ городовъ и волостей, и вѣче города Владимира.

[1]) Подъ 1207 г. читаемъ, что Всеволодъ „Костянтина остави у собе и да ему Ростовъ и инѣхъ 5 городовъ да ему къ Ростову“. — Лавр., стр. 412. Въ 1215 г. Константинъ строитъ въ Ярославлѣ церковь на своемъ дворѣ.—Лавр., стр. 416.

[2]) Лавр., стр. 420.

сти; по Всеволодѣ Ярославль переходитъ къ его сыну, Василію, а дядя ихъ, Владимиръ, остается въ Угличѣ. Юрій занялъ Владимирское княженіе, а послѣ его гибели въ татарское лихолѣтье, во Владимирѣ сидитъ третій Всеволодичъ — Ярославъ. Вымороченый Суздаль Ярославъ отдалъ брату Святославу, какъ тоже вымороченый—по Владимирѣ Всеволодовичѣ—Стародубъ Ивану, но Переславль, полученный отъ отца [1]), остался за нимъ.

Изъ явленій предыдущаго времени рядъ Всеволода, какъ видимъ, ближе всего напоминаетъ рядъ стараго Ярослава: видимъ въ немъ то же сочетаніе отчиннаго раздѣла съ сохраненіемъ единства въ формѣ старѣйшинства, связаннаго съ отнимъ столомъ. Это владимирское единство пало по смерти Александра Ярославича, но легло въ основу работы московскихъ князей, которые на фундаментѣ все того-же семейнаго владѣнія создали зданіе новой государственности, осуществившей на иныхъ началахъ завѣтъ единенія всей земли, унаслѣдованный отъ кіевскаго старѣйшинства и попытокъ Юрьевичей, Андрея и Всеволода, подвести подъ него земское основаніе.

VIII.

Итоги.

Не сложны итоги моего очерка. Изложенный на предыдущихъ страницахъ бѣглый обзоръ владѣльческихъ отношеній князей Рюрикова рода къ землямъ и волостямъ приводитъ къ заключенію, что въ основѣ ихъ лежало отношеніе семейнаго владѣнія. Чѣмъ? Не территоріей. До конца разсмотрѣннаго періода князь не считался владѣльцемъ всей земли: ее окняженіе было дѣломъ дальнѣйшаго историческаго развитія. И не верховной властью. Князь XI—XII столѣтій не былъ государемъ—ни самъ по себѣ, ни, тѣмъ болѣе, какъ членъ владѣльческаго рода. Ни о единоличной, ни о коллективной государственной верховной власти древне-русскихъ князей говорить не приходится, если не злоупотреблять словами.

Князья - Рюриковичи владѣли волостями. Волости эти слагались въ системы по отдѣльнымъ землямъ, вокругъ главныхъ городовъ, а въ общей суммѣ земли - волости составляли древнюю

---

1) Лавр., стр. 406.

кіевскую Русь, русскую землю, въ широкомъ смыслѣ слова. Выше уже приходилось указывать, какъ попытки опредѣлить государственно-правовую форму «единства русской земли» не дали удовлетворительныхъ результатовъ. Это единство выражалось въ такой совокупности взаимоотношеній, которыя не находятъ выраженія въ терминахъ государственнаго права. Не можемъ подвести древнюю Русь ни подъ понятіе единаго государства, ни подъ понятіе федереціи, ни подъ понятіе суммы суверенныхъ государствъ-волостей.

На всѣхъ волостяхъ русскихъ княжили князья Рюрикова рода. Княженіе это они понимали какъ владѣніе по праву. Право на княженіе въ данной волости пріобрѣталось, прежде всего, наслѣдованіемъ по отцу. Отчинное право самое полное и безспорное, въ сознаніи князя, его право на волость. Князья добиваются столовъ отнихъ и дѣднихъ. Избирая князя, вѣче зоветъ его на столъ отенъ и дѣденъ. Случаи нарушенія этого общаго правила такъ и понимаются, какъ нарушенія. Они могутъ создать новое отчинное право для потомковъ князя, занявшаго столъ, на которомъ не сидѣлъ его отецъ, ни дѣдъ, но такое право не устраняетъ старыхъ отчинныхъ правъ на тотъ же столъ. Въ усобицахъ князей мы не разъ видимъ борьбу разныхъ отчинныхъ правъ, конкуррирующихъ между собой.

Въ основѣ княжого владѣнія-волостями лежитъ понятіе семейнаго владѣнія. Князь-отецъ надѣляетъ сыновей волостями, даетъ имъ города—при жизни ли своей или въ предсмертномъ рядѣ Это—семейный раздѣлъ, такой же, какъ раздѣлъ дома по отцовскому ряду, согласно «Русской Правдѣ». Результатъ раздѣла—распадъ владѣнія и семейной группы на рядъ отдѣльныхъ отчинъ и владѣльческихъ линій. Но практика княжого владѣнія XI—XII в. заставляетъ сильно ограничить сужденіе, что съ производствомъ раздѣла прекращается всякая правовая связь между отчичами, потомками одного отца, по владѣнію. Разумѣю судьбу волостей, ставшихъ выморочными. Данный историческій періодъ не знаетъ еще завѣщательныхъ распоряженій княженіями, кромѣ отцовскаго ряда. Они только возникаютъ на нашихъ глазахъ и притомъ въ такой формѣ, что необычность подобнаго явленія выступаетъ съ полной наглядностью. Князь, желающій оставить столъ, напр., брату, притомъ столъ, который этому брату не отчина, и не надлежитъ ему по ряду отцовскому,—прибѣгаетъ къ чрезвычайнымъ мѣрамъ: Всеволодъ Ольговичъ заставляетъ Кіе-

влянъ и братью-князей цѣловать крестъ Игорю при себѣ; это еще не передача по завѣщанію, а передача права при жизни [1]). Тутъ договорный политическій актъ долженъ замѣнить отсутствующую возможность завѣщанія. Нормальнымъ представляется возвращеніе волости въ распоряженіе братьевъ, т. е. того, кто въ ихъ средѣ признается старѣйшиной.

Тутъ, точнѣе, нѣтъ и выморочности, а входятъ въ силу отчинныя права, равносильныя праву усопшаго отчича: кругъ возможныхъ наслѣдниковъ данной волости опредѣляется кругомъ ея отчичей, а опредѣленное лицо—либо избраніемъ, либо дачей волости брату братьями или старѣйшимъ въ ихъ средѣ.

Указанное ограниченіе послѣдствій раздѣла стоитъ въ связи съ рядомъ другихъ проявленій тенденціи избѣжать ихъ, вызванной силою интересовъ политическаго или семейно-династическаго характера.

Красною нитью идетъ это стремленіе черезъ исторію междукняжескихъ отношеній въ древней Руси, начиная съ ряда Ярославля и до ряда Всеволода Юрьевича. Если въ X и первой половинѣ XI вв. оно вело къ уничтоженію самаго раздѣла кровавой борьбой, то, хоть проявленія такихъ же тенденцій не вполнѣ чуждо и позднѣйшему времени, преобладаетъ въ немъ исканіе компромисса между отчиннымъ раздѣломъ и сохраненіемъ единства отчины, какъ территоріяльно-политическаго цѣлаго.

Такова функція старѣйшинства. Если мы спросимъ себя, почему оно съ такимъ трудомъ и въ столь несовершенной степени осуществляло свое историческое призваніе, то отвѣтъ найдемъ въ разсмотрѣніи двухъ основныхъ формъ организаціи единства княжеской владѣльческой группы, объединенной старѣйшинствомъ.

Организація эта могла стоять въ различномъ отношеніи къ владѣнію волостями: либо комбинируясь съ раздѣльностью владѣнія по отчинному раздѣлу, либо поглощая и устраняя его.

---

[1]) Тотъ же характеръ носитъ и первое, дошедшее до насъ въ составѣ галицко-волынской лѣтописи, письменное завѣщаніе князя Владимира Васильковича, передавшаго по себѣ княженіе младшему двоюродному брату Мстиславу Даниловичу (1289 г.). Мстиславъ, получивъ грамоту, поѣхалъ во Владимиръ и, созвавъ въ соборную церковь бояръ и горожанъ, велѣлъ прочесть ее; затѣмъ епископъ „благослови Мьстислава крестомъ воздвизальнымъ на княженіе Володимѣрьское“, и Мстиславъ „хотяшеть уже княжити во Володимѣрѣ“, но Владимиръ Васильковичъ „ему не да, тако река: „моглъ ольны по моемъ животѣ княжити“—Ипат. стр. 594—596.

Въ первомъ случаѣ, наиболѣе распространенномъ, старѣйшинство могло бы сыграть свою роль болѣе успѣшно при наличности двухъ, житейски неразрывно связанныхъ, условій: прочномъ основаніи своей силы и своего авторитета на опредѣленной матеріальной владѣльческой базѣ и устойчивомъ порядкѣ преемства. Дѣйствіемъ отчинныхъ тенденцій разрушались попытки создать первую, а отсутствіе второго, при общемъ — лишь гипотетическомъ, а не строго-индивидуально опредѣленномъ правѣ на княжую власть и растяжимости понятія о старшинствѣ, подрывало работу отдѣльныхъ дѣятелей древней Руси надъ укрѣпленіемъ правительственнаго строя.

Вторая форма организаціи старѣйшинства опиралась на болѣе прочномъ владѣльческомъ основаніи: на общемъ, нераздѣльномъ владѣніи, на поглощеніи наслѣдованія—преемствомъ. Логически эта форма вела къ отсутствію у князей понятій—«то мое, а то мое же», къ ихъ «одиначеству», выражавшемуся въ солидарности дѣйствій, во владѣніи по надѣлкамъ, а не отчинному раздѣлу, съ чередованіемъ на волостяхъ—по старшинству или по взаимному соглашенію. Окрѣпнувъ, скристаллизовавшись—если можно такъ выразиться—такой строй междукняжескихъ отношеній привелъ-бы къ созданію того «очередного» порядка, какой находитъ въ древней Руси современная исторіографія. Но сила все тѣхъ же отчинныхъ тенденцій разрушала и этотъ путь развитія. Мы видѣли лишь зачатки подобныхъ отношеній, рѣдко переживавшихъ одно поколѣніе братьевъ, кромѣ развѣ недолгаго ихъ господства въ концѣ нашего періода въ землѣ черниговской. Да и тамъ до сколько-нибудь выработаннаго «очередного» порядка дѣло не дошло. И не думаю, чтобы было произвольнымъ предположеніе, что и безъ татарской бури и безъ литовскаго напора—Черниговщина не долго удержала бы свое относительное внутреннее равновѣсіе въ оригинальномъ строѣ княжого владѣнія: въ 20-хъ годахъ XIII в. видимъ усобицу представителей разныхъ линій [1]), слишкомъ развѣтвившихся, чтобы жить въ братскомъ единеніи.

Старѣйшинство само было порожденіемъ двойственности силъ, опредѣлявшихъ княжія отношенія и разрушавшихъ его своею борьбою. Оно носило въ себѣ первородный грѣхъ всякаго ком-

[1]) Михаила Всеволодовича и Олега курскаго, Лавр., стр. 426, подъ 1226 г.

промисса: невозможность разрѣшить внутреннее противорѣчіе, его породившее, въ какомъ-либо въ синтезѣ. Разрѣшеніе это принесъ только удѣльный строй, подчинившій политическое преемство владѣльческому наслѣдованію и ставшій колыбелью патримоніальной, вотчинной монархіи. Унаслѣдовавъ задачи старѣйшинства, власть московскихъ государей выковала изъ вотчинныхъ началъ новыя средства для ихъ разрѣшенія.

Князь въ древне-русской землѣ-княженіи.

I.

Черты внутренняго строя земли-княженія.

1. Нѣсколько литературныхъ мнѣній.

Вопросъ о положеніи князя въ древне-русской землѣ-княженіи нельзя считать порѣшеннымъ. Непримиренными стоятъ рядомъ два воззрѣнія. Главнымъ представителемъ одного изъ нихъ является В. О. Ключевскій: въ постоянномъ передвиженіи со стола на столъ, въ силу «очередного» порядка княжого владѣнія, князь мало связанъ съ землею, сохраняя до конца XII вѣка черты своего происхожденія отъ «наемныхъ военныхъ сторожей Руси», первыхъ пришлыхъ князей-варяговъ; «онъ приходилъ и скоро уходилъ, былъ политической случайностью для области, блуждающей кометой» [1]). Иное находимъ у В. И. Сергѣевича: «князь есть народная власть», какъ, съ другой стороны, и «народъ составлялъ главную силу князей»; въ основѣ нормальной политической жизни княжой волости должно лежать единеніе—«одиначество»—князя и вѣча. И древне-русскій князь для В. И. Сергѣевича далеко не политическая случайность: напротивъ, «во всѣхъ русскихъ волостяхъ замѣтна потребность въ единомъ представителѣ власти», какимъ и является князь [2]). Политическій строй древнихъ княжествъ характеризуется «смѣшанной формой правленія, въ которой участвуютъ два элемента, а именно: монархическій, въ лицѣ князя, и народный, демократическій, въ лицѣ вѣча».

---

[1]) Курсъ, I, стр. 228.

[2]) „Лекціи и изслѣдованія“, 3-е изд., стр. 130—143. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ* также признаетъ князя „необходимымъ элементомъ государственнаго устройства всѣхъ древне-русскихъ земель“.— Обзоръ, 3-е изд., стр. 44.

Былъ ли князь «политической случайностью» или «единымъ представителемъ власти», очевидно, что его положеніе въ землѣ княженіи опредѣляется отношеніемъ къ населенію. Послѣдній вопросъ освѣщается различно, въ зависимости отъ воззрѣній на происхожденіе вѣчевого строя.

Организація населенія въ территоріально-политической системѣ мѣстныхъ общинъ, подвластныхъ центральному городу, относится въ научной литературѣ обычно ко временамъ, для нашихъ источниковъ доисторическимъ. Но разно понимается характеръ этой организаціи, какъ и условій, въ которыхъ она возникла. Тутъ рѣшительно расходятся сужденія В. И. Сергѣевича, съ одной, и В. О. Ключевскаго съ М. Ф. Владимирскимъ-Будановымъ съ другой стороны.

В. И. Сергѣевичъ считаетъ вѣчевой строй, повидимому того же типа, какой наблюдаемъ въ XI—XII вв., существующимъ съ незапамятныхъ временъ. Въ его представленіи, онъ сильно развитъ уже въ IX и X вв. Не только тексты, какъ: «сдумаша Поляне и вдаша отъ дыма мечь», толкуются имъ, какъ отвѣтъ *Кіевлянъ* на требованіе дани Хозарами, но и въ договорахъ съ Греками онъ находитъ проявленіе крупной роли кіевскаго вѣча [1]).

---

[1]) Р. Юр. Др. II², стр. 33—34. Договоръ 911 г. былъ заключенъ не только отъ имени князей, но „и ото всѣхъ иже суть подъ рукою его сущихъ Руси“: *В. И. Сергѣевичъ* не сопоставляетъ этой строчки съ предыдущимъ „мы отъ рода Рускаго... иже послани отъ Олга, великого князи Рускаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ и великихъ князь, и его великихъ бояръ... похотѣньемъ нашихъ великихъ князь и по повелѣнію отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его сущихъ Руси“, не видя въ этой формулѣ повторенія. Договоръ 945 г. заключенъ послами „отъ Игоря, великого князя Рускаго и отъ всякоя княжья и отъ всѣхъ людій Рускія земля“: *В. И. Сергѣевичъ* не предполагаетъ подъ послѣдними словами передачи греческаго πάντων τῶν Ῥῶς. Наконецъ, *В. И. Сергѣевичъ* полагаетъ, что слова послѣдняго договора о приходѣ посла „къ князю Русскому Игорю и къ людемъ его“, о присягѣ „елико насъ хрестилися есмы“ и некрещеной Руси—относятся ко всему наличному населенію Кіева, а не подразумѣваютъ „какую-либо тѣсную группу зависимыхъ отъ Игоря людей“. Если такъ, то значеніе кіевскаго вѣча при Игорѣ было чуть-ли не выше, чѣмъ въ XI или XII в.: тогда кіевскіе князья заключали договоры съ иностранными государями, насколько знаемъ, помимо вѣча. Но если Константинъ Багрянородный говоритъ, что русскій князь идетъ въ полюдіе μετὰ πάντων τῶν Ῥῶς, значитъ ли это, что онъ бралъ съ собою все наличное населеніе Кіева?

Главную опору вѣчевой силы В. И. Сергѣевичъ видитъ въ военномъ значеніи народнаго ополченія. Возражая противъ мнѣнія о неограниченной власти древнѣйшихъ князей, В. И. Сергѣевичъ замѣчаетъ: «пока весь народъ былъ вооруженъ, пока войско не спеціализировалось и не поступило въ завѣдываніе князя, не могла образоваться абсолютная власть; народъ составлялъ главную силу князей, которые поэтому необходимо должны были вступать съ нимъ въ соглашеніе» [1]). Образовалась же эта организація городскихъ волостей, по гипотезѣ В. И. Сергѣевича [2]), путемъ подчиненія окрестнаго населенія предпріимчивыми основателями городовъ, сооружавшими также пригороды для «береженья» своихъ пріобрѣтеній. Ихъ Сергѣевичъ представляетъ себѣ смѣшанными группами, въ составъ которыхъ «могли входить и люди разныхъ Славянскихъ племенъ, и даже иноплеменники; со Славянами могли соединяться Чудь и Меря» [3]).

Инымъ идетъ путемъ и къ инымъ приходитъ выводамъ В. О. Ключевскій. Извѣстна его теорія торговаго происхожденія городовъ на Руси. Въ основѣ происхожденія городскихъ областей лежитъ «возникновеніе древнѣйшихъ городовъ на Руси съ тянувшими къ нимъ торгово-промышленными округами». А это явленіе можетъ быть отнесено къ VIII вѣку, причемъ его происхожденіе такъ представлено: Восточные Славяне разселялись по Днѣпру и его притокомъ одинокими укрѣпленными дворами; съ развитіемъ торговли, среди этихъ однодворокъ возникали сборные торговые пункты, куда звѣроловы и бортники сходились для гостьбы, отчего и самые пункты получили названіе погостовъ; такіе мелкіе сельскіе рынки тянули къ болѣе крупнымъ, возникавшимъ на особенно бойкихъ торговыхъ путяхъ; изъ этихъ то крупныхъ рынковъ, служившихъ посредниками между туземными промышленниками и иностранными рынками, и выросли наши древнѣйшіе торговые города [4]). Таковъ первый этапъ русскаго историческаго развитія. Онъ важенъ въ исторической теоріи Ключевскаго тѣмъ, что служитъ въ ней объясненіемъ характера

---

[1]) „Лекціи“, стр. 134.

[2]) См. выше, стр. 115.

[3]) „Р. Юр. Др.“ I, стр. 12. Представленіе это, очевидно, навѣяно текстомъ Новг. I, стр. 4, о томъ, какъ Словене и Кривичи, Меря и Чудь, изгнавъ Варяговъ „начаша владѣти сами собѣ и городы ставити“. Ср. сказаніе объ основаніи Кіева.

[4]) Курсъ, I, стр. 148—149.

общественныхъ элементовъ, создавшихъ вліяніе вѣча и руководившихъ вѣчевою жизнью: это торгово-промышленная аристократія, представители торгово - промышленнаго капитала.

IX в. приноситъ второй моментъ развитія городскихъ областей: въ городахъ скопляется пришлый военно - промышленный людъ, съ помощью котораго города организуютъ свою военную силу, пользуясь ею не только для борьбы съ врагами внѣшними, но и для подчиненія соплеменнаго имъ окрестнаго населенія, для котораго они прежде служили торговыми центрами. Такъ возникла городская область «первая политическая форма Руси», предшественница формы вторичной — варяжскаго княжества. Власть въ этой «первой политической формѣ» не была, однако, вѣчевой, народной. «Въ IX вѣкѣ управленіе городомъ и областью сосредоточивалось въ рукахъ военной старшины, военныхъ начальниковъ главнаго города, тысяцкихъ, сотскихъ и т. д., выходившихъ изъ среды торговой городской знати. Съ появленіемъ князей эта городская аристократія постепенно переходила въ составъ княжеской дружины, въ классъ княжихъ мужей, или оставалась на мѣстѣ, безъ правительственнаго дѣла. Военное управленіе городовъ, по личному составу прежде бывшее, можетъ быть, выборнымъ, во всякомъ случаѣ туземнымъ по происхожденію своего личнаго состава, теперь стало приказно-служилымъ, перешло въ руки княжихъ мужей по назначенію князя. По мѣрѣ упадка авторитета князей вслѣдствіе усобицъ, стало опять подниматься значеніе главныхъ областныхъ городовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, политической силой въ этихъ городахъ явилась вмѣсто исчезнувшей правительственной знати — вся городская масса, собиравшаяся на вѣчѣ. Такимъ образомъ, всенародное вѣче главныхъ областныхъ городовъ было преемникомъ древней городской торгово-промышленной аристократіи» [1]).

Въ концѣ концовъ, и по схемѣ В. О. Ключевскаго главная сила, ограничивавшая древнѣйшихъ князей—военная организація населенія въ рукахъ «военно - правительственной старшины, которая называется въ лѣтописи старцами градскими» [2]).

---

[1]) Курсъ, I, стр. 229. Первое проявленіе вѣча въ Кіевѣ (вѣроятно: „Святополкъ же сѣде Кыевѣ... и съзва Кыяны и нача даяти имъ имѣнье“?) и Новгородѣ („собравъ избытокъ Новгородець, Ярославъ рече“, и т. д.)— *Ключевскій* отмѣчаетъ подъ 1015 г., Лавр., стр. 129 и 137.

[2]) „Большіе торговые города были устроены по военному, образовали каждый цѣльный организованный полкъ, называвшійся тысячей, которая

Но въ теоріи В. О. Ключевскаго есть другая сторона, составляющая ея характерное отличіе: огромное значеніе для первичныхъ стадій русскаго историческаго процесса приписываетъ онъ вліянію внѣшней торговли. Чтобы не возвращаться къ этому вопросу, отмѣчу тутъ же, почему мое изложеніе пойдетъ въ дальнѣйшемъ мимо этой стороны схемы В. О. Ключевскаго. Она построена на крайнемъ преувеличеніи глубины вліянія торговли на племенной бытъ восточнаго славянства. Это хорошо выяснено Рожковымъ: «Внѣшняя торговля того времени характеризовалась двумя, отличительными и имѣющими первостепенную важность чертами: во-первыхъ, торговая дѣятельность была занятіемъ однихъ общественныхъ верховъ, князей, ихъ дружинниковъ, и небольшой группы состоятельныхъ горожанъ; масса же населенія не принимала въ ней никакого участія, потому что не продавала, а отдавала даромъ, въ видѣ дани, продукты охоты и пчеловодства; во-вторыхъ, внѣшняя торговля въ дѣйствительности не затрагивала и настоятельныхъ, насущныхъ, необходимо требовавшихъ удовлетворенія потребностей даже этихъ, руководившихъ ею, высшихъ классовъ населенія: все необходимое они получали натурой, отправляя на внѣшній рынокъ лишь избытки и вымѣнивая тамъ только предметы роскоши». И нельзя не согласиться съ его выводомъ, что «глубины народнаго производства оставались нетронутыми внѣшнею торговлей» [1]).

Свой противоположный выводъ В. О. Ключевскій связалъ съ происхожденіемъ погостовъ, объединившихъ разсѣянныя однодворки. Но нѣтъ основанія считать основнымъ и первоначальнымъ то значеніе слова погостъ, которое уясняется его сопоставленіемъ съ гость, гостьба,—значеніе торговаго пункта, рынка, какого это слово никогда не имѣло. Самые ранніе тексты, въ какихъ мы встрѣчаемся съ погостомъ — ставятъ его въ связь не съ торговлей, а съ оброками и данями. И, конечно, болѣе правильно опредѣленіе погоста у С. М. Соловьева и И. И. Срезнев-

---

подраздѣлялась на сотни и десятки. Тысячей командовалъ выбиравшійся городомъ, а потомъ назначаемый княземъ тысяцкій, сотнями и десятками также выборные сотскіе и десятскіе. Эти выборные командиры составляли военное управленіе города и принадлежавшей ему области, военно-правительственную старшину, которая называется въ лѣтописи „старцами градскими“. Курсъ, I, стр. 194.

[1]) „Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія“, часть 1-я, глава 2-я.

скаго, какъ стана, становища, мѣста остановки князей или ихъ мужей при объѣздѣ земель для полюдья, сбора дани [1]). Съ другой стороны, значеніе наиболѣе оригинальныхъ чертъ теоріи В. О. Ключевскаго для объясненія и строя и судебъ городскихъ областей въ значительной степени снимается введеніемъ момента покоренія окрестнаго населенія торговымъ городомъ въ помощью военной силы; такимъ путемъ теорія эта приближается къ схемѣ В. И. Сергѣевича, поставившаго первымъ тотъ процессъ, который у В. О. Ключевскаго является вторымъ.

Въ пониманіи эволюціи вѣча В. О. Ключевскій близко сходится съ М. Ф. Владимирскимъ-Будановымъ. И у Буданова находимъ утвержденіе, что «князья-варяги застали вездѣ готовый государственный строй», который характеризуется такъ: «земля, какъ союзъ волостей и пригородовъ подъ властью старшаго города» [2]). И вѣчу Будановъ приписываетъ «доисторическое происхожденіе» [3]). Но воззрѣніе его далеко не то, что В. И. Сергѣевича.

Доисторическимъ предкомъ вѣчевыхъ собраній были племенныя сходки, которыя, быть можетъ, и назывались у Славянъ вѣчами, какъ и сходки волостныя или сельскія, но не соотвѣтствуютъ тому значенію, какое это слово имѣетъ въ наукѣ исторіи права. Для IX и X вв. М. Ф. Владимирскій-Будановъ отмѣчаетъ вѣче въ состояніи «перехода отъ племеннаго собранія къ городскому» и посредствующую форму описываетъ такъ: «для рѣшенія дѣлъ сходятся въ старшій городъ лучшіе люди всей земли и обсуждаютъ земскіе вопросы въ присутствіи гражданъ этого города».

---

[1]) Ср. *В. И. Сергѣевича*, Р. Юр. Др., III, стр. 79—82.—„Иде Олга къ Новугороду и устави по Мьстѣ погосты и дани“ Новг. I, стр. 12.—Въ погостѣ встрѣчаются волхвы съ Яномъ Вышатичемъ, дань емлющимъ.—Лавр., стр. 170. И въ жалованныхъ грамотахъ XVI в. читаемъ: „погоста имъ не платити, ни въ черный боръ не тянути“ и т. п.

[2]) Обзоръ, 3-е изд., стр. 12—14. Примѣръ: „Древлянская земля съ ея княжескою властью, вѣчевымъ устройствомъ и городами“, которая „конечно не могла образоваться послѣ пришествія Олега въ Кіевъ“. Это „земское государство“: „союзъ общинъ: старшая община править другими общинами“. Не знаю, какъ соглашаетъ авторъ представленіе о главномъ городѣ, какъ „общинѣ управляющей“, съ утвержденіемъ „полной самостоятельности пригородовъ“: указаніе на потерю „достоинства старшинства“ старшими городами въ случаѣ неправомѣрныхъ дѣйствій этого не объясняетъ—стр. 24—26.

[3]) Обзоръ, стр. 57—58.

*

Дѣйствующими лицами въ этихъ совѣщаніяхъ выступаютъ «старцы градскіе», или просто «старцы» [1]). Всѣ немногія упоминанія о нихъ относятся къ временамъ Владимира. Кто же они такіе? М. Ф. Владимирскій-Будановъ назвалъ ихъ «лучшими людьми», собирающимися въ старшій городъ со всей земли, и считаетъ ихъ особымъ классомъ «людей высшихъ по родовому старшинству (происхожденію, отчего члены его и называются старѣйшинами), по власти въ своемъ обществѣ (члены его «держатъ землю») и, наконецъ, по высшей экономической состоятельности» [2]), и, кромѣ того, отождествляетъ ихъ со старѣйшинами, лучшими, нарочитыми людьми [3]). Наконецъ, «третья эпоха вѣчевыхъ собраній (XI—XIII в.) есть эпоха полнаго выдѣленія этой формы власти въ самостоятельную (какъ собраніе простыхъ гражданъ) и полнаго развитія ея правъ: она совпадаетъ со временемъ окончательнаго установленія власти старшихъ городовъ».

Сила, съ которой пришлось князьямъ считаться съ первыхъ шаговъ, это создавшаяся наканунѣ ихъ появленія организація особаго управленія городскихъ областей. «Система земскаго управленія (болѣе древняя, чѣмъ княжеская) построена по численному

---

[1]) Подъ 983—Владиміръ „творяще требу кумиромъ съ людми своими; и рѣша старци и боляре: мечемъ жребій на отрока и дѣвицю“; подъ 987: „созва Володимеръ боляры своя и старци градьскіѣ“ и далѣе: „и созва князь боляры своя и старца, рече Володимеръ: „се придоша посланіи нами мужи, да слышимъ отъ нихъ бывшее“ и рече: „скажите предъ дружиною“; подъ 996: „створи праздникъ великъ въ тъ день боляромъ и старцемъ градскимъ“ и далѣе: „рѣша епископи и старци: рать многа, оже вира, то на оружьи и на конихъ буде“ (Лавр. и Новг. I). Слово вѣче упоминается впервые подъ 997: Бѣлогородцы „створиша вѣче въ городѣ“ и рѣшили сдаться Печенѣгамъ, тогда одинъ старецъ, не бывшій на вѣчѣ томъ, и узнавъ, въ чемъ дѣло, „посла по старѣйшины градьскыя“ и убѣдилъ ихъ подождать три дня, втеченіе которыхъ хитростью избавилъ городъ отъ врага. Лавр., стр. 124—125.

[2]) Обзоръ, стр. 29. Нельзя сказать, чтобы это было опредѣленно...

[3]) Подъ 945: Ольга говоритъ Древлянамъ: „пришлите мужа нарочиты“ и Древляне „избраша лучьшіе люди, иже дерьжаху Деревьскуу землю“; подъ 996: Владиміръ „съзываше боляры своя и посадникы, старѣйшины (вар. Р. А.: и старѣйшины) по всѣмъ градомъ и люди многы“ (Лавр., стр. 122; ср. Новг. I, стр. 72: „боляры своя и старѣйшины своя и посадникы своя по всѣмъ градомъ своимъ“); и далѣе: „устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити бояромъ и гридемъ, и съцьскымъ, и десяцьскымъ, и нарочитымъ мужемъ“, причемъ все это названо дружиной князя; подъ 997—старѣйшины градьскыя въ Бѣлгородѣ (см. выше; изъ нихъ—„новое вѣче“ по *Буданову*).

дѣленію общества: какъ цѣлое государство составляло тысячу, а старшіе города и провинціи дѣлились на сотни и десятки, такъ центральнымъ правителемъ былъ тысяцкій, а подчиненные ему сотскіе и десятскіе. Происхожденіе должности тысяцкаго доисторическое; можно принять гипотезу о томъ, что тысяцкіе замѣнили прежнихъ князей» [1]).

2. *Тысяча и тысяцкій.*

Признавая древнѣйшихъ князей пришлыми варягами, изслѣдователи русской древности задаются вопросомъ, въ какую общественную организацію они вступили, какія и какъ приняли они въ свои руки функціи, осуществлявшіяся ранѣе, до ихъ прихода, иными политическими органами восточнаго Славянства. И видя, въ историческое время, рядомъ съ княжеско-дружиннымъ элементомъ—народное войско и городскія области-земли, какъ особыя организаціи, относительно независимыя отъ княжеско-дружиннаго строя,—признаютъ ихъ наслѣдіемъ доисторическаго, докняжескаго времени, ставятъ ихъ предпосылкой для дѣятельности князей и положенія князя въ землѣ, ставшей княженіемъ.

Эволюція древне-русскихъ военныхъ силъ шла путемъ постепенной спеціализаціи военнаго дѣла — отъ народнаго ополченія къ все возраставшему значенію особыхъ княжихъ войскъ, ядро которыхъ составляла дружина, дворовый полкъ князя, а полное развитіе принесли служилыя помѣстныя войска. Постепенная утрата народнымъ ополченіемъ основного боевого значенія, подъ вліяніемъ развитія военной техники и, прежде всего, преобладанія потребности въ конницѣ, имѣла первостепенную важность въ области политическихъ отношеній древней Руси [2]).

Дружины древнѣйшихъ князей нельзя представлять себѣ осо-

---

[1]) Обзоръ, стр. 82—83. Отъ „тысяцкихъ народныхъ“ *Буданов*ъ отличаетъ „княжихъ тысяцкихъ“, считая ихъ предводителями княжой дружины, и тысяцкихъ пригородныхъ, которые замѣняли посадниковъ.

[2]) Ср. замѣчанія *А. Н. Ясинскаго*, Паденіе земскаго строя въ чешскомъ государствѣ (Кіевъ, 1895)—стр. 66—67, и *Довнара-Запольскаго*, Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ (К., 1891)—стр. 10. Возраженія *М. С. Грушевскаго*, Іст. Украини, V, стр. 41, бьютъ мимо цѣли: именно указанная тутъ „кіевская революція 1068 г.“ показываетъ, какъ безпомощно было народное ополченіе при необходимости организовать конное войско противъ кочевниковъ.

бенно многолюдными; не въ нихъ ихъ главная военная сила. Съ другой стороны, не видимъ въ ихъ рукахъ и организованнаго народнаго ополченія, которое было бы въ ихъ власти мобилизировать. Войны ведутся, походы совершаются, въ лѣтописныхъ разсказахъ, военными силами, набираемыми каждый разъ при надобности. Такъ читаемъ въ лѣтописи, что для похода на Византію «Игорь и Олегъ пристроиста вои многы», что Ольга идетъ на Древлянъ, собравъ «вои многы и храбры», что Святославъ, приступая къ завоеваніямъ, «нача вои совокупляти многы и храбры», что Владимиръ, идя на Рогволода «собра вои многы, Варяги, Словѣни, Чюдь и Кривичи» и т. под. Что тутъ мы не имѣемъ дѣла съ мобилизаціей организованныхъ народныхъ ополченій, ясно само по себѣ относительно такихъ военныхъ предпріятій, какъ походы на Византію, походы Святослава. Но въ томъ же смыслѣ набора охотниковъ надо понимать и остальныя мѣста лѣтописи, сходныя съ приведенными. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно присмотрѣться къ дѣйствіямъ Владимира: ихъ отраженіе въ лѣтописныхъ разсказахъ не оставляетъ сомнѣнія, что онъ не имѣлъ въ рукахъ сильнаго полка кіевскаго, южныхъ народныхъ ополченій. Главная опора его—на сѣверѣ, доставившемъ ему и власть въ Кіевѣ. Туда идетъ онъ въ годину тяжелой борьбы съ Печенѣгами—«Новугороду по верховьниѣ вои»: опять таки, конечно, не за всенароднымъ ополченіемъ земли новгородской; оттуда нарубаетъ онъ «мужѣ лучьшиѣ отъ Словенъ и отъ Кривичь и отъ Чуди и отъ Вятичь» въ города, построенные для обороны южныхъ границъ Кіевщины [1]). Впервые упоминаются южныя силы въ княжескихъ походахъ подъ конецъ княженія Владимира, какъ при немъ, впервые, упомянуты кіевскіе сотскіе. Въ годину смерти Владимира — сынъ его Борисъ пошелъ на Печенѣговъ, и въ войскѣ его быди Кіевляне-вои [2]).

Но, быть можетъ, все это только случайность? Можетъ быть, лишь въ силу особенностей древнѣйшаго лѣтописнаго преданія, скомпилированнаго изъ разнородныхъ матеріаловъ усмотрѣніемъ старыхъ книжниковъ, не отразилась ничѣмъ въ немъ мощная организація городской области-земли съ ея полкомъ-тысячей,

---

[1]) Лавр., стр. 124 и 119.

[2]) „Святополкъ же сѣде Кыевѣ... и созва Кыяны и нача даяти имъ имѣнье;... и не бѣ сердце ихъ съ нимь, яко братья ихъ бѣша съ Борисомь“, и далѣе: „се дружина у тобя отьня и вои“.—Лавр., стр. 129.

съ тысяцкимъ, сотскими, десятскими, объединившими въ такой стройной организаціи силы вооруженнаго народа? Или еще неокрѣпшая власть княжая не могла въ своихъ предпріятіяхъ ею пользоваться, на нее опираться? И то, и другое трудно допустимо, тѣмъ болѣе, если представлять себѣ князей, призванными на служеніе интересамъ города, властвующаго надъ системой волостей, составляющихъ землю, съ развитой торговой жизнью, со своей военной организаціей, охватывающей всю землю. Или земля, возложивъ княжое дѣло на «наемнаго защитника», сама сложила руки?

Посмотримъ, однако, на чемъ основано представленіе о докняжескомъ происхожденіи сотенной военной организаціи съ тысяцкимъ во главѣ [1]). Изъ русскихъ источниковъ его никакъ не извлечь. Первое упоминаніе о тысяцкомъ на югѣ, именно въ Кіевѣ, встрѣчаемъ подъ 1089 г., а въ Новгородѣ—въ уставной грамотѣ князя Всеволода Мстиславича святому Ивану на Опокахъ, относящейся въ первоначальной редакціи къ 30-мъ годамъ XII вѣка, если не считать сомнительнаго по датѣ указанія на тысяцкаго въ «уставѣ о городскыхъ мостѣхъ» [2]). Притомъ, внѣ Новгорода,

---

[1]) Кромѣ *М. Ф. Владимирскаго-Буданова*, еще *М. С. Грушевскій* весьма опредѣленно высказывается въ пользу этого представленія: „эту десятичную (такъ означаетъ ее М. С. Грушевскій) военную организацію встрѣчаемъ готовой уже въ первыя, ближе намъ извѣстныя времена русскаго государства (конецъ X вѣка): земля дѣлится на сотни, сотни на десятки, во главѣ десятковъ стоятъ десятники, а во главѣ сотенъ—сотскіе, и все это разомъ составляетъ тысячу, во главѣ ея тысяцкій, высшій военный чинъ земли или княжества“. Эта военная организація, по мнѣнію М. С Грушевскаго, въ позднѣйшее время постепенно теряла свой военный характеръ, уступая значенію дружинной организаціи военныхъ силъ, чтобы служить, преимущественно, судебно-административнымъ и финансовымъ цѣлямъ—Іст. Укр., I², стр. 347.—*В. И. Сергѣевичъ* знаетъ, какъ и источники, только тысяцкихъ, назначаемыхъ княземъ, но полагаетъ, что должности тысяцкихъ поручались „лучшимъ людямъ изъ мѣстныхъ бояръ“ (Лекціи, стр. 315), т. е., повидимому, не изъ княжой дружины, а изъ того класса, характеристику котораго находимъ на стр. 331—332, I², Р. Юр. Др.? Сотскихъ, повидимому и древнѣйшихъ, какіе извѣстны, В. И. Сергѣевичъ признаетъ выборными на томъ основаніи, что князья не называютъ ихъ „своими“—„Лекціи“, стр. 301.

[2]) Впервые встрѣчаемся съ новгородскимъ тысяцкимъ въ грамотѣ князя Всеволода святому Ивану на Опокахъ, создающей новую организацію, которая своимъ развитіемъ подорвала значеніе сотенъ: два старосты отъ купцовъ, три отъ житьихъ людей, а отъ черныхъ—

наши источники знаютъ только назначаемыхъ княземъ тысяцкихъ, мужей изъ княжой дружины [1]). А, между тѣмъ, именно съ этого исторически-извѣстнаго тысяцкаго списанъ образъ древняго народнаго тысяцкаго, стоявшаго во главѣ военнаго и правительственнаго строя городской области - земли. Тысяцкій держитъ тысячу или воеводство тысячи [2]). Онъ воевода городового

тысяцкій—должны управлять дѣлами торговыми, гостинными и судомъ торговымъ. *Никитскій* полагалъ, что тысяцкій этотъ, какъ „начальникъ сотенъ", такъ какъ въ сотняхъ записаны купцы, былъ естественнымъ главою „торговой думы", и, въ то же время, объяснялъ, что тысяцкій „отъ черныхъ людей" потому, что въ сотни организованы мелкіе промышленники и ремесленники. Это противорѣчіе осталось неразрѣшеннымъ. И самъ же *Никитскій* замѣтилъ, что сотскіе стоятъ въ иныхъ отношеніяхъ особо отъ тысяцкаго, что ихъ значеніе падаетъ, по мѣрѣ развитія, напр. судебной компетенціи тысяцкаго. Существенно отмѣтить, вслѣдъ за *М. Ф. Владимирскимъ - Будановымъ*, что уставъ того же князя Всеволода „о церковныхъ судѣхъ и о людехъ и мирилѣхъ торговыхъ" не знаетъ еще тысяцкаго, а упоминаетъ лишь „десять сотскихъ и старосту Болеслава и бирица Мирошку, и старосту Иваньковскаго Васяту":—„Уставъ Всеволода, замѣчаетъ *Будановъ*, данъ тогда, когда посадникъ былъ еще княжескимъ сановникомъ, а представителями народнаго самоуправленія были лишь сотскіе и старосты". Политическое значеніе тысяцкаго, опирающееся на новую купеческую организацію, растетъ постепенно, и только въ извѣстіяхъ XIII вѣка видимъ его рядомъ съ посадникомъ вліятельнымъ руководителемъ и внутреннихъ дѣлъ и внѣшней политики новгородской. Санъ новгородскаго тысяцкаго, какимъ мы его знаемъ, былъ новообразованіемъ той „революціи въ жизни Великаго Новгорода", которая произошла во второй четверти XII вѣка.

[1]) Игорь Святославичъ, занявъ Кіевъ: „Улѣбови рѣче: держи ты тысячю, какъ еси у брата моего держалъ". (Ипат., стр. 231). Тысяцкій держитъ тысячу у князя: опредѣленія тысяцкихъ по городу чередуются съ опредѣленіями ихъ по князьямъ. Суздальскій и туровскій тысяцкіе названы подъ 1127 г.: „Воротиславъ—Андреевъ тысяцкій, Иванко-Вячеславль"; Печерскій Патерикъ сообщаетъ, что Мономахъ далъ въ управленіе суздальскую землю „своему тысяцкому" варягу Георгію, котораго лѣтопись называетъ тысяцкимъ ростовскимъ; упоминаются Дмитръ, кіевскій тысяцкій Даниловъ; Юрій, тысяцкій Даниловъ. Мономахъ созываетъ „дружину свою на Берестовѣмъ: Ратибора, кіевского тысячьского, Прокопью, бѣлогородьского тысячьского, Станислава, переяславьского тысячьского" (Русская Правда).

[2]) Напримѣръ: „Яронови же тогда тысящю держащю въ Перемышли" (Ипат., стр. 490); „воеводьство держащю Кыевьскыя тысяща Яневи" (Лавр. стр. 201); „воеводьство тогда держащю тисящая Кыевьскыя Іоану Славновичю" (Лавр., стр. 434). Повидимому, равносильнымъ было и выраженіе—держать такой-то городъ: „и бѣ тогда держа Вышегородъ Чюдинъ"—(Лавр., стр. 177).

полка [1]), котораго западные источники называютъ dux, herzog. Но онъ также правитель города: про Владимирскаго тысяцкаго читаемъ: «тисящю предержащю Роману Михайловичю и весь рядъ» [2]). Что касается связи тысяцкаго съ сотскими, то она не вызываетъ сомнѣній по самому названію должностей и характеру ихъ функцій, хотя прямыхъ указаній на нее для южныхъ городовъ почти нѣтъ [3]), а въ Новгородѣ тысяцкій и сотскіе выступаютъ не какъ элементы одной организаціи, а какъ самостоятельныя силы [4]). И въ Кіевѣ, и въ Новгородѣ сотскіе упоминаются много раньше появленія извѣстій о тысяцкихъ и притомъ въ такой обстановкѣ, когда упоминаніе о тысяцкомъ, будь онъ во главѣ сотенъ, казалось бы неизбѣжнымъ [5]).

Если отнестись внимательно и объективно къ извѣстіямъ о древне-русскихъ тысяцкихъ и сотскихъ, отрывочнымъ и скуднымъ, то придется признать, что передъ нами не одна проблема: о происхожденіи тысячно-сотенной организаціи, а двѣ разныхъ о тысяцкихъ и сотняхъ съ ихъ сотскими.

Начну съ нѣсколькихъ замѣчаній о тысяцкихъ. И, прежде всего, что можно сказать о происхожденіи этой должности и ея названія? В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что «тысяцкій есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и воевода: первое наименованіе перенесено на него отъ военнаго дѣленія на тысячи» и что «такъ называются преимущественно начальники городовыхъ полковъ или тысячъ, откуда и возникло самое ихъ имя» [6]). Тутъ дано два отвѣта на нашъ вопросъ: тысяча — единица военнаго дѣленія и тысяча—

---

[1]) Напр., въ 1195 г. въ битвѣ дѣйствуетъ „тысячьскій Михалко Давыдовъ (князя Давыда Ростиславича) со Смоленьскимъ полкомъ“ отдѣльно отъ „Давыдовой дружины“—Ипат., стр. 464.

[2]) Лавр., стр. 450, подъ 1252 г.

[3]) Недовольные управленіемъ Святополка Изяславича Кіевляне послѣ его смерти грабятъ дворы тысяцкаго и сотскихъ (Ипат., стр. 198, подъ 1113 г.).

[4]) У новгородскихъ сотскихъ замѣтны функціи, не связанныя съ дѣятельностью тысяцкаго—ср. *Никитскаго*, „Святой великій Иванъ на Опокахъ“, Ж. М. Н. Пр. 1870 г., № 8, стр. 214, какъ, съ другой стороны, не видно, чтобы они имѣли какое-либо отношеніе къ той Иванской организаціи, во главѣ которой стоялъ тысяцкій, несмотря на попытку Никитскаго установить такую связь.

[5]) Лавр., стр. 123 (Новг. I, стр. 73) и, особенно, Лавр., стр. 137—138 (Новг. I, стр. 82—84).

[6]) „Лекціи“, стр. 313.

городовой полкъ. И оба опредѣленія тысячи не разъясняются источниками. Въ нихъ мы не встрѣчаемъ такого русскаго войска, которое дѣлилось бы на тысячи подъ начальствомъ тысяцкихъ. Тысяцкій стоитъ во главѣ цѣлаго, не части. Не называютъ источники тысячей и городового полка. Не видимъ, чтобы тысяча означала военный отрядъ: тысяцкій ведетъ въ походъ кіевскій, смоленскій полкъ, или Кіевлянъ, Смолянъ, а не кіевскую, смоленскую тысячу. Тысячу нельзя вести, можно только держать ея воеводство. Больше было бы основанія утверждать, что «тысяча» нашихъ источниковъ—понятіе территорьяльное: по крайней мѣрѣ, въ Ипатской лѣтописи подъ 1149 г. читаемъ, что Святославъ Ольговичъ получилъ отъ Юрія Долгорукаго: «Курскъ съ Посемьемъ и Сновьскую тысячу» [1]). Тысяча, по словоупотребленію лѣтописи, округъ, подчиненный тысяцкому, который держитъ въ немъ воеводство и весь рядъ.

Такъ открывается путь къ поискамъ доисторическаго тысяцкаго. Если наши источники не даютъ основанія производить понятіе тысячи на русской почвѣ отъ военнаго дѣленія на тысячи, то оно можетъ оказаться пережиткомъ болѣе глубокой древности, общеславянской или общеарійской. И въ литературѣ исторіи древняго права существуетъ мнѣніе, что тысячно-сотенная военная организація—общая черта доисторическаго племенного быта всѣхъ арійскихъ народовъ.

«Uralt—говоритъ Бруннеръ [2]), vermutlich auf arischer Sitte erwachsen, ist die Einteilung des Heeres in Tausendschaften und Hundertschaften», и считаетъ вѣроятнымъ, что германская волость (Gau) возникла путемъ поселенія раздѣленной на сотни военной тысячи, получившей, такимъ образомъ, въ эпоху разселенія германскихъ племенъ территорьяльное значеніе. Еще рѣшительнѣе высказывается въ этомъ смыслѣ Рихардъ Шредеръ [3]), усматривая въ извѣстіи Цезаря о Свевахъ [4]) «переходъ отъ воен-

---

[1]) Ипат., стр. 268. Въ территорьяльномъ смыслѣ употребляетъ и слово „полкъ“ князь Изяславъ Мстиславичъ, говоря: „а мы поѣдемъ въ свой Кіевъ, а въ силнiй полкъ въ Кіевьскій, аже въѣдемъ въ нѣ, то азъ вѣде, ти ся за мя бiють“. (Ипат., стр. 287).

[2]) „Deutsche Rechtsgeschichte“ I², стр. 181.

[3]) „Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte“, 4-е изд., стр. 19.

[4]) De Bell. Gall., IV, c. 1: „Hi centum pagos habere dicuntur, ex quibus quotannis singula millia armatorum bellandi causa ex finibus educunt. Reliqui, qui domi manserunt, se atque illos alunt. Hi rursus in vicem anno

наго къ территорьяльному дѣленію»: что было сперва поселеніемъ тысячи, стало, по разселеніи и умноженіи населенія, «территорьяльно-отграниченнымъ областнымъ мобилизаціоннымъ основаніемъ тысячи»; если Тацитъ не упоминаетъ о тысячѣ, то потому, что у извѣстныхъ ему племенъ уже исчезло числовое представленіе, первоначально съ нею связанное, и она перестала быть тактической единицей, хотя за сотнями такое значеніе сохранилось.

Но дѣло, при ближайшемъ разсмотрѣніи, обстоитъ не такъ просто. Схема Бруннера-Шредера построена на сопоставленіи двухъ единицъ: волости (Gau) и военной тысячи, которыхъ реальное существованіе одинаково спорно—для древнѣйшихъ временъ германскаго политическаго быта [1]). На эту слабую сторону схемы и направлена критика автора монографіи о германской сотнѣ—Шверина [2]). Указывая, что волость, соотвѣтствующая графству, во франкскій періодъ — чисто административная единица, тогда какъ низшія ея подраздѣленія — округа народныхъ собраній и народнаго суда, въ которыхъ власть графа лишь постепенно завоевываетъ себѣ значеніе за счетъ мѣстной власти сотскаго, Шверинъ естественно приходитъ къ выводу, что волость стала между мелкими единицами и цѣлой civitas только въ позднѣйшее время. Если такъ, то попытку опереть существованіе исконной

---

post in armis sunt; illi domi remanent. Sic neque agricultura, nec ratio atque usus belli intermittitur". Искусственный схематизмъ этой картины правильно отмѣченъ *Ритшелемъ* (см. ниже), у котораго вообще можно найти рядъ мѣткихъ соображеній относительно цѣнности показаній Цезаря для изученія древне-германскаго быта.

[1]) Эту волость, образованную поселеніемъ тысячи и дѣлящуюся на сотни, они считаютъ подраздѣленіями племенного государства (civitas, Völkerschaft). Но тексты, на которыхъ приходится при этомъ опираться, знаютъ лишь двучленную организацію: civitas, состоящую изъ pagi. Чтобы устранить это затрудненіе, *Бруннеръ* считаетъ pagus—волостью, а сотню не территорьяльнымъ, а личнымъ союзомъ, образованнымъ для цѣлей военнаго и судебнаго дѣла, а *Шредеръ*, раздѣляя туже точку зрѣнія, указываетъ, что лишь въ слѣдующій періодъ сотни, гдѣ они удержались, превратились въ территорьяльно опредѣлившіеся сотенные округи. *Brunner*, I², стр. 159—161, *Schröder*, стр. 18. Этому противорѣчитъ, прежде всего, значительно большая бытовая содержательность сотенъ сравнительно съ волостью = графствомъ позднѣйшей эпохи.

[2]) Указываю только выводъ обстоятельной работы: *Claudius Frhr. von Schwerin*, Die altgermanische Hundertschaft, Breslau, 1907, (въ серіи Gierke's Untersuchungen).

военной тысячи на колонизаціонномъ значеніи волости надо признать неудавшейся.

Мало того. Если бы попытка отстоять волость - тысячу и была построена на болѣе твердыхъ основаніяхъ, то представилось бы новое затрудненіе при желаніи поставить во главѣ ея—тысяцкаго. Въ недавней работѣ Зигфрида Ритшеля [1]) находимъ внимательный пересмотръ вопроса о древне-германской тысячѣ и выводъ о крайней недостаточности основаній для ея признанія; аргументы Ритшеля и Шверина хорошо другъ друга дополняютъ. Но особое вниманіе Ритшель обратилъ на извѣстія о тысяцкихъ и пришелъ къ выводу, что они прочно засвидѣтельствованы лишь для Вестготовъ и Вандаловъ [2]). Притомъ относительно Вандаловъ показаніе Прокопія о хиліархѣ, какъ начальникѣ отряда въ войскѣ Гензериха, изображаетъ эту должность, какъ нововведеніе Гензериха. И Ритшель принимаетъ выводъ Моммзена, что этотъ вандальскій хиліархъ-милленарій есть копія съ римскаго трибуна, начальника новаго легіона діоклетіано—константиновской эпохи, который обычно состоялъ изъ тысячи воиновъ. Такое же заимствованіе названія должности склоненъ Ритшель видѣть и въ вестготскомъ милленаріи, выступающемъ въ источникахъ, какъ военноначальникъ (готское его названіе thiuphadus, повидимому, отъ thiuda—народъ, ополченіе) и какъ судья по нѣкоторымъ дѣламъ. Предположеніе Ритшеля, быть можетъ, найдетъ нѣкоторое оправданіе и въ томъ, что ни у Вестготовъ, ни у Остготовъ, ни даже у Вандаловъ (Прокопій говоритъ о 800 войнахъ) значеніе милленаріевъ не стоитъ въ связи съ главнымъ смысломъ слова, и потому самъ терминъ получаетъ характеръ искусственнаго выраженія, не вытекающаго естественно изъ связанныхъ съ нимъ бытовыхъ явленій [3]). Для меня важнѣе другое: этихъ милленаріевъ-тысяцкихъ нѣтъ никакого повода связывать съ какими-либо волостями-тысячами [4]).

---

[1]) *Siegfried Rietschel.* Die Germanische Tausendschaft (Zeitschrift der Savigny-Stiftung, Germ. Abt., t. 27).

[2]) Быть можетъ, слѣдовало бы прибавить и Остготовъ съ ихъ милленаріемъ; ср. противъ *Моммзена* замѣчанія *Brunner'a* (I², стр. 181) и указанную имъ статью *Эрнста Мейера.*

[3]) Само собой, что этимъ не рѣшается вопросъ о заимствованіи: указанная черта одинаково можетъ быть объяснена, какъ архаизмъ термина, потерявшаго первоначальный смыслъ.

[4]) Если у графа и былъ историческій предшественникъ, то это не тысяцкій, а племенной князекъ—Gaufürst, выродившійся въ тунгина, ста-

Критика Ритшеля и Шверина имѣетъ для насъ большое значеніе потому, что вскрываетъ недостаточность данныхъ, какія можно извлечь изъ западныхъ источниковъ для поддержки необоснованной въ русскихъ источникахъ гипотезы о доисторическихъ тысяцкихъ и докняжеской тысячно-сотенной организаціи. Такъ, какъ дѣло стоитъ теперь, когда германская «тысяча» подъ болѣе чѣмъ справедливымъ сомнѣніемъ, а, добавлю, ни у южныхъ, ни у западныхъ славянъ, насколько знаю, слѣдовъ ея также не установлено, всякое значеніе теряетъ воспоминаніе о тысячно-сотенной организаціи монгольскихъ полчищъ или отмѣченныя Лейстомъ и Шрадеромъ позднія указанія на тысяцкихъ у арійцевъ Индостана. Гипотезу о доисторическихъ народныхъ тысяцкихъ и тысячахъ надо признать необоснованной ни въ русскомъ матеріалѣ, ни въ сравнительно-историческихъ наблюденіяхъ.

3. Сотскіе и сотни.

Обратимся къ сотнямъ и сотскимъ. Соберемъ немногія, имѣющіяся у насъ извѣстія о нихъ. Первое упоминаніе о сотскихъ относится къ Кіеву; находимъ его въ извѣстномъ разсказѣ о пирахъ Владимира: «Се же пакы творяше людемъ своимъ: по вся недѣля устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити бояромъ и гридемъ, и съцьскымъ, и десяцьскымъ, и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя; бываше множство отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяше по изобилью отъ всего. Егда же подъпьяхуться, начьняхуть роптати на князь, глаголюще: «зло есть нашимъ головамъ, да намъ ясти деревяными лъжицами, а не сребряными». Се слышавъ Володимеръ повелѣ исковати лжицѣ сребрены ясти дружинѣ рекъ сице: «яко сребромь и златомъ не имамъ налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отець мой доискася дружиною злата и сребра». Бѣ бо Володимеръ любя дружину и съ ними думая о строи земленѣмъ и о ратехъ, и о уставѣ земленѣмъ» [1]).

Если взять эту страничку лѣтописи отдѣльно, какъ она есть,

рѣшину съ судебными функціями—ср. *Schröder'a*, стр. 126, ср. *Brunner'a* I², стр. 202 и II, стр. 149—156. Такой Gau—цѣлое, а не часть, не подраздѣленіе.

[1]) Лавр., стр. 123—124; тоже Новг. I, стр., 73—74.

и спросить себя, кого тутъ лѣтописецъ считаетъ дружиной, съ которой князь совѣщается обо всѣхъ дѣлахъ и доискивается всякаго добра, то пришлось бы отвѣтить: бояръ и гридей, сотскихъ и десятскихъ, нарочитыхъ мужей. И если мы, нѣсколько выше, въ той же характеристикѣ Владимира, читаемъ, что онъ въ день окончанія постройки Десятинной церкви «створи праздникъ великъ—боляромъ и старцемъ градскимъ», то въ послѣднихъ естественно предположить городскую старшину Кіева, его сотскихъ и десятскихъ. Наконецъ, въ третьемъ перечнѣ гостей, созванныхъ, по поводу поставленія церкви св. Преображенія въ Василевѣ, на восьмидневный праздникъ, встрѣчаемъ у князя «бояры своя и посадникы, и старѣйшины по всѣмъ градомъ» (Новг. I пишетъ: и старѣйшины своя, и посадники своя по всѣмъ градомъ своимъ) [1]), то и тутъ найдемъ все ту же среду, не только, на этотъ разъ, сосредоточенную въ Кіевѣ, но расположенную по всѣмъ градомъ: и праздникъ былъ внѣ Кіева, въ одномъ изъ построенныхъ Владимиромъ городовъ, куда онъ «нарубалъ мужи лучшіе» съ сѣвера. Таковъ буквальный смыслъ текстовъ.

О сотскихъ на югѣ у насъ почти нѣтъ свѣдѣній. Только подъ 1113 г. читаемъ уже упоминавшееся извѣстіе о томъ, какъ Кіевляне, поднявшись на людей, виновныхъ въ обидахъ народу при князѣ Святополкѣ Изяславичѣ, грабилъ дворы тысяцкаго и сотскихъ. М. С. Грушевскій [2]) изъ этого извѣстія заключаетъ, что сотскіе были княжими, не народными должностными лицами, и, думаю, заключаетъ правильно.

Древнѣйшимъ извѣстіемъ о сотняхъ въ Новгородѣ былъ бы ихъ перечень въ знаменитомъ «Уставѣ Ярославлемъ о мостѣхъ», который находимъ въ нѣкоторыхъ спискахъ «Русской Правды», если бы мы этотъ текстъ могли съ нѣкоторымъ основаніемъ отнести къ опредѣленному времени [3]): лѣтопись впервые упоминаетъ новгородскаго сотскаго, мимоходомъ, подъ 1118 г. Въ центрѣ устава о мостѣхъ, крайне труднаго для толкованія,

---

[1]) Лавр., стр. 122, Новг. I, стр. 72.

[2]) „Іст. Укр." III², стр. 225.

[3]) Изслѣдователи давно обратили вниманіе на упоминаемую въ немъ церковь св. Бориса и Глѣба: о построеніи такихъ церквей лѣтопись упоминаетъ подъ 1146 и 1167 гг. *Погодинъ* считалъ это вставкой. Ср. замѣчанія *Карамзина*, т. II, пр. 108. Такое же недоумѣніе вызываетъ во мнѣ терминъ „тысяцкій", не встрѣчающійся въ другихъ текстахъ ранѣе XII вѣка.

стоитъ—разрывая общую конструкцію текста—перечень десяти сотенъ новгородскихъ, между которыми распредѣлены городни великаго моста на Волховѣ [1]). «Ста» эти, кромѣ одного, означеннаго княжимъ, названы по личнымъ именамъ, значеніе которыхъ неизвѣстно [2]). Но въ этой чертѣ нельзя не признать указанія на организацію сотенъ подъ единоличнымъ предводительствомъ сотскихъ въ постоянные союзы или группы, игравшія роль опредѣленныхъ единицъ въ жизни города. Притомъ сотни—именно городское учрежденіе; уставъ различаетъ ихъ отъ погостовъ [3]), но такъ же и отъ ряда другихъ группъ, стоящихъ внутри города [4]). Онѣ не объемлютъ ни населенія всей земли новгородской, ни даже всего городскаго населенія Великаго Новгорода.

---

[1]) Остальныя городни (11—19) возложены, повидимому, на ряды?

[2]) *Карамзинъ* предположилъ, что это имена ихъ старѣйшинъ. (т. II, стр. 38, изд. Эйнерлинга). Среди многочисленныхъ извѣстій о сотенныхъ поселеніяхъ у германскихъ племенъ находимъ, насколько знаю, примѣры такого же наименованія сотенъ только у Аламанновъ и въ Швеціи. *Брунеръ* видитъ въ этомъ указаніе на сравнительно позднѣйшее возникновеніе аламаннскихъ сотенъ, на ихъ образованіе, впрочемъ, уже въ VIII в., путемъ превращенія личнаго союза въ территорьяльную общину, такъ какъ очевидно, что наименованія произошли отъ именъ тѣхъ сотскихъ, при которыхъ имя сотни получило прочное и постоянное значеніе (1², стр. 161). *Шверинъ* поясняетъ, что, вѣроятно, эти сотни въ предыдущее время или вовсе не имѣли названій, или назывались каждый разъ по имени наличнаго вождя, (указ. соч., стр. 139—140). Можно принять, что образованіе названій аламаннскихъ сотенъ совпало съ ихъ „консолидаціей“ (Radizierung) въ поселеніе: Шверинъ подчеркиваетъ, что утвержденіе Аламанновъ на новой территоріи было болѣе водвореніемъ отдѣльныхъ отрядовъ племени, чѣмъ колонизирующимъ завоеваніемъ. Центромъ и мѣстомъ сходокъ одной изъ сотенъ (Munigiseshuntare) видимъ виллу Munigisinga: „была ли эта вилла поселеніемъ рода или отряда подъ предводительствомъ Мунигиса или названа она только по имени вождя, во всякомъ случаѣ вѣроятно, что это первое поселеніе въ данной сотнѣ и что отсюда пошло дальнѣйшее разселеніе при сохраненіи прежняго центра“ (*Шверинъ*). Ср. патронимическія названія hundari въ Швеціи (*Ритшель*).

[3]) Напр.: тигожане (погостъ тигодскій), коломляне (п. коломенскій), нерядичане (п. нерецкій), бережане (п. березскій), пидбляне (п. пидебскій). Ср. *Tobien*, Die Prawda Russkaja, Dorpat, 1844.

[4]) Улицы: Бискупля, Прусы, Чюдинцева, Ильинцы, Михайловцы, Видковичи (Витковцы, Витковляне); Загорожане-жители Загородья. Иныя группы: Софьяне, огнищане, ср. *И. Красова*, О мѣстоположеніи древняго Новгорода, Новг. 1851.

Съ вопросомъ о древнихъ новгородскихъ сотняхъ слѣдуетъ связать извѣстія о новгородскихъ событіяхъ во время княженія Ярослава Владимировича. Ярославъ, во время смерти отца, «кормяше Варягъ много», боясь рати [1]). Насилія этихъ Варяговъ вывели Новгородцевъ изъ терпѣнія, и они, собравшись ночью, перебили пришельцевъ. Разгнѣванный князь «собра вои славны тысящу и обольстивъ ихъ исѣче, иже бяху Варягы ти исѣклѣ, а друзіи бѣжаша изъ града» [2]). «Повѣсть временныхъ лѣтъ» передаетъ этотъ текстъ по своему, называя избитыхъ «нарочитыѣ мужи» [3]). Не думаю, чтобы «вои славны тысящу» значило: тысячу знаменитыхъ войновъ... Это—опредѣленныя лица, виновныя въ избіеніи Варяговъ, нарочитые мужи, руководители ночного нападенія на Поромонь дворъ, гдѣ были захвачены Варяги врасплохъ и избиты. Своимъ актомъ мести Ярославъ расшаталъ военную поддержку Новгородцевъ, немедленно ему понадобившуюся, ввиду дѣйствій Святополка. Тогда, собравъ «избытокъ Новгородцевъ», онъ говоритъ: «любимая моя и честная дружина, юже высѣкохъ вчера въ безуміи моемъ, не топерво ми ихъ златомъ окупитѣ», и, принеся повинную, зоветъ ихъ на Святополка. Новгородцы согласились «потягнуть по немъ», а послѣ похода Ярославъ «нача вои свои дѣлити: старостамъ по 10 гривенъ, а смердамъ по гривнѣ, а Новъгородьчемъ по 10 всѣмъ» [4]).

Въ этихъ текстахъ отмѣтимъ термины: «нарочитые мужи, вои

---

[1]) Очевидно, ввиду разрыва Ярослава съ Владимиромъ изъ за новгородской дани, которой 2/3 должны были итти въ Кіевъ, а треть „Новѣгородѣ гридемъ раздаваху“, т.е., вѣроятно, наемной варяжской дружинѣ.

[2]) Новг. I, стр. 82.

[3]) Лавр., стр. 137. Ипат. (стр. 98) соединяетъ оба варьянта (ср.: во дворѣ пони, поправлено на: въ дворѣхъ Пронихъ; упоминаніе о Ракомѣ: Рокъмъ) и понимая тысящу буквально, имѣетъ на полѣ помѣтку: исѣче ихъ 1000. Позднѣйшія редакціи такъ и соединяютъ: напр., Соф. I: „И позва къ себѣ нарочитыя мужи, иже бяху сѣкли Варягы, и оболстивъ исечѣ 1000 мужь“ (П. С. Р. Л., т. V, стр. 131).

[4]) Новг. I, стр. 84. Разсказъ, несомнѣнно, сокращенный. Въ Соф. I, Воскр., находимъ послѣ перваго похода на Святополка, какъ въ Повѣсти вр. лѣтъ, исторію дальнѣйшей борьбы, побѣгъ Ярослава въ Новгородъ, откуда онъ хотѣлъ итти за море къ Варягамъ, но Новгородцы не пустили, „и начаша скотъ сбирати отъ мужа по четыре куны, а отъ старостъ по десять гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ, и приведоша варягъ и вдаша имъ скотъ“,—затѣмъ объ окончательной побѣдѣ надъ Святополкомъ и потомъ только о надѣленіи воевъ, съ варьянтомъ: „старостамъ своимъ“ (П. С. Р. Л. т. V, стр. 134; т. VII, стр. 326).

славны тысяща, старосты, съ вар. старосты свои», которые вводятъ, повидимому, въ тотъ же кругъ нарочитыхъ мужей, старцевъ градскихъ, сотскихъ и десятскихъ, старѣйшинъ, которыхъ мы видѣли на пирахъ и совѣщаніяхъ въ Кіевѣ у Владимира: и тамъ, и тутъ къ нимъ in согроге, одинаково съ боярами и гридями примѣнено, между прочимъ, и слово—дружина. Сопоставленія эти приводятъ, наконецъ, къ предположенію, что «воевъ славныхъ тысящу» слѣдуетъ приравнять къ старшинѣ десяти сотенъ, перечисленныхъ въ уставѣ Ярославлемъ о мостѣхъ, разсматривая эту тысячу не какъ сумму 1000 войновъ, а какъ совокупность 10 сотенъ. Съ другой стороны, подобно тому, какъ и на югѣ, въ сотскихъ вижу тѣхъ же лицъ, которыя называются старѣйшинами, старостами, иногда «своими» старѣйшинами и старостами князя [1]).

И позднѣйшія извѣстія представляютъ намъ сотскихъ на югѣ—въ кругу, близкомъ къ князю, какъ тотъ сотскій Микула, который подалъ князю Данилу Романовичу знаменитый совѣтъ: «не погнетши пчелъ, меду не ѣдать» [2]); на сѣверѣ, въ Новгородѣ и Псковѣ—въ рядахъ правящей, вліятельной части общества. Это не мелкіе управители мелкихъ областныхъ единицъ, а значительныя должностныя лица главнаго города [3]). Правда, въ эпоху развитія и расцвѣта новгородской самостоятельности, въ XII — XIII в.в., ростъ значенія посадника, тысяцкаго и новгородскаго правительственнаго совѣта видимо отодвигаетъ сотскихъ на второй планъ [4]); но самостоятельность ихъ суда упразднена только

---

[1]) Термины старѣйшины, старосты, старцы—вообще менѣе опредѣленны и шире, чѣмъ, напр., сотскіе; подъ первое, судя по приведеннымъ выше текстамъ Лавр., подходятъ и десятскіе и вообще всякіе „нарочитые мужи“. Пока ограничиваюсь указаніемъ на однородность всего круга, обозначаемаго этими терминами. Ср. начальныя формулы новгородскихъ договоровъ XIII — нач. XIV в.: то: благословеніе отъ владыки, поклонъ отъ посадника, тысяцкаго, отъ всѣхъ сотскихъ, отъ всѣхъ старѣйшихъ и отъ всего Новгорода, то:—отъ посадника (или: отъ посадника и отъ тысяцкаго) и отъ всѣхъ старѣйшихъ и отъ всѣхъ меншихъ—С. Г. Г. и Д., I, №№ 1—11.

[2]) Ипат., стр. 509.

[3]) „Передніе мужи и сътьскіи“—Новг. I, стр. 174, ихъ посольства и вообще политическая роль—passim.

[4]) Ср. *Никитскаго*, „Святой великій Иванъ на Опокахъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1870 г., № 8): „До тѣхъ поръ, пока народный элементъ въ Новгородѣ еще не получилъ полной организаціи — сотскіе пользовались большимъ

договоромъ Ивана III съ Великимъ Новгородомъ 1471 г. [1]) Печать городской организаціи, городского значенія лежитъ и на всей дальнѣйшей исторіи новгородскихъ сотенъ, какъ организаціи купеческой подсудности и купеческихъ государственныхъ повинностей, выдѣлявшей новгородскихъ купцовъ изъ среды волостного населенія, даже когда они надолго покидали Новгородъ [2]).

Въ иномъ смыслѣ характеръ не обще-волостного, а городского учрежденія сохраняютъ сотни и на югѣ. Не противорѣчитъ этому выводу, а подтверждаетъ его извѣстная, вписанная въ лѣтопись, грамота, который князь Мстиславъ Даниловичъ установилъ ловчее въ Берестьи—на Берестьянъ, за ихъ крамолу: со ста—натурою, а съ горожанъ—4 гривны кунъ [3]). Тутъ населеніе, раздѣленное на сотни, отличается отъ горожанъ, но на него падаетъ кара за политическое поведеніе городского вѣча. Отмѣчу, прежде всего, нѣкоторыя наблюденія, уже сдѣланныя въ исторической литературѣ, которыя ведутъ, по моему мнѣнію, къ вѣрному освѣщенію этого явленія, заставляя видѣть въ немъ черту не сельской, а городской организаціи. «Тысяча, читаемъ у М. С. Грушевскаго, обнимала собою, очевидно, городъ и городскую околицу, которая къ нему тянула; мѣстное ея населеніе дѣлилось на сотни и десятки». Изъ кары, наложенной на Берестьянъ Мстиславомъ Даниловичемъ, Грушевскій заключаетъ, что тутъ «сто»—административно-финансовое подраздѣленіе пригороднаго люда [4]). Но, замѣчаетъ онъ, выдѣленіе горожанъ изъ сотенной организаціи было, по всей вѣроятности, фактомъ позднѣйшимъ, судя по городскому ея характеру въ Новгородѣ [5]).

Въ Западной Руси позднѣйшаго времени эта форма господства города надъ окрестнымъ населеніемъ получила широкое развитіе: сотенная организація служила орудіемъ для взысканія повинностей съ населенія, тянувшаго ими къ городу [6]).

значеніемъ не только въ своей собственной сферѣ, но даже въ политическихъ дѣлахъ".

[1]) „А сотцкимъ и рядовичемъ безо князей великихъ намѣстника и безъ посадника не судити нигдѣ"—С. Г. Г. и Д., I, № 20.

[2]) Ср. *Никитскаго*, указ. соч.

[3]) Ипат., стр. 613, подъ 1287 г.

[4]) Іст. Укр., III², стр. 235.

[5]) Ниже попробую иначе объяснить это обстоятельство.

[6]) *И. А. Линниченко*, Черты изъ жизни сословій въ юго-западной

Ту же функцію сотенная организація исполняла по отношенію къ городамъ въ древней Польшѣ. Она тѣсно связана тутъ съ такъ наз. «гродовой» организаціей, созданной развитіемъ княжеской власти, опершей свою силу на градахъ, разсѣянныхъ по волостямъ. По градамъ древне-польскій князь размѣщалъ дружину, въ градахъ центры его имущественнаго обезпеченія. Къ каждому граду тянетъ работой и повинностями часть населенія волости, выдѣленная изъ общей массы—особой организаціей въ сотни и десятки [1]).

Оставивъ пока въ сторонѣ всѣ эти явленія, вернемся къ новгородской землѣ. Построеніе городской области-земли на господствѣ главнаго города надъ населеніемъ волостей нигдѣ не развернулось съ такой интенсивностью и въ такой территорьяльной

Руси, М. 1894 г., говоритъ: „по нашему мнѣнію, на сотни дѣлилось населеніе, поселенное въ ближайшихъ къ городамъ селахъ. Эти поселенцы получали землю и хозяйственный инвентарь и за это обязаны были службой, т. е. исполнять разныя повинности въ пользу города и содержать сидѣвшую въ городѣ дружину“ (стр. 74). Затѣмъ, изображая положеніе сотныхъ людей въ XV в. по книгамъ Саноцкаго замка, авторъ указываетъ, что, по его мнѣнію, „организація населенія на сотни не есть древнѣйшая общая организація всего населенія, а лишь спеціальная организація части населенія“, именно ближайшихъ къ городу сельскихъ поселеній, состоящихъ въ особой зависимости и подъ особыми повинностями въ пользу города (стр. 107 — 112). Къ сожалѣнію, И. А. Линниченко мысли своей не развилъ, ограничившись нѣсколько сбивчивыми намеками. *Грушевскій*, признавая зависимое отъ замка — полусвободное состояніе Саноцкихъ сотныхъ людей, считаетъ, однако, слишкомъ смѣлой попытку обобщить ихъ характеристику на всѣхъ сотныхъ людей, а тѣмъ болѣе установить ихъ связь со старорусской сотенной организаціей. „Конечно, говоритъ онъ, возможно, что какъ эта сотенная организація изъ общей стала спеціальной (въ однихъ мѣстностяхъ спеціально сельской, въ другихъ—спеціально городской), такъ въ Саноччинѣ она перешла на несвободный замковый людъ, но изъ этого еще нельзя дѣлать выводъ, что въ древней Руси была она особенностью подобнаго же несвободнаго подгороднаго населенія“.—V, стр. 147—149. Вопросъ требуетъ, конечно, иной постановки.

[1]) *K. Potkański*, Geneza organizacyi grodowej w Polsce (Отчеты Крак. Ак. Н. за 1905 г.), *St. Kutrzeba*, Dawny zarąd na Wawelu (Rocznik Krakowski, t. VIII) и его-же, Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши, пер. Н. В. Ястребова. Къ сожалѣнію, вопросъ объ организаціи зависимаго отъ княжихъ гродовъ населенія—одинъ изъ самыхъ темныхъ и запутанныхъ вопросовъ польской старины. Ср. ниже, по поводу десятковъ.

широтѣ, какъ въ Новгородѣ и его младшемъ братѣ Псковѣ. Но тутъ не видимъ дѣленія зависимаго отъ города сельскаго населенія на сотни. Напротивъ, извѣстная формула договоровъ Новгорода съ князьями, требующая, чтобы князь прочь отпустилъ людей, ставшихъ его закладниками: «а купецъ поидетъ въ свое сто, а смердъ поидетъ въ свой погостъ» рѣзко выдвигаетъ городской характеръ сотенъ. Буквальное пониманіе этой формулы, предполагающей, что кто бы ни сталъ княжескимъ закладникомъ, онъ окажется либо купцомъ, либо смердомъ, заставило бы признать, что все населеніе земли новгородской дѣлится на купцовъ и смердовъ, подъ чѣмъ пришлось бы разумѣть населеніе городское и сельское, организованные первое — въ сотни, второе—по погостамъ. Но мы знаемъ, что не всѣ, кто жилъ въ Новгородѣ, числились въ сотняхъ. Внѣ сотенъ стояло боярство. Нѣкоторое сомнѣніе вызываетъ принадлежность къ сотнямъ высшихъ разрядовъ купечества и житьихъ людей [1]), но оно, повидимому, навѣяно чертами позднѣйшей эволюціи, когда организаціи иного типа начинаютъ, въ XII и XIII в.в., стѣснять и отодвигать на второй планъ первоначальное значеніе сотенъ въ новгородской жизни. Можно согласиться съ Никитскимъ, что масса не только купечества, въ собственномъ смыслѣ слова, но и мелкаго торгово-промышленнаго люда, черныхъ людей, входили въ сотенную организацію. Съ этимъ слѣдуетъ сопоставить не только упомянутую выше формулу договоровъ (купецъ въ свое сто, смердъ—въ погостъ), но также ихъ требованіе, чтобы князья и судьи по волостямъ сохраняли подсудность купцовъ исключительно суду новгородскому: «а купцины въ силу не судити въ волости» [2]). Эта

---

[1]) *Никитскій* довольно сбивчиво толкуетъ объ этомъ вопросѣ, признавая ряды—торговыми, купеческими товариществами и заключая изъ этого (?), что сотни обнимали остальное населеніе, и притомъ ссылается на московское подраздѣленіе „сотенъ на гостинныя, суконныя и т. п., съ одной стороны, и на черныя, съ другой“. Но ряды онъ вѣрно назвалъ торговыми организаціями, а сотни—административная единица. Только съ образованіемъ „Иваньской“ оргавизаціи и, особенно, съ развитіемъ компетенціи тысяцкого стали сотни постепенно терять свое значеніе, но характеръ судебно-административной инстанціи, внѣ вѣдѣнія которой былъ, вѣроятно, только боярскій классъ, онѣ сохраняли до XV в. Попытку Никитскаго установить различіе купеческихъ и черныхъ сотенъ въ Новгородѣ нельзя признать удачной.

[2]) С. Г. Г. и Д., I, № 10. *Никитскій* указываетъ и на свободу купцовъ отъ отбыванія повинностей по волостямъ, толкуя такъ статью: „а

централизація въ Новгородѣ всего завѣдыванія торгово-промышленнымъ людомъ, въ связи съ такой же централизаціей всѣхъ дѣлъ населенія частновладѣльческихъ земель и сильной зависимостью смердовъ — придавала землѣ новгородской подлинный складъ городской области, служащей интересамъ главнаго города и ему подвластной.

Между сотенной организаціей новгородскаго городского населенія и тѣми наблюденіями надъ «сотными» людьми Западной Руси и древней Польши, которыя были выше упомянуты, такъ мало сходства, что попытка И. А. Линниченка поставить ихъ въ связь естественно вызвала скептическія замѣчанія М. С. Грушевскаго. Но ими вопросъ отнюдь не рѣшается. Попробуемъ расширить сферу нашихъ наблюденій.

Быть можетъ, краткая справка по вопросу о сотняхъ въ средѣ германскихъ племенъ поможетъ, при скудости нашихъ свѣдѣній, выяснить и полную безпочвенность гипотезы о широкой тысячно-сотенной организаціи племенъ славянскихъ въ доисторическія времена, и характеръ, какой слѣдуетъ приписать сотнямъ новгородскимъ, если признать ихъ однимъ изъ древнѣйшихъ учрежденій новгородскаго городского строя.

Вопросъ о сотняхъ въ Западной Европѣ имѣетъ весьма обширную литературу, обзоръ которой можно найти въ упомянутой книгѣ Шверина [1]). Недавно къ тщательному пересмотру его приступилъ и Ритшель [2]), трудъ котораго, къ сожалѣнію, еще не законченъ.

Весь обширный матеріалъ, собранный изслѣдователями древнегерманскаго быта, не содержитъ указаній на явленія, которыя были бы вполнѣ аналогичны нашимъ древне-русскимъ городскимъ

у купець повозовъ не имати, развѣ ратной вѣсти"; въ томъ же смыслѣ понимаетъ онъ и разсказъ Новг. I, подъ 1209 г. (стр. 191), какъ вѣче поднялось на посадника Дмитра за повелѣніе „на Новгородцехъ сребро имати, а по волости куры (куны?) брати, а по купцемъ виру дикую и повозы возити". Никитскій видитъ тутъ протестъ противъ попытки привлечь купцовъ къ дикой вирѣ и повозамъ по волостямъ, тогда какъ всѣ ихъ повинности сосредоточивались въ сотняхъ.

[1]) *Schwerin.* Die altgermanische Hundertschaft. Breslau, 1907.

[2]) *S. Rietschel.* Untersuchungen zur Geschichte der Germanischen Hundertschaft. Teil I: Die skandinawische und angelsächsische Hundertschaft.— Zeitschrift der Savigny-Stift., Germ. Abt., 28 (1907).

сотнямъ или западно-русскимъ и польскимъ сотнымъ людямъ, тянущимъ повинностями къ городу. Сотни, о которыхъ идетъ рѣчь тамъ, на Западѣ,—это организація волостныхъ людей, сказать по нашему, и содержатъ онѣ не мало чертъ, которыя дали бы скорѣе поводъ для сопоставленія ихъ съ вервью «Русской Правды» или польскимъ ополемъ (дикая вира, обязанность гнать слѣдъ и т. п.). Но существенныя черты германскаго сотеннаго строя, гдѣ онъ наблюдается, все таки, представляютъ для насъ интересъ въ данной связи. И, прежде всего, то, что сотенная организація связана съ оккупаціей новыхъ мѣстъ поселенія, что она не распространена равномѣрно, а составляетъ отличіе центровъ новаго племенного властвованія. Такъ, въ Швеціи сплошную сѣть hundari наблюдаемъ въ основной территоріи Шведовъ—въ области по Maelarsee [1]); позднѣе колонизованныя и слабонаселенныя территоріи сѣвера и вообще подчиненныя земли—либо вовсе не знаютъ сотеннаго дѣленія, либо оно въ нихъ носитъ черты позднѣйшаго, болѣе или менѣе искусственнаго введенія. Изслѣдованія Шверина и Ритшеля одинаково приводятъ къ заключенію, что сотни этого типа продуктъ племенного переселенія на новую территорію и что онѣ отсутствовали тамъ, гдѣ происходила постепенная колонизація отдѣльными группами областей, открывавшихъ болѣе или менѣе широкій просторъ разселенію. Сотенная организація—созданіе единовременной и властной оккупаціи земли [2]).

Что до ея происхожденія, то Шверинъ доказываетъ невозможность свести ее къ какому-бы то ни было ариѳметическому основанію, въ дѣленіи ли войска на отряды съ опредѣленнымъ числомъ войновъ или въ раздѣлѣ земли на волости съ опредѣленнымъ числомъ земельныхъ участковъ (гуфъ). Ритшель не идетъ такъ далеко. Для него суть дѣла въ томъ, что по оккупаціи «дѣлили весь народъ на приблизительно равные большіе отдѣлы, дѣлили страну на такое-же число приблизительно равныхъ округовъ, и отводили каждому отдѣлу такой округъ для дальнѣйшаго раздѣла. Эти отдѣлы и эти округа—и были сотни, которыя получили свое названіе отъ дальнѣйшаго раздѣла», хотя ариѳметическія основы раздѣла бывали различны; названіе «сотня» указываетъ на зна-

---

[1]) Uppland, Södermanland, Westmanland см. *Ритшеля* и *Hildebrand'a*, Das Heidnische Zeitalter in Schweden, пер. Mestorf'a, Hamburg, 1873 (стр. 203).

[2]) Подъ это опредѣленіе подходитъ и происхожденіе аламанискихъ сотенъ, какъ особый варьянтъ (см. выше).

ченіе сотеннаго счисленія, при которомъ 100 основныхъ единицъ группировались, при разселеніи, въ комплексы по 5, 10, 15, 20, 25; въ Швеціи—наблюдается раздѣлъ сотенъ на трети и чети, что говоритъ въ пользу двѣнадцатиричнаго счисленія, и на осьмины ($^1/_2$ чети), какъ въ тѣхъ частяхъ Англіи, гдѣ прошла датская сила, дѣленіе на единицы въ 6 и кратныя шести карукатъ, единицъ хозяйственнаго быта [1]). Такъ, Ритшель отстаиваетъ поземельное основаніе сотенной системы, отрицая, какъ и Шверинъ, за ней значеніе, хотя бы во времена доисторическія, формы военнаго строя. Какъ естественно для вопросовъ столь большой сложности и спорности, критическая сторона его аргументаціи сильнѣе положительной; и вопросу о первичной реальной основѣ, на которой выросла сотенная система, вѣроятно, долго еще суждено оставаться спорнымъ. Русскому историку—по отношенію къ роднымъ древностямъ — нѣтъ повода подымать вопросъ о поземельномъ характерѣ тѣхъ сотенъ, какія наблюдаются сквозь смутные намеки источниковъ въ древней Руси. Передъ нимъ вопросъ о сотняхъ—городскихъ учрежденіяхъ, а не формѣ волостного быта. По той же причинѣ, не много помогло бы объясненію, напр., новгородскихъ сотенъ—торжество теоріи о происхожденіи германскихъ изъ древняго подраздѣленія вооруженнаго народа на отдѣлы: общеплеменнымъ учрежденіемъ онѣ не были ни въ средѣ восточнаго славянства, ни у славянъ вообще.

Но гипотеза эта, удобная по простотѣ и потому, что беретъ готовой предпосылкой какъ разъ то явленіе, которое всего труднѣе поддается объясненію, пришла въ литературномъ развитіи своемъ, даже у сторонниковъ, къ тому, что держаться можетъ лишь оговорками, что подъ словомъ «сто» нельзя разумѣть болѣе или менѣе опредѣленнаго и устойчиваго числового представленія [2]); и выводъ Шверина, что сотни надо разсматривать, какъ поселенія переселенческихъ группъ, неопредѣленныхъ по количеству особей [3]), представляется вполнѣ естественнымъ итогомъ исторіи вопроса. Самый этотъ выводъ, однако, предпола-

---

[1]) *Виноградовъ*, *Мэтландъ*, *Роундъ*—считаютъ эту систему для Англіи счетной, связанной съ пріемами податного обложенія. *Ритшель* видитъ въ ней—аграрную реальность, созданную условіями первоначальнаго раздѣла земли при разселеніи.

[2]) Ср. исторію ея и критику у *Шверина*, глава 1-я „Die Heerestheorie“.

[3]) „...als Niederlassungsgebiet eines unbestimmt grossen, wandernden Haufens“, стр. 215.

гаетъ, что въ основѣ сотеннаго поселенія лежитъ извѣстная группировка лицъ въ союзѣ—не территорьяльнаго, а личнаго характера [1]). И разъ подчеркивается, что сотни возникли при оккупаціи новыхъ территорій переселяющимся племенемъ, въ противоположность постепенной колонизаціи разрозненными группами переселенцевъ, то какого-бы происхожденія ни была эта группировка, она получаетъ окраску группы завоевателей, овладѣвающихъ территоріей для поселенія въ новыхъ владѣніяхъ. Ритшель находитъ сотни тамъ только, гдѣ территорія была «wirklich volksmässig erobert und besiedelt». Шверинъ, какъ мы видѣли, отмѣчаетъ нѣкоторыя отличія аламаннскаго разселенія: но и тамъ передъ нами организація властнаго захвата.

Крупное отличіе воззрѣній Ритшеля и Шверина отъ «Heerestheorie» въ томъ, что они устраняютъ миражъ тысячно-сотенной организаціи, какъ основы и древнѣйшаго военнаго строя и разселенія, представляя себѣ сотни—новообразованіемъ, возникающимъ, какъ результатъ устройства племенного быта на новыхъ мѣстахъ.

Но каковы функціи германской сотни по разселеніи? Прежде всего, это не единица военной организаціи. Мы нигдѣ не видимъ сотню, идущей въ походъ, или посылающей въ ополченіе сто воиновъ [2]).

Если сотня имѣетъ отношеніе къ военному дѣлу, то лишь какъ территорія, на которую падаетъ извѣстное число воиновъ, различное, какъ различны размѣры сотенъ. Основное значеніе сотни—въ ея роли, какъ центра всего уклада жизни, правовой

---

[1]) Ср. *Beauchet.* Histoire de la propriété foncière en Suède (Paris, 1904), „A l'origine, probablement, le härad (hundari) n'était qu'un simple lien personnel entre les divers groupes de colons qui avaient occupé une même contrée, une dispersion de la tribu, dont les divers membres se tenaient par des liens de parenté plus ou moins éloignés, et plus tard seulement il constitua une division territoriale ".Кровную основу состава сотенныхъ союзовъ допускаетъ и Ритшель въ томъ смыслѣ, что при образованіи отдѣльныхъ группъ для поселенія (Ansiedelungverbände) естественнымъ матеріаломъ служили семьи, связанныя кровнымъ родствомъ и общимъ происхожденіемъ.

[2]) *Шредеръ* называетъ сотню тактической единицей—въ текстѣ (Lehrbuch der D. Rechtsgesch. — 4-е изд., стр. 20, 36); но ср. его же замѣчанія въ прим. 8 на стр. 38; ср. *Brunner*, I², § 19 и критику *Шверина*.

и административной, экономической и религіозной. Сотня—судебный округъ, въ ея центрѣ мѣсто собраній судебныхъ [1]). Сотня—союзъ охраны земскаго мира, отвѣтственной за каждое преступленіе, виновника котораго она не укажетъ и не выдастъ. По сотнямъ разверстываются повинности.

Она часто владѣетъ угодьями, находящимися въ пользованіи составляющихъ ее поселковъ, имѣетъ свой центръ культа, въ христіанское время—сотенную церковь. Сотня и составляющіе ее поселки—та реальная основа, на которую опирается примитивное государство.

Что общаго у этой сотни съ сотнями новгородскими? Не такъ мало, какъ можетъ представиться на первый взглядъ. На основаніи того, что мы объ этихъ послѣднихъ знаемъ, можемъ сказать, что сотни были въ Новгородѣ основнымъ судебно-административнымъ учрежденіемъ для городского населенія и, въ то же время, формой организаціи его торгово-промышленнаго населенія. По намекамъ, правда, весьма скуднымъ, Никитскій въ не разъ упоминавшейся работѣ устанавливаетъ понятіе о сотняхъ, какъ организаціи повинностей новгородскаго купечества, предполагая также связь круговой поруки по охранѣ мира чертою сотенъ. Однородность, по существу, функцій сотенъ новгородскихъ и сотенъ германскихъ въ составѣ тѣхъ политическихъ организмовъ, которыхъ онѣ были частями, представляется, по меньшей мѣрѣ, весьма вѣроятной.

Заключеніе это побуждаетъ коснуться еще одного темнаго вопроса. Лѣтописный разсказъ о пирахъ Владимира упоминаетъ рядомъ съ сотскими—десятскихъ. Десятки и десятскихъ знаютъ и западные источники. Но даже сторонники тысячно-сотенной военной организаціи готовы видѣть тамъ, гдѣ есть поводъ признать десятскихъ военной должностью,—заимствованіе изъ римскаго военнаго строя [2]). Объ основномъ и общемъ ихъ значеніи, какъ военной единицы, нѣтъ основанія говорить. Для Англіи, гдѣ десятки играли особо видную роль, нѣтъ, по замѣчанію Ритшеля, и рѣчи, чтобы сотнѣ соотвѣтствовало десять десятковъ. Наблюдаемые въ источникахъ десятки—искусственныя группы,

---

[1]) Это значеніе сотни Стеббсъ для Англіи готовъ признать основнымъ, съ переносомъ позднѣе названія судебнаго округа на его территорію.—*Stubbs*, I, стр. 119 франц. изданія.

[2]) *R. Schröder*, стр. 157.

постоянно мѣнявшіяся въ составѣ [1]). Характерна для нихъ связь съ системой взаимной поруки (franc pleige). Въ этомъ смыслѣ законы Этельстана и Эдгара, требующіе, чтобы каждый человѣкъ имѣлъ поручителя, который обязанъ представить его въ судъ или отвѣчать за него,—положили основаніе для требованія закона Канута, поставившаго право каждаго свободнаго на судебную защиту (на принесеніе очистительной присяги, если онъ обвиняемый, и на виру за него) въ зависимость отъ того, состоитъ ли онъ въ сотнѣ и десяткѣ [2]). Во времена Генриха I это правило формулируется, какъ требованіе, чтобы каждый, кто хочетъ пользоваться правами свободнаго, состоялъ въ сотнѣ и десяткѣ, т. е. въ свободной порукѣ [3]); по этимъ же узаконеніямъ (1114—1118 гг.) одна изъ главныхъ обязанностей сотенныхъ собраній—провѣрка состава десятковъ [4]). Кромѣ общей поруки другъ за друга въ смыслѣ отвѣтственнаго надзора, на десяткахъ лежатъ и другія обязанности, напр., гоненіе слѣда.

Но какое общее значеніе можетъ имѣть это искусственное и установленное властью англійскихъ королей развитіе полицейскаго порядка? Что можетъ оно дать изученію русскихъ древностей? Дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, имѣются намеки на иную и болѣе древнюю основу, на которую это развитіе опиралось, а, во-вторыхъ, на западно-русской почвѣ сотенная организація въ позднѣйшее время приняла формы, во многомъ сходныя съ тѣми, какія придало англійскимъ сотнямъ законодательство о порукѣ. Помянутые намеки указываютъ на существованіе въ Англіи десятковъ ранѣе, чѣмъ развилось это законодательство,

---

[1]) Лишь позднѣе и только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Англіи они стали территорьяльными единицами (ср. *Pollock and Maitland*, History of English law, I², стр. 568).

[2]) *Stubbs*, Histoire constitutionelle de l'Angleterre, trad. par Petit—Dutaillis, I, p. 108—109; ср. *Pollock and Maitland*, Hist. of English law, I, стр. 568.—Liebermann, Gesetze der Angelsachsen, I стр. 151—153, п. 2; стр. 203, п. 6; стр. 211, п. 3; стр. 323, п. 20 и 20a.

[3]) *Liebermann*, I, стр. 554: „ut a duodecimo etatis sue anno et in hundreto sit et decima, vel plegio liberali quisquis were vel wite vel jure liberi dignus curat estimari".

[4]) Сотенныя собранія должны собираться дважды въ годъ „speciali plenitudine" — „ad dinoscendum... si decanie plene sint, vel qui, quomodo, qua ratione recesserint, vel supercreverint". Десятки состоятъ подъ начальствомъ десятскихъ: „presit autem singulis hominum novenis decimus", какъ во главѣ всей сотни „unus de melioribus", именуемый aldermannus.

и притомъ они стоятъ въ связи съ системой повинностей: повидимому, эта организація служила для ихъ взысканія [1]).

Многими вѣками позднѣе и на противоположномъ концѣ Европы наблюдаемъ такіе порядки [2]): въ селахъ галицкой земли

---

[1]) Ср. полныя колебаній разсужденія *Стеббса* (I, § 41, стр. 106—107 фр. над.); онъ предполагаетъ связь десятковъ—съ церковной десятиной. Текстъ Беды о дарованіи королемъ Осви (Baeda, III, 24, изд. Holder'a) монастырю 12 участковъ земли (donatis XII possessiunculis terrarum), изъ которыхъ каждый—во владѣніи X семей (singulae vero possessiones X erant familiarum), съ освобожденіемъ отъ военной повинности, побудилъ Зибома признать эти десятки—группами несвободныхъ или полусвободныхъ держальцевъ. Возражая противъ признанія этихъ семей сервами, ввиду воинской повинности, Мэтландъ указываетъ, что за освобожденіе отъ воинской повинности, эти семьи обложены тягломъ въ пользу монастыря (*Maitland*, Domesday book und beyond, стр. 361 и 512). *Стеббсъ* указываетъ на „финансовое" значеніе десятковъ (стр. 106).

[2]) *Линниченко*, Черты изъ исторіи сословій въ Юго-западной (Галицкой) Руси XIV—XV вв.—стр. 113—114. Организація служебныхъ людей въ десятки встрѣчается и въ старой Польшѣ, въ извѣстіяхъ XII—XIII вв. Историки относятъ ее къ древнѣйшимъ временамъ польскаго строя, причемъ видятъ въ ней организацію несвободной челяди. Такъ *Пѣкосиньскій* („O powstaniu społeczeństwa polskiego w wiekach średnich" и „Ludność wieśniacza w Polsce w dobie piastowskiej") объясняетъ ее поселеніемъ военноплѣнныхъ селами по десяткамъ, подъ вѣдѣніемъ сотскаго; десятки эти—служатъ городу княжому, и вся ихъ организація связана съ „городовымъ" строемъ. Извѣстія о нихъ находимъ въ грамотахъ XII—XIII вв., дающихъ земли съ десятками церковнымъ учрежденіямъ, съ повинностями (строжа, станъ, наразъ, повозъ)—*не лежавшими на холопахъ*. Однако, и *О. Бальцеръ* (обзоръ его университетскаго курса въ „Отчетахъ" Краковской Академіи за 1905 г.) полагаетъ, что decimi—невольники, поселенные по системѣ десятковъ. А, между тѣмъ, результаты анализа извѣстій о decimi и сотняхъ сильно страдаютъ отъ недостаточнаго различенія рабскаго элемента, съ одной, и несвободнаго населенія—крѣпостного (ascriptitii)—съ другой стороны, различенія, имѣющаго огромное значеніе для вопроса о происхожденіи сотенной организаціи. Ср. *K. Potkańskiego*, Opactwo na Łęczyckim grodzie (Rozprawy, t. 43): „организаціи десятинной подлежало несвободное населеніе разныхъ категорій... прежде всего, невольники въ собственномъ смыслѣ слова, а кромѣ нихъ населеніе, непосредственно связанное съ городовой организаціей, и также ascripticii" (стр. 157); *Ст. Закжевскій* (Studya nad bullą z roku 1136, тамъ же) говоритъ о составѣ сотни: „setka niewolników *lub* poddanych", какъ бы это различіе не было принципіальнымъ, и т. п. Причина отчасти въ томъ, что слишкомъ часто слово servus передается—невольникъ, несмотря на то, что встрѣчается же въ документахъ для обозначенія шляхтича: nobilis servus! Только разрывъ съ традиціей, связавшей въ польской исто-

крестьяне, сидѣвшіе на русскомъ правѣ, пользовались лишь ограниченнымъ правомъ выхода: не имѣетъ его крестьянинъ, состоящій въ числѣ, in numero; въ случаѣ спора о такомъ правѣ, въ село посылался приставъ, чтобы «доличиться» и если окажется, что десятокъ, изъ котораго выходитъ крестьянинъ, и безъ него полонъ, то онъ получаетъ право выхода, если же онъ in numero, то нѣтъ. Рѣчь идетъ о селахъ, состоящихъ во владѣніи частныхъ лицъ—шляхты. Но нельзя не согласиться съ И. А. Линниченкомъ, что организація эта связана съ сотеннымъ строемъ сотныхъ людей; владѣльческіе крестьяне живутъ тутъ еще по старымъ своимъ порядкамъ.

Аналогія столь своеобразна, что объяснить ее можно только происхожденіемъ этихъ усложненныхъ, примѣнительно къ новымъ условіямъ, формъ изъ переработки учрежденій болѣе древнихъ, въ основѣ тождественныхъ.

Всѣ собранныя на предыдущихъ страницахъ наблюденія приводятъ къ слѣдующему общему выводу. Нѣтъ основанія говорить о тысячно-сотенной организаціи, какъ о древнѣйшей формѣ военнаго строя. Въ сотняхъ (съ ихъ подраздѣленіемъ на десятки, гдѣ оно существовало) видимъ—судебно-административныя учрежденія, основную ячейку того, что можно назвать древнѣйшей государственной организаціей. Она не обнимала массы сельскаго населенія, а типична въ Новгородѣ, какъ, конечно, и въ Кіевѣ—для городского строя. Притомъ въ древней Руси не замѣтно слѣдовъ того порядка, какой замѣчается въ юго-западной Руси позднѣе: даже въ новгородской землѣ, гдѣ больше, чѣмъ гдѣ-либо, развилось господство города надъ областью, повинности и вообще зависимость смердовъ не стоятъ ни въ какой связи съ сотенной организаціей.

То опредѣленіе характера новгородскихъ сотенъ, какое пытаюсь установить, быть можетъ, противорѣчитъ представленію о властной новгородской общинѣ: на сотняхъ лежитъ печать организаціи, прежде всего, отвѣтственности и повинностей. Впечатлѣ-

---

рической литературѣ представленіе о сотенной организаціи съ представленіемъ о неволѣ — откроетъ путь къ ея объясненію. Позднѣйшій серважъ такъ наз. decimi—не долженъ вліять на рѣшеніе вопроса о происхожденіи ихъ организаціи. Ср. еще *St. Zakrzewskiego*, Nadania na rzecz Chrystyana, biskupa pruskiego (Rozprawy, t. 42). и *Фр. Буяка* (указ. соч.).

ніе это связано съ другимъ вопросомъ, болѣе существеннымъ: какъ объяснить то обстоятельство, что сотни въ Новгородѣ стали городскимъ учрежденіемъ?

Отвергая происхожденіе сотенъ изъ мнимой общеславянской тысячно-сотенной организаціи и не имѣя даже повода искать ихъ колонизаціонную основу, не могу видѣть въ нихъ учрежденіе, выросшее на Руси въ условіяхъ племенного быта. Ихъ надо признать явленіемъ, возникшимъ въ связи съ развитіемъ городского строя и преобладанія городовъ надъ землями-волостями. Нѣкоторыя черты изъ области древностей новгородскихъ могутъ послужить для освѣщенія этого вопроса. Новгородъ былъ общиной сложнаго состава. И. Е. Забѣлинъ [1]) древнѣйшимъ поселеніемъ называетъ Славно, возвышенную мѣстность на правомъ берегу Волхова, а на другомъ холмѣ, на томъ же берегу, Городище. На нихъ лежитъ печать княжого и дружиннаго центра, и Забѣлинъ находитъ, что «зародышъ Новгорода не могъ быть родовымъ—онъ былъ дружинный». Далѣе, основная часть Новгорода—4 конца: Славенскій и Плотницкій, Людинъ и Неревскій. Загородье долго оставалось внѣ городской организаціи, какъ, вѣроятно, и другія пригородныя поселенія. Возстановить постепенное наростаніе Новгорода и его внутренней организаціи—дѣло невозможное. Но вспомнимъ, что еще въ XIV в. концы стоятъ рядомъ, какъ особыя единицы, часто различныя по своимъ тенденціямъ. Лѣтописи сохранили намъ цѣнный разсказъ о кончанской усобицѣ въ 80-хъ гг. XIV в., гдѣ всѣ концы съ тысяцкимъ во главѣ стоятъ противъ Славенскаго [2]). Едва ли такая группировка случайна. Сла-

---

[1]) См. страницы, посвященныя Новгороду, въ II т. „Исторіи Русской жизни". Ср. *И. Красова.* О мѣстоположеніи древняго Новгорода (Новгородъ, 1851 г.).

[2]) Дѣло вышло изъ за литовскаго князя Патрикія Наримунтовича. За него стоялъ Славенскій конецъ, собиравшійся вѣчемъ на Ярославлѣ дворѣ; а три лѣвобережныхъ конца и съ ними тысяцкій Іосифъ съ Плотницкимъ концомъ—противъ. „И бысть на Черкисовѣ недѣли въ четвертокъ ударища Славеньскій конець на тысяцкого ни Есифовъ дворъ съ вѣча со Ярославля двора, и Плотничане тысяцкого Есифа не выдаша и биша грабежниковъ и полупиша... И бысть на мясопустной недѣли во вторникъ, февраля 9, доспѣша три конци Неревьскій, Загородскій, Людинъ, на Славеньскій конець и стояша у святѣй Софьи на вѣчи, всякій въ оружіи аки на рать, отъ обѣда и до вечерніи, и Плотницкой конець, съслався послы съ треми конци, на Славлянъ хотѣша ити, а заутра въ среду не потягнуша Плотничане на Славлянъ съ треми конци, и три конци

венскій конецъ—княжой и боярскій, центръ того элемента, противовѣсомъ которому служила купеческая организація съ тысяцкимъ во главѣ. И уставы князя Всеволода Мстиславича даютъ любопытныя указанія. Освобождая «домъ святѣй Софѣи и святого Ивана» отъ власти намѣстниковъ и бояръ княжихъ, предоставляя «домъ святѣй Софѣи владыкамъ строить съ сотчкыми, а старостамъ и торговцамъ, докладывая владыкы и кто будеть нашего рода князей въ Новѣгородѣ, строити домъ святого Ивана», уставъ «о церковныхъ судѣхъ и о людехъ и мирилѣхъ торговыхъ», за которымъ послѣдовало созданіе особой купеческой организаціи подъ руководствомъ тысяцкаго, кладетъ основаніе политическому освобожденію тѣхъ элементовъ, которые входили въ составъ сотенъ и торговыхъ рядовъ, ставшему исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго развитія ихъ силы и значенія въ новгородской жизни.

Выше сотни новгородскія названы неоднократно — городскимъ учрежденіемъ. Точнѣе было бы сказать, что это учрежденіе посадское, по московской терминологіи. Сотни новгородскія—организація торгово-промышленныхъ, демократическихъ элементовъ Новгорода подъ властью княжеско-боярской силы. Такимъ представляется мнѣ ихъ основное и первоначальное значеніе [1]). По существу, это все та же форма организаціи власти княжого города надъ стянутымъ къ нему населеніемъ, какъ въ польскихъ градахъ и западно-русскихъ замкахъ съ ихъ пригородными сотными людьми. Глубокое соціально-политическое различіе судебъ обнятаго этими формами населенія, не должно скрывать основного тождества самихъ формъ.

4. Городъ и волости-земли.

Общее представленіе о сотняхъ, какое вытекаетъ изъ предыдущихъ замѣтокъ о нихъ, вызываетъ сомнѣніе, чтобы тотъ городской строй, въ которомъ не можемъ не отвести значительнаго

списаша грамоты во одина слова обѣтныи. И Славляне собѣ доспѣвъ стояща со княземъ на вѣчи на Ярославли дворѣ... и въ четвертокъ Славляне отъ своей сторонѣ мостъ великій переметаша промежи двѣмя городнями. И по усобной той рати поидоша вся пять концовъ въ одиначество... и грамоту списаша съ княземъ и запечаташа на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ". П. С. Р. Л., т. IV, стр. 90—91, подъ 1384 г. Ср. краткое извѣстіе Новг. I, стр. 371.

[1]) Этимъ можно объяснить и отмѣченное *Никитскимъ* постепенное паденіе значенія сотенъ и сотскихъ въ эпоху развитія новгородской вольности.

мѣста сотнямъ, былъ на ранней зарѣ русской исторической жизни—строемъ самоуправляющейся народной общины. Сомнѣніе это не разсѣивается тѣмъ, что на Западѣ сотенныя общины были бытовой опорой именно народнаго самоуправленія. Тамъ онѣ выросли изъ оккупаціи территорій народомъ-завоевателемъ или отдѣльными организованными его отдѣлами, и по разселеніи—являются составными частями земель, носительницъ политическаго быта. Эти земли, а не сотни, носительницы народнаго самоуправленія. Сотни и въ этомъ строѣ—лишь подчиненныя единицы, средства организаціи судебно-полицейскаго, административнаго порядка, а не самодовлѣющія единицы. Элементы мѣстнаго самоуправленія въ ихъ дѣятельности играютъ лишь второстепенную роль. Этотъ служебный характеръ сотенныхъ учрежденій не самъ по себѣ вызываетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы древнѣйшая исторія наша знала самоуправляющуюся городскую общину, а въ связи съ отсутствіемъ для той поры указаній на дѣятельность вѣча. Ученыя мнѣнія, приведенныя въ первомъ параграфѣ этой главы, не разрѣшаютъ послѣдняго вопроса въ положительномъ смыслѣ. Правда, В. И. Сергѣевичъ ставитъ такое утвержденіе. Но его собственная теорія происхожденія городовъ и подчиненія ими волостей заставила бы признать древнѣйшія вѣча собраніями предпріимчивыхъ основателей городовъ, группъ смѣшаннаго состава, въ представленіе о которыхъ крайне трудно вложить какое-либо отчетливое содержаніе. Важнѣе—отсутствіе всякихъ указаній на вѣчевую дѣятельность до XI вѣка. В. О. Ключевскій замѣняетъ ихъ гипотезой власти олигархіи торгово-промышленной аристократіи, М. Ф. Владимирскій-Будановъ значеніемъ старѣйшинъ, лучшихъ людей, видя въ ихъ выступленіяхъ переходъ отъ племенныхъ собраній къ вѣчевымъ, въ собственномъ смыслѣ слова. Но и эти представленія мало удовлетворяютъ. Самое существованіе торгово-промышленной аристократіи въ доисторическія времена надо признать, по меньшей мѣрѣ, недоказаннымъ, а своеобразное представительство лучшихъ людей, собранныхъ въ главномъ городѣ—гипотеза, созданная чтобы получить генетическую цѣпь между племенными собраніями и городскими вѣчами, страдаетъ значительной неопредѣленностью: предполагаемые ею «лучшіе люди» не то богатствомъ, не то знатностью, не то властью опредѣлены, причемъ едва ли возможно эту гипотезу разработать, объяснивъ на какомъ бытовомъ фундаментѣ, на какомъ строѣ жизни населенія такое представительство опиралось. Во всякомъ

случаѣ, воззрѣнія Ключевскаго и Буданова не даютъ утвердительнаго отвѣта на вопросъ о глубокой древности вѣчевого строя, а пробуютъ только опредѣлить тѣ общественныя силы, съ которыми приходилось считаться княжеской власти съ древнѣйшихъ временъ.

Думаю, что вопросъ этотъ слѣдуетъ и поставить, и освѣтить нѣсколько иначе. Отсутствіе указаній на вѣчевую дѣятельность въ древнѣйшія времена стоитъ рядомъ съ преданіями, въ которыхъ ярко выступаетъ организующая и завоевательная дѣятельность князей. Чтеніе древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ безъ всякой предвзятой мысли, не даетъ представленія о томъ, что князья-пришельцы нашли готовый и сложный строй городскихъ областей и народныхъ войскъ, а побуждаетъ признать, что они создавали условія своей дѣятельности на болѣе примитивной почвѣ.

Выше уже приходилось касаться лѣтописныхъ разсказовъ о военныхъ дѣйствіяхъ древне-русскихъ князей. Нельзя не признать, что въ нихъ дружина въ техническомъ смыслѣ слова не играетъ роли главной военной силы князя. Княжая дружина—выступаетъ лишь небольшимъ ядромъ въ составѣ боевыхъ силъ. Для болѣе значительныхъ предпріятій князья набираютъ воевъ. А съ одной дружиной—и притомъ со всей дружиной—князья не въ походы ходятъ, а въ полюдье, по дань. Святославъ спѣшитъ изъ Болгаріи, при вѣсти о печенѣжскомъ нападеніи, къ Кіеву, на помощь вборзѣ, съ дружиною своею, но бьется съ Печенѣгами, собравъ вои. [1]). И даже въ исторіи похода на Византію 1043 г. видимъ, что когда буря разбила русскіе корабли, дружина умѣстилась, повидимому, на одномъ суднѣ, а «вои многи» должны возвращаться берегомъ. [2]). Притомъ эти вои—не готовое войско, а организуемое княземъ, и состоитъ оно подъ его властью, подъ начальствомъ его воеводы. [3]). Этотъ воевода X—XI вв., историческій предшественникъ тысяцкого, княжь мужъ, стоящій во главѣ ополченія воевъ. Дружина тѣсно связана съ княземъ, и у княжихъ мужей бывала своя дружина. Но воевода

---

[1]) Лавр., стр. 66, подъ 968 г.

[2]) Лавр., стр. 150.

[3]) Ср. выраженія лѣтописи въ разсказѣ о древнѣйшихъ временахъ „собра вои“, князь сыну „вда вои многи“,—съ такими позднѣйшими діалогами: „потягните по мнѣ“, „поидете по мнѣ“, „ать же поидемъ и всяка душа“, „хотя и съ дѣтми“, „можемъ по тобѣ бороти“ и т. п.

упоминается въ походахъ, когда идутъ вои. [1]). Своего воеводы «народное войско» не знаетъ, а получаетъ его отъ князя. Безъ организующей дѣятельности князя и княжого воеводы населеніе не можетъ мобилизовать своихъ силъ: когда въ 1068 г. люди кіевскіе рѣшили биться съ Печенѣгами, они обращаются къ князю: «да вдай, княже, оружья и кони», и получивъ отказъ— поднимаются на воеводу Коснячька.

Ополченіе воевъ, народное войско—въ древней Руси—созданіе княжой организующей силы. Иначе-ли обстоитъ дѣло съ городскимъ строемъ и объединеніемъ подъ властью города — земельволостей? Думаю, что нѣтъ. Высказанныя В. И. Сергѣевичемъ предположенія о возникновеніи городскихъ волостей вѣрно отражаютъ основной характеръ этого явленія. «Не на мирный характеръ первоначальныхъ людскихъ отношеній—читаемъ у него—указываетъ и городовое устройство волости: это система укрѣпленныхъ мѣстъ»; и далѣе: «допустить мирное и согласное участіе всего племени въ сооруженіи городовъ и въ созиданіи первоначальныхъ волостей очень трудно»; «скрытый отъ глазъ историка процессъ возникновенія первоначальныхъ волостей совершался, надо думать, медленно, но не мирно, а съ оружіемъ въ рукахъ», «центръ волости городъ, къ нему тянетъ земля, огражденная пригородами; сила, создавшая такую волость, должна была выдти изъ города». [2]).

Не думаю, только, чтобы было основаніе считать процессъ возникновенія древне-русскихъ городскихъ областей завершившимся въ доисторическія, «доваряжскія» времена. Если древнѣйшія преданія лѣтописи уже знаютъ города, то знаютъ они и рядъ племенъ, постепенно «примученныхъ» князьями и постепенно втянутыхъ въ городской строй. Не вижу основаній искать носителей организующихъ городской строй силъ внѣ князей, внѣ

---

[1]) Напр.: „Посла Ярославъ сына... и вда ему вои многы, а воеводьство поручи Вышатѣ“—Лавр., стр. 150. О воеводѣ ср. „Изв. Отд. рус. яз. и сл.“ т. XIII, кн. 1-я, стр. 163: „наши тексты представляютъ древнерусскаго воеводу опредѣленнымъ должностнымъ лицомъ, причемъ при каждомъ князѣ мы видимъ одновременно лишь одного воеводу; объ этомъ лицѣ имѣлъ какія-то свѣдѣнія Ибнъ-Фадланъ, когда писалъ, что у русскаго князя „есть намѣстникъ, который предводительствуетъ войсками, нападаетъ на враговъ и заступаетъ его мѣсто у подданныхъ (или: въ управленіи)“, *Гаркави*, Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ, стр. 101—102“.

[2]) „Р. Юр. Др.“, I², стр. 11—12.

варяжскихъ вождей. [1]). Но самъ по себѣ это вопросъ второстепенный. Важнѣе было бы дополнить представленіе о томъ, что сила, создавшая городскія волости, вышла изъ городовъ—выводомъ, что эта сила, создавшая городской строй въ той формѣ, которая стала исходнымъ пунктомъ историческаго развитія восточнаго славянства, есть сила княжая.

Указаніе на это вижу въ характерѣ сотенной организаціи, которую надо признать весьма древнимъ элементомъ городского строя, хотя бы ввиду указаній на сотскихъ въ лѣтописномъ разсказѣ о пирахъ Владимира. Это судебно-административная организація частей того городского или посадскаго цѣлаго, для котораго нельзя установить—въ древнѣйшую пору—опредѣленія, какъ свободной вѣчевой общины. И объясненіе ея возникновенія нахожу въ тѣхъ же чертахъ княжой дѣятельности, какія указаны въ лѣтописныхъ преданіяхъ о военныхъ событіяхъ той эпохи. Военные вожди, окруженные незначительной по количеству дружиной, организуютъ въ Новгородѣ, затѣмъ и Кіевѣ [2]) населеніе пригородныхъ поселеній - посадовъ въ сотни, закладывая

[1]) „Придоста два варяга и нарекостася княземъ“—Новг. I, стр. 4—явленіе, которое, навѣрное, можно назвать и „дорюриковымъ“.

[2]) *А. А. Шахматовъ* („Сказаніе о призваніи Варяговъ“, Изв. Отд. Рус. яз. и сл., т. IX, кн. 4) ставитъ вопросъ нѣсколько иначе, объясняя различіе въ судьбахъ имени Русь на сѣверѣ и югѣ—различіемъ ролей, въ какихъ тамъ и тутъ выступаютъ Варяги. На сѣверѣ пришельцы нашли нетронутое господство племенного быта, роль ихъ свелась къ собиранію дани, и они остаются „на поверхности чуждаго имъ племенного быта“. На югѣ Варяги „появляются не въ качествѣ данщиковъ и насильниковъ, а въ качествѣ дружинниковъ и торговцевъ, захватывающихъ въ свои руки власть“, найдя тутъ „племенной бытъ Полянъ и Сѣверянъ, значительно пошатнувшійся благодаря общимъ условіямъ жизни Южной Россіи“. Но и А. А. Шахматовъ видитъ въ Варягахъ—силу, создавшую строй городскихъ областей - земель: „на югѣ появленіе Варяговъ въ городахъ мѣняетъ весь строй жизни этихъ городовъ и тянувшихъ къ нимъ волостей: города возвышаются до значенія политическихъ центровъ, въ нихъ скапливаются значительныя военныя силы“. Построеніе А. А. Шахматова, по существу, не противорѣчитъ моему, такъ какъ образованіе княжеско-дружиннаго ядра, организующаго заново политическій строй городскихъ областей на югѣ, чтобы *затѣмъ* захватить и сѣверъ въ сферу своей дѣятельности, А. А. Шахматовъ относитъ ко времени до моментовъ, отмѣченныхъ первыми сказаніями лѣтописи о событіяхъ новгородскихъ. Но я, не рѣшаясь итти въ такую глубь временъ, принимаю за первый моментъ, подлежащій историческому освѣщенію, организацію въ Новгородѣ княжой силы, ставшей опорой и для дѣятельности князей на югѣ.

тѣмъ самымъ основаніе городского строя, новой формы быта, стоящей въ такой же противоположности формамъ племеннаго народнаго быта, какъ городъ—волости, землѣ. Они, по всей вѣроятности, пользовались этой организаціей и для созданія военныхъ ополченій, хотя такую связь сотенной организаціи съ военнымъ дѣломъ нельзя ставить во главу угла, считая сами сотни дѣленіемъ военнымъ.

Говоря такъ, не имѣю ввиду настаивать, что стоявшіе во главѣ сотенъ — сотскіе, старосты—были непремѣнно княжими людьми, а не выборными, хотя такое положеніе было бы легче защищать, держась текстовъ буквально, чѣмъ противоположное. Считаю даже нелишнимъ указать на возможность различія между сотскими, съ одной, и старостами, старѣйшинами, съ другой стороны. Сотскіе стоятъ во главѣ сотенъ, а сохраненныя Ярославлимъ уставомъ о мостѣхъ названія сотенъ по личнымъ именамъ—говорятъ, скорѣе, объ организаціи ихъ подъ завѣдываніемъ постоянныхъ вождей, если это, какъ думалъ Карамзинъ, названіе по именамъ старѣйшинъ. Старосты въ извѣстіи изъ временъ Ярослава—имѣютъ, повидимому, отношеніе къ смердамъ, а не къ сотнямъ и едва-ли можно ихъ себѣ представлять выборными отъ смердовъ. Старѣйшины, терминъ болѣе широкій, чѣмъ сотскіе, и «старѣйшины по градамъ», упоминаемые рядомъ съ посадниками, могутъ быть и чѣмъ-либо особымъ и отъ сотскихъ и отъ старостъ. На чемъ только необходимо настаивать, ввиду характера текстовъ, гдѣ встрѣчаемъ эти термины, такъ это на томъ, что рѣчь идетъ объ оффиціальныхъ лицахъ, должностныхъ, каково бы ни было происхожденіе ихъ положенія. Выборные или нѣтъ—они орудія княжого управленія, а не представители мѣстнаго общества. Наконецъ, неустранима и возможность сосуществованія княжихъ и выборныхъ старѣйшинъ въ одной и той же организаціи для разныхъ функцій. [1]) Недостатокъ дан-

[1]) Какъ, напр., въ Англіи, въ эпоху развитія законодательства о сотняхъ, какъ судебно-полицейскихъ учрежденіяхъ, рядомъ съ королевскимъ gerefa (praepositus) стоитъ aldermannus hundredi, выбираемый сотней; „unus de melioribus“ называютъ его законы Генриха. Онъ предсѣдательствуетъ на не-судебныхъ собраніяхъ сотенъ, вѣдавшихъ повидимому, общественныя дѣла и повинности. Тексты такія собранія сотни иногда называютъ hundred въ отличіе отъ судебныхъ—placita. (*Ритшель*, указ. соч.). Ср. въ „Польской Правдѣ XIII в.“ (Эльбингская рукопись) ст. IV, гдѣ въ селѣ упоминаются рядомъ: „ein staroste, das ist der edilste [читаютъ: eldiste] in dem dorfe“ и „vloder, das ist der scheffer“.

*

ныхъ уничтожаетъ пути къ какому-нибудь детальному развитію представленій объ этихъ явленіяхъ.

Работая надъ созданіемъ и военныхъ силъ и городского управленія, князья организовали мѣстное населеніе, безъ котораго обойтись не могли и съ которымъ позднѣе пришлось считаться какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Кіевѣ. Мнѣніе о первоначальномъ положеніи князя въ древне-русской городской области, противоположеное изложенному, покоится, прежде всего, на раннихъ проявленіяхъ народной самостоятельности. Первымъ выступаютъ Новгородцы. Когда Святославъ, собираясь въ Болгарію, посадилъ въ Кіевѣ Ярополка, а Олега въ древлянской волости, «придоша людье Ноугородьстіи просяще князя собѣ: аще не поидете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ; и рече къ нимъ Святославъ: абы пошелъ кто къ вамъ». Ярополкъ и Олегъ отказались, а Новгородцы, по наущенію Добрыни, сказали Святославу: «въдай ны Володимера»; онъ же рече имъ: «вото вы есть» [1]). Если принять это преданіе за отраженіе дѣйствительныхъ отношеній, то надо признать и существованіе въ Новгородѣ какихъ-то силъ и, притомъ, организованныхъ, ведущихъ мѣстную политику. На вопросъ, какія это могли быть силы у насъ нѣтъ отвѣта внѣ разсказа о событіяхъ 1015 и слѣд. годовъ. Въ немъ, какъ мы видѣли, во главѣ Новгородцевъ стоятъ «вои славны тысяща», нарочитые люди, старѣйшины городскіе. Съ ними и происходитъ столкновеніе Ярослава, вынуждающее его вступить въ переговоры съ Новгородцами. Это былъ рядъ крупныхъ событій въ жизни Новгорода, къ которымъ слѣдуетъ присмотрѣться поближе. Вспомнимъ, что новгородскій сѣверъ былъ главной опорой Владимира: по «верховьніи вои» идетъ онъ во время «рати безъ перестани» противъ Печенѣговъ, отсюда нарубаетъ онъ мужи лучшіе, чтобы ими населить города, построенные для обороны границы отъ кочевниковъ. Въ Новгородѣ правятъ при немъ его дядя Добрыня, потомъ сыновья Вышеславъ, Ярославъ. Тутъ былъ, повидимому, одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ матерьяльнаго обезпеченія княжой варяжской дружины, наемныхъ заморскихъ варяговъ [2]): съ Новгорода идетъ дань «мира дѣля», Новгородъ платитъ $^2/_3$ собранной дани въ

---

[1]) Лавр., стр. 68, подъ 970 г.

[2]) Про времена Владимировы читаемъ: „Ярославу же сущю Новѣгородѣ и урокомь дающе Кыеву двѣ тысячѣ гривенъ отъ года до года, а

Кіевъ, а треть «Новѣгородѣ гридемъ раздаваху». Готовясь къ борьбѣ съ отцомъ, Ярославъ усилилъ свои отряды («посла за море, приведе Варягы») и эти Варяги, которыхъ онъ «кормилъ» въ Новгородѣ, вызвали своими насиліями возстаніе мѣстныхъ воевъ и населенія. Месть Ярослава, избившаго измѣной «славныхъ воевъ», мужей нарочитыхъ, не помѣшала ему помириться съ Новгородцами. И Новгородцы не только рѣшили «бороти» по немъ, но и ведутъ эту борьбу съ необычайнымъ рвеніемъ. Доставивши первымъ походомъ побѣду Ярославу, они, когда князю пришлось самъ-пятъ бѣжать въ Новгородъ, силой не пускаютъ его за море къ Варягамъ, а даютъ ему опору въ себѣ: «Ярославу же прибѣгшю Новугороду и хотяше бѣжати за море, и посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрынь, съ Новгородьци расѣкоша лодьѣ Ярославлѣ, рекуще: хочемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомь». И обложивъ себя большимъ сборомъ: «отъ мужа по 4 куны, а отъ старостъ по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ», привели Варяговъ на эти деньги: и много воевъ собралъ Ярославъ. Послѣ второй и окончательной побѣды— Ярославъ много серебра роздалъ воямъ, какъ выше уже приведено. Съ этимъ разсказомъ связано въ Новгородской лѣтописи извѣстіе, что Ярославъ отпустилъ Новгородцевъ домой «давъ имъ правду, и уставъ списавъ, тако рекши имъ: по сей грамотѣ

тысячю Новѣгородѣ гридемъ раздаваху". Не умѣя объяснить различіе въ числахъ, полагаю, однако, что это та же дань „мира дѣля", которую Олегъ „устави Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля". Быть можетъ, тутъ гривна — вѣсовой слитокъ, а тамъ — монета? Соотношенія все-таки не получится. Объ этой дани естественно предположить, что это таже дань, которая встрѣчается подъ названіемъ tributum pacis у другихъ славянскихъ народовъ. Ср. *А. Н. Ясинскаго*, Паденіе земскаго строя въ Чехіи (стр. 69 и 181), его-же, Очерки и изслѣдованія по соціальной и экономической исторіи Чехіи, I, стр. 275 — 281, ср. *К. Я. Грота*, въ Сб. отд. р. яз. и сл., т. 64-й. По Ясинскому (см. вторую по работу) дань эта платилась въ Чехіи поселенцами княжой земли, находившимся подъ особой охраной княжого мира. Это для XI—XII вв. Происхожденіе этой дани могло быть въ платѣ на содержаніе княжой дружины. Если предположеніе о принципіальномъ тождествѣ нашей древней дани „мира дѣля" и tributum pacis признать вѣроятнымъ, то въ этомъ было бы новое подтвержденіе моего представленія о сотяхъ: дань „мира дѣля" платитъ Новгородъ и она отличается отъ даней Словѣнъ, Кривичей и Мери, объ установленіи которой говорится въ томъ же текстѣ—Лавр., стр. 23, подъ 882 г.

ходите, якоже списахъ вамъ, такоже держите»; за такими словами идетъ текстъ «Правды Русской».

Въ этомъ разсказѣ передъ нами несомнѣнное выступленіе Новгорода, какъ самостоятельной политической силы, «вѣчевого» Новгорода. И что-же? Во главѣ дѣйствующихъ въ немъ Новгородцевъ стоитъ посадникъ, княжой мужъ, вѣроятно—сынъ знаменитаго Добрыни, двоюродный братъ Владимира. Въ той же роли вижу въ этомъ разсказѣ старостъ и сотскихъ новгородскихъ; наконецъ, упомянутыхъ въ сборѣ «скота» бояръ—нѣтъ основанія считать «земскими»: они, вѣдь, дѣйствуютъ вмѣстѣ съ посадникомъ [1]), такъ что ихъ «земская» роль не доказываетъ, что это не княжіе мужи.

Все движеніе было направлено противъ Варяговъ и носитъ характеръ реакціи мѣстныхъ вліятельныхъ силъ съ посадникомъ во главѣ противъ преобладанія пришлыхъ элементовъ. Но чѣмъ объяснить то рвеніе, съ какимъ Новгородцы борятся противъ Святополка за доставленіе Ярославу власти на Руси? На это новгородская традиція отвѣчаетъ тѣмъ, что связываетъ съ именемъ Ярослава позднѣйшія вольности: когда князя Новгородцы принимали «на всей волѣ своей», то онъ цѣловалъ имъ крестъ «на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ» [2]). Подъ этой традиціей должна быть историческая основа—и нѣкоторые блѣдные слѣды ея можно указать. Прежде всего, со временъ Ярослава исчезаетъ дань, платимая въ Кіевъ, исчезаетъ дань Варягамъ мира дѣля [3]); не слышимъ болѣе и о «кормленіи» Варягъ многихъ въ Новгородѣ. Дань князю съ этихъ поръ идетъ только со смердовъ новгородскихъ. И это больше, чѣмъ «финансовая льгота»: это крупный шагъ къ измѣненію политическаго положенія Новгородцевъ. Въ этой «финансовой льготѣ» С. М. Соловьевъ видѣлъ главное со-

---

[1]) Вопроса о „земскихъ“ боярахъ вообще не касаюсь, не находя въ источникахъ никакого намека на ихъ существованіе. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о такихъ же боярахъ, какъ въ уставахъ Всеволода Мстиславича, гдѣ они поминаются рядомъ съ намѣстникомъ, какъ „мои боляре“ князя.

[2]) Новг. I, стр. 230, подъ 1229 г., и 236, подъ 1230 г.

[3]) Въ нашихъ сводахъ при извѣстіи объ установленіи этой дани Олегомъ (или Игоремъ, Новг. I) читаемъ: „яже и нынѣ даютъ“ (древнѣйшій варьянтъ, сохранившійся въ Никон. лѣт.) или: „яже не даютъ“ (Ипат.) и „еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ“ (Лавр.). Послѣдняя датировка едва-ли точная: скорѣе это редакторская замѣна указанія, что дань платилась до Ярослава?

держаніе «грамотъ Ярославлихъ», на которыя позднѣе ссылались Новгородцы. Конечно, «Русская Правда», если даже признать древнѣйшіе ея элементы «судомъ Ярославлимъ»—не похожа на льготную грамоту. Но и въ ней есть черта, которую надо отмѣтить: уравненіе въ вирѣ Словенина съ княжими людьми, гридями и др. [1]). Снова черта политическаго повышенія Новгородцевъ. Этихъ уступокъ было достаточно, чтобы считать Ярослава основателемъ новгородской вольности. А что во главѣ движенія стояли главари княжого правительственнаго строя—показываетъ судьба Константина Добрынича: вскорѣ Ярославъ сослалъ его въ Ростовъ, а на третій годъ велѣлъ убить его въ Муромѣ [2]). Такъ первое выступленіе Новгородцевъ на политической сценѣ не только не противорѣчитъ моему представленію о происхожденіи городского строя древняго Новгорода, но является однимъ изъ его основаній.

Меньше знаемъ мы о Кіевѣ. В. О. Ключевскій [3]) относитъ первое проявленіе тутъ вѣча къ 1015 г. Но тутъ читаемъ только «Святополкъ же сѣде Кыевѣ по отци своемь и съзва Кыяны, и нача даяти имъ имѣнье, они же пріимаху—и не бѣ сердце ихъ съ нимь, яко братья ихъ бѣша съ Борисомь». Стремленіе найти опору въ мѣстномъ населеніи, ввиду предполагаемаго соперничества Бориса, конечно, признакъ, что съ населеніемъ счита-

---

[1]) Ст. 3-я по древнѣйшей редакціи: „Аще ли будеть русинъ или гридѣнь, любо купцѣ, или ябетникъ, или мечьникъ, аще ли изъгой будеть, любо словенинъ, то 40 гривенъ положити зань". Тутъ только Словенинъ не изъ числа людей, по существу стоявшихъ подъ особой княжой защитой, такъ какъ Русина можно толковать, согласно терминологіи договоровъ, какъ общее названіе княжихъ мужей; а, быть можетъ, тутъ это слово означаетъ—человѣка изъ кіевской Руси, какъ Словенинъ—Новгородца? но по разстановкѣ словъ—первое вѣроятнѣе.

[2]) Соф. I (П. С. Р. Л., V, стр. 134), Воскр. (тамъ же, т. VII, стр. 328) подъ 1019 г., Новг. I, стр. 66, въ спискѣ князей: „И потомъ разгнѣвася Ярославъ на Коснятина и заточи и; а сына своего Володимера посади въ Новѣгородѣ; и писа грамоту Ярославъ, рекъ тако: по сей грамотѣ ходите". Тутъ таже связь событій. О Константинѣ Добрыничѣ ср. замѣчанія *М. С. Грушевскаго*, „Ист. Украины", II [2], стр. 27. Позднѣе видимъ во главѣ новгородскаго общества, представителями его интересовъ передъ князьями бояръ, за которыми въ Новгородѣ долго сохраняется характерное для княжихъ мужей названіе—огнищане; напр: „приде князь Ростиславъ ис Кыева на Лукы и позва Новгородьце на порядъ: огнищане, гридь, купьце вячшее", Новг. I, стр. 146, подъ 1166 г.

[3]) Курсъ, I, стр. 229.

лись. Но въ данномъ разсказѣ скорѣе поразитъ пассивность Кіевлянъ: они только колеблятся, потому что братья ихъ въ рядахъ Борисовыхъ воевъ, но какихъ либо собственныхъ тенденцій, которыя вызвали бы ихъ выступленіе, незамѣтно до взрыва 1068 г. Это событіе М. С. Грушевскій называетъ «кіевской революціей». Оно было народнымъ движеніемъ, о которомъ княжіе мужи отозвались презрительно: «видиши, княже, людье възвыли», и послѣ бурнаго порыва, изгнавшаго Изяслава и доставившаго семимѣсячное княженіе Всеславу полоцкому, послѣ бѣгства этого случайнаго князя, дѣло кончилось быстромъ упадкомъ духа [1]), призывомъ къ посредничеству братьевъ Изяслава, суровой расправой княжича Мстислава съ бунтовщиками и полной повинной: «изидоша людье противу съ поклономъ и пріяша князь свой Кыяне» [2]). И долго сохраняетъ кіевское вѣче весьма слабое значеніе. Его выступленій мы не видимъ втеченіе почти всего XI в. Только княженіе Святополка Изяславича вывело народъ изъ терпѣнія, что выразилось въ погромѣ городской администраціи и евреевъ, причемъ въ этомъ разсказѣ характерны жалобы Кіянъ, посылающихъ за Мономахомъ, на Кіянъ, поднявшихся бунтомъ [3]). Это знаменательный моментъ, когда во главѣ вѣча становятся боярскіе элементы общества, придавъ политикѣ Кіевлянъ больше значенія и опредѣленности [4]).

Позднее выступленіе и меньшее развитіе вѣчевой жизни въ Кіевѣ тѣсно связаны съ антагонизмомъ между народной массой и представителями городского управленія, правящимъ слоемъ кіевскимъ. Тутъ развитію вѣчевого строя въ меньшей степени послужила организація, ставшая въ Новгородѣ изъ княжеской—общественной.

---

[1]) „Мы же зло створили есмы—посылаютъ Кіевляне сказать Ярославичамъ, князя своего прогнавше, а се ведеть на ны землю Лядьскую, а поидете въ градъ отца своего; аще ли не хощета, то намъ неволя: аажегши городъ свой и ступити въ Грецскую землю".

[2]) Ипат., стр. 120—122, подъ 1068—1069 гг.

[3]) Ипат., стр. 198, подъ 1113 г. Ср. замѣчанія *М. С. Грушевскаго* о томъ, что призваніе Мономаха было дѣломъ высшихъ, вліятельныхъ слоевъ кіевскаго общества, Іст. Укр., II, стр. 109.

[4]) Ср., напр., роль Улѣба тысяцкого и Ивана Войтишича въ призваніи Изяслава Мстиславича—1146 г., Ипат., стр. 231—232.

Столь же существенныя отличія найдемъ между новгородскимъ сѣвероmъ и кіевскимъ югомъ въ складѣ внутренняго строя городскихъ областей, въ отношеніи между главнымъ городомъ и волостями, составляющими его землю.

Строй городской земли - волости покоится на политическомъ преобладаніи главнаго города надъ пригородами и волостнымъ населеніемъ. В. И. Сергѣевичъ, ведущій изъ городовъ силу, создавшую объединеніе земли - волости, видитъ въ пригородахъ укрѣпленные пункты, поставленные для «береженія» пріобрѣтеній, добытыхъ этой силой. Конечно, наряду съ такими, могли существовать и пригороды, возникшіе изъ городковъ, старшихъ сравнительно съ системой городской области-земли и затѣмъ подчиненные главномъ городомъ [1]). Но отношенія пригорода къ городу—отношеніе подчиненія [2]). Память о томъ, что населеніе пригорода—подчиненное, живетъ долго. Такъ, во время усобицы въ землѣ суздальской по смерти Андрея Боголюбскаго видимъ признаніе властной роли за «Ростовцами». Володимерцы ѣдутъ встрѣчать князя «по повелѣнью Ростовець», бьются не противъ Ростиславичей, «но не хотяще покоритися Ростовцемъ», которые говорили про Владимиръ: «пожьжемъ и, пакы ли посадника въ немь посадимъ; то суть наши холопи каменьници», или: «како намъ любо, такоже створимъ: Володимерь есть пригородъ нашь».

Но кто эти «Ростовци»? Они упоминаются постоянно вмѣстѣ съ боярами, со «старшей дружиной». «Увѣдѣвше же смерть княжю Ростовци и Сужьдалцы, и Переяславци, и вся дружина, отъ мала до велика, съѣхашася къ Володимерю»... Ростовцы и Суздальцы призвали Ростиславичей, Владимирцы стали за Юрьевичей. Мстислава Ростиславича «приведоша Ростовци и боляре», онъ собираетъ и ведетъ на Владимиръ «Ростовци и боляре, гридьбу и пасынки, и всю дружину»; тебя, говорилъ ему Всеволодъ Юрьевичъ, «привели старѣйшая дружина, а поѣди Ростову», тебя «Ростовци привели и боляре». Вмѣстѣ съ Ростовцами поминаются и Суздальцы: «а здѣ городъ старый Ростовъ и Суждаль и вси боляре хотяще свою правду поставити, не хотяху створити

---

[1]) Словене, Кривичи и Меря, изгнавъ Варяговъ „начаша владѣти сами собѣ и городы ставити“, Новг. I, стр. 4. Ср. *В. И. Сергѣевича* Р. Юр. Др., I[2], стр. 7.

[2]) „По происхожденію своему пригородъ есть зависимый и служебный по отношенію къ городу членъ волости“ (тамъ же, стр. 12).

правды Божья», но «како намъ любо», рекоша, «такоже створимъ, Володимерь есть пригородъ нашь». Однако, сами Суздальцы говорятъ Юрьевичамъ: «мы, княже, на полку томь со Мстиславомъ не были, но были съ нимъ боляре». И борьба Владимирцевъ противъ Ростовцевъ—борьба противъ бояръ, призвавшихъ Ростиславичей: «не убояшася князя два имуще въ власти сей, ни боляръ ихъ прѣщенья нивочтоже положиша».

Конечно, и на сторонѣ Всеволода имѣются бояре: но это «что бяше бояръ осталося у него». Сила стараго Ростова—въ его боярствѣ, въ правительственномъ значеніи старшей дружины. Она распоряжается въ междукняжье, она ведетъ Ростовцевъ, она подразумѣвается подъ «Суздальцами», отъ дѣйствій которыхъ отрекаются жители Суздаля, говоря, что то—бояре. Не думаю, чтобы была надобность и настаивать, что рѣчь идетъ не о какихъ-либо особыхъ «земскихъ» боярахъ, но о средѣ бояръ—княжихъ, княжой старшей дружинѣ [1]).

Эти наблюденія существенны, такъ какъ указываютъ на то, что зависимость земли - волости и пригородовъ отъ главнаго города основывалась на правительственной организаціи, созданной княжеской властью. Подобно тому, какъ въ Новгородѣ, и въ землѣ ростовско - суздальской сила, съ которой пришлось бороться Андрею Боголюбскому, сила, отъ которой онъ ушелъ въ свой Владиміръ, это—боярство, главная опора князей, ставшее самодовлѣющимъ политическимъ факторомъ, опираясь на вѣче главнаго города и давъ, тѣмъ самымъ, этому вѣчу значительно большій вѣсъ и силу.

Обратимъ вниманіе на притязанія Ростовцевъ. Была-ли въ ихъ словахъ: поступимъ съ Владиміромъ, какъ хотимъ, это пригородъ нашъ, посадимъ тамъ посадника, они наши холопы-каменьщики—только раздраженная риторика? Или въ сходныхъ словахъ кіевскаго воеводы Новгородцамъ, воямъ Ярослава: «что придосте съ хромьцемь симь, а вы, плотницы суще! а приставимъ вы хоромовъ рубити нашихъ!»? Въ выходкахъ этихъ—вижу отраженіе порядка, который существовалъ при полной зависимости пригорода отъ города, порядка стараго, исконнаго, который дожилъ въ измѣненномъ видѣ до XVI в.: на волостяхъ новгородскихъ лежало городовое дѣло на главный городъ. Еще при Иванѣ III, «егда ставити градъ (въ Новгородѣ), ино веста-

[1]) Лавр., стр. 352—362, подъ гг. 1175—1177.

вляху всею областію Новогородской земли волостьми, елико ихъ есть во всей Новогородской земли и области, и Новгородскіе люди толико, кто пригоже, съ торговыхъ съ рядовъ нарядчики были» [1]). Съ этимъ порядкомъ связано и извѣстіе о томъ, что въ псковской землѣ пригороды дѣлились между концами: «весь Псковъ подѣлиша по два пригорода на вси конци, коемуже концу къ старымъ пригородомъ новыя жеребьемъ дѣлили, а ималъ жеребей князь Василей, князя Ѳедора Юрьевича сынъ, съ престола» [2]).

Конечно, въ столь зависимомъ положеніи могли оставаться только пригороды, не развившіе городского быта своего. Пригородъ, ставшій въ бытовомъ отношеніи городомъ, выростаетъ изъ прежнихъ тѣсныхъ рамокъ своего положенія. Тамъ, гдѣ городская жизнь и дѣятельность не были такъ сильно сосредоточены, какъ въ землѣ новгородской, самое слово пригородъ исчезаетъ: въ XII—XIII вв. говорятъ не о «пригородахъ», но о городахъ кіевскихъ [3]). Въ новгородской землѣ центръ слишкомъ поглощаетъ торговопромышленные интересы всей области, чтобы могло возникнуть значительное развитіе мѣстныхъ городскихъ пунктовъ. Лишь Псковъ выростаетъ до политической самостоятельности, да Ладога, Торжокъ, Порховъ имѣютъ нѣкоторый политическій вѣсъ. Съ пригородами, выросшими въ города, центръ поневолѣ долженъ считаться. Ихъ тяглая—употреблю позднѣйшее слово—зависимость ослабѣваетъ и падаетъ. Они участники вѣчевого самоуправленія земли, то согласные съ главнымъ городомъ, то защищающіе свои интересы, то втянутые въ борьбу партій стольнаго города [4]). Наростающая самостоятельность можетъ дойти до выдѣленія бывшаго приго-

---

[1]) П. С. Р. Л. т. VI, стр. 293, подъ 1534 г. Тутъ рѣчь идетъ не о пригородской, а о волостной повинности—ср. Новг. I, стр. 414, подъ 1430 г. Но сопоставляя это извѣстіе съ отмѣченнымъ представленіемъ о пригородахъ въ рѣчахъ старшей дружины, можно предположить, что освобожденіе пригородовъ отъ нея—явленіе не первоначальное, да едва-ли оно касалось всѣхъ пригородовъ.

[2]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 231, подъ 1468 г. Ср. сильную зависимость пригородовъ отъ Пскова въ порядкѣ управленія: кромѣ назначенія посадниковъ, раздѣленнаго между Псковомъ и княземъ, Псковичи боролись противъ стремленія пригородовъ къ самосуду: „Псковъ упалився испродалъ Опочанъ, а взялъ 100 рублевъ, да дали князю Ярославу, что они повѣсили татя коневого, а безъ Псковского повелѣнія“ (тамъ же, стр. 254).

[3]) *В. И. Сергѣевичъ*, тамъ-же, стр. 34.

[4]) *В. И. Сергѣевичъ*, Р. В. Др. II², глава третья.

рода въ особую волость-княженіе. Нерѣдко видимъ въ древней Руси такія явленія. Но это—крайній результатъ развитія мѣстнаго городского быта. Возможенъ и обыченъ другой: сохраненіе политической зависимости пригородовъ при достиженіи ими внутренней самостоятельности. Это разумѣетъ Владимирецъ-лѣтописецъ, признавая исконнымъ правило: «на чтоже старѣйшіе сдумаютъ, на томъ же пригороди стануть» [1]).

Какого-же происхожденія эта зависимость пригородовъ? Для Кіевщины нѣтъ возможности указать какой-либо историческій моментъ, когда волости кіевскія зависѣли бы отъ города Кіева, отъ кіевскаго вѣча. Состроенная княжой силой, земля кіевская, до конца самостоятельнаго политическаго бытія своего, имѣетъ въ ней опору своей связи, своего единства [2]). И посадниковъ, и князей по городамъ кіевскимъ сажаетъ князь. Въ историческихъ преданіяхъ Кіевщины нѣтъ слѣдовъ, чтобы Кіевъ, какъ городская община, распоряжался судьбою волостей своей земли. Правда, съ развитіемъ вѣчевой жизни Кіева пригороды тянутъ за нимъ въ дѣлахъ политическихъ [3]). Но это политическая связь, которой нѣтъ основанія производить изъ болѣе тѣсной прежней зависимости. Вышгородъ, Бѣлгородъ—города княжіе. Если гдѣ замѣтна рознь настроеній пригорода и города—то пригородъ орудіе князей [4]).

Новгородъ самъ раздаетъ пригороды и села пріѣзжимъ князьямъ [5]), назначаетъ въ нихъ посадниковъ [6]), строитъ и возоб-

---

[1]) Лавр., стр. 358, подъ 1176 г.

[2]) Когда татарскій погромъ смелъ княжеско-дружинный строй въ Кіевщинѣ и Переяславщинѣ „земли по всей вѣроятности распались на отдѣльныя общины“ (*М. С. Грушевскій*).

[3]) Ср. отвѣтъ Бѣлгородцевъ Юрію Долгорукому на требованіе отворить ему городъ: „а Кіевъ ти ся кое отворилъ?“ Ипат. стр. 300, подъ 1151 г.; ср. Ипат., стр. 230, подъ 1146 г.

[4]) Ср. роль Вышегородскихъ боярцевъ въ 1115 г.; связь Вышегорода съ Ольговичами (см. выше, стр. 85).

[5]) Напр.: кормленіе Патрикія Наримантовича (Орѣховъ, Корельскій городокъ, полъ-Копорья и Луское село)—Новг. I, подъ 1383 г.; Лугвеня Ольгердовича—Новг. I, подъ 1407 и 1412 г. Константина Дмитріевича,—Н. I, подъ 1419 г.; Юрію Лугвеновичу въ 1445 г. дали „по волости хлѣбъ, а пригородовъ не дашa“—Н. I, стр. 424. Когда Святославъ Ростиславичъ далъ пригородъ брату, Новгородцы заявили: „не можемъ дву князю держати, а пошли выведи брата Давыда съ Нового Торгу“, Ипат. стр. 349, подъ 1161 г. Ср. договоръ ихъ съ Михаиломъ Ярославичемъ (1307 г.), чтобы не кормить Новгородскимъ хлѣбомъ Ѳедора Михайловича, кото-

новляетъ ихъ укрѣпленія своими нарядчиками [1]). Къ городскимъ властямъ Новгорода перешла тутъ княжая власть, точнѣе осталась въ ихъ рукахъ послѣ политическаго освобожденія Новгорода. Въ Псковской землѣ князь раздѣляетъ съ Псковомъ власть надъ пригородами: до 1467 г. онъ назначаетъ намѣстниковъ въ 7 изъ 12-ти пригородовъ, потомъ достигаетъ возстановленія своей власти и надъ остальными [2]).

Развитіе торгово-промышленной жизни новгородской наложило особую печать на отношеніе Новгорода къ пригородамъ и всей землѣ. Немного поселеній подлинно-городского типа выросло въ новгородской землѣ. Зато больше, чѣмъ гдѣ-либо, поселеній типа, промежуточнаго между городомъ и селомъ, рядовъ и рядковъ, то торговыхъ, то съ преобладаніемъ промысловъ [3]). И всѣ эти поселки, какъ и пригороды, тянули къ Ильменскому центру своими экономическими интересами. Сильная концентрація всего экономическаго оборота земли новгородской, повидимому, втягивала въ жизнь главнаго города все, что выбивалось наверхъ, а, съ другой стороны, вызывала дѣятельное участіе Новгородцевъ въ торгово-промышленной жизни пригородовъ всей земли. По-

---

рому прежде князь великій Андрей и Новгородци дали Псковъ, и тоже о Борисѣ Константиновичѣ, котораго „кормилъ Новгородъ Корелою"—С. Г. Г. и Д., т. I, № 11.

[6]) Пскову (при участіи на вѣчѣ Псковичей)—Н. I, стр. 126, подъ 1132 г.; Новому Торгу—(„и не пріяша его Новоторжци") Н. I, стр. 231, подъ 1229 г.; Ладогѣ—Новг. I, стр. 301, подъ 1260 г.

[1]) Новг. I, стр. 373, подъ 1387 г.; ср. тамъ же, стр. 179, 193, 252, 304, 371.

[2]) Псков. I, стр. 231, подъ 1467 г. (П. С. Р. Л., т. IV). Въ Новгородѣ раздѣляя съ посадникомъ судъ, князь на Волокѣ и въ Торжку держитъ тіуна „на своей части",—С. Г. Г. и Д., I, №№ 1, 2, 3, 6. Но вообще „волости" новгородскія (Волокъ со всѣми волостьми, Тържькъ, Бежицѣ, Городецъ Палицъ, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволочье, Колоперемь, Трѣ, Перемь, Печера, Югра, Вологда—тамъ-же, №№ 1—9)—держитъ новгородскими людьми, безъ права давать волости иначе, какъ будучи въ Новгородѣ, и лишать мужей волости безъ вины; раздача—по соглашенію съ Новгородцами (№ 3), при участіи посадника; случалось, что и сами Новгородци давали волости (№ 1).

[3]) Ср. статью *А. К. Ильинскаго*: Городское населеніе Новгородской области въ XVI в. (Ж. М. Н. Пр., 1876 г., № 8), наглядно раскрывающую основной скелетъ торговыхъ и колонизаціонныхъ путей новгородской земли и формы поселковъ разнаго типа, обусловленныя ходомъ ея экономической жизни.

стоянно встрѣчаемъ упоминанія о купцахъ новгородскихъ въ пригородахъ и волостяхъ, а приведенныя выше постановленія договоровъ о подсудности купеческой въ Новгородѣ—свидѣтельствуютъ о широкомъ развитіи участія Новгородцевъ въ мѣстной жизни, куда ихъ гнали промысловые и торговые интересы. Глубокія бытовыя связи поддерживали единство новгородской области и преобладаніе въ ней главнаго города.

Путемъ-ли перечисленія въ новгородскія купеческія сотни, путемъ-ли пріобрѣтенія вольностей для мѣстныхъ организацій городского типа, но населеніе пригородовъ—вышло изъ той зависимости отъ центра, которая выше была названа тяглой. Дани и повинности въ пользу главнаго города и его князя лежатъ на погостахъ, на волостныхъ людяхъ—смердахъ.

Господствующимъ можно назвать мнѣніе, что слово смерды—означаетъ всю массу сельскаго населенія [1]). Но со временъ Лешкова, полагавшаго, что «смерды были люди князя», живетъ и тенденція считать смердовъ спеціальнымъ разрядомъ населенія, находившимся въ особой зависимости отъ княжой власти въ землѣ-княженіи.

Пересмотримъ лѣтописныя извѣстія о смердахъ. Новгородскихъ смердовъ мы впервые встрѣтили въ составѣ ополченія, съ которымъ Ярославъ пошелъ на Святополка. Не допустивъ бѣгства Ярослава за море, Новгородцы собрали денегъ на наемъ Варяговъ и сами исполчились въ походъ. Послѣ побѣды Ярославъ «почя вои свои дѣлити: старостамъ по 10 гривенъ, а смердамъ по гривнѣ, а Новъгородьчемъ по 10 всѣмъ». Смерды стоятъ внѣ Новгородцевъ, это особый разрядъ населенія, не городской. Повидимому, тутъ смерды составляютъ отряды подъ начальствомъ старостъ [2]). Эти старосты по размѣру полученнаго вознагражденія равны Новгородцамъ, и рѣзко отличаются отъ смердовъ. Вижу въ этомъ указаніе, что старосты не вышли изъ среды смер-

---

[1]) *В. И. Сергѣевичъ*, Р. Юр. Др.—I², стр. 178—189—это значеніе считаетъ техническимъ смысломъ термина, допуская и другое—всѣ, кромѣ князя и духовенства. Тоже *М. Ф. Владимирскій-Будановъ*, Обзоръ, стр. 36—38 (кромѣ духовенства и бояръ), но различаетъ смердовъ свободныхъ и прикрѣпленныхъ.

[2]) Предположеніе это основано только на порядкѣ словъ: старосты—смерды—Новгородци всѣ.

довъ, и если они выборные, то избрали ихъ не смерды, а Новгородцы.

Смерды рѣдко мелькаютъ въ исторіи военныхъ дѣйствій. Если мы и встрѣчаемъ въ разсказѣ Галицко-Волынской лѣтописи о событіяхъ 40-хъ г. XIII в. Курила, печатника князя Данила Романовича, «съ тремя тысящами пѣшець и тремя сты коньникъ», или князя Даніила съ «вои многи и пѣшьцѣ» и признаемъ этихъ пѣшцевъ смердами, видя, что противникъ Даніила, Ростиславъ Михайловичъ, идетъ на него «собравше смерды многы пѣшьцѣ» [1]), то не можемъ опираться на всѣ эти тексты, такъ какъ въ нихъ отражаются послѣдствія разгрома городовъ и избіенія городского населенія Татарами, условія времени, когда «послѣ татарскаго погрома центръ тяжести населенія переносится на низшій классъ, черныхъ людей, который и даетъ побѣду своимъ князьямъ» [2]). Отмѣчу только, что и въ этихъ извѣстіяхъ вои отличаются отъ смердовъ-пѣшцевъ. Другія извѣстія, гдѣ встрѣчаемъ смердовъ въ разсказахъ о военныхъ дѣйствіяхъ, не даютъ основанія вводить ихъ въ составъ основныхъ силъ военныхъ. Видимъ ихъ измѣну Ярославу галицкому, когда Иванъ Берладникъ пришелъ добывать себѣ отчину и осадилъ Ушицу: «вошла бяше засада Ярославля въ городъ, и начаша ся бити крѣпко засадници изъ города, и смерды скачуть чересъ заборола къ Иванови и перебеже ихъ 300» [3]); видимъ ихъ избивающими Угровъ и Ляховъ, «бѣгающихъ по землѣ» изъ подъ Галича [4]). Больше основаній зачислить смердовъ въ ряды силъ военныхъ при набѣгѣ Данила и Василька Романовичей на земли белзскую и червенскую, когда, по риторическому выраженію лѣтописи, боярин плѣнилъ боярина, смердъ смерда, градъ града, и не осталось ни одной веси не поплѣненной [5]).

Нужно ли настаивать на томъ, что общій характеръ всѣхъ этихъ извѣстій не позволяетъ отождествить ополченія смердовъ съ городовыми полками, или видѣть въ смердахъ основной ихъ контингентъ? М. Ф. Владимирскій-Будановъ нашелъ только два примѣра для своего опредѣленія: «народное ополченіе составля-

---

[1]) Ипат., стр. 526, подъ 1241 г. и 529—530, подъ 1245 г.

[2]) *М. Ф. Владимирскій-Будановъ*, Населеніе юго-западной Россіи стр. 21 (Архивъ ю.-з. Россіи, ч. VII, т. 1).

[3]) Ипат., стр. 341, подъ 1159 г.

[4]) Ипат., стр. 493, подъ 1219 г.

[5]) Ипат., стр. 494, подъ 1221 г.

лось изъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ городского и сельскаго населенія»: слова Половцевъ подъ 1185 г. — «пойдемъ на Семь (р. Сеймъ), гдѣ ся осталѣ жены и дѣти», да извѣстіе, что Юрій Всеволодовичъ, прибѣжавъ въ 1216 г. съ Липицы во Владиміръ, нашелъ тамъ только старыхъ да малыхъ, ибо «бяшетъ погнано и изъ поселей и до пѣшьца» [1]). Но оба примѣра говорятъ несовсѣмъ то. «Кза молвяшеть: пойдемь на Семь, гдѣ ся осталѣ жены и дѣти, готовъ намъ полонъ собранъ, емлемъ же городы безъ опаса» [2]): ханъ имѣетъ ввиду опустѣлые города. А во второмъ извѣстіи рѣчь идетъ о томъ, что опустѣлъ городъ Владиміръ, не съ кѣмъ князю Юрію въ осаду сѣсть, нѣтъ даже пѣшьцевъ, видимо, смердовъ изъ пригородныхъ поселей. Картины обычной поголовной мобилизаціи взрослаго населенія городовъ и селъ, которая создавала бы однородный земскій полкъ, ни эти примѣры, ни иныя извѣстія лѣтописи не даютъ. Высшую степень готовности проявляетъ вѣче, говоря, что готово итти, хотя бы и съ дѣтьми, или: «ать же поидемъ и всяка душа, аче и дьякъ, а гуменцо ему простриженo, а не поставленъ будеть, и тъи поидеть» [3]). Но не говоритъ: поидемъ всѣми волостьми, всею землею или т. под.

Городовые полки всегда означаются либо: Кіяне, Новгородцы, Смоляне и т. д., либо: кіевскій, смоленскій полкъ, или терминомъ: вои. Смерды—не входятъ въ составъ военныхъ силъ, такъ означаемыхъ: въ первый и послѣдній разъ удостоила ихъ лѣтопись названія «вои» въ разсказѣ о томъ, какъ Ярославъ надѣлялъ гривнами свое сѣверное ополченіе. Въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ ихъ боевая роль третьестепенна. Смерды, если ихъ гдѣ показываютъ въ бою извѣстія XII — XIII в., составляли повидимому, пѣшіе отряды, вооруженные кіями и топорами, и завязывали битву, уступая затѣмъ мѣсто «полкамъ» и «воямъ» конным [4]). Затѣмъ смерды проявляютъ себя въ преслѣдованіи бѣгущихъ, грабежѣ товара, захватѣ полона, и т. д. Когда Мономахъ характеризовалъ счастливый исходъ битвы съ Половцами тѣмъ, что они «только семцю (?) яша единого живого, ти смердъ нѣколико»,

---

[1]) Обзоръ, 3-е изд., стр. 92—93.

[2]) Ипат., стр. 435.

[3]) Ипат., стр. 259.

[4]) Ср. съ приведенными выше текстами — напр., описаніе Липецкой битвы Лавр., стр. 472, подъ 1216 г.

то этимъ онъ хотѣлъ сказать, что ни дружина, ни вои потерь не понесли [1]).

Извѣстія XII—XIII в. знаютъ только смерда пѣшца. А между тѣмъ, конь смерда играетъ такую важную роль въ преніяхъ Долобьскаго княжого съѣзда и въ «Русской Правдѣ». Лишь недавно вопросъ этотъ, о смердѣ и его конѣ, привлекъ должное вниманіе въ статьѣ Б. А. Романова [2]). Не разъ цитировали историки текстъ о Долобьскомъ съѣздѣ [3]), но какъ то не замѣчали, что война, видно, отрывала отъ пахоты, главнымъ образомъ, не смерда, а его лошадь. Это наблюденіе Б. А. Романовъ удачно сопоставилъ съ извѣстіями о томъ, что городовой полкъ воевъ коней для похода получалъ отъ князя [4]), а также съ особымъ положеніемъ смерда относительно князя, по «Русской Правдѣ». Выводъ его, что «въ юридически-независимую отъ князя, находящуюся въ распоряженіи вѣча организацію народнаго ополченія смерды не входили; ихъ участіе въ тяготахъ похода—посредственное, какъ въ данномъ случаѣ, или непосредственное—обусловливалось волею князей»—представляется хорошо обоснованнымъ.

Въ связи съ этими наблюденіями отмѣчу, что не только «Русская Правда» почти равняетъ смерда съ холопомъ, признавая его, въ то же время, свободнымъ и ограждая его личность, но и лѣтопись даетъ нѣсколько примѣровъ той печати зависимаго, приниженнаго положенія, какое характерно для смердовъ. Югра, обращаясь съ лукавой покорностью къ Новгородцамъ, говоритъ: «а не губите своихъ смьрдъ и своей дани» [5]). Князья, послѣ съѣзда въ Увѣтичахъ, требуютъ отъ Ростиславичей выдачи своихъ людей: «и холопы наши и смерды выдайта» [6]). Защиту «худого смерда и убогыѣ вдовицы» отъ обидъ сильныхъ людей ставитъ себѣ въ заслугу Мономахъ, а «племе смердье» слово бранное, какъ и слово смердъ въ устахъ Олега Святославича [7]), обозвавшаго такъ

---

[1]) Лавр., стр. 240.

[2]) „Изв. Отд. рус. яз. и слов." т. XIII, (1908 г.), кн. 3.

[3]) Лавр., стр. 267; Ипат., стр. 183; повтореніе того же разсказа ниже—подъ 1111 г. (стр. 191)—передѣлка, устранившая эту черту.

[4]) Лавр., стр. 166; ср. стр. 124 и Ипат., стр. 246.

[5]) Новг. I, стр. 167.

[6]) Ипат., стр. 181; ср. о бѣглыхъ смердахъ Новг. I, стр. 230, подъ 1229 г.

[7]) *В. И. Сергѣевичъ* выходку суроваго князя беретъ въ серіозъ и полагаетъ, что „все смерды, за исключеніемъ князей, епископовъ и игуменовъ". Главная опора такого мнѣнія иная: толкованіе текстовъ „Русской Правды". Ср. замѣчанія *Романова* (указ. статья); и—ниже.

княжихъ мужей, дружину старшихъ Ярославичей, и градскихъ людей кіевскихъ [1]).

Нужна, конечно, большая осторожность при выводѣ изъ извѣстій, особенно столь отрывочныхъ и случайныхъ, которыя разбросаны на пространствѣ отъ начала XI до второй четверти XIII в. За это время положеніе смердовъ и удѣльный ихъ вѣсъ въ общемъ строѣ не могли не потерпѣть измѣненій. Напр., во времена до Владимира, во времена Владимира и Ярослава — пѣшая военная сила имѣла больше значенія, чѣмъ позднѣе. И роль смердовъ, напр., въ ополченіи Ярослава Владимировича была, вѣроятно, болѣе значительной чѣмъ та, какую находимъ въ извѣстіяхъ XII—XIII вв. Ближе къ пониманію ихъ первоначальнаго положенія ведутъ указанія на отношеніе Новгорода и Пскова къ ихъ смердамъ. Вопросъ о смердахъ былъ очень важнымъ вопросомъ въ жизни этихъ вѣчевыхъ

---

[1]) Подъ 1071 г. въ Лавр. (стр. 171) читаемъ разсказъ о волхвахъ, которыхъ захватилъ и покаралъ въ Бѣлозерьи Янъ Вышатичъ. „Янъ же испытавъ, чья еста смерда, и увѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ къ нимъ, иже около ею суть, рече имъ: „выдайте волхва та сѣмо, яко смерда еста моя и моего князя“. (Словъ „моя и“ въ другихъ спискахъ и въ Новг. I,—нѣтъ). *В. И. Сергѣевичъ* (Р. Юр. Др., I², стр. 187) толкуетъ это, какъ справку о подданствѣ волхвовъ. Не говоря уже о понятіи „подданства“ („подсудность шла по землѣ и водѣ — пишетъ *В. И. Сергѣевичъ*, но если волхвы были подданные не Святослава, а другого князя, то это могло вести къ нѣкоторымъ осложненіямъ“), которое не легко было бы установить для древней Руси, замѣчу слѣд.: 1) тѣ—видимо мѣстные жители, къ которымъ Янъ обращается съ требованіемъ выдачи волхвовъ, тоже „подданные“ князя Святослава: страненъ мотивъ въ обращеніи къ нимъ—выдайте, ибо это подданные моего князя, и 2) смерды—волхвы отвѣчаютъ Яну: „нама стати предъ Святославомь, а ты не можеши нама створити ничтоже“, ссылаясь на норму, какую находимъ въ „Русской Правдѣ“, запрещающую умучить смерда, а безъ княжа слова (II-й ред., ст. 14). Мука—наказаніе вообще („Лекціи“ *В. И. Сергѣевича*, стр. 437). Неужели нельзя было умучить на Бѣлозерьи никого, безъ „княжого слова“ князя Святослава, сидѣвшаго въ Кіевѣ? *В. И. Сергѣевичъ* толкуетъ, правда, слова „безъ княжого слова“ (Р. Юр. Др., I², стр. 182), какъ „безъ приказа подлежащей власти“, но отвѣтъ волхвовъ даетъ иной смыслъ: „стати передъ княземъ“. Ср. о смердахъ въ слѣдующей главѣ. Когда князья хотѣли выразить то, что *В. И. Сергѣевичъ* называетъ подданствомъ, то говорили „люди мои“, а не „смерды“: „вы есте людіе дѣда моего и отца моего“, говоритъ Изяславъ Мстиславичъ Дорогобужцамъ—Ипат., стр. 285, а Юрій Владимировичъ Бѣлогородцамъ: „вы есте люди мои“, они же отвѣчаютъ: „князь нашь Вячьславъ, Изяславъ и Ростиславъ“—Ипат., стр. 300.

городовъ: на смердахъ лежали платежи и повинности, необходимыя для главнаго города. Михаилъ черниговскій, поцѣловавъ крестъ на всей волѣ новгородской, «вда свободу смьрдомъ на 5 лѣтъ даній не платити, кто сбежалъ въ чюжю землю; а симъ повеле, кто сде живеть, како уставили передніи князи, тако платити дань» [1]). «Смерды платятъ дань князю» замѣчаетъ В. И. Сергѣевичъ [2]), но, къ сожалѣнію, не возвращается къ этому тексту, когда такъ обстоятельно разъясняетъ, что «дань» и «дани» въ древней Руси не означаютъ «отдѣльной повинности, которая носила бы наименованіе дани» [3]), а объемлютъ разные доходы. Но отождествленіе дани, отъ которой князь освобождаетъ смердовъ на 5 лѣтъ, если они вернутся на прежнее жительство, напр. съ черной куной, шедшей князю съ опредѣленныхъ волостей новгородскихъ [4]), невозможно, такъ какъ общая мѣра не предполагаетъ отношенія къ нѣкоторымъ лишь волостямъ, да и выраженіе «како уставили передніи князи» едва-ли можно отождествить съ «пошлинами по старымъ грамотамъ и по сей крестной грамотѣ». Дань или дани смердовъ новгородскихъ идутъ князю, изъ остальныхъ доходовъ Новгорода онъ получаетъ долю по уговору и старинѣ. Это два разныхъ источника его доходовъ.

Князь Михаилъ, признавъ обычную норму платежей смердовъ и принявъ мѣры для возвращенія ушедшихъ въ чужія земли и предотвращенія новыхъ уходовъ, выполнилъ княжую обязанность—блюсти смердовъ. Среди важнѣйшихъ провинностей Всеволода Мстиславича Новгородцы на первомъ мѣстѣ ставятъ: «не блюдеть смердъ» [5]). Князь въ Новгородѣ имѣлъ ближайшее отношеніе къ завѣдыванію смердами.

Въ чемъ выражалось это отношеніе, кромѣ данническихъ повинностей смердовъ? Князь сохранилъ и подсудность населенія, организованнаго въ погосты: его судьи ѣздятъ по волости. Но и это его право строго ограничено договорами: «а судіе слати тобѣ свое на Петровъ день, тако пошло». Кромѣ того, Новгородцы, по временамъ, добивались отдачи суда на откупъ мѣст-

[1]) Новг. I, стр. 230, подъ 1229 г. Ср. слова Югры: „не губите своихъ смьрдъ и своей дани“—стр. 167, подъ 1193 г.

[2]) Р. Юр. Др., I², стр. 183.

[3]) Р. Юр. Др. III, стр. 185—186.

[4]) Договоръ 1471 г. съ Казимиромъ IV, § 14, по изд. *Владимирскаго-Буданова.*

[5]) Новг. I, стр. 129, подъ 1136 г.

*

ному населенію: «а судъ, княже, отдалъ Дмитрій съ Новгородци Бежичяномъ и Обонижаномъ на 3 лѣта, судье не слати» [1]). Смерды новгородскіе не «люди князя», они живутъ по общему земскому праву новгородскому, подъ общей подсудностью. Новгородскіе договоры принимаютъ тщательныя мѣры, чтобы смерды не попали въ особую, личную зависимость отъ князя, не стали его закладнями, закладниками, не «позоровали» къ нему. Ниже увидимъ, что инымъ было отношеніе между смердами и княземъ въ Кіевщинѣ. Въ Новгородѣ постоянно повторявшіяся попытки князей втянуть смердовъ, какъ, по возможности, и горожанъ, въ кругъ личной своей власти встрѣчало и въ концѣ XIII и въ XIV вв. рѣшительное противодѣйствіе [2]). Князь не долженъ былъ пускать корней въ землю новгородскую, развивая свое земле-владѣніе и обособляя подъ своей особой юрисдикціей часть населенія изъ общей организаціи новгородскаго управленія. Управляя черезъ Новгородцевъ, князь, повидимому обязательно, черезъ нихъ и дань получалъ; договоры ставятъ князю условіе на Низу даней не раздавать [3]). Кромѣ политическаго, тутъ былъ и матерьяльный разсчетъ. Если дань оставалась княжимъ доходомъ, хотя и черезъ новгородскія руки, то, кромѣ того, на смердахъ

---

[1]) С. Г. Г. и Д., № 1. Упомянутый князь—Дмитрій Александровичъ, княжившій въ Новгородѣ съ 1259 по 1264 г.

[2]) „А кто будеть закладень позоровалъ ко мнѣ, а жива въ Новъгородьской волости, тѣхъ всѣхъ отсупилъся есмь Новугороду“ (С. Г. Г. и Д., I, № 4—5, 1295 г.; но тутъ князь выговариваетъ „позорованіе“ къ себѣ „давныхъ людей“ въ Торжку и на Волокѣ). „А что закладниковъ въ Тържьку или инде или за тобою, или за княгинею, или за мужи твоими, кто купьць — поидеть въ свое сто, а смѣрдъ поидеть въ свой погостъ“ (№ 6, 7), или: „и приставовъ ти съ Низу въ всю въ Новгородьскую волость не всылати, а кто купецъ... погостъ“ (№ 8); это условіе повторяется въ рядѣ договоровъ, съ прибавкой словъ: „тако пошло въ Новѣгородѣ: отпусти ихъ прочь“. Ср. № 12 (1317 г.): „А что селъ и людіи Новгородьскыхъ въ сю замятню заложилося за князя и за княгиню или за дѣти, или за бояры, или если кто купилъ, куны ему имати, а села къ Новугороду“; это то же, что въ № 10—11 (1307 г.): а селъ тебѣ не ставить по новгородской волости, и слободъ не ставить, селъ ни купить, ни даромъ не принимать.

[3]) Кромѣ отдачи на откупъ, князь могъ давать дань, повидимому, и въ даръ на тотъ или иной срокъ, или до воли. „А что еси, княже, отъимъ у Кюрили Хотуниче, далъ еси попу святого Михаила, а городскымъ попомъ не пошло дани имать на Новгородьскомъ погостѣ; вдай опять“—договоръ 1270 г. (С. Г. Г. и Д., I, № 3).—„А на Низу ти, княже, Новгородца не судити, ни даній ти раздавати“—(тамъ-же).

лежали повинности въ пользу Новгорода. Выше было приведено извѣстіе о городовомъ дѣлѣ, лежавшемъ на волостяхъ. А въ лѣтописи Новгородской читаемъ еще: «Того же лѣта (1430-го) пригонъ былъ крестьяномъ къ Новугороду городъ ставити, а покручалъ 4-й 5-го» [1]).

Сходное положеніе смердовъ находимъ и въ Псковѣ. Оно нѣсколько освѣщается крупнымъ столкновеніемъ Псковичей съ намѣстникомъ Ивана III, княземъ Ярославомъ Оболенскимъ, и дѣломъ о смердахъ, которое дало тому поводъ. Началось съ того, что князь Ярославъ, при участіи нѣкоторыхъ посадниковъ псковскихъ, написалъ новую грамоту, повидимому, о повинностяхъ смердовъ въ пользу князя и Пскова, безъ вѣдома Псковичей [2]). Отъ гнѣва псковскаго посадникамъ пришлось бѣжать въ Москву, а заочно вписали ихъ въ «грамоту мертвую». Сопротивленіе смердовъ Псковичи думали сломить карами, но пришлось уступить твердому вмѣшательству Ивана III, хотя черные люди псковскіе и настаивали противъ бояръ и житьихъ людей, что «мы-де о всемъ томъ прави и не погубитъ насъ о томъ князь великій», и не хотѣли примириться съ новыми порядками. Но черезъ годъ нѣкій попъ нашелъ у Норовскихъ смердовъ грамоту, «како смердомъ изъ вѣковъ вѣчныхъ князю дань даяти и Пскову, и всякія работы урочныя по той грамотѣ имъ знати». Изъ-за этой грамоты смердьей стало великое смятенье всей землѣ, послали бить челомъ въ Москву о старомъ порядкѣ, но получили такой отвѣтъ, что пришлось умолкнуть: московская политика разрушала власть Пскова надъ смердами [3]).

---

[1]) Новг. I, стр. 414.

[2]) „Смердовъ посадиша въ крѣпость въ погребѣ, а посадниковъ изъ заповѣди закликаша, что грамоту новую списали и въ ларь вложили на сѣняхъ со княземъ Ярославомъ, а Псковъ о томъ не вѣдаетъ". (Пск. I, подъ 1484 г., П. С. Р. Л., т. IV, стр. 266).

[3]) *В. И. Сергѣевичъ* толкуетъ иначе. Дѣло въ томъ, что послѣ разсказа о найденной попомъ грамотѣ, лѣтопись продолжаетъ: „и оттолѣ начаша изъ пригородовъ пріѣздя и изо всѣхъ волостей обидніи люди бити челомъ посадникомъ Псковскимъ и всему Пскову на намѣстниковъ князя Ярослава, а сущіи во Псковѣ много обидныхъ людій биша челомъ на самого князя Ярослава. Посадники же и весь Псковъ събраша многія обиды, ихже невозможно исчести за множество и написавше грамоты обидныя и отрядиша послы: посадника Микиту Ларіоновича и посадника Андрѣя Ивановича, и боярина Андрѣя Семеновича Рублева, и иныхъ бояръ, и съ пригородовъ по два человѣка —обидніи люди; и ѣхавше биша челомъ князю великому, и повѣдаша о смердѣ, что грамоту по-

5. Заключительныя замѣчанія.

Наблюденія, выдвинутыя на предыдущихъ страницахъ, будутъ, отчасти, развиты и дополнены въ дальнѣйшемъ изложеніи. Они ведутъ къ признанію за русскими князьями древнѣйшей исторической поры болѣе активной, болѣе творческой роли, чѣмъ та, какая обычно имъ приписывается въ нашей исторіографіи. Не видя основаній для характеристики русскаго города на зарѣ нашей исторической жизни, какъ самоуправляющейся общины, полагаю, что въ основѣ древнѣйшаго городского строя — лежала организація, созданная княжой силой. Въ ней совокупность приведенныхъ данныхъ заставляетъ узнать ту силу, которая, согласно мнѣнію В. И. Сергѣевича, исходя изъ городского центра, создавала городскую волость, строй земли, «огражденной пригородами» и тянущей къ стольному городу. Признаковъ власти города, какъ такового, надъ пригородами и волостнымъ населеніемъ для древнѣйшей поры наши историческія преданія не указываютъ. И тѣ черты этой власти, какія наблюдаются позднѣе, въ сѣверно-русскихъ народоправствахъ, а также, по крайней мѣрѣ ввидѣ живучей традиціи въ воззрѣніяхъ, если не въ развитыхъ фактахъ быта—и въ другихъ земляхъ, нѣтъ основанія считать архаизмами. Въ руки общественныхъ властей Новгорода и Пскова эта власть перешла, какъ наслѣдіе ослабѣвшей и ограничиваемой княжой власти. Тѣмъ болѣе, что сама ихъ организація носитъ черты создавшей ее организующей дѣятельности князя. О томъ же свидѣтельствуетъ дожившій до конца новгородской и псков-

---

таилъ" (Пск. 2-я, П. С. Р. Л., т. V, стр. 45). *В. И. Сергѣевичъ* полагаетъ, что „обидніе люди" — „землевладѣльцы, на земляхъ которыхъ сидѣли смерды" и которые „захотѣли установить барщину и ввести закономъ опредѣленныя урочныя работы смердовъ" (Р. Юр. Др., I², стр. 179—180). Но обидные люди били челомъ о многихъ обидахъ отъ князя Ярослава и его намѣстниковъ—противъ порядка, установленнаго „грамотой новой" за сохраненіе того, что считали стариной. Суть дѣла выясняется сопоставленіемъ съ извѣстіемъ о московской политикѣ относительно повинностей въ Новгородѣ—П. С. Р. Л., т. VI, стр. 293 (подъ 1534 г.): Иванъ Грозный велитъ ставить въ Новгородѣ градъ „всѣмъ градомъ, опрично волостей", тогда какъ раньше эта повинность лежала именно на волостяхъ, а Новгородци давали только нарядчиковъ. Московское правительство налагаетъ повинности на горожанъ, не исключая и духовенства, снимая ихъ съ волостныхъ людей. Сходную тенденцію слѣдуетъ предположить и въ псковской политикѣ московскаго намѣстника.

ской вольности раздѣлъ правъ по управленію и повинностямъ пригородовъ и волостей между вѣчевой общиной и княземъ, сохранившемъ въ этой области больше правъ, чѣмъ въ какой-либо другой.

Болѣе полное освѣщеніе положенія и значенія древне-русскаго князя можетъ дать, прежде всего, анализъ тѣхъ общественныхъ устоевъ, на какихъ они опирались въ древней Руси.

II.

Общественное положеніе князя.

1. Княжое право.

«Народъ — читаемъ у В. И. Сергѣевича—сознаетъ свою неспособность устроиться безъ князя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, понимаетъ необходимость дать ему высокое положеніе въ своей средѣ, безъ чего не было-бы возможно достиженіе цѣлей призванія; князь есть народная власть» [1]).

Это «высокое положеніе» древне-русскаго князя слѣдуетъ, по крайнему разумѣнію моему, разсматривать съ двухъ различныхъ сторонъ. Съ одной—стоятъ «цѣли призванія»: защита земли отъ внѣшнихъ враговъ и охрана внутренняго ея мира, установленіе наряда; это—правительственная роль князя, какъ народной власти. Съ другой — совокупность отношеній, выдѣляющихъ князя изъ народной среды, ставящихъ его не только во главѣ обычноправового уклада народныхъ общинъ, но и внѣ ихъ, въ сферѣ особаго княжого права; черты такой обособленности князя въ древне-русскомъ общественномъ быту считаю возможнымъ обозначить условнымъ терминомъ: общественное положеніе князя. Примѣромъ понятій и отношеній, характеризующихъ указанную двойственность положенія князя въ землѣ-княженіи можетъ служить разсмотрѣнное въ первомъ очеркѣ семейно-владѣльческое воззрѣніе на княжія волости. Оно не носитъ государственной печати. Міръ междукняжескихъ владѣльческихъ отношеній стоитъ внѣ области политическихъ задачъ князя, защитника земли и установителя наряда, но въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ нею, то въ рѣзкомъ противорѣчіи, подчиняя ее своимъ интересамъ,

[1]) „Лекціи и изслѣдованія“, изд. 3-е, стр. 143.

то въ попыткахъ согласоваться съ нею въ идеѣ старѣйшинства и союза князей на пользу русской земли. Народное общественно-правовое воззрѣніе признаетъ за членами княжого рода ихъ владѣльческую привиллегію, но игнорируетъ княжія семейно-владѣльческія отношенія и соглашенія, стремясь то нарушить, то использовать ихъ, какъ внѣшнее условіе, въ пользу интересовъ данной земли.

Народное обычное право имѣетъ назначеніемъ охрану мира въ нѣдрахъ общественнаго союза; такими союзами видимъ мѣстныя общины, выступающія въ «Русской Правдѣ» подъ названіемъ вервей; но верви—въ данныхъ источниковъ нашихъ—только часть цѣлаго, союза болѣе широкаго, земли, городской области. Народное право—право отдѣльныхъ земель; для дѣйствія своего оно предполагаетъ опредѣленную осѣдлость и союзность, будучи ограничено въ составѣ даннаго союза и на территоріи его поселенія [1]). Оно выростаетъ изъ уклада мѣстной жизни, его развитіе идетъ путемъ непосредственнаго примѣненія въ практикѣ народныхъ судовъ того, что считается нормой, и формулируется на каждый данный случай [2]). Князь стоитъ внѣ этого уклада мѣстной жизни, внѣ обычно-правового союза. Въ своей средѣ князья сами создаютъ свои отношенія—семейно-правовыя, договорныя, фактическія.

Опредѣлялось-ли народнымъ правомъ положеніе князя въ землѣ-княженіи? Оно могло опредѣляться въ рядахъ князей съ вѣчемъ. И новгородскіе договоры содержатъ не мало опредѣленій, касающихся личнаго и имущественнаго положенія князя въ новгородской землѣ, но больше отрицательныхъ [3]). Новгородскіе договоры стремятся устранить возможность для князя занять въ средѣ новгородской то исключительное общественное положеніе, какого князья достигали въ другихъ земляхъ, и уничтожить все, что князья успѣвали по временамъ пріобрѣсти въ этомъ направленіи. Договоры эти стремятся поставить князя «на всей волѣ новгородской» такъ, чтобы онъ не имѣлъ никакой самостоятельной опоры въ землѣ, помимо правительственной роли, предназначенной ему новгородскимъ политическимъ строемъ.

---

[1]) „А изъ своего города въ чюжю землю свода нѣтуть“ — Р. Пр. III ред., ст. 48. (изд. *В. И. Сергѣевича*).

[2]) Ср. *Brunner*, I², стр. 405 и примѣчаніе: „Die Gewohnheit ist nicht Entstehungs-,sondern Erkenntnisform des Gewohnheitsrechts“.

[3]) Запретъ пріобрѣтенія земельной собственности и закладниковъ.

Мы очень мало знаемъ о содержаніи рядовъ между князьями и населеніемъ другихъ городовъ русскихъ. Можно съ увѣренностью сказать, что оно не было богато общими положеніями, а скорѣе касалось тѣхъ или иныхъ очередныхъ вопросовъ, злобъ дня. Такъ заставляетъ думать единственный примѣръ, сохраненный лѣтописью—договоръ Кіевлянъ съ Игоремъ и Святославомъ Ольговичами въ 1146 г.[1]); такъ заставляетъ думать и преобладаніе общихъ выраженій, что князь занялъ столъ, урядившись съ людьми, «весь порядъ положьше», «створивъ людемъ весь порядъ», укрѣпившись съ ними крестоцѣлованіемъ. Эти «поряды», касались вопросовъ преемства стола (признаніе князя, иногда съ дѣтьми) или суда и управленія. Но нѣтъ никакого намека на то, чтобы внѣ новгородскаго сѣвера населеніе брало на себя задачу опредѣлять общественное положеніе князя. Князья сами его строили, создавая и свое особое княжое право внутри земли-волости.

Выраженіе «княжое право» требуетъ поясненія, такъ какъ съ нимъ можно связывать весьма различныя значенія. Укажу, прежде всего, чего я не подвожу подъ свой терминъ. Незачѣмъ называть «княжимъ» вообще право, создаваемое уставною дѣятельностью князей или исходящей отъ нихъ судебной практикой. И то, и другое можетъ вносить въ жизнь земли не мало новыхъ правовыхъ нормъ; но, дополняя, преобразовывая или видоизмѣняя дѣйствующее право, княжая власть не создаетъ изъ творимыхъ ею нормъ особой системы права, отличнаго отъ права народнаго и построеннаго на иныхъ началахъ. Князь-правитель народная власть, и его участіе въ правообразованіи само по себѣ не раскалываетъ дѣйствующаго права на двѣ различныхъ си-

---

[1]) Кіевляне жалуются князю на тіуновъ: „Ратша ны погуби Кіевъ, а Тудоръ—Вышегородъ; а нынѣ, княже Святославе, цѣлуй намъ хрестъ и за братомъ своимъ; аще кому насъ будетъ обида, то ты прави". Князь отвѣчаетъ: „азъ цѣлую крестъ за братомъ своимъ, яко не будетъ вы насилья ни которого же, а се вамъ и тивунъ, а по вашей воли"—Ипат., стр. 229, подъ 1146 г. Другая и, видимо, позднѣйшая редакція того-же извѣстія дополняетъ его словами Святослава Игорю: „азъ, брате цѣловалъ крестъ на томъ Кіяномъ, яко быти тебѣ княземъ во правду, и людемъ кому до кого обида будетъ, ино ти ихъ судити во правду самому, или мнѣ, а тіуномъ ихъ не судити, ни продавати; а что были тивуны брата нашего Ратша и Тудоръ, а тѣмъ не быти, а коимъ будетъ быти, ино имъ имати съ суда урокомъ, а въ свою волю имъ людей не продавати". — Воскр., стр. 35 (П. С. Р. Л., т. VII).

стемы. Отдѣльныя нормы такого происхожденія могутъ конкуррировать и даже стоять въ противорѣчіи съ нормами народнаго обычнаго права, но этого, полагаю, недостаточно, чтобы стоило говорить объ особомъ княжомъ правѣ [1]).

На князѣ лежитъ охрана внутренняго мира и наряда въ землѣ. Историки германскаго права въ этой функціи конунга различаютъ общую и спеціальную охрану мира. Первая объемлетъ все населеніе и находитъ выраженіе какъ въ самостоятельной судебно-административной дѣятельности князя и его агентовъ, такъ и въ воздѣйствіи княжой власти на дѣятельность самоуправляющихся народныхъ общинъ. Вторая создаетъ для отдѣльныхъ лицъ или группъ привиллегію особой непосредственной защиты княжой власти, защиты, имѣющей свою санкцію въ особыхъ карахъ, независимыхъ отъ системы наказаній, принятыхъ въ общемъ народномъ правѣ [2]). Какъ-бы далеко ни шла творческая и преобразующая дѣятельность князя на первомъ изъ этихъ путей—она развивается въ сферѣ общаго права. Но и второй путь самъ по себѣ не ведетъ къ принципіальной, сознатель-

---

[1]) Такимъ образомъ, мое выраженіе „княжое право“ отнюдь не соотвѣтствуетъ тому, что напр. *Brunner* (I², § 37) называетъ „Königsrecht“. Опредѣляя народное право какъ то, какое возникаетъ изъ участія народа въ примѣненіи и установленіи права, Бруннеръ королевскимъ называетъ право, исходящее отъ правительственной дѣятельности короля и королевскихъ чиновниковъ и отъ практики королевскаго суда. Бруннеръ самъ указываетъ на условность этого разграниченія, такъ какъ по существу трудно его королевское право отдѣлить отъ того, которое входитъ по королевскому почину въ практику народныхъ судовъ или, возникши въ сферѣ королевской дѣятельности, получаетъ признаніе въ постановленіи народнаго собранія, или входитъ въ силу потому, что вся область примѣненія права перешла въ руки короля. Все это политическіе моменты, очень важные, но не опредѣляющіе по существу разновидностей дѣйствующаго права. Бруннеръ дорожитъ понятіемъ королевскаго права, повидимому, потому, что законодательная и судебная дѣятельность королевской власти создавали право, водвореніе котораго въ укладъ народно-правовыхъ отношеній „означаетъ существенный прогрессъ въ правовомъ развитіи“, а также потому, что королевское право „было въ состояніи пріобрѣсти территорьяльное значеніе, подчиняя своему господству все государство или отдѣльныя его области“. Но и это—значеніе королевской власти, а не особаго королевскаго права. Между этимъ королевскимъ правомъ и народнымъ Бруннеръ самъ не видитъ принципіальной противоположности.

[2]) *Brunner*, II, стр. 48 и слѣд.; *A. Halban-Blumenstok*, Königsschutz und Fehde, въ „Zeit. der Savigny-Stiftung“, Germ. Abt., т. 30 (1898 г.).

ной и намѣренной, противоположности между правомъ княжимъ-королевскимъ и народнымъ, а составляетъ необходимое дополненіе этого послѣдняго по мѣрѣ усложненія жизни и возникающихъ въ ней новыхъ вопросовъ. На этомъ, думается, правильно настаиваютъ названные нѣмецкіе ученые [1]). Однако, именно этотъ путь спеціальной княжой защиты даетъ князю въ руки могучее орудіе для созданія въ землѣ-княженіи крѣпкой опоры своему положенію, независимой отъ народной общины. Это тотъ путь, на которомъ княжеская власть собрала вокругъ себя новыя соціальныя силы, противопоставляя ихъ народнымъ общинамъ, и, организуя ихъ по началамъ, независимымъ отъ народнаго права, заложила фундаментъ новаго общественно-политическаго строя, пришедшаго на смѣну строю вѣчевыхъ общинъ.

Дѣло въ томъ, что практикой спеціальной княжой защиты князья пользовались (какъ и западныя короли, что едва-ли нашло себѣ достаточную оцѣнку въ упомянутыхъ трудахъ) [2]) не только, и даже не столько, для пополненія дефектовъ стараго права, но также—и прежде всего—для возвышенія своей соціальной силы, строя внутри земли-волости особый кругъ отношеній, и придавая ему, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, значеніе опоры по-

---

[1]) *Halban* приводитъ слѣдующій примѣръ королевской защиты отдѣльнаго лица ради исправленія несовершенства обычнаго права. По разсказу Григорія Турскаго, къ королю Хильдеберту обратилась женщина, убившая похитителя, но не въ самозащитѣ, а спящаго: „tunc rex misericordissimus non solum ei vitam donavit, verum etiam preceptionem tribui jussit, ut in verbo sui posita a nullo unquam parentum defuncti illius in aliquo molestiam pateretur“. Такой же характеръ носитъ уставная дѣятельность князей, создающая опредѣленіе правъ лицъ, не входящихъ въ составъ обычно-правовыхъ народныхъ союзовъ, напр. иноземцевъ и иностранцевъ, пріѣзжихъ купцовъ и т. п., либо беря ихъ подъ особую княжую защиту, либо создавая особыя условія, облегчающія примѣненіе къ нимъ общихъ нормъ права (напр., особыя формы судопроизводства—Древнѣйшая ред. Рус. Правды, ст. 14; взысканія долга—III ред. Рус. Правды, ст. 60; преимущества при конкурсѣ по взысканію съ банкрота, ст. 68).

[2]) *Halban* отмѣчаетъ только, что спеціальная королевская защита—та почва, на которой законодательная власть королей впервые пыталась осуществить свои преобразовательныя идеи и воззрѣнія. Ср. у *Брюннера* объясненіе причинъ, почему возникла въ германской исторіографіи тенденція къ чрезмѣрному умаленію историческаго значенія дружины—I[2], стр. 195.

литической своей власти. Этотъ кругъ отношеній можно назвать, примѣняя терминъ Гальбана, союзомъ княжой защиты. По опредѣленію Гальбана—«это правовый союзъ, стоящій внѣ общаго государственнаго союза членовъ племени и построенный на совершенно иной основѣ». Иная основа, здѣсь указанная, и есть особое княжое право. Оно развилось и окрѣпло, прежде всего, въ области княжого быта и княжого частнаго хозяйства, служа цементомъ для зданія общественнаго положенія князя, его соціальной силы, восторжествовавшей надъ вѣчевыми общинами въ эпоху перехода къ новому, удѣльному и вотчинному, строю.

2. Дружина.

Опираясь на свое «одиначество» съ вѣчевой общиной, скрѣпленное взаимнымъ крѣстоцѣлованіемъ и «рядомъ», князь XII—XIII в. имѣлъ и внѣ его иную опору — въ собственной, болѣе или менѣе значительной, дружинѣ. Окружены дружиной и первые князья русскіе: она ясно выступаетъ при Игорѣ. Что же такое—дружина?

Оставимъ въ сторонѣ общее и широкое значеніе этого слова въ памятникахъ древней письменности, отчасти и въ лѣтописи, значеніе близкихъ, своихъ людей, товарищей, спутниковъ. Въ спеціальномъ, техническомъ смыслѣ — это слово означаетъ ближайшихъ соратниковъ и сотрудниковъ князя, окружающихъ его и въ мирѣ и на войнѣ. Дружина, по существу, ни у насъ, ни у Германцевъ—не учрежденіе политическаго строя [1]); это явленіе частнаго быта, притомъ исключительное и стоящее внѣ обычнаго теченія народной жизни и потому живущее по своему, лишь внѣшне соприкасаясь съ укладомъ обычно-правового народнаго быта.

Искать опредѣленія дружины особо на русской почвѣ—нѣтъ основанія: это явленіе общеевропейское, и чтобы не возвращаться къ частичнымъ сопоставленіямъ, быть можетъ, удобнѣе отмѣтить общія его черты раньше, чѣмъ пойдетъ рѣчь о дружинѣ русскихъ князей. Присмотримся къ дружинѣ германской; это поможетъ

---

[1]) Когда *Рихардъ Шредеръ* („Lehrbuch der D. RG." — 4-е изд., стр. 35) говоритъ въ отдѣлѣ „Die germanische Urzeit": „das Gefolge war eine organische Staatseinrichtug für Krieg und Frieden", то допускаетъ не только явный анахронизмъ, противорѣчащій его собственной характеристикѣ дружины, но и прямую ошибку: „государственнымъ учрежденіемъ" дружина, какъ таковая—никогда не была.

путемъ сравненія, выяснить, какъ общую основу германскаго и русскаго дружиннаго быта, такъ и нѣкоторыя отличія послѣдняго.

Бруннеръ [1]) выводитъ дружину изъ условій воинственнаго быта германскихъ племенъ. Бьющая черезъ край боевая энергія молодежи не удовлетворялась общими народными войнами, въ какихъ участвовали всѣ, способные носить оружіе, и вызывала выходъ безпокойныхъ силъ въ добровольныхъ предпріятіяхъ вольныхъ дружинъ, съ согласія и дозволенія народнаго вѣча. Упоминаемыя Цезаремъ вольныя дружины могли быть зародышемъ и предпосылкой для возникновенія настоящей дружины, Тацитовскаго comitat'a. Отличительная черта такой дружины — постоянная и тѣсная связь дружинника съ вождемъ. «Одинъ изъ признаковъ дружины составляетъ принятіе дружинника въ домашній кругъ (Hausgenossenschaft) вождя» (Бруннеръ). Термины, которые обозначаютъ дружинниковъ, подчеркиваютъ особенно ярко именно эту сторону: это термины, подъ которые подходятъ не только боевые соратники, но также вольные и невольные слуги Таково, напр., слово Gesinde, котораго основнымъ значеніемъ считаютъ: спутникъ, и которое съ дружины, въ собственномъ смыслѣ слова, перешло на челядь [2]); основное и древнее значеніе—вольный слуга [3]). Таковы сѣверно-германскія обозначенія

---

[1]) „Deutsche Rechtsgeschichte", I², стр. 186—195.

[2]) Общая основа обоихъ значеній: принадлежность къ дому, къ домочадцамъ, съ вытекающимъ отсюда послѣдствіемъ—предполагаемой полной солидарностью интересовъ и личной связью преданности съ одной, опеки и попеченія, съ другой стороны. Въ позднемъ средневѣковьи эти представленія живутъ въ положеніи наемной прислуги: Слуга отдаетъ въ наемъ не свой трудъ, а самого себя; служить долженъ — по мѣрѣ силъ своихъ и считать пользу и убытокъ господъ — своими (als wer es sein eigne Sach); онъ не можетъ быть свидѣтелемъ въ пользу господина, имѣетъ право отказаться отъ показаній противъ него; хозяинъ въ рядѣ случаевъ отвѣчаетъ за вину слуги и обязанъ за нихъ выступать въ судѣ и ходатаемъ и отвѣтчикомъ; арестованнаго слугу ведутъ „an seines herres tür" и тотъ долженъ представить его на судъ; слуга—familiaris domesticus, онъ ѣстъ хлѣбъ хозяина: brodede gesinde, familia que pane vescitur,—въ этомъ корень отношенія: häusliche Gemeinschaft. Ср. выше о задругѣ и семейной общинѣ. *Gustav Hertz*, Die Rechtsverhältnisse des freien Gesindes nach den deutschen Rechtsquellen des Mittelalters. Breslau, 1879 (Gierke's Untersuchungen).

[3]) „Der Gasindus kann nimmermehr, wie Roth will, ein Unfreier sein" —*Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte, II¹, стр. 259; тексты: gasindi vel amici, ad gasindios vel parentes et amicos suos и т. под.

дружины: huskarlar, hiredhmenn (hiredh, hírdh — домъ, семейная община), вестготское и вандальское — gardingi (gards—домъ), англосаксонское thegn (degen—слуга, отрокъ, ср. греч. teknon) [1]) и т. д.

Эта связь по домашнему очагу вела въ данной средѣ къ послѣдствіямъ, напоминающимъ тѣ, какія мы видѣли въ сферѣ задружныхъ, семейно-общинныхъ отношеній, съ тѣми отличіями, какія вызывались въ дружинномъ союзѣ—отсутствіемъ равенства сторонъ. «Вступленіе въ служилую дружину не наноситъ ущерба полной свободѣ, не ведетъ къ умаленію правового и общественнаго положенія»—читаемъ у Бруннера. Дружинники—люди свободные, но сохраняли ли они право участія, напр., въ собраніяхъ народныхъ—по меньшей мѣрѣ сомнительно. Самъ Бруннеръ допускаетъ извѣстную отвѣтственность главы дружиннаго союза за дѣйствія его дружинниковъ, хотя бы въ видѣ обязанности представить виновнаго на судъ. Къ сожалѣнію, характеръ источниковъ, изъ которыхъ приходится черпать свѣдѣнія о германской дружинѣ, таковъ, что въ нихъ нечего искать указаній на будничныя, напр., имущественныя, отношенія дружинниковъ къ ихъ вождю. Это, кромѣ сжатаго текста у Тацита, преимущественно памятники германской поэзіи, особенно англосаксонскій «Беовульфъ». Но нѣкоторые намеки требуютъ вниманія. «Добыча дружины—читаемъ у Шредера [2])—принадлежала господину, который такимъ преимущественно путемъ пріобрѣталъ средства доставлять содержаніе и подарки своимъ людямъ». Съ этимъ надо сопоставить постановленіе вестгоскаго законодательства [3]),

---

[1]) *Бруннеръ*, указ. стр.; *Шредеръ*, стр. 32—33. Усвоеніе варварской дружины въ Римской Имперіи, со временъ Каракаллы, перенесло съ собой тѣ же отношенія и ту же терминологію. Въ дружинѣ Каракаллы—и свободные, и рабы. Въ византійскихъ текстахъ: παῖδες, οἰκεῖοι, ἐκ τῆς οἰκίας ὄντες; латинскіе термины: satellites, amici, buccellarii (отъ buccella—хлѣбъ); послѣднія слова схолія къ Василикамъ поясняетъ: οἱ τὸν ἄρτον τινὸς ἐσθίοντες ἐπ'αὐτῷ τούτῳ τῷ παραμένειν αὐτῷ. См. *Otto Seeck*, Das deutsche Gefolgswesen auf römischem Boden, въ „Zeit. der Savigny-Stift.“, Germ. Abt., т. 30.

[2]) *Шредеръ*, указ. соч., стр. 34.

[3]) Leges Wisigothorum, изд. *Деймера* (Mon. Ger. Hist., Legum sectio I, t. I, 1902 г.). Постановленія эти находимъ въ отдѣлѣ „de donationibus“ фрагментовъ Codicis Euriciani (§ 310). Buccellarius, въ позднѣйшихъ редакціяхъ именуемый „qui est in patrocinio“, имѣетъ право уйти съ отказомъ „quoniam ingenuus homo non potest prohiberi“, но долженъ вернуть патрону полученное отъ него оружіе и все, что тотъ ему „donavit“. Это вытекаетъ изъ общаго представленія средневѣкового права о право-

что дружинникъ (buccellarius, sagio), какъ человѣкъ свободный, можетъ перейти отъ одного господина къ другому, но обязанъ, однако, вернуть ему при этомъ не только оружіе и все, что получилъ отъ господина, но еще половину того, что пріобрѣлъ на его службѣ, или же и все пріобрѣтенное. Танъ, умирая, долженъ былъ оставить королю Англосаксовъ все свое оружіе, одного коня осѣдланнаго, другого безъ сѣдла; такое же правило знало и лангобардское право [1]). Бруннеръ объясняетъ это тѣмъ, что дружинникъ при вступленіи на службу получалъ оружіе и коня отъ господина, на что, кромѣ Тацита, есть указанія и въ хроникѣ Гельмольда. Но прибавка въ вестготскомъ законѣ—половины или всего пріобрѣтеннаго вызываетъ сомнѣніе: не имѣемъ ли мы дѣло съ смягченіемъ прежняго права, предполагавшаго полную передачу всей движимости уходящаго или умершаго дружинника господину. То значеніе, какое въ дружинномъ союзѣ имѣла общность очага и хлѣба, дѣлаетъ такое преположеніе необходимымъ, ввиду извѣстныхъ намъ изъ семейно-общинныхъ отношеній воззрѣній древняго европейскаго права на эту общность.

Такъ, какъ строится толкованіе дружины у историковъ германскаго права, оно остается нѣсколько противорѣчивымъ, несмотря на естественныя попытки противорѣчіе сгладить. Согласно отчасти словамъ Тацита, отчасти поэтическимъ картинамъ сѣверныхъ бардовъ—дружина представляется по составу весьма аристократичной: она состоитъ изъ «свободныхъ, по большей части

выхъ послѣдствіяхъ даренія. Но тутъ же—иное: „Et si aliquid buccellarius sub patrone adquesierit, medietas ex omnibus in patroni vel filiorum ejus potestate consistat; aliem medietatem buccellarius, qui adquaesivit, obtineat“. Упоминаемое здѣсь пріобрѣтенное имущество отличено отъ того, что было a patrono donatum: послѣднее идетъ патрону цѣликомъ, первое на половину. Далѣе (п. 311) читаемъ о сайонахъ или сагіонахъ (по опредѣленію Цеймера: comites privatorum armati), что оружіе, какое дается имъ pro obsequio, не подлежитъ возврату nulla ratione: „sed illa quae dum saius est adquisivit, in patroni potestate consistant“.

[1]) Ср. въ Законникѣ Стефана Душана: „Каде оумрѣ властелинь, конь добръ и оружіе да се да цароу, а свита велика бисерьна и злати поіасъ да оузьме сынъ его и да моу царь не оузьме; а коли не има сына, нъ има дьщырь, да има дьщи оузети или продати или отдати свободьно“—и это въ пору, когда земельное имущество при отсутствіи прямыхъ наслѣдниковъ переходитъ „до третіега братучада“ (ст. 100 и 101, по изд. Новаковича).

знатныхъ людей» (Шредеръ) [1]). Кромѣ того, подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ, представляютъ себѣ, какъ, напр., Бруннеръ, что пребываніе въ дружинѣ для большинства было только Lehr und Wanderjahre. Въ такомъ случаѣ, едва ли дружина могла бы сыграть столь серьезную историческую роль, какую ей приписываетъ тотъ же Бруннеръ. Можно съ увѣренностью сказать, что основной контингентъ дружинъ былъ постоянный и служилый, а вступленіе въ нее знатной молодежи, дѣйствительно, школой—и только. Основного контингента дружинъ она не могла составлять: это слишкомъ противорѣчило бы и всѣмъ отмѣченнымъ выше чертамъ, характеризующимъ дружинниковъ, какъ слугъ, хотя военныхъ и вольныхъ, въ служиломъ положеніи и умирающихъ, не имѣя своего оружія и своихъ коней, а получая и оставляя ихъ господину. Тацитъ, видимо, зналъ, что говорилъ, отмѣчая—не безъ подчеркиванія, что никому у Германцевъ не стыдно явиться въ рядахъ дружины.

И римскіе императоры едва ли особенно искажали характеръ дружины, какъ союза личной зависимости, когда, при конфискаціи имущества опальныхъ военноначальниковъ, конфисковали и ихъ буцелларіевъ, либо зачисляя ихъ въ свои отряды, либо раздавая ихъ въ дружины приближеннымъ: такъ и у насъ при Иванѣ III отписывали на государя не только села, но и добрыхъ бояръ и дѣтей боярскихъ [2]).

Замѣтимъ хронологію приведенныхъ извѣстій. Вестготское свидѣтельство о правѣ выхода дружинника находимъ въ памятникѣ V вѣка (законы Эрика—до 506 г.), англійское—въ Думсдэбукѣ и къ тому же XI в. относится лангобардское извѣстіе о relevium'ѣ (законъ Конрада II — 1037 г.). Оба послѣднія относятся, стало быть, какъ и законникъ Стефана Душана, къ порѣ, когда, скажемъ словами Бруннера, «дружинники, не разрывая служилаго отношенія къ господину, отдѣляются отъ него, получая вмѣсто содержанія въ его домѣ земли, на которыхъ сами хозяйничаютъ». Передъ нами отношенія не дружинныя, а феодальныя,

---

[1]) И *Бруннеръ*, говоритъ о „высоко-знатномъ происхожденіи и выдающихся заслугахъ отца“, какъ источникѣ права юношей вступить въ дружину. На почвѣ этого воззрѣнія возникло такое толкованіе спорнаго текста Тацита: „insignis nobilitas aut magna patrum merita principis dignationem (вар.: dignitatem) etiam adolescentulis assignant“.

[2]) *Seeck*, указ. соч. Лѣтопись Ермолинская, см. Изв. Отд. Р. яз. и Сл., т. VIII, кн. 4, стр. 83.

общность очага и хлѣба разрушена, и лишь въ указанныхъ правилахъ о наслѣдствѣ сохраненъ еще слѣдъ прежнихъ послѣдствій этой общности: дружинникъ возвращаетъ то, что получилъ отъ господина — но прежде онъ все отъ него получалъ, а въ XI в. остался лишь пережитокъ, такъ какъ сомнительно, чтобы таны Эдуарда Исповѣдника, вассоры Конрада II, властели Стефана Душана не имѣли своего оружія, своихъ коней!

Какъ бы то ни было—дружину можно назвать частноправовымъ, личнымъ союзомъ, построеннымъ на общности очага и хлѣба господина со слугами, союзомъ, выдѣляющимся изъ общаго уклада народной общины въ особое, самодовлѣющее цѣлое. Она имѣетъ и свой строй, свою организацію, какъ домъ, дворъ господина. У франковъ видимъ во главѣ дружины—дворецкаго, маіордома. Ставъ орудіемъ королевскаго управленія, источникомъ личнаго его состава, дворъ этотъ сохраняетъ свои черты частнаго, личнаго дома, ставшаго дворцомъ королевскимъ, центромъ государственной силы правительства. Princeps palatii—стоитъ во главѣ дворцоваго управленія и хозяйства, но онъ же во главѣ trustis dominicae, правая рука короля во всемъ, пока изъ этого маіордомата не выросла новая великая династія. Рядомъ съ маіордомомъ стоитъ воспитатель королевскаго сына, его дѣтей и той молодежи, которая ищетъ при дворѣ подготовки къ жизни, связей и покровительства,—педагогъ, нутриторъ, баіулъ [1]).

---

[1]) Германскихъ выраженій для этихъ терминовъ мы не знаемъ, да и значеніе ихъ въ деталяхъ не ясно. Можетъ быть, по крайней мѣрѣ первоначально, они неравносильны, nutritor—выше, чѣмъ bajulus, но ниже чѣмъ paedagogus. *Вайцъ* (Deutsche Verfassungsgeschichte, III², стр. 537—538) баіула считаетъ дядькой—пѣстуномъ по преимуществу, а педагога—кормильцемъ-опекуномъ съ болѣе выраженнымъ политическимъ значеніемъ. Но скудный запасъ текстовъ не даетъ возможности прослѣдить эти различія. Король Людовикъ посылаетъ сына править Аквитаніей „praeponens ei bajulum Arnoldum“, поручаетъ ему „custodiam regni — sub Arnoldi bajulatione“. Въ обыденной рѣчи баіулами звали вообще королевскихъ совѣтниковъ: „monitores, quos bajulos vulgus appelat“. Педагогъ встрѣчается, повидимому, только въ единственномъ числѣ и съ болѣе знаменательной титулатурой: это „procurator regni et magister imperatoris“, котораго императоръ посылаетъ „cum augusto filio ejus ob institutionem et dispositionem regni, quasi fidissimum et propinquum“. Эти воспитатели молодыхъ поколѣній королевскаго дома выступаютъ и при взрослыхъ князьяхъ—руководителями ихъ первыхъ шаговъ на политическомъ поприщѣ. А, между тѣмъ, возможно ихъ, или иного ихъ разряда, происхожденіе изъ несвободнаго состоянія. „Servuli vel nutri-

Должности эти нерѣдко бывали ступенью къ маіордомату: при мѣръ того характера личныхъ, домашнихъ, семейно-общинныхъ отношеній, какой принималъ дружинный строй въ его основныхъ элементахъ. Воспитатели королевскихъ дѣтей выступаютъ ихъ опекунами-руководителями на политическомъ и военномъ поприщѣ, раздѣляя вліяніе на нихъ съ родителями. «Wandelinus—передаетъ Григорій Турскій—nutritor Childeberti regis, obiit, sed in locum ejus nullus est subrogatus eo quod regina mater curam velit propriam habere de filio». Мать Хильдеберта замѣняетъ ему нутритора: фактъ, бросающій свѣтъ на значеніи нутритора, какъ quasi propinquo, имѣющаго на питомца вліяніе, аналогичное родительской власти; онъ для питомца—названный отецъ [1]). Такія отношенія дѣлали нутриторство естественной ступенью къ маіордомату и могли человѣка незнатнаго, даже несвободнаго, вознести на высокую степень вліянія.

Внутри дружины, съ первыхъ извѣстій о ней, видимъ разные слои: amici junctissimi и comites; κόμητες καὶ ἄλλοι παῖδες; доблесть и младость, по поэтическому выраженію «Беовульфа». Первый рядъ—соратники (соплечники—«Беовульфа») и совѣтники (consiliarii) вождя; второй—войны и слуги. Между ними нѣтъ непреходимой грани; «gradus», какъ замѣтилъ еще Тацитъ, опредѣляется «judicio ejus quem sectantur». На низшей ступени (minimissimi законовъ Ліутпранда) стоятъ отроки, о которыхъ

---

tores... quia consueverunt nutrire filios et familias dominorum"—читаемъ у *Дюканжа* свидѣтельство Виталія, епископа Остіи.

Это типично для двойственнаго характера и положенія дружины. Въ средѣ королевскаго дома завязывались отношенія, которыя выростали до политическаго значенія. Это понятно при рѣзко выраженномъ личномъ характерѣ королевскаго управленія въ Меровингской и Каролингской Франціи, какъ и то, что воспитаніе королевскаго сына бралъ въ свои руки тотъ, кто стоялъ во главѣ королевскаго двора, или, наоборотъ, королевскій опекунъ-воспитатель становился во главѣ двора и управленія. У Франковъ видимъ нутриторовъ Клотаря II и Сигиберта—маіордомами. И *Рихардъ Шредеръ* справедливо называетъ маіордома—воспитателемъ королевскаго принца (указ. соч., стр. 142).

[1]) Корень „сыновнихъ" отношеній королевича-питомца къ нутритору—въ обычаѣ расширенія кровныхъ отношеній такъ называемымъ искусственнымъ родствомъ. *П. Г. Виноградовъ* („Geschlecht und Verwandschaft im altnorwegischen Rechte"—въ „Zeitschrift für Social-und Wirtschaftsgeschichte, VII) указываетъ на значеніе, какое въ древне-норвежскомъ правѣ имѣли наряду съ побратимствомъ „Pflegevaterschaft" и „Pflegebruderschaft".

нельзя не допустить, что бывали они и изъ несвободнаго королевскаго люда—и что, при удачѣ, имъ былъ открытъ путь къ свободѣ и возвышенію.

Общественное положеніе всего дома-двора вождей росло съ ростомъ значенія послѣднихъ. Извѣстно, что положеніе несвободныхъ слугъ королевскихъ и княжихъ могло и въ правѣ быть высшимъ, чѣмъ заурядныхъ рабовъ. Тѣмъ болѣе—положеніе слугъ вольныхъ, домочадцевъ. Ихъ личность, ихъ имущество, ихъ права—охранялись силой и вліяніемъ ихъ вождя, господина. Онъ защищаетъ ихъ, какъ своихъ людей; смертельный ударъ или увѣчье, имъ нанесенное, разсматривается, какъ обида и оскорбленіе достоинству господина. На германскомъ сѣверѣ господинъ, будь то король или епископъ, герцогъ или бояринъ (Herr), получалъ особую пеню за безчестье, сверхъ виры, шедшей родичамъ убитаго. Лишь позднѣе стало это привиллегіей короля [1]).

Обратимся къ дружинѣ русскихъ князей. Окруженными ею представляемъ себѣ древнѣйшихъ князей русскихъ, съ тѣхъ поръ какъ «прія власть Рюрикъ и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро». Дѣло не въ «историчности» самого извѣстія этого, а въ представленіи «Варягъ—находниковъ», какъ дружинъ пришлыхъ вождей. Выше приходилось уже отмѣчать, насколько, по разсказамъ лѣтописнымъ, древнѣйшіе князья лишены были возможности опираться только на собственныя, дружинныя силы, организуя, по необходимости, мѣстное населеніе въ ополченія, съ которыми и совершали они свои походы. Дружина, въ собственномъ смыслѣ слова, выступаетъ сравнительно небольшимъ ядромъ княжескихъ войскъ въ этихъ разсказахъ. Притомъ, ихъ терминологія весьма далека отъ педантичной четкости. Такой остается она, впрочемъ, и до конца, до тѣхъ страницъ нашихъ лѣтописныхъ сводовъ, на которыхъ замираетъ и исчезаетъ употребленіе слова дружина.

---

[1]) *Karl Lehmann.* Der Königsfriede der Nordgermannen, стр. 32 и 62. *Бруннеръ* называетъ весьма соблазнительнымъ предположеніе *К. Маурера*, что повышенный вергельдъ за убійство королевскаго мужа получился вслѣдствіе уступки королевской пени—самому потерпѣвшему или его роду (I², стр. 193). Болѣе вѣроятно, напротивъ, что первоначально и то, и другое шло господину. Пеню за безчестье (ob injuriam) встрѣчаемъ, какъ Mannbusse, у Англосаксовъ; у Баваровъ убившій hominem principis, сверхъ уплаты виры родичамъ, теряетъ всю свою hereditas (VIII в.).

Слово это имѣетъ то болѣе широкій, то болѣе узкій смыслъ. Своей дружиной Древляне называютъ тѣхъ пословъ, которыхъ загубила Ольга, а Кіевляне — согражданъ, посаженныхъ княземъ Изяславомъ въ погребъ [1]); дружина другъ для друга ополченцы одного войска [2]). Въ томъ же смыслѣ князья называютъ дружиной вообще свои войска и союзниковъ [3]).

Иное, болѣе техническое значеніе имѣетъ слово дружина, когда означаетъ кругъ лицъ, постоянно состоящій при князѣ, живущій при немъ, раздѣляя всѣ его интересы. Эта дружина коритъ Игоря за то, что дань съ Уличей и Древлянъ ушла въ руки Свенелда: «се далъ еси единому мужеви много» и говоритъ ему: «отрочи Свѣнелжи изодѣлися суть оружіемъ и порты, а мы нази; а поиде, княже, съ нами на дань: а ты добудеши и мы» [4]). Съ этой дружиной считается Святославъ, отвѣчая на предложеніе принять крещеніе: «како азъ хочю инъ законъ пріяти единъ: а дружина сему смѣятися начнуть» [5]). Ею князья постоянно окружены. Изяславъ Ярославичъ, узнавъ о святой жизни препод. Антонія, «приде съ дружиною своею, прося у него благословенья

---

[1]) Лавр., стр. 56, подъ 945 г. и 166, подъ 1068 г. Ср. у *И. И. Срезневскаго*, Матеріалы для словаря древне-русскаго языка, подъ словомъ дружина, примѣры общаго значенія этого слова.

[2]) „Людье оноя страны Днѣпра“, пришедшіе выручать Кіевъ отъ Печенѣговъ въ 968 г.—выѣхали на встрѣчу юношѣ, пробиравшемуся къ нимъ изъ Кіева вплавь черезъ Днѣпръ, „взяша и въ лодью и привезоша и къ дружинѣ“—Лавр., стр. 64—65.

[3]) Въ обращеніяхъ передъ боемъ: „братья и дружино!“—Лавр., стр. 68, ср. „потягнѣте, дружина, по князѣ“ (стр. 57); въ разсказахъ о военныхъ дѣйствіяхъ, напр.: Ярославъ „исполчи дружину: постави Варягы по средѣ, а на правѣй сторонѣ Кыяне, а на лѣвѣмь крылѣ Новгородци“, стр. 147, подъ 1036 г.; Вышата отдѣляется отъ княжой дружины и идетъ съ воями, говоря: „аще погыну, то съ дружиною“—стр. 150, подъ 1043 г. Такъ и Половчинъ, во время боя подъ Кіевомъ „лаетъ дружинѣ своей, зане бяхуть остали его (князь Андрея) вси Половци“—стр. 316, подъ 1151 г., а въ 1186 г. Половци оттягиваютъ бой со Игоремъ „а дружины ожидающе“—стр. 377. Въ иномъ смыслѣ: „Святополкъ же прибѣже Володимерю, и съ нимь сына его 2 и Ярополчича 2, и Святоша, сынъ Давыдовъ Святославичя и прочая дружина“—стр. 260, подъ 1097 г.

[4]) Новг. I, стр. 8—9, подъ 922, и 945 г. (разсказъ разорванъ), Лавр., стр. 53. Жадность Игоря проявилась особенно въ томъ, что онъ, примысливъ къ первой дани, отпустилъ дружину домой, а самъ „съ маломъ же дружины (съ малою дружиною) возвратися, желая больше имѣнія“.

[5]) Лавр., стр. 62, подъ 955 г.

и молитвы». «Въ малѣ дружинѣ» ѣздятъ князья другъ къ другу въ гости. И дома князь обычно съ дружиной. «И придохъ къ нему, разсказываетъ Василій, авторъ сказанія о Василькѣ Ростиславичѣ про свою бесѣду съ Давыдомъ Игоревичемъ, и сѣдяху около его дружина». По крайней мѣрѣ на людяхъ, передъ народомъ князь всегда съ дружиной. Во время волненій 1068 г. пришли Кіевляне на княжь дворъ: «Изяславу же сѣдящу на сѣняхъ съ дружиною своею, начаша прѣтися съ княземъ» [1]).

Тѣсно сплетены интересы князя и дружины: «а ты добудеши и мы», говоритъ дружина Игорю, а Владимиръ разсуждаетъ: «сребромь и златомъ не имамъ налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и сребра». И книжникъ позднѣйшаго времени, вспоминая древнихъ князей и мужей ихъ, говоритъ, что тѣ князи «не збираху много имѣнія», но что получали, то давали дружинѣ на оружіе, а дружинники кормились воююще иныя страны, не ложилось ихъ содержаніе бременемъ на мирное населеніе, и не говорила дружина: «мало есть намъ, княже, двусотъ гривенъ» [2]).

Солидарность дружины съ княземъ сказывалась и въ долѣ и въ недолѣ. Дружина неотдѣлима отъ князя, какъ его домашніе. Изгнавъ изъ Владимира Ярополка Изяславича, Мономахъ «матерь Ярополчю и жену его и дружину его приведе Кыеву и имѣнье вземъ его». Такъ и послѣ взятія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго, Мстиславъ Изяславичъ успѣлъ бѣжать, но «княгыню его яша и сына его и дружину его изъимаша», какъ и въ 1174 г. Давыдъ Ростиславичъ «ятъ брата князя Андрея Всеволода и Ростиславича Ярополка и дружину ихъ», а рязанскіе князья, Глѣбовичи, одолѣвъ брата Всеволода «жену же его и з дѣтми, а свою ятровь, ведоша въ Рязань, и бояръ его, и имѣнье ихъ розоимаша». Не только личнымъ плѣномъ, но имуществомъ своимъ платилась дружина за пораженіе своего князя: когда Ольговичъ Всеволодъ выгналъ дядю Ярослава изъ Чернигова, то «дружину его исѣче и разграби», а когда Изяславъ Мстиславичъ выслалъ изъ Кіевщины Ростислава Юрьевича по подозрѣнію въ происках противъ себя, то «дружину его изо-

---

[1]) Лавр., стр. 153 (1051 г.); стр. 249 (1097 г.); стр. 255 (1097 г.); стр. 166—7.

[2]) Лавр., 123 (996 г.); Новг. I, стр. 2.

имаша, а товаръ отъяша»; заключая миръ съ Юріемъ Долгорукимъ, Изяславъ уговаривается съ нимъ о возвращеніи и себѣ и мужамъ своимъ всего, что пограбили у нихъ Суздальцы, стадъ и челяди [1]).

Близкая бытовая солидарность князя и дружины, какъ можно прослѣдить отчасти и по приведеннымъ выпискамъ, постепенно слабѣетъ.

Дружинники, мужи княжіе довольно рано (въ ходѣ исторіи древней Руси) отдѣляются «хлѣбомъ и имѣньемъ» отъ своего князя, обзаводятся собственнымъ хозяйствомъ. Уже въ разсказахъ о Владимирѣ слышимъ, что онъ «созываетъ бояръ своихъ» и велитъ собираться «по вся недѣля на дворѣ въ гридьницѣ» на пиръ и «приходити боляромъ и гридемъ... при князи и безъ князя» [2]). Старше временъ Ярославлихъ должно быть гнѣздо княжихъ мужей, ставшихъ боярствомъ новгородскимъ, съ которымъ уже Ярославу пришлось считаться, какъ съ мѣстной силой, преслѣдующей свои цѣли, особыя отъ княжихъ. При Ярославичахъ—видимъ домъ боярина Іоанна, «иже бѣ первый въ болярехъ» у князя Изяслава [3]).

Слишкомъ мало у насъ данныхъ, чтобы поближе присмотрѣться къ этимъ бытовымъ отношеніямъ. Но и того немногаго, что имѣется, достаточно, чтобы признать хозяйственную самостоятельность членовъ дружины явленіемъ не первоначальнымъ. На это указываетъ прежде всего древнѣйшая терминологія для обозначенія личнаго состава дружины: огнищане и гриди.

Параллелизмъ въ употребленіи нашими источниками выраженій: огнищанинъ—княжь мужъ, огнищане и гриди—бояре и гриди [4]),

---

[1]) Лавр., стр. 199 (1085 г.); 336 (1168 г.); стр. 346; стр. 382 (1186 г.), стр. 281 (1127 г.); Ипат., стр. 262 (1149 г.), стр. 274 (1149 г.).

[2]) Лавр., стр. 123 (996 г.).

[3]) Житіе Ѳеодосія (*Яковлевъ*, Памятники русской литературы XII и XIII вв.—стр. 14—17).

[4]) „Русская Правда“ (по изд. *В. И. Сергѣевича*): II-я ред., ст. 1: „аще убиють огнищанинъ... 80 гривенъ“ и III ред., ст. 2: „80 гривенъ аче будеть княжь мужъ“; II ред., ст. 2: „аще же убиють огнищанина въ разбои“, III ред., ст. 5: „аже кто убиеть княжа мужа въ разбои“.—Новг. I, стр. 170 (подъ 1195 г.): „идоша съ княземь Ярославъмь огнищане и гридьба и купци“, тоже Новг. I, стр. 244 (подъ 1234 г.): „сташа Рушане и засада, огнищанѣ и гридба и кто купьць и гости“; ср. Лавр., стр. 123 (подъ 996 г.)—„боляромъ и гридемъ“, или стр. 360 (подъ 1177 г.): „боляре, гридьбу и пасынкы и всю дружину“.

достаточно освѣщаетъ значеніе перваго изъ этихъ словъ, какъ члена дружины. Не должно бы быть и колебаній относительно этимологіи слова: этимологическій (и соціальный) близнецъ сѣверно-германскаго hirdhmann'a, огнищанинъ — членъ огнища, дома своего вождя [1]). Латинскій переводъ этого термина былъ бы: familiaris, domesticus. Онъ могъ бы примѣняться ко всей дружинѣ, но съ нимъ сталъ рядомъ заимствованный и родственный по смыслу терминъ—гридь. Огнищане—слово, ставшее спеціально означать высшій, ближайшій къ князю слой дружинниковъ старшихъ. Но и это явленіе вторичное. Въ «Русской Правдѣ» видимъ значеніе огнищанина, какъ вообще княжого мужа. Едва ли будетъ ошибочнымъ предположеніе, что оба термина, туземный и пришлый, первоначально чередовались и были равносильны.

Наглядное представленіе объ исконномъ бытовомъ отношеніи бояръ-огнищанъ къ князю сохранилъ одинъ поздній текстъ. Разсказавъ о гибели князя Василька Константиновича въ 1237 г., лѣтописецъ, въ похвальномъ словѣ ему, говоритъ: «никтоже бо отъ бояръ, кто ему служилъ и хлѣбъ его ѣлъ, и чашю пилъ и дарыималъ, тотъ никакоже у иного князя можаше быти за любовь его: излише же слугы свои любляше» [2]). Въ Новгородѣ, какъ можно заключить изъ «Устава Ярославля о мостѣхъ», огнищане жили въ опредѣленной части города, въ Славенскомъ концѣ, княжомъ и боярскомъ, составляя своего рода корпорацію.

По мѣрѣ развитія и усложненія дѣятельности князя и его положенія въ землѣ-волости—усложнялось и значеніе его дружиннаго двора. Весьма вѣроятно, что усложнялся самый составъ княжой дружины, расширялось понятіе о ней, по мѣрѣ того, какъ развертывалась организаторская работа княжой власти. Выше приходилось уже упоминать, что слово дружина примѣняется въ лѣтописныхъ текстахъ и къ старшинѣ, стоявшей во главѣ городской организаціи, созданной новыми потребностями политическаго быта. Объяснять ли это тѣмъ, что въ кругъ дружинный втягивалась, до постепеннаго поглощенія, старшина сотенъ и другихъ формъ городского строя, или тѣмъ, что изъ рядовъ дружины

---

[1]) Это справедливо отмѣчено у *Б. А. Романова* (указ. соч.). Обращать огнищанина во владѣльца огнища такая же этимологическая несообразность, какъ счесть дворянина—владѣльцемъ двора, а горожанина—города.

[2]) Лавр., стр. 444.

выходили элементы, составлявшіе личный ея складъ, не слѣдуетъ, во всякомъ случаѣ, ни упускать изъ виду ея отличія отъ дружины, въ собственномъ смыслѣ слова, ни его преувеличивать. Вспомнимъ, что тысяцкій всегда княжой мужъ, но онъ входитъ въ строй городской общины необходимымъ ея элементомъ, какъ, несомнѣнно, городская и въ этомъ смыслѣ народная власть [1]). Поэтому и вопросъ, напр., были ли сотскіе и десятскіе выборными или назначаемыми, не представляетъ, самъ по себѣ, большой принципіальной важности: они, во всякомъ случаѣ, органы княжого, а не вѣчевого управленія. Съ другой стороны, дѣятельность князей по организаціи городского управленія, а также управленія пригородами и волостями должна была расширять составъ дружины. Трудно сомнѣваться, что тѣ «мужи лучшіе», которыхъ нарубалъ Владимиръ съ сѣвера въ новые города, построенные имъ для обороны Кіевщины, вступали въ ряды княжихъ мужей. Дружина должна была разростаться и, въ то же время, расширять область своихъ дѣйствій. Рядъ ея элементовъ отрывался отъ княжого двора—на посадничества, на тіунства и т. п. Другихъ разбрасывало по волостямъ развитіе княжого хозяйства и землевладѣнія. Подобно тому, какъ князьямъ пришлось во времена Святослава—Ярослава развернуть всѣ личныя силы династіи для укрѣпленія своей власти надъ землями, составлявшими древнюю Русь, разбивая тѣмъ самымъ единство своего семейнаго союза, такъ необходимость организовать управленіе заставила ихъ развернуть дружинныя силы, тѣмъ самымъ разбивая бытовое единство дружиннаго союза—княжого огнища.

Но и въ этомъ процессѣ дружина остается источникомъ личныхъ силъ князя. Она стоитъ внѣ строя народныхъ общинъ, дѣйствуя на нихъ какъ внѣшняя, исходящая отъ князя сила, лишь постепенно выдѣляя рядъ своихъ элементовъ земскому обще-

---

[1]) Тысяцкій не идетъ въ походъ съ княземъ, если не идетъ городовой полкъ. Такъ, когда Кіевляне въ 1147 г. отказались итти съ Изяславомъ Мстиславичемъ—Лазарь тысяцкій остался въ Кіевѣ (Ипат., стр. 243—246). Характерны для положенія тысяцкаго извѣстныя формулы датировки событій по княженію князя и воеводству тысяцкаго (освященіе церкви „при благородьнѣмъ князи Всеволодѣ, державному Русьскыя земля, и чадома его, Володимера и Ростислава, воеводьство держащю Кыевьскыя тысяща Яневи“ — Лавр., стр. 201; или: поставленіе епископа „при князи Володимери и при сынѣ его Ростиславѣ, воеводьство тогда держащю тисящая Кыевьскыя Іоану Славновичю“—Лавр., стр. 434).

ству, но и втягивая изъ него личныя силы въ свои ряды. Въ этомъ взаимодѣйствіи и обмѣнѣ—развивается расчлененіе дружины, измѣняется ея отношеніе къ князю и къ мѣстному населенію. Изъ нея выростаетъ новое боярское сословіе, изъ нея развивается княжая администрація, она—историческое зерно будущаго строя помѣстныхъ военныхъ силъ. Но въ основѣ всей этой дальнѣйшей эволюціи лежитъ первоначальное значеніе дружины, какъ княжого двора.

Какъ огнище княжое, дружина имѣла свою организацію. Не думаю, чтобы къ дружиннымъ элементамъ можно было причислить того «каженика», о которомъ житіе Ѳеодосія Печерскаго говоритъ, что онъ былъ «нѣкто отъ княжа двора, иже зило любимъ бѣ княземъ (Изяславомъ Ярославичемъ), предръжа у него вся» [1]). Каженикъ-скопецъ едва-ли былъ свободнымъ человѣкомъ; такого рода рабы были въ большомъ ходу и на западѣ и въ Византіи, и притомъ именно скопцы - славяне. Постриженнаго подъ именемъ Ефрема, будущаго «митрополита» переяславскаго, каженика, который у князя въ его дворѣ все держалъ, естественно счесть за «тіуна огнищнаго», стоящаго во главѣ дворовой челяди. Въ роли judex'a curiae, говоря языкомъ галицко-волынскихъ грамотъ XIV в., видимъ въ галицкомъ княжествѣ XIII в.—дворскаго, или дворецкаго [2]). Но древнѣйшія извѣстія указываютъ намъ лишь на одно лицо, стоящее рядомъ съ княземъ во главѣ его дружинной силы—княжого кормильца. Первый извѣстный намъ кормилецъ—Асмудъ: «а Олга же бяше въ Кіевѣ съ сыномъ своимъ дѣтьскомъ Святославомъ и кормилецъ (бѣ Ипат.) его Асмудъ». Асмудъ упоминается и далѣе съ воеводою Свенелдомъ: «кормилецъ бѣ его Асмудъ и воевода бѣ Свѣнелдъ», или: «и рече Свѣнелдъ и Асмудъ: князь уже почалъ, потягнѣте, дру-

---

[1]) *Яковлевъ*, указ. изд., стр. 15.

[2]) *М. С. Грушевскій*, Іст. Укр., III²; стр. 232. Ср. *Линниченка*, Черты изъ исторіи сословій, стр. 14.—Подъ 1171 г. въ Ипат. находимъ упоминаніе о дворскомъ Мстислава Изяславича („много изоимаша дружины около его: яша Дмитра Хороброго и Олексу дворьского"—стр. 372). Въ извѣстіяхъ XIII в. видимъ дворскаго начальникомъ княжой военной силы (Ипат., стр. 518, 529, 530, 533, 550, 552—553), рядомъ съ тысяцкимъ (стр. 545). Великимъ дворскимъ (стр. 484) называетъ Галицко-волынская лѣтопись палатина венгерскаго (*Грушевскій*).

жино, по князѣ» [1]). Иногда одно лицо называется воеводой и кормильцемъ: «и бѣ у Ярослава кормилець и воевода, именемъ Буды (Будый, Блудъ)» [2]). Кормильца же видимъ въ Варягѣ Георгіи Симоновичѣ, о которомъ повѣствуетъ «Слово о созданіи Печерской церкви» въ Патерикѣ: «и бысть посланъ отъ Владимера Мономаха въ Суздальскую землю сій Георгій, дасть же ему на руцѣ сына своего Георгія» [3]). Подъ 1151 г. и 1171—встрѣчаемъ кормильца при князѣ Владимирѣ Андреевичѣ: во время битвы у Лыбеди Владимира въ бой «не пусти кормилецъ его, занѣ младъ бѣ въ то время». Но и черезъ 20 лѣтъ Пукъ или Паукъ именуется «кормильцемъ Володимеровымъ», занимая должность посадника. Подъ 1231 г. упоминается вдова кормильца Нѣздилы, вліятельная сторонница галицкаго боярина Судислава. Подъ 1202 и 1208 гг. «кормиличичами» называются галицкій боярнъ Володиславъ, захватившій было власть въ Галичѣ, и братъ его, вѣроятно, сыновья кормильца князя Владимира Ярославича галицкаго, какъ предположилъ Грушевскій [4]).

Въ XIII в. параллельно съ терминомъ «кормилецъ», какъ его синонимъ, быть можетъ, первоначально не полный, встрѣчаемъ выраженія: дядько, дѣдко. Дядько Романовичей упоминается въ Ипат. подъ 1202 г., а подъ 1289—князь Левъ Даниловичъ посылаетъ къ сыну «Семена, своего дядьковича». Кормильцемъ (Юрія II Болеслава) слѣдуетъ признать и Димитрія Детка, хотя бы потому, что слово «noster» въ грамотѣ Юрія Болеслава къ магистру Тевтонскаго ордена отъ 20 окт. 1335 г.: «Demetrio, detkone nostro» нельзя-же признать, какъ хотѣлъ Куникъ, простымъ выраженіемъ личной дружбы князя къ боярину. Его печать, описанная и изданная А. С. Лаппо-Данилевскимъ, имѣетъ въ легендѣ, послѣ имени Дмитрія: «д⁂д...», а самъ онъ себя титулуетъ:

---

[1]) Новг. I, стр. 9 и 12, Лавр., стр. 54 и 57; Ипат., стр. 34 и 37.— А. А. Шахматовъ указалъ мнѣ, что имя Свенелда въ рядѣ случаевъ является вставленнымъ въ лѣтописный текстъ. Такъ и въ послѣднемъ текстѣ: и рече (а не: рекоша) Свѣнелдъ и Асмудъ: Ср. „Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, стр. 12: „и рече Свиндилъ Исмудъ“; такъ въ предыдущемъ Лавр., не имѣетъ „и“ (кормилицъ его Асмудъ воевода бѣ Свѣнелдъ). Какъ бы то ни было во главѣ дружины и при князѣ его кормилецъ. О значеніи древнѣйшихъ воеводъ см. ниже.

[2]) Лавр., стр. 139; Ипат., стр. 100; Соф. I (П. С. Р. Л., т. V), стр. 132, Рост. и др.

[3]) *Яковлевъ*, указ. изд., стр. 114.

[4]) Ипат., стр. 299, 373, 510, 481 и 484.

«дедко» въ грамотѣ Торунскимъ купцамъ. Словомъ «дядька», «дядко» передаютъ позднѣйшіе списки устарѣлое кормилецъ: напр., Соф. I: «и бѣ у Ярослава дядька и воевода Блудъ», или Лѣт. Переяславля Суздал.: «и рече Свиндилъ Исмудъ, дядко его»; а рукопись Ростовскаго лѣтописца слово дядька на полѣ поясняетъ старымъ: кормилецъ [1]).

Кормильцевъ этихъ видимъ не при малолѣтнихъ только князьяхъ, но и при взрослыхъ, притомъ со значительнымъ политическимъ вліяніемъ. Впрочемъ, первый изъ упомянутыхъ кормильцевъ—Асмудъ быстро сходитъ со сцены, уступая мѣсто крупной фигурѣ Свенелда. Состояніе преданій о Свенелдѣ, дошедшихъ до насъ въ сложномъ составѣ лѣтописныхъ сводовъ сплетенными съ иными темами и мотивами, оставляетъ многое неяснымъ въ его исторіи и значеніи. При Игорѣ это первое лицо рядомъ съ княземъ, ему уступаетъ Игорь дань съ Уличей и Древлянъ, а самъ гибнетъ въ попыткѣ возмѣстить себѣ и своей дружинѣ перевѣсъ въ обезпеченіи, какой получила дружина Свенелда, «отроки Свѣнельжи». Въ малолѣтство Святослава онъ, повидимому, игралъ какую-то роль, о которой у лѣтописца были противорѣчивыя свѣдѣнія: отсюда перебой его имени съ именемъ Асмуда. Но при Святославѣ видимъ его въ положеніи почти соправителя. Какъ «воевода отень» [2]) онъ стоитъ до такой степени рядомъ съ княземъ, что имя его находимъ вмѣстѣ съ княжимъ въ договорѣ Святослава съ Цимисхіемъ: «Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, велицѣмь князи Рустѣмь, и при Свѣналъдѣ»... Притомъ, его имени не было въ Игоревомъ договорѣ, ни среди членовъ княжого дома, ни въ числѣ «всякого княжья». Совокупность чертъ, какими обрисовано положеніе Свенелда—не оставляетъ сомнѣнія, что передъ нами — членъ княжой дружины, достигшій необычайной силы и вліянія. При Игорѣ между

---

[1]) Ипат., стр. 612; Сборникъ: „Болеславъ—Юрій II“ Спб. 1907; П. С. Р. Л., т. V, стр. 132; „Лѣт. Пер. Суздал.“, стр. 12; Рост. лѣт., листъ 50-об. Отмѣчу еще, что въ Минеяхъ Дмитрія Ростовскаго читаемъ: „а въ то время, малу еще возрастомъ бывшу князю Русскому Игорю Рюриковичу, управляше княженіе Олегъ, сродникъ и пѣстунъ князевъ“ („Книга житій святыхъ“, изд. 1705 г., стр. 449). Трудно допустить, чтобы источникомъ этого варьянта—„и пѣстунъ князевъ“ не былъ какой либо древній текстъ, быть можетъ, съ чтеніемъ: кормилецъ его.

[2]) „Рече ему (Святославу) воевода отень Свѣналдъ: поиде, княже, на коних около, стоять бо Печенѣзи въ порозѣхъ, и не послуша его“—Лавр., стр. 72, подъ 971 г.

дружиной князя и отроками Свенелда, не будетъ слишкомъ смѣло сказать: между Игоремъ и Свенелдомъ—преданіе отмѣчаетъ нѣкоторый антагонизмъ. При Святославичахъ сынъ Свенелда гибнетъ отъ руки одного изъ князей въ землѣ древлянской. Но при Святославѣ—Свенелдъ стоитъ и дѣйствуетъ рядомъ съ энергичнымъ княземъ.

Попытку предположительно осмыслить эти черты преданія подсказало мнѣ сходное явленіе древней польской исторіи. Тутъ первый извѣстный по источникамъ кормилецъ-нутриторъ князя Войславъ, воспитатель Болеслава Кривоустаго; онъ состоялъ при Болеславѣ, когда тотъ четырнадцати лѣтъ правилъ въ Бреславлѣ. Въ грамотахъ — видимъ подпись Войслава непосредственно за подписью палатнаго комеса Скарбимира. Но когда Болеславъ занялъ отцовскій столъ, то о Войславѣ больше не слышимъ, а «педагогомъ» при томъ же Болеславѣ, главою двора княжого и militiae princeps'омъ надъ гнѣзненскимъ ополченіемъ, полкомъ стольнаго града и его земли (acies palatina) — видимъ Скарбимира [1]). Источникъ его высокаго значенія—соединеніе въ одной рукѣ начальства надъ княжимъ дворомъ и гнѣзненскимъ полкомъ, а также «педагогія» при князѣ [2]).

Такое же соединеніе источниковъ вліянія естественно, казалось бы, предположить и у Свенелда, получившаго столь исключительное значеніе въ договорѣ Святослава съ Греками [3]). Это

[1]) См. *Тадеуша Войцѣховскаго*, „O Piaście i piaście" (Rozprawy ист.-фил. отд. Краковской Ак. Наукъ, сер. II, т. VII). Въ этомъ изслѣдованіи находимъ сопоставленіе славянскихъ—въ томъ числѣ и русскихъ—кормильцевъ и дядекъ съ западными педагогами, нутриторами и баіулами, и обзоръ всѣхъ извѣстій о польскихъ педагогахъ-нутриторахъ. Интересно отмѣтить, что должность эта постепенно теряетъ значеніе и къ концу XIII в. сходитъ въ конецъ списка чиновъ, выступавшихъ свидѣтелями въ княжихъ грамотахъ. Ср. у *Войцѣховскаго* указанія на должности педагога у Чеховъ, дяда у Хорватовъ, питара при дворѣ господарей валашскихъ.

[2]) *Т. Войцѣховскій*, считая нутритора и педагога вполнѣ тождественными, полагаетъ, что произошла смѣна Войслава Скарбимиромъ. Но, вспоминая попытки Вайца установить нѣкоторое различіе между этими терминами, а также ту черту, что глава княжого двора и княжой военной силы у Франковъ бралъ въ свои руки педагогію при княжичѣ, можно допустить, что Скарбимиръ, comes palatii, былъ руководителемъ княжого воспитанія Болеслава, получившаго въ нутриторы Войслава при отправленіи въ Бреславль, какъ Мономашичь Юрій—варяга Георгія.

[3]) Отмѣчу еще, что лѣтопись въ разсказѣ о гибели Святослава какъ бы подчеркиваетъ „непослушаніе" князя.

послѣднее—наиболѣе документальное изъ сохранившихся свидѣтельствъ о Свенелдѣ—трудно истолковать иначе, какъ привлекая къ дѣлу понятіе «кормильства».

Выше было упомянуто, что основой политическаго вліянія педагоговъ - нутриторовъ - кормильцевъ надо признать связь искусственнаго родства, придававшую кормильцу по отношенію къ питомцу вліяніе, аналогичное родительской опекѣ. Подобное явленіе засвидѣтельствовано и текстомъ нашего Патерика. За приведеннымъ выше разсказомъ о Георгіи Симоновичѣ, которому Мономахъ «дасть на руцѣ» сына своего Юрія, слѣдуетъ: «по лѣтѣхъ же мнозѣхъ сѣде Владимеровичъ въ Кіевѣ, тысяцкому же своему Георгіеви, *яко отцу*, предасть область Суздальскую» [1]).

Среди немногихъ намековъ на эту любопытную черту древняго княжого быта и дружиннаго строя, отмѣчу, что воеводу Ярополка Святославича Блуда слѣдуетъ, повидимому, отождествить съ Буды, кормильцемъ и воеводой Ярославлимъ, а при Владимирѣ видимъ аналогичную фигуру въ Добрынѣ, его родномъ дядѣ, руководителѣ его первыхъ выступленій, соучастникѣ походовъ, правителѣ Новгорода [2]).

Стремленіе князей-Рюриковичей монополизировать въ своихъ рукахъ княжую власть не дало на Руси кормильству развиться въ крупную политическую силу. Тѣ ростки, изъ которыхъ у франковъ съ развитіемъ маіордомата поднялась династія Каролинговъ, которые — по остроумной гипотезѣ Войцѣховскаго [3])—

---

[1]) Очевидно, отдавъ подъ его опеку двухъ младшихъ сыновей, Михалка и Всеволода, которымъ предназначалъ Юрій суздальскую землю. Эта связь названнаго отцовства дѣлаетъ понятнымъ и значеніе „кормиличичей“, подобное германской Pflegebruderschaft, которая была равносильна побратимству. Князь Левъ Даниловичъ въ этомъ смыслѣ называетъ Семена „своимъ дядьковичемъ“—Ипат., стр. 612.

[2]) Новг. I, стр. 25; Лавр., стр. 78. Буды и Блуда *С. М. Соловьевъ* считалъ разными лицами. „Указатель къ П. С. Р. Л.“ ихъ отождествляетъ. Лѣтописные тексты даютъ оба имени, какъ варьянты одного. Характерно, что Длугошъ, приводя извѣстіе о Блудѣ изъ русскихъ источниковъ, называетъ его: consiliarius и palatinus.

[3]) *Войцѣховскій* доказываетъ, что личнаго имени Пястъ — не существовало, что это названіе должности, ставшее прозваніемъ, какъ у Дмитрія Дѣдка. Ср. впрочемъ рѣшительныя возраженія *А. Брикнера* противъ гипотезы Войцѣховскаго: piast — не синонимъ пѣстуна, единственное возможное значеніе слова—tłuczek, пестъ, пестикъ (O Piaście, Rozprawy Крак. Ак. Н., т. 35).

дали Полякамъ ихъ первую историческую династію, у насъ заглохли безъ крупныхъ результатовъ. Подобно тому, какъ въ Польшѣ короли, испытавъ опасность отъ чрезмѣрной силы людей, подобныхъ Скарбимиру, возставшему и ослѣпленному, стремятся сами держать свою «курію», и «per se patriam sine palatino comite regere», и русскіе князья, быть можетъ, подъ живымъ примѣромъ исторіи Свенелда, конецъ которой намъ неизвѣстенъ, не терпятъ возлѣ себя сильныхъ и самостоятельныхъ вождей, сосредоточиваютъ управленіе въ рукахъ членовъ своей семьи, являются сами «начальниками дружины», какъ говорили про Ярослава Скандинавы. Не только единоличнымъ вождемъ дружины, но и собственнымъ маіордомомъ-дворскимъ выступаетъ передъ нами Мономахъ въ своемъ «Поученіи». И лишь слабыми отголосками былыхъ возможностей прозвучали въ годину галицкихъ смутъ попытка кормиличича Володислава сѣсть на княженіе, да эфемерное правленіе Дмитрія Дѣдка. Стремленіе высшихъ слоевъ дружины къ независимости отъ княжой власти нашло иной выходъ тамъ, гдѣ они стали во главѣ общественныхъ силъ, какъ вліятельный классъ — боярство. Самостоятельнаго значенія дружинная организація не получила, и къ князьямъ древней Руси можно вполнѣ примѣнить слова Стеббса про королей Англо-саксовъ: они не замкнуты въ уединенномъ величіи, какъ послѣдніе Меровинги; они сами свои палатные меры, вожди своей дружины, которая даетъ имъ силу въ управленіи и на полѣ битвъ.

3. Составъ дружины.

«Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и съ ними думая о строи земленѣмъ и о ратехъ и о уставѣ земленѣмъ» — говоритъ лѣтописецъ о старомъ Владимирѣ. «Володимѣръ Всеволодичь» — читаемъ въ «Русской Правдѣ» про Мономаха, «по Святополчѣ, созва дружину свою на Берестовѣмь: Ратибора, кіевьского тысячьского, Прокопью, бѣлогородьского тысячьского, Станислава, переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича, Олгова мужа, и уставили до третьяго рѣза, оже емлеть въ треть куны». — «Скажите передъ дружиною», говоритъ Владимиръ Святославичь мужамъ, вернувшимся съ «испытанія вѣръ», и съ «болярами» разсуждаетъ: «гдѣ крещенье пріимемъ?»

Немного сохранилось указаній на совѣщанія князя съ дружиной по дѣламъ земли — о ея строѣ и уставѣ. И тѣ носятъ

особый отпечатокъ: въ нихъ упомянуты тысяцкіе, старѣйшина городская, епископы [1]).

Но «сѣдше думати съ дружиною»—входитъ въ росписаніе постоянныхъ занятій князя по «Поученію» Мономаха. И въ лѣтописяхъ не мало свидѣтельствъ о постоянныхъ совѣщаніяхъ князей съ дружиною.

Подавляющее большинство ихъ, всѣ совѣщанія, носящія собственно дружинный характеръ, въ отличіе отъ совѣщаній съ органами княжого управленія, при участіи иногда духовенства, относятся къ личной политикѣ князей: дѣламъ военнымъ [2]), отношеніямъ къ внѣшнимъ врагамъ — Половцамъ [3]), отношеніямъ между князьями [4]) и князей къ городамъ [5]). Такія совѣщанія—дѣло обычное, и, надо полагать, упоминаются также случайно, какъ случайно не упомянуты въ рядѣ другихъ извѣстій. Характеръ этихъ совѣщаній, вполнѣ естественныхъ и необходимыхъ въ условіяхъ княжой дѣятельности, личный, бытовой. Нельзя не повторить за В. И. Сергѣевичемъ: «Была ли княжеская дума постояннымъ учрежденіемъ, съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ составомъ и компетенціей, или это только актъ думанія, дѣйствіе совѣтыванія князя съ людьми, которымъ онъ довѣряетъ?

---

[1]) Лавр. стр. 104—105 (подъ 987 г.), стр. 124 (подъ 996 г.); „Уставъ Володимѣрь Всеволодича“—въ III ред. „Русской Правды“.

[2]) Святославъ „поча думати съ дружиною“ о невозможности продолжать войну съ Греками и заключилъ миръ, потому что „люба бысть рѣчь си дружинѣ“—Лавр., стр. 70, подъ 971 г. Военные совѣты: Ипат. стр. 295, подъ 1151 г.; Лавр., стр. 307, подъ 1149 г.; стр. 356, подъ 1176 г.; стр. 370, подъ 1185 г. и т. п.

[3]) Дѣла Половецкія: Лавр., стр. 212, подъ 1093 г.; 219, подъ 1094 г.; 339, подъ 1169 г.; 369, подъ 1184 г.; на Долобьскомъ съѣздѣ—Лавр., стр. 267, подъ 1103 г.

[4]) Участіе дружины на съѣздахъ—Лавр., стр. 264, подъ 1100 г., хотя тутъ отмѣчено только ея присутствіе; стр. 267, подъ 1103 г.; князь Андрей Владимировичъ „сдумавъ съ дружиною своею“ рѣшаетъ: „лѣплѣе ми того смерть на своей отчинѣ и на дѣдинѣ, нежели Курьское княженіе“ стр. 291, подъ 1139 г.; „здумавъ съ дружиною своею“, рѣшилъ Ростиславъ Юрьевичъ итти къ Изяславу въ Кіевъ—стр. 303, подъ 1148 г.

[5]) „Видиши, княже, людье взвыли“, говоритъ дружина Изяславу Ярославичу во время кіевскихъ волненій 1068 г. и совѣтуетъ убить Всеслава—Лавр., стр. 167. „Здумавъ съ дружиною своею“ рѣшаетъ Всеволодъ Юрьевичъ дать Новгородцамъ сына своего Святослава „на всей своей воли“ (въ совѣщаніи этомъ установлены и условія ряда?) — стр. 395, подъ 1200 г.

Въ литературѣ господствуетъ первое мнѣніе, тѣмъ не менѣе справедливо только второе» [1]). Это не значитъ, чтобы совѣщанія не были неизбѣжны для князя: онъ рисковалъ получить отвѣтъ: «о собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали», какъ сказала однажды дружина Владимиру Мстиславичу [2]). Но совѣщанія князя съ дружиною стояли внѣ политическаго строя земель-княженій, какъ болѣе или менѣе частное его дѣло, и его «дума» съ нею не сложилась въ «учрежденіе».

Конечно, общественное мнѣніе не могло быть равнодушнымъ къ совѣщаніямъ, сильно вліявшимъ на дѣйствія князей. «Злые думцы» часто бывали, въ его глазахъ, виновниками дурной политики. Дружина, окружавшая князя, имѣла большой вѣсъ въ дѣлахъ земли, и внутреннихъ и внѣшнихъ. «Въ сихъ печали», разсказываетъ лѣтописецъ про послѣдніе годы кіевскаго княженія Всеволода Ярославича, «вставша и недузи ему и приспѣваше старость къ симъ, и нача любити смыслъ уныхъ, совѣтъ творя съ ними; си же начаша заводити и негодовати дружины своея первыя, и людемъ не доходити княже правды, начаша тіуни грабити, людій продавати, сему не вѣдущу въ болѣзнехъ своихъ» [3]) Такъ легкомысленное вѣроломство Святополка Изяславича по отношенію къ Половцамъ лѣтопись объясняетъ тѣмъ, что онъ поступилъ «не здумавъ съ болшею дружиною отнею и стрыя своего, совѣтъ створи съ пришедшими съ нимъ», а клятвопреступленіе Мстислава Владимировича—тѣмъ, что Всеволодъ Ольговичъ добился своего, «боляры подъучая и дары дая» [4]). Пусть на сужденіяхъ этихъ лежитъ печать опредѣленной партійности [5]): по существу ихъ можно признать отраженіемъ взгляда населенія на роль совѣтниковъ—дружины. Но все это лишь подчеркиваетъ, что «думалъ» князь съ близкими, окружающими людьми, а не съ совѣтомъ должностныхъ лицъ, какъ таковыхъ, совѣщался съ дружиной во всякихъ дѣлахъ такъ же, какъ «плакался съ нею» по умершемъ отцѣ [5]).

---

[1]) „Р. Юр. Др.“, II, стр. 336.

[2]) Ипат., стр. 367, подъ 1169 г.

[3]) Лавр., стр. 209, подъ 1093 г.

[4]) Лавр., стр. 211, подъ 1093 г. и стр. 282, подъ 1127 г.

[5]) Во главѣ „смысленыхъ“ мужей и старшей дружины, которой должны бы были слушаться Всеволодъ и Святополкъ—стоитъ Янъ, вѣроятно, Янъ Вышатичъ, и притомъ, тождественный со старцемъ Яномъ, со словъ котораго лѣтописецъ многое выписалъ въ лѣтописанье.—Лавр. 271, подъ

Важнѣе—иное. Суммарная характеристика дружинныхъ совѣщаній древне-русскаго князя отвлекается отъ чертъ, которыя указываютъ на сложность состава той среды, какую означаютъ словомъ дружина, и отъ тѣхъ перемѣнъ, которыя постепенно происходили въ положеніи отдѣльныхъ ея элементовъ. А, между тѣмъ, внутренняя дифференціація дружинной среды была столь значительна и развивалась въ X — XII вв. столь, сравнительно, быстро, что едва-ли даже правильно говорить о политическомъ и общественномъ значеніи дружины въ ея цѣломъ.

Если вспомнить боярское положеніе огнищанина въ позднѣйшихъ новгородскихъ текстахъ — конца XII и XIII в., — какимъ архаизмомъ представится огнищанинъ устава старшихъ Ярославичей! Видимъ его у клѣти, у конюшни, на скотномъ дворѣ, наряду съ конюхомъ старымъ при стадѣ, съ ѣздовымъ и тіунами [1]). Попытка уловить различіе терминовъ огнищанинъ и гридь — привела бы къ признанію за гридемъ преобладанія военнаго значенія, а за огнищаниномъ—принадлежности къ княжому двору и хозяйству.

На югѣ эти термины не привились. «Повѣсть временныхъ лѣтъ» огнищанъ вовсе не знаетъ, гридей упоминаетъ только разъ, при Владимирѣ [2]), что можно связать съ привлеченіемъ въ въ ту пору на югъ—сѣверныхъ военныхъ силъ. Находимъ ихъ въ княжомъ уставѣ. Но литературная и, вѣроятно, народная рѣчь Кіевлянъ не усвоила этой терминологіи [3]).

1106 г.; а разсказъ о черниговскихъ дѣлахъ при Мстиславѣ пробуетъ оправдать князя.

[5]) Лавр., стр. 196, подъ 1078 г.

[1]) II-я ред. „Русской Правды“ (изд. В. И. Сергѣевича). Не стану возводить на княжого мужа конокрадства или коровьей татьбы; ср. о смыслѣ этой статьи замѣчанія *Б. А. Романова* (указ. статья). Огнищанинъ у клѣти или у коня и т. п., тоже, что конюхъ старый у стада статьи 5-й. Непонятно, какъ можно убить во пса мѣсто—уже убитаго огнищанина. Мысль, которую вкладываетъ въ эту статью *М. Ф. Владимирскій-Будановъ* (Христоматія), была бы выражена иначе, какъ въ ст. 17: „то той убитъ и есть“. Статья стоитъ въ ряду статей, защищающихъ огнищанина.

[2]) Внѣ Новгорода, кромѣ указаннаго случая, встрѣчаемъ гридей еще въ ростово-суздальской землѣ, Лавр. стр. 360.

[3]) На сѣверѣ ее потомъ вытѣсняетъ равносильное выраженіе: дворане, дворяне, впервые встрѣчающееся въ разсказѣ объ убіеніи Андрея Боголюбскаго—Лавр. 351; ср. Новг. I, стр. 195, подъ 1214 г.—*В. И. Сергѣевича*, Р. Юр. Др. I², стр. 461—462.

Ту часть дружины, которая сохранила непосредственную связь съ домашнимъ бытомъ князей и стояла всего неотлучнѣе при нихъ, сближаясь и сливаясь съ несвободной челядью, встрѣчаемъ подъ названіемъ—отроки, дѣтскіе, пасынки. Ихъ видимъ въ троякой роли: они—личные слуги князя [1]), они—его вооруженная свита [2]), изъ нихъ младшіе агенты княжого управленія [3]). Отроки то объемлются терминомъ дружина, то противопоставляются дружинѣ [4]). Когда читаемъ, что князь идетъ куда-либо «въ малѣ дружинѣ», то въ большинствѣ случаевъ не ошибемся, представивъ его окруженнымъ дѣтскими - отроками, хотя то же выраженіе означаетъ и просто небольшой отрядъ. Отроки—это та «молодшая дружина», которая втеченіе всего разсматриваемаго нами періода всего болѣе сохраняетъ чертъ дружины первичнаго типа: княжого двора, слугъ княжихъ, и въ бою, и въ хозяйствѣ,

---

[1]) „Греци... положиша предъ нимъ злато и паволокы; и рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: „схороните“—Лавр., стр. 69, подъ 971 г.; „бяше отрокъ сь родомь сынъ Угърескъ, именемь Георги, егоже любляше повелику Борисъ, бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику, въ ней же предъстояше предъ нимь“—Лавр., стр. 131, подъ 1015 г.; „еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ“—стр. 242. Часто видимъ отроковъ и дѣтскихъ въ разсылкѣ: Ярославъ посылаетъ отрока—Н. I, стр. 83; Василька предостерегаетъ дѣтскій, высланный навстрѣчу—Л., стр. 249; „пригна дѣтьскій изъ Галича“, „погна изъ города дѣтьскій“ Ипат., стр. 319 и 340.

[2]) „Имѣю отрокъ своихъ 700, иже могуть противу имъ стати“—Лавр., стр. 211, подъ 1093 г.; Андрея Боголюбскаго, отбившагося во время сраженія отъ дружины, защищаютъ „токмо отъ меншихъ его дѣтьскыхъ два“, Лавр., стр. 308, подъ 1149 г.; въ битвѣ съ Литвой палъ „княжь дѣцкой“—Новг. I, стр. 244, подъ 1234 г.

[3]) При Янѣ Вышатичѣ, дань емлющемъ—12 отроковъ—Лавр., стр. 171; отрокъ при вирникѣ—Р. Пр., III ред., ст. 12 и 21; при мостникѣ—ст. 127; при посадникѣ—ст. 146; ср. посаднича дичького — Новг. I, стр. 387; „дѣтьцкыѣ и мечникы“ по волости суздальской (при посадникахъ и тіунахъ)—Лавр., стр. 351, подъ 1175 г.; Ростиславичи роздали въ ростовской землѣ „по городомъ посадничьство Русьскымъ дѣтьцкимъ“—Лавр., стр. 355, подъ 1176 г.

[4]) „Боляре, гридьбу и пасынкы и всю дружину“ — Лавр., стр. 360; Глѣбъ „съ малою дружиною поиде... отроци Глѣбови уныша“—Лавр., стр. 132—133, подъ 1015 г. Съ другой стороны: Ольга „повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня... и повелѣ дружинѣ сѣчи Деревляны“ Лавр., стр. 56. Володимеръ Мстиславичъ, разойдясь съ дружиной, отправляется съ дѣтскими, сказавъ: „а се будуть мои бояре“--Ипат., стр. 367, подъ 1169 г.

и въ управленіи, и во всякихъ дѣлахъ остающихся въ полномъ распоряженіи и личной зависимости отъ князя [1]).

«Молодшая дружина» не технической терминъ. Это выраженіе, употребляемое въ противопоставленіе тому, что считаютъ дружиной старѣйшей. Поэтому трудно сказать, разумѣлъ ли Василько Ростиславичъ именно отроковъ, когда разсказывалъ о своихъ планахъ предложить братьямъ: «дайта ми дружину свою молотшюю, а сами пійта и веселитася», и пуститься въ рядъ смѣлыхъ военныхъ предпріятій [2]). Дружина не разлагается только на отроковъ и бояръ. Между боярами думающими и отроками стоятъ мужи храборствующіе.

Старѣйшая, большая дружина, прежде всего, «дружина отня», старшіе, опытные войны. Выше уже поминалось, какъ осуждаетъ лѣтописецъ Всеволода Ярославича за то, что онъ сталъ пренебрегать прежней своей дружиной, а возлюбилъ «смыслъ юныхъ», а Святополка Изяславича — за предпочтеніе совѣтовъ пришедшей съ нимъ изъ Турова личной своей дружины мнѣнію «дружины отней и стрыя», т. е. Ярославичей, Изяслава и Всеволода, временъ ихъ совмѣстнаго правленія. Эта старшая дружина переходитъ къ младшему поколѣнію князей, вооруженная давнимъ вліяніемъ и авторитетомъ въ дружинной и въ общественной средѣ. Изъ ея рядовъ выходили тысяцкіе и посадники, совѣтники князя и его сотрудники по дѣламъ строя и устава земли.

Давно отмѣчены указанія, что высокое положеніе такихъ лицъ переходило по отечеству на ихъ сыновей. Сына Вышаты, которому Ярославъ поручилъ воеводство надъ воями въ 1043 г., Яна—видимъ, подъ 1089 г., кіевскимъ тысяцкимъ. Весьма вѣроятно, что это тотъ же бояринъ Іоаннъ, о которомъ житіе Ѳеодосія говоритъ, что былъ онъ «первый у князя въ болярехъ»— въ княженіе Изяслава; при Святославѣ, подъ 1071 г., встрѣчаемъ Яна Вышатича въ полюдьи на Волгѣ; при Всеволодѣ—тысяцкимъ;

---

[1]) Лишь подъ 1175 г.—на ростово-суздальскомъ сѣверѣ встрѣчаемъ указаніе на дома дѣтскихъ („дѣтьцкыѣ и мечникы избиша, и домы ихъ пограбиша“—Лавр., стр. 351), и то—посланныхъ по городамъ, т. е. едвали это ихъ собственные дома.

[2]) Лавр., стр. 256, подъ 1097 г. Ср. Ипат., стр. 287, подъ 1150 г. „Рече Изяславъ брату своему Володимеру: поѣди ты на Вѣлгородъ передомъ, и мы вси пущаемъ съ тобою дружину свою моложьшюю“.

*

при Святополкѣ Изяславичѣ—онъ во главѣ тѣхъ «смысленыхъ», которые сумѣли заставить князя признать свое вліяніе, хотя тотъ былъ окруженъ своимъ дворомъ; а рядомъ стоитъ братъ его, Путята, воеводой и ближайшимъ сотрудникомъ Святополка. Въ 1072 г. «держа Вышегородъ Чюдинъ», братъ его Тукы—при Изяславѣ во время кіевской смуты 1068 г. [1]), сынъ Иванъ—Ольговъ мужъ [2]), на совѣщаніи у Мономаха при выработкѣ «устава о рѣзахъ».

Старшая дружина кіевская, сложившаяся при Владимирѣ и Ярославѣ, видимо, крѣпнетъ въ значеніи своемъ втеченіе двухъ поколѣній. Соправительство Ярославичей могло только укрѣпить ея положеніе, несмотря на ихъ раздоры: какъ Святополкъ Изяславичъ, занявъ Кіевъ, «сѣдѣ на столѣ отца своего и стрыя своего», такъ къ нему переходитъ и «болшая дружина отняя и стрыя своего». Переяславская дружина Всеволода—осталась въ рукѣ Мономаха, но не кіевская. Передъ нами—организація дружинныхъ силъ кіевскихъ, окрѣпшая втеченіе почти столѣтія, сильно и неизгладимо отошедшая отъ своего первоначальнаго типа, княжого двора-огнища [3]).

Князьямъ пришлось развернуть силы этого послѣдняго, чтобы сорганизовать свое управленіе. Дружинники — держатъ города, какъ посадники, держатъ воеводство тысячи въ стольныхъ городахъ. Какъ при всякой опредѣляющейся административной системѣ, это придаетъ положенію ихъ нѣкоторую самостоятельность, даетъ въ ихъ руки власть и вліяніе, поглощаемыя лишь въ тео-

---

[1]) Лавр., стр. 150; Яковлевъ (указ. изд.), стр. 14; Лавр., стр. 171, 201, 212, 262, 264; ср. Ипат., стр. 186, подъ 1106 г.

[2]) Въ первомъ очеркѣ были указаны свидѣтельства о связяхъ Олега и Ольговичей съ Вышгородомъ. Чюдинъ, по всей вѣроятности, Микула, участникъ составленія такъ наз. второй редакціи „Русской Правды“.

[3]) Ср. *М. С. Грушевскаго*: „основную массу дружины составляли люди мѣстные“, сохраняющіе свое положеніе при смѣнѣ князей, „Іст. Укр.“, III², стр. 306; его-же, „Галицкое боярство XII—XIII в.“ (Зап. Наук. тов. імени Шевченка, т. X, стр. 2), о дружинникахъ-землевладѣльцахъ, которые, будучи „привязаны къ землѣ, держались разныхъ князей, какіе только попадали на Кіевскій столъ и только въ крайности покидали Кіевщину“. Возраженія *Н. П. Сильванскаго* („Феодализмъ въ древней Руси“, стр. 63—64) противъ „мнимыхъ странствованій бояръ“, формулированныя имъ по отношенію къ удѣльному времени (конецъ XII—середина XVI вв.), въ значительной степени справедливы и для второй половины XI—всего XII вв.

ріи, не на дѣлѣ, личнымъ значеніемъ князя. «На посадникы не зря, ни на биричи, самъ творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ», говоритъ о себѣ Мономахъ. Такова тенденція дѣльнаго князя, воспитанная въ русскихъ князьяхъ временами строенія кіевской власти на Руси, борьбы съ черезчуръ независимыми мѣстными властями, княжими мужами, сидящими по городамъ, «подъ рукою» кіевскаго князя, съ ихъ стремленіемъ быть «всякимъ княжьемъ», «свѣтлыми и великими князи, великими боярами», говоря слогомъ договоровъ. И семья княжая достигла монополіи на княжое владѣніе. Но орудія ихъ управленія—тѣмъ не менѣе—пріобрѣтаютъ извѣстную самостоятельность личнаго общественнаго положенія и политическаго вліянія. Уже при Всеволодѣ Ярославичѣ, при Святополкѣ Изяславичѣ видимъ большую, старѣйшую дружину вліятельной силой, съ которой князьямъ приходится считаться, какъ съ самостоятельнымъ факторомъ древнерусской жизни, имѣющимъ, видимо, свои собственные корни въ общественномъ быту. Въ бытовомъ отношеніи эти дружинные элементы въ XI в. не поглощаются княжимъ дворомъ. Въ Житіи Ѳеодосія читаемъ о боярскомъ домѣ Іоанна, «перваго въ боларѣхъ» князя Изяслава (думаю, что рѣчь идетъ о Янѣ Вышатичѣ). Въ 1068 г. Кіевляне бросаются на дворъ воеводы Коснячка. Въ 1113—грабятъ дворъ Путятинъ тысяцкаго, а послы кіевскіе говорятъ Владимиру Мономаху: «яко много зло уздвигнеться, то ти не Путятинъ дворъ, ни соцькихъ, но и Жиды грабити, и паки ти поидуть на ятровь твою и на бояры и на монастырѣ» [1]). Въ XII вѣкъ боярство переходитъ классомъ съ самостоятельнымъ общественнымъ и экономическимъ положеніемъ. Что же такое древнѣйшее боярство? Наши тексты знаютъ лишь два значенія слова бояре: высшій разрядъ дружины и ея личный составъ вообще [2]). Но эти бояре рано перестаютъ быть огнища-

[1]) Ипат., стр. 198.

[2]) „И бяста у него 2 мужа, не племени его, но боярина“—Лавр., стр. 20 (объ Асколдѣ и Дирѣ), „великіе бояре“ договора 912 г.; „боляре и Русь вся“—договора 971 г.; „боляры своя и старци градьскые“—Лавр., стр. 104—105; „боляромъ и гридемъ“—стр. 123; „кождо (князей) съ своими боляры и слугы“, Лавр., стр. 418—419; бояре и слуги, стр. 444.—Иногда значеніе шире и равно вообще княжимъ мужамъ: князь идетъ со всѣми боярами, духовенствомъ и всѣми Кіянами—Лавр., стр. 200; „боляре и простіи людье“, стр. 210; „созва боляръ и Кыянъ“—и „рѣша боляре и людье“—стр. 250: это то же, что „мужи отець нашихъ и люди градьскые“—стр. 222; князь идетъ на свадьбу „со всѣми боляры и съ Кыяны“, стр.

нами въ строгомъ бытовомъ смыслѣ этого слова. Извѣстія о боярскомъ землевладѣніи дошли до насъ только отъ XII вѣка, и то—въ случайныхъ упоминаніяхъ. «И розъграбиша Кіяне съ Изяславомъ домы дружины Игоревы и Всеволожѣ, и села, и скоты, взяша имѣнья много въ домехъ» [1]). Изгнанный изъ Кіева «Изяславъ же рече дружинѣ своей: вы есте по мнѣ изъ Руские земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизній лишився», и уговаривается съ Юріемъ Долгорукимъ о возвращеніи всего, «яко по Переяславьскомъ полку что будеть пограблено или стада, или челядь»; по заключеніи мира князь послалъ «мужи своя и тивуны, своего дѣля товара и своихъ дѣля стадъ, егоже бѣ отшелъ, а мужи своего дѣля они самѣ ѣхаша, а друзіи тивуны своѣ послаша» [2]). Но это только первыя упоминанія—свидѣтельства о давно сложившихся отношеніяхъ. Гадать о происхожденіи этого землевладѣнія—мудрено, но одну черту отмѣчу. Двѣ послѣднія цитаты относятся къ двумъ разнымъ, но близкимъ моментамъ. И въ одной изъ нихъ, первой по времени, идетъ рѣчь о возвратѣ стадъ и челяди—не селъ. Что же сталось съ селами, а, вѣроятно, и городскими домами мужей Изяславлихъ? На это имѣемъ нѣкоторый намекъ: въ 1157 г. умеръ въ Кіевѣ Юрій Владимировичъ, «и много зла створися въ тъ день: розграбиша дворъ его красный и другый дворъ его за Днѣпромъ разъграбиша, егоже звашеть самъ раемъ, и Василковъ дворъ сына его разграбиша въ городѣ; избивахуть Суждалци по городомъ и по селомъ, а товаръ ихъ грабяче» [3]).

Это еще одинъ примѣръ отмѣченной выше тѣсной связи личныхъ и имущественныхъ интересовъ князя и дружины: пораженіе князя вело къ раззоренію его дружины въ пользу дружины побѣдителя [4]). Трудно судить, по отсутствію данныхъ, насколько

295; „вси бояре отца его и вси купци“—стр. 401; „бояре вси... и горожане“—стр. 403, ср. „вси мужи отца его и горожане вси“—стр. 407; „боляре и прочіе вои“—стр. 424. Наконецъ, бояре Вячеслава, бояре Юрія бояре Ярослава и т. п.—Лавр., стр. 298, 329, 322.

[1]) Ипат., стр. 233, подъ 1146 г.

[2]) Ипат., стр. 284 и 274, подъ 1150 и 1149 гг.

[3]) Ипат., стр. 336. Ср. разсказъ подъ 1208 г., какъ галицкій бояринъ Володиславъ отводитъ свою „братью“ отъ Игоревичей, между прочимъ, напоминая имъ, что „отьчьствіи вашими владѣша иніи пришелци“ (Ипат., стр. 485).

[4]) Въ усобицахъ князья вообще забирали себѣ имущество противниковъ: побѣдивъ Ольговичей, Изяславъ говоритъ Давыдовичамъ: „что

подобная имущественная солидарность проистекала изъ представленія, что добро дружинниковъ получено ими отъ князя. Для XII в. слѣдуетъ скорѣе отрицательно, или, по крайней мѣрѣ, очень осторожно отнестись къ такому предположенію. Конечно, образъ бояръ-дружинниковъ, что «дары имали» отъ князя, который «любляше дружину повелику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни ѣденья браняше» — живетъ и дальше. И такимъ могъ и долженъ былъ быть источникъ болѣе или менѣе значительной части ихъ богатства. Но сводить его цѣликомъ къ княжимъ даяніямъ—нѣтъ никакого основанія. Личная предпріимчивость, несомнѣнно, должна была играть крупную роль въ созданіи и развитіи экономической силы боярства, все болѣе втягивавшагося въ жизнь мѣстнаго населенія. Но если такъ, то тѣмъ болѣе характерны черты связи имущественныхъ интересовъ князя и дружины въ перепетіяхъ борьбы за волости-княженія.

Дѣло въ томъ, что бытовое обособленіе бояръ-дружинниковъ отъ княжого двора не разрывало ихъ личной связи съ княземъ. Когда сынъ боярина Іоанна, о которомъ повѣствуетъ Житіе Ѳеодосія, самовольно постригся въ Печерскомъ монастырѣ, то постригшему его Никону пришлось выслушать грозное слово княжое: «ты ли еси остригій болярина безъ повелѣнія моего?.. иди и увѣщай я въ домъ свой поити, или на заточеніе послю тя и сущая съ тобою и пещеру вашу раскопаю» [1]). Бояре—люди князя. Княжіе мужи не перестаютъ ими быть — ставъ боярами [2]). Они обязаны князю службой и личной вѣрностью, которую, безъ согласія князя, не долженъ разрывать даже религіозный порывъ. И

же будетъ Игорева въ той волости, челядь ли, товаръ ли, то мое; а что будетъ Святославлѣ челяди и товара, то раздѣлимъ на части"—и тако сотвориша" Ипат., стр. 239, подъ 1146 г.

[1]) *Яковлевъ* (указ. изд.), стр. 15—16.

[2]) Литературная традиція, признающая существованіе земскаго боярства, отличнаго отъ боярства дружиннаго, характерно отразилась въ работѣ *М. С. Грушевскаго*: „Галицкое боярство XII—XIII в." (Зап. Наук. тов. імени Шевченка, т. XX). Подробное изученіе данныхъ относительно древне-русскаго боярства показываетъ ненужность гипотезы о земскихъ боярахъ для объясненія какихъ-либо явленій исторической жизни. И авторъ, ее допускающій, приходитъ къ заключенію, что каково бы ни было происхожденіе бояръ-землевладѣльцевъ, были ли они боярами земскими, вступавшими въ дружину или дружинниками, пріобрѣтавшими земли, даже для галицкаго боярства остается характернымъ, что оно должностной, служебный классъ („верства урядова, служебна").

лишь «всекозненный дьяволъ» можетъ вложить боярамъ въ сердце «совѣтъ золъ съ Кіяны на князя своего»: такъ разуждаетъ сочувствующій Изяславу лѣтописецъ по поводу заговора Улѣба тысяцкаго и Ивана Войтишича съ Кіевлянами [1]) въ пользу Изяслава противъ Ольговича Игоря. Основъ этой связи—не только этическихъ—коснусь еще ниже, а пока отмѣчу ту двойственность, какая возникла для положенія бояръ и для общественнаго положенія князя. Дружинныя отношенія подвергались тяжкому испытанію въ противорѣчіяхъ между интересами боярства и перепетіями княжой борьбы. Добиться большой устойчивости для своей земли княженія стало естественной тенденціей кіевскаго боярства, такъ же, какъ высшихъ торговыхъ слоевъ городского общества. Въ полныхъ тревоги передъ поднявшимся народнымъ волненіемъ рѣчахъ Кіевлянъ, торопившихъ прибытіе въ Кіевъ Мономаха, слышимъ голосъ боярства и купечества кіевскаго. Владимира Всеволодича звала «дружина отня и стрыя его» и «люди градскіе». Мономахъ укрѣпилъ эти отношенія. Его законодательство: уставъ о процентахъ, выработанный при участіи дружины, тысяцкихъ и бояръ; ему же принадлежащій, по всей вѣроятности, уставъ о закупахъ, какъ, можетъ быть, и уставъ о холопахъ, сохранившіеся въ компиляціи, извѣстной подъ названіемъ III-й редакціи «Русской Правды», имѣло цѣлью ввести въ опредѣленныя рамки обострявшуюся соціальную борьбу, и, поскольку ограничиваетъ эксплоатацію меньшей братьи, должно быть названо актомъ самозащиты соціальныхъ верховъ передъ напоромъ раздраженія чернаго люда [2]).

---

[1]) Ипат., стр. 231, подъ 1146 г.

[2]) Для характеристики вызвавшаго взрывъ 1113 г. княженія Святополка Изяславича—см. въ Печерскомъ Патерикѣ (изд. Яковлева, стр. 152—155) о его насиліяхъ и стачкѣ съ торговцами солью и Ипат. стр. 198. „Уставъ о рѣзахъ“—ст. 65 (III ред. „Русской Правды“, по изд. В. И. Сергѣевича), быть можетъ, и предыдущія—62—64; въ цѣльный уставъ связываются статьи о закупахъ (71—82, 84—86, 90); а подъ уставомъ о холопахъ разумѣю статьи: 83, 87—89 и 142—155, которыя выдѣляются, съ одной стороны, терминомъ холопъ—въ отличіе отъ челядина статей 38 и 47, а съ другой—спletаются со статьями о закупахъ (между послѣдними стоятъ статьи 83, 87—89, говорящія о холопахъ, а среди статей о холопахъ находимъ 143, которую, б. м., слѣдуетъ отнести къ закупу, хотя онъ тутъ и не названъ). Въ этомъ можно усмотрѣть указаніе на связь между двумя уставами о несвободныхъ и полусвободныхъ боярскихъ людяхъ.

На путь этотъ толкали Мономаха не только «земскія», но и дружинныя отношенія. Боярство, выросшее изъ дружины, не разрывая личныхъ связей своихъ съ княземъ, становится во главѣ общества, какъ руководящая сила. Перейдетъ ли этимъ путемъ правительственная организація въ составъ вѣчеваго строя, какъ въ Новгородѣ, удержитъ ли ее въ своихъ рукахъ княжая власть, черезъ нее подчиняя себѣ и общество, какъ въ Руси сѣверо-восточной, или боярство, какъ въ Галичинѣ, сдѣлаетъ попытку, опираясь на власть свою надъ населеніемъ, имѣть князей по своей волѣ,—это уже вопросы дальнѣйшаго развитія, на которые кіевская исторія не успѣла отвѣтить. Но въ боярствѣ кіевскомъ и, за нимъ идущихъ, зажиточныхъ слояхъ населенія естественно видѣть носителей тенденціи къ обособленію Кіевщины подъ княженіемъ Мстиславовой линіи Мономахова дома.

Труднѣе составить себѣ опредѣленное представленіе о характерѣ дружинныхъ элементовъ, стоявшихъ между боярами и отроками. Они не выдѣлены особымъ терминомъ—если не считать поэтическаго «мужи храборствующіе», такъ хорошо передающаго основное значеніе древнихъ гридей. Они тонутъ въ выраженіяхъ—дружина, вся дружина, иногда бояре, княжи мужи. Ихъ присутствіе подчеркнуто, когда лѣтопись говоритъ, что князь «созва бояры своя и всю дружину свою», и разсказываетъ, какъ были избиты «боляре и велможа и вся дружина», упоминаетъ о «болярахъ и всѣхъ мужахъ», о дружинѣ и «вельможахъ» [1]). Въ нихъ видимъ, прежде всего, основной боевой контингентъ личныхъ военныхъ силъ князя. И что для нихъ характерно, такъ это то, какъ трудно, и чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе, отличить ихъ въ текстѣ нашихъ лѣтописей отъ городскихъ ополченій. Не то, чтобы рѣзкое различіе, какое клали извѣстія X и первой половины XI в. между дружиною и воями—исчезло. Нѣтъ, вѣчевой полкъ ясно выступаетъ въ XII в., и выраженія, какъ: «Всеволодъ посла сыновца своего Володимера съ Переяславци и нѣколико дружины съ нимъ» [2]), встрѣтимъ и въ концѣ его. Но рядомъ бросается въ глаза сбивчивая терминологія, то примѣняющая къ подлинной дружинѣ опредѣленія по городамъ:

---

[1]) Ипат., стр. 243, подъ 1147 г.; Лавр., стр. 378, подъ 1186 г.; стр. 431 и 434, подъ 1230 и 1232 гг.; стр. 365, подъ 1177 г.

[2]) Лавр., стр. 364, подъ 1177.

дружина володимерская, дружина русская (кіевская), то именующая дружиной городскія ополченія. Съ трудомъ, подъ отрывочными намеками и случайными указаніями, можемъ замѣтить причину этого явленія: разложеніе и преобразованіе стараго военнаго строя, начало того процесса, вѣнцомъ котораго явилась организація помѣстныхъ войскъ. И тутъ, стало быть, историческое развитіе ведетъ постепенно къ сближенію элементовъ дружины и городовыхъ полковъ, затирая рѣзкое различіе между ними и вырабатывая, такимъ путемъ, черты новаго уклада жизни.

Скудны, слишкомъ скудны данныя, которыя сквозь отдѣльныя черты лѣтописныхъ разсказовъ позволяютъ скорѣе угадать, чѣмъ изучить этотъ процессъ. Но тѣмъ менѣе приходится пренебрегать ими. А указываютъ онѣ, по крайнему разумѣнію моему, съ одной стороны, на разложеніе старыхъ городовыхъ ополченій, а, съ другой, на такое же осѣданіе, если можно такъ выразиться, дружинныхъ военныхъ силъ по городамъ и волостямъ, какое наблюдаемъ и въ судьбахъ старшей, большей дружины, ставшей боярствомъ. И какъ корни этого послѣдняго явленія находимъ въ дѣятельности древнихъ князей, организовавшихъ съ помощью дружинныхъ силъ городской строй и городскія войска, такъ судьбы дружинниковъ-гридей стоятъ въ тѣсной связи съ нею-же, имѣя своимъ исходнымъ пунктомъ насущную потребность князей въ конномъ войскѣ.

Организація конныхъ отрядовъ стоила большихъ усилій древнимъ князьямъ. Развивая свои дружинныя силы, князья «на оружье и на кони» ей отдавали значительную часть своихъ средствъ и держали въ хозяйствѣ своемъ крупные табуны коней. Подымая народное ополченіе, приходилось и ему доставлять оружіе и коней, какъ показываетъ требованіе Кіевлянъ въ 1068 г. На конное войско приходилось забирать коней у смердовъ, какъ видно изъ рѣчей на Долобскомъ съѣздѣ [1]). Сами городовые полки не привычны къ конному бою и предпочитаютъ биться пѣшими [2]). И только часть ихъ выступаетъ на коняхъ [3]). Но ста-

---

[1]) Ср. *Б. А. Романова* (указ. соч.).

[2]) Новгородци въ моментъ опаснаго боя сходятъ съ коней; напр., въ битвѣ на Колокшѣ (1096 г.), на Липицѣ (1216 г.), какъ и Смольняне—Лавр., стр. 231, 472.

[3]) Изяславъ Мстиславичъ зоветъ на помощь Кіевлянъ: „а нынѣ, братья, поидѣте по мнѣ къ Чернигову, кто имѣеть конь, ли не имѣеть кто, ино въ лодьѣ“—Лавр., стр. 300, подъ 1147 г.

ринные походы въ лодьяхъ, долго живущіе на сѣверѣ по волжской рѣчной системѣ, на югѣ въ XII в. доживаютъ свой вѣкъ. Настоящее и основное войско—конное. Пѣшци—второстепенная боевая сила; на ней лежитъ начало боя, пока князья не ударятъ полками «сквозь свои пѣшци», охрана бродовъ, но особенно защита укрѣпленій, сидѣнье въ осадѣ [1]). Пѣшци—необходимый элементъ значительнаго ополченія [2]), на второстепенный и подчиненный. И, какъ мы уже видѣли, нѣкоторыя извѣстія возлагаютъ пѣшую службу преимущественно на смердовъ, отдѣляя ихъ отъ собственно «воевъ». Эти особенности древняго военнаго дѣла должны были вызвать естественную дифференціацію въ средѣ прежнихъ народныхъ или городовыхъ ополченій. Извѣстія XII вѣка даютъ намъ нѣсколько указаній, толкованіе которыхъ представляетъ нѣкоторую трудность. Такъ читаемъ, что Глѣбъ Юрьевичъ послалъ противъ Половцевъ брата своего Михаила «и съ нимъ Переяславець 100, а Берендѣевъ полторы тысячи», причемъ Михалко пошелъ «дружинѣ его не сущи съ нимъ». Эти сто Переяславцевъ, «дерзи сущи», которые рвутся впередъ, а Берендѣи имъ говорятъ: «не ѣздите вы напередъ, вы есте нашь городъ, а мы поидемъ напередъ стрѣлци», выглядѣли бы городовымъ полкомъ, если бы лѣтописецъ случайно пропустилъ цифру и говорилъ только такъ, какъ далѣе: «и приде Михалко съ Переяславци и съ Берендѣи къ Кыеву, побѣдивши Половци» [3]). А такъ—это отборный отрядъ, но отнесемъ ли мы его къ дружинѣ или къ городовому полку? Считаю такой вопросъ неправильно поставленнымъ: для второй половины XII в., какъ увидимъ, возможно было бы тутъ говорить о дружинѣ переяславской, не смѣшивая ее съ личной дружиной князя.

Подъ 1186 г. читаемъ, какъ Всеволодъ Юрьевичъ послалъ пронскимъ князьямъ «Володимерьское дружины 300»: это «дружина Всеволожа», про которую князь говоритъ: «моя дружина», «мои люди», а князья рязанскіе: «твои мужи» [4]). Но къ княжой дружинѣ примѣнено выраженіе—владимирская. Личная ли это

---

[1]) Лавр., стр. 472, 307—308, 320, 317, 321, 370.

[2]) „Княже не мочно ти поѣхати къ нимъ,—возражаютъ Черные Клобуки противъ наступленія на Юрія Долгорукаго, зане наши ратніи всѣ на конѣхъ суть.... а тобѣ будеть оставяче своѣ пѣшьцѣ поѣхати“—Ипат., стр. 295, подъ 1251 г.—ср. Лавр. 335, подъ 1164 г.

[3]) Лавр., стр. 341—342, подъ 1169 г.

[4]) Лавр., стр. 381—383

или мѣстная его дружина? Личная, ввиду дружинной ея связи съ княземъ, но мѣстная, такъ какъ она стала Всеволожей лишь потому, что Всеволодъ сѣлъ на владимирскомъ княженіи. Это, казалось бы, ясно изъ всего разсказа о событіяхъ въ ростово-суздальской землѣ послѣ смерти Андрея Боголюбскаго, которыхъ уже приходилось касаться выше [1]). Мы видѣли, какъ «увѣдѣвше же смерть княжю Ростовци и Сужьдалци и Переяславци и вся дружина, отъ мала и до велика, съѣхашася къ Володимерю», чтобы рѣшить вопросъ о призваніи князя; и совмѣстное рѣшеніе ихъ называется «рѣчь дружиньня», а дальнѣйшій разсказъ ставитъ дѣйствія Ростовцевъ и Суздальцевъ въ столь тѣсную связь съ руководящей ролью старѣйшей дружины, что горожане суздальскіе даже утверждаютъ относительно боя, гдѣ Ростовци и Суздальцы защищали своего избранника, Мстислава Ростиславича, противъ Владимирцевъ и Юрьевичей: «мы, княже, на полку томь со Мстиславомъ не были, но были съ нимъ боляре».

Не столько «вѣчевые» города тутъ дѣйствуютъ, сколько ихъ соціальные верхи: бояре и вся дружина. Вспомнимъ Кіевлянъ, торопившихъ пріѣздъ Мономаха въ 1113 г.—жалобами на дѣйствія кіевскаго люда... Такія наблюденія могутъ удержать отъ поправки текста: «Изяславъ же созва бояры своя и всю дружину свою, Кыяне»—вставкой «и» передъ «Кыяне» [2]), хотя въ дальнѣйшемъ рѣчь идетъ о несомнѣннѣйшемъ кіевскомъ вѣчѣ.

По мѣрѣ обособленія земель-княженій подъ болѣе устойчивой княжеской властью, эта послѣдняя не только усиливалась, но и пріобрѣтала мѣстный, территорьяльный характеръ. Административная, организующая дѣятельность ея не могла не наложить руку на строй военныхъ силъ, притомъ такъ, что дружинныя войска становятся мѣстными, а городскія—княжими. И судьбы слова дружина своими колебаніями свидѣтельствуютъ объ этомъ сближеніи элементовъ, бывшихъ разнородными. Князья начинаютъ говорить о городовыхъ полкахъ, какъ о «своихъ» полкахъ, а дружиной—называть отряды, составленные изъ мѣстнаго населенія, не отождествляя ихъ со своею личною дружиною-дворомъ.

Приведу примѣры. Изяславъ Мстиславичъ проситъ дядю Вя-

---

[1]) Лавр. 352—362, подъ 1176—1177 г.

[2]) Ипат., стр. 243, подъ 1147 г. Ср. замѣчанія *М. С. Грушевскаго* (Галицкое боярство XII—XIII в., стр. 5), что подъ „Галичанами“ Ипат. лѣт. часто разумѣетъ галицкихъ бояръ, галицкую дружину.

чеслава: «ты со мною пусти полкъ свой», и получаетъ отвѣтъ: «что, сыну, у мене дружины моея, вси съ тобою пущаю»; князь пошелъ, созвавъ Кіянъ, «полкы своими» изъ Кіева, но «Вячеславль бяше полкъ къ нему не притяглъ». А по смерти Изяслава, перенося прежній рядъ на его брата Ростислава, Вячеславъ говоритъ: «а дружина моя и полкъ мой, а то буди обою нама... а ты ѣзди съ моимъ полкомъ и съ своимъ» [1]). «Своимъ полкомъ» Вячеславъ, видимо, называетъ полкъ вышегородскій, которымъ распоряжался, какъ и собственно дружиной, не сохраняя и различія терминовъ. То же видимъ въ разсказѣ о походѣ Изяслава на Суздальщину въ 1148 г.: онъ идетъ съ Новгородцами, а Ростиславъ привелъ ему всѣ силы и полки русскіе (кіевскіе) и смоленскіе; походъ не удался, и «дружина Руская—они съ Ростиславомъ идоша» [2]).

Съ другой стороны, сопоставимъ два слѣдующихъ текста: «князь Андрей посла сына своего Мстислава со всею дружиною на Великій Новгородъ», и разсказъ о походѣ Юрія Долгорукаго на Русь въ 1152 г. «Поиде Гюрги — читаемъ тутъ — съ сынами своими и съ Ростовци, и съ Суждальцы, и съ Рязанци со князи Рязаньскими на Русь», и напалъ на Черниговъ; «Черниговцамъ же бьющимъ изъ города, князи здумавши вси: не крѣпко бьются дружина, ни Половци, оже съ ними не ѣздимъ сами»; Андрей же рече: «тако створимъ, атъ язъ почну день свой», поимъ же дружину свою и ѣха подъ городъ» [3]). Лѣтописецъ могъ бы сократить свой разсказъ, сказавъ: «Поиде Гюрги съ сынми своими и со всею дружиною и съ Рязанскими князи».

На мѣстную дружину указываетъ и разсказъ, какъ Мстиславъ Изяславичъ, рѣшивъ добывать изъ Канева Переяславль отъ Ростислава Юрьевича, посылаетъ въ эту отчину свою «къ Турпѣямъ и къ дружинѣ, веля имъ ѣхати къ собѣ» [4]).

Въ походѣ—князья со своими личными дружинами, составляю-

---

[1]) Ипат., стр. 289 и 321 (подъ 1138 и 1152 гг.).

[2]) Ипат., стр. 260. Во время борьбы Мстислава Мономашича съ Олегомъ черниговскимъ къ нему подъ Суздаль „собрашася дружина.... Новгородци и Ростовци, и Бѣлозерци“ (Лавр., стр. 236);—ср. Новг. I, подъ 1097 г.: „побѣди Мьстиславъ съ Новгородци Олга на Кулацьскѣ“. Быть можетъ, тутъ слово дружина — въ общемъ значеніи своего, союзнаго войска.

[3]) Лавр., стр. 321, водъ 1152 г.

[4]) Ипат., стр. 260, подъ 1148 г.

щими ихъ боевую свиту и силу. Но это ни порознь, ни въ совокупности не «вся дружина». Эта послѣдняя къ концу XII в. отождествляется съ «полкомъ» и состоитъ подъ вѣдѣніемъ и командой боярина, которому приказано воеводство и весь нарядъ. «Бывшу же князю Мстиславу на Городьци—читаемъ подъ 1172 г.,—совокупльшуся съ братома своими, съ Муромьскымъ и съ Рязаньскымъ на усть Окы, и ждаша дружины двѣ недѣли и не дождавше ѣхаша съ переднею дружиною, Борису Жидиславичю воеводѣ въ то время нарядъ весь держащю»; Юрій Всеволодовичъ, собирая воевъ противъ Татаръ, приказываетъ Ярославу «воеводство въ дружинѣ своей», и для этой поры такія выраженія равносильны съ слѣд.: «великій князь Гюрги посла на Мордву Василька Константиновича и своего мужа Еремѣя Глѣбовича воеводьствомъ съ полкомъ» [1]).

Слово бояре имѣло то болѣе узкое, то болѣе широкое значеніе. Часто объемлетъ оно все, что стоитъ выше простонародной массы и городского купечества. Въ этихъ случаяхъ подъ нимъ разумѣются не только «бояре думающіе», но и мужи «храборствующіе», весь наличный составъ «княжихъ мужей», кромѣ отроковъ и челяди. Но понятіе о княжой дружинѣ—сильно расширилось къ концу XII в. Оно объемлетъ вліятельные верхи общества и всю военную силу княженія. Дружина раздѣлилась на княжой дворъ и боярство, крупное и рядовое. Въ дальнѣйшей эволюціи своей слово бояре укрѣпилось въ Московской Руси, за высшими разрядами, въ западной—за низшимъ слоемъ военнаго люда. Но историческій ихъ корень общій—въ княжой дружинѣ [2]).

---

[1]) Лавр., стр. 345, подъ 1172 г.; стр. 438, подъ 1237 г.; стр. 428, подъ 1228 г.

[2]) Естественно сопоставить съ изложенными замѣчаніями темный и спорный вопросъ о происхожденіи польскихъ влодыкъ или влодычего рыцарства. Влодыки — низшій разрядъ польскаго военнаго люда, отдѣленный отъ шляхты отсутствіемъ гербовъ и нѣкоторыхъ привилегій (см. *K. Potkański*, Zagrodowa szlachta i włodycze rycerstwo, Rozprawy ист. филос. отд. Кр. Ак. Н., т. XXIII); это—milites inferiores, люди medietatis militiae, non nobiles, de simplici militia, хотя по бытовому положенію, близко напоминающему нашихъ однодворцевъ, они равны загродовой, загоновой шляхтѣ. *Фр. Буякъ* (Studya nad osadnictwem Małopolski, Rozprawy, т. 47, стр. 329) указываетъ на связь различія влодыкъ и шляхты съ антитезой землевладѣльцевъ, сидѣвшихъ in vicinatu (въ опольномъ союзѣ), и nobiles, имѣвшихъ bona hereditaria внѣ опольной организаціи. „Шляхта имѣла обособленную собственность, влодыки при-

4. *Правовое положеніе дружины.*

При распаденіи бытовой основы древнѣйшаго дружиннаго союза, общая всѣмъ дружинникамъ связь съ княжимъ дворомъ переходила въ новую форму собранія дружины въ княжой гридницѣ на пиры и совѣщанія, а «кормленіе» дружины княземъ смѣнялось заботами объ ея обезпеченіи иными пріемами и обычными «дарами» князя своимъ мужамъ. Постепенное измѣненіе бытовыхъ отношеній должно было вліять и на характеръ той особой защиты, какую обязанъ былъ оказывать вождь дружины своимъ людямъ. Эту особую защиту княжихъ мужей находимъ въ памятникѣ, который В. И. Сергѣевичемъ выдѣленъ изъ состава старшей редакціи «Русской Правды», какъ вторая редакція. Строго говоря, это не «вторая» редакція, а особый уставъ, выработанный на съѣздѣ старшихъ Ярославичей—Изяслава, Святослава и Всеволода и ихъ мужей: Коснячька, Перенѣга, Микифора Кыянина и Микулы Чюдина. «Правда уставлена Руской земли», какъ названъ этотъ памятникъ въ дошедшихъ до насъ спискахъ, возникла во время совмѣстнаго правленія старшихъ Ярославичей, т.е. между 1054 и 1068 гг. Въ этой Правдѣ видимъ охрану жизни огнищанина—указаны и частные примѣры: ѣздовой княжъ, тивунъ княжъ, конюхъ старый у стада,—80 гривенной платой за его голову. Древнѣйшая «Правда Руская» знаетъ лишь 40 гривенъ, уплачиваемыхъ за убійство, если нѣтъ мстителя, а также статью: «аще ли будеть русинъ, или гридѣнь, любо купцѣ, или ябетникъ, или мечьникъ, аще ли изгой будеть, любо словенинъ, то 40 гривенъ положити зань». Эти постановленія (статьи 2 и 3 Древнѣйшей Правды) не связаны другъ съ другомъ, такъ какъ третью статью нельзя подвести подъ оговорку «аще не будеть кто мьстя». Наконецъ, III-я ред. (Пространная Правда, какъ

надлежали къ опольному союзу, несли опольныя повинности, имѣли земли, разбросанныя среди ополя". Осторожный изслѣдователь считаетъ крайне рискованнымъ дѣлать выводъ, что влодыки были частью древняго сельскаго населенія, сохранившаго свою свободу. Но можно сказать съ увѣренностью, что его наблюденія ведутъ къ пониманію влодыкъ, какъ класса, созданнаго развитіемъ спеціализаціи военнаго дѣла и дифференціаціи среды древнихъ „воевъ", часть которыхъ была захвачена организаціей помѣстныхъ войскъ на основѣ поземельной военной повинности. Ср. замѣчанія автора о вліяніи этой послѣдней на соціальный строй населенія: тамъ же, стр. 219.

ее называютъ), пользуясь двумя первыми и соединяя ихъ статьи не всегда удачно [1]), но располагая не дошедшими до насъ источниками, добавляетъ указанія на 40 гривенъ «въ княжи отроци, или въ конюсѣ, или въ поварѣ». Притомъ Древнѣйшая Правда не знаетъ термина «вира», который встрѣчаемъ въ Правдѣ Ярославичей (вирное ст. 2 и «поконъ вирный» ст. 24) и въ Пространной.

Всѣ эти данныя надо разсматривать въ общей связи. Но прежде, чѣмъ касаться ихъ по существу, необходимо привести нѣкоторыя справки относительно самыхъ чиселъ, означающихъ размѣръ уплаты.

Дѣло въ томъ, что пеня въ 40 марокъ имѣетъ свою особую исторію на скандинавскомъ сѣверѣ, не лишенную интереса и для русскаго историка. Ей посвятилъ особое вниманіе Карлъ Леманнъ въ трудѣ: «Королевскій миръ у сѣверныхъ Германцевъ» [2]). Тщательное изученіе датской, норвежской и шведской системъ уголовныхъ пеней приводитъ его къ выводу, что на всемъ скандинавскомъ сѣверѣ первоначальной и исконной была высшая пеня въ 12 марокъ и скала, построенная на основаніи 3, съ его кратными и частями [3]). Пеня въ 40 марокъ стоитъ ребромъ въ этой системѣ и вообще играетъ особую роль. Происхожденіе этой пени—остается невыясненнымъ; Леманнъ оставляетъ открытымъ вопросъ, возникла-ли она на сѣверѣ самостоятельно или заимствована. Но внѣ трехъ названныхъ странъ она нигдѣ, повидимому, не встрѣчается, кромѣ, конечно, Россіи, о чемъ Леманнъ, впрочемъ, не имѣлъ свѣдѣній.

Раньше всего встрѣчаемъ ее въ Даніи: Кнутъ IV (1076—1086) за измѣну (самовольно разошлись суда, собранныя для экспедиціи

---

[1]) Первая ея статья сокращеніе I,1; вторая—соединяетъ I,2, съ II, 1 и 4, причемъ неправильно; третья повторяетъ I,3, замѣняя ябетника—боярскимъ тіуномъ (это—не совсѣмъ удачный переводъ, хотя коренное значеніе ябетника—ambaht, ambatt—равно значенію слова тіунъ—слуга, а боярскій прибавка въ силу тенденціи этой редакціи вставлять указаніе на бояръ и боярское); тринадцатая статья черпаетъ изъ II, 4 и 5, 6 и 7, добавляя изъ недошедшаго источника, быть можетъ — болѣе полнаго списка Правды Ярославичей, о княжихъ отрокѣ, конюхѣ и поварѣ.

[2]) *Karl Lehmann.* Der Königsfriede der Nordgermanen. Berlin und Leipzig, 1886.

[3]) Данія и Норвегія знаютъ 15 мрк. пеню, но см. *Леманна*, стр. 203—204 (15 = 12 + 3).

въ Англію, въ отсутствіе короля, отозваннаго волненіями въ Шлезвигѣ) наложилъ на начальниковъ судовъ пеню по 40 марокъ, на матросовъ—по 3. Затѣмъ идетъ извѣстіе, что при королѣ Нильсѣ (1104—1134) старый суровый законъ, налагавшій полное лишеніе правъ и мира (потокъ) на убившаго или тяжело ранившаго члена королевской дружины (Witherlag'a), былъ, по частному случаю, замѣненъ новымъ, назначавшимъ уплату 40 марокъ королю, 40 марокъ, сверхъ двухъ унцій золота, потерпѣвшему и 40 марокъ—товарищамъ. Отмѣчая, что въ обоихъ случаяхъ 40-а марковая пеня замѣняетъ полное исключеніе изъ общественнаго союза, объявленіе преступника внѣ закона, Леманнъ устанавливаетъ и общій выводъ, что такова была историческая функція этой пени на всемъ скандинавскомъ сѣверѣ. Она стала карой за дѣянія, прежде не подлежавшія выкупу, цѣной мира, за которую преступникъ могъ его себѣ вернуть. Притомъ въ Даніи, если королевская пеня стоитъ рядомъ съ вознагражденіемъ потерпѣвшему, между ними нѣтъ никакого соотвѣтствія; если же, кромѣ короля, 40 марокъ получаетъ и потерпѣвшій—то сверхъ своего вознагражденія; послѣднее видно изъ приведеннаго извѣстія, гдѣ вознагражденіе потерпѣвшаго составляютъ 2 унціи золота, а также, напр., изъ Ютскаго королевскаго закона, гдѣ наслѣдникъ убитаго получаетъ, какъ условіе возвращенія мира убійцѣ, 40 марокъ сверхъ «правой головщины» и сверхъ уплаты 40 марокъ королю.

Въ Норвегіи и Швеціи—пеня въ 40 марокъ носитъ черты нововведенія, которое лишь постепенно завоевываетъ себѣ все большее значеніе, въ борьбѣ со старой пеней въ 12 (15) марокъ. Общая черта ея исторіи—тѣсная связь ея распространенія съ успѣхами королевской власти. Въ Исландіи, сохранившей старую свободу, она неизвѣстна. Какъ въ Даніи эта пеня есть чрезвычайное «jus regis», такъ въ Норвегіи—ею караетъ королевская власть нарушеніе своихъ велѣній (своего bann), ее ставитъ цѣною мира за наиболѣе тяжкія преступленія. Въ Швеціи она усваивается болѣе всего центральными землями—собственно шведскими (Svealand), причемъ здѣсь, гдѣ она утверждается, исчезаютъ указанія на головщину семьѣ убитаго. 40 марокъ размѣръ королевской дикой виры. Это, вообще, пеня по «regiae causae», и носитъ она—«публично-правовой» характеръ. Правда, въ Швеціи она не всегда идетъ королю; древнѣйшія упоминанія дѣлятъ ее на 3 части, между потерпѣвшимъ, сотней и королемъ: королевская власть

сильно ограничена въ Швеціи и ея нововведенія или не проникали или проникали въ измѣненомъ видѣ въ дѣйствующее право отдѣльныхъ земель. Характерно, что старѣйшее указаніе на пеню въ 40 марокъ въ Швеціи—связано съ защитой жизни чужеземца. Въ вестгётскомъ законѣ—треть 40 марокъ—королевская пеня за убійство не Вестгёта, причемъ убійца не платитъ головщины. Это обстоятельство, какъ и несоотвѣтствіе самой суммы счетной системѣ въ уголовныхъ установленіяхъ народнаго права—показываютъ, что пеня въ 40 марокъ въ него со стороны врѣзалась. Характеренъ и перечень преступленій, караемыхъ 40 марками пени. Это, напримѣръ, по закону короля Магнуса (1285 г.): убійство кого-либо въ его домѣ, за что положены «потокъ и разграбленіе» съ раздѣломъ имущества на три части—между истцомъ, сотней и королемъ, но поставленный внѣ закона можетъ, однако, вернуть себѣ миръ по просьбѣ за него истца и уплатѣ 40 марокъ королю; эта же пеня назначена за похищеніе женщины, убійство или нанесеніе ранъ въ церкви или народномъ собраніи, месть вопреки королевскому приговору и заключенію мира, за неправильный арестъ свободнаго, за увѣчье. Въ Даніи это, прежде всего, пеня за убійство съ нарушеніемъ домашняго мира, нападеніе на домъ, нанесеніе ранъ во время «королевскаго мира», насиліе, чужеложество, ударъ ножемъ. Нѣкоторыя изъ этихъ преступленій прежде карались 12 марками, потомъ—40.

Возвращаясь къ вопросу о происхожденіи пени въ 40 марокъ, Леманнъ ея родину—для скандинавскаго сѣвера—ищетъ въ Даніи. Только тутъ можно прослѣдить ее въ прошлое до середины XII-го, а отчасти до конца XI вѣка. Только тутъ не видно ея борьбы съ иной системой, а вся скала каръ строится на 40 и 3 маркахъ. Отвергая мнѣніе Стеенструпа, что основное и древне значеніе этой пени плата за убійство, ввиду несоотвѣтствія ея другимъ даннымъ о размѣрѣ послѣдней, Леманнъ видитъ въ ней кару за нарушеніе мира наиболѣе тяжкими проступками, и, прежде всего, думаетъ онъ, преступленіями противъ неприкосновенности чужого дома (Heimsuchung), затѣмъ кругомъ дѣяній, на которыя направлено дѣйствіе королевской власти, какъ установительницы и охранительницы внутренняго порядка въ землѣ. Какъ новая и повышенная кара, эта пеня стала существеннымъ орудіемъ королевской власти въ области охраны мира и права.

Нельзя не пожалѣть, что Леманнъ не зналъ «Русской Правды». Онъ нашелъ бы въ ней указаніе на существованіе 40 гри-

венной пени болѣе раннее, чѣмъ всѣ ему извѣстныя указанія на пеню въ 40 марокъ. И нашелъ бы ее въ связи именно съ охраной жизни, съ платой за убійство, притомъ въ такой формѣ, которая проявляется въ шведскихъ законахъ XIII в., какъ нововведеніе. Именно въ остгётскомъ законѣ читаемъ: «А будетъ убитъ королевскій мужъ, то цѣнится онъ столько, какъ ранѣе было опредѣлено за свободнаго человѣка, и, кромѣ того, пеня королю за безчестье: прежде это было 12 марокъ, но потомъ Биргеръ ярлъ такъ поставилъ въ законъ: это должно быть 40 марокъ; прежде было это такъ, что, былъ онъ убитъ у корабля или на кораблѣ или въ сотенномъ собраніи, тогда получалъ король пеню за безчестье, а не иначе; а послѣ такъ установлено во времена короля Эрика: что всегда, гдѣ онъ будетъ убитъ, должны, кому это надлежитъ, взимать за то пеню за безчестье» [1]). Въ сопоставленіи съ древними нормами «Русской Правды»,—постановленіе Биргера получили бы больше интереса въ глазахъ изслѣдователя, какъ и связь, по старѣйшему Вестгётскому закону, сорокового счета съ охраной жизни иноземца [2]).

Обращаясь къ «Русской Правдѣ» находимъ, прежде всего, тѣ же двѣ скалы денежныхъ каръ, которыя привлекли вниманіе Леманна: скалу продажъ—3, 12, и виръ—20 (полувирье), 40, 80 гривенъ [3]). У насъ онѣ не конкуррируютъ, какъ въ Норвегіи и

---

[1]) Ср.: „А будетъ убитъ королевскій управитель въ Упсальскихъ имѣніяхъ,—оцѣненъ онъ въ 40 марокъ, которыя долженъ получить король, такъ уставилъ въ законѣ Биргеръ ярлъ, а прежде это было 12 марокъ“ (*Леманнъ*, стр. 32 и 55). Тутъ-же: 40 марокъ королю за убійство, совершенное, когда король былъ въ данной области, причемъ это должно было быть вѣдомо убійцѣ; тоже за нанесеніе тяжкихъ ранъ при тѣхъ-же условіяхъ (*Леманнъ*, стр. 46). Остгётскіе законы присуждаютъ пеню за безчестье герцогу и епископу (9 марокъ) и господину, „который имѣетъ конюшаго, повара, и сорокавесельное судно на собственный счетъ“ (6 марокъ)—при убійствѣ ихъ людей. Въ позднѣйшемъ шведскомъ законодательствѣ такая пеня—привиллегія короля.

[2]) Сопоставленіе скандинавскихъ данныхъ съ „Русской Правдой“ не поколебало бы аргументаціи *Леманна* противъ *Стеенструпа*, но если бы онъ захотѣлъ сохранить свою теорію о нарушеніи неприкосновенности дома, какъ основномъ предметѣ 40-марковой пени, то причину пришлось бы искать не, какъ у него, въ связи преступленій этого рода съ дѣйствіями скопомъ (!—стр. 245), а въ охранѣ королевскихъ дома и домочадцевъ, съ постепеннымъ ея распространеніемъ на всѣхъ, вступавшихъ подъ королевскую защиту.

[3]) Такую же двойственность въ системѣ денежныхъ каръ находимъ и въ старомъ польскомъ правѣ. Такъ, въ „Польской Правдѣ XIII в.“,

Швеціи, а, подобно датскимъ, стоятъ рядомъ, каждая въ своей области. Принципіально тождественно и значеніе нашей сорокагривенной виры съ тѣмъ, какое она имѣла на скандинавскомъ сѣверѣ: замѣны болѣе суровыхъ каръ и княжого нововведенія. Но область примѣненія—значительно уже и, полагаю, ближе къ первоначальному смыслу этой пени.

Въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» подъ 996 г. читаемъ слѣдующій разсказъ: «Живяше же Володимеръ въ страсѣ Божьи и умножишася разбоеве, и рѣша епископи Володимеру: се умножишася разбойници, почто не казниши ихъ? Онъ же рече имъ: боюся грѣха. Они же рѣша ему: ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоить ти казнити разбойника, но со испытомъ. Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбойникы. И рѣша епископы и старци: рать многа; оже вира, то на оружьи и на коних буди. И рече Володимеръ: тако буди». В. О. Ключевскій толкованію этого отрывка посвятилъ особое приложеніе въ «Боярской Думѣ». Слово «казнь» въ древнемъ языкѣ означаетъ наказаніе вообще, въ частности-же правительственное возмездіе. Изъ словъ: «отвергъ виры, нача казнити» В. О. Ключевскій выводитъ, что при Владимирѣ дѣйствовало иное уголовное право, чѣмъ въ «Русской Правдѣ», гдѣ разбойникъ карается потокомъ и разграбленіемъ (III ред., ст. 10) и что вира при немъ не была «штрафомъ въ пользу князя»; Вла-

---

какъ можно назвать запись на нѣмецкомъ языкѣ польскаго права въ сборникѣ эльбингской городской библіотеки, кромѣ архаической наименьшей пени въ 6 и 12 марокъ (разъ встрѣчается 15 м.), находимъ и другія—въ 30, 50 и 70 м.—70 м. за кражу изъ княжой конюшни или дома, какъ и за нарушеніе земскаго мира приводомъ въ землю злодѣя (?—ст. XII) 50 м.—за кражу въ кладовой или кухнѣ князя; за сокрытіе тѣла убитаго (ст. VIII), за миръ, который нарушенъ на большой дорогѣ совершеннымъ на ней убійствомъ („большая дорога охранена миромъ князя и кто на ней кому причинитъ беззаконіе, тотъ нарушилъ миръ князя; это поляки называютъ—княжая рука"—ст. XV), за насиліе надъ дѣвушкой (ст. XVII). За кражу изъ клѣти рыцаря или крестьянина—12 м. Вообще 6 и 12 м.—„продажи" по нарушенію правъ частныхъ лицъ. 30 и 50 м. встрѣчаемъ какъ плату за голову роднѣ убитаго: 30 м.—головщина крестьянина и „нѣмца, котораго поляки называютъ гостемъ" (это не купецъ, а колонистъ); головщина рыцаря и купца—50 м. (ст. VIII и XV). Княжія пени въ 50 и 70 м. по значенію сродни 40 м. скандинавскаго сѣвера. Быть можетъ, и по происхожденію: сопоставленіе системъ денежныхъ каръ крайне затруднено измѣненіями въ денежномъ счетѣ (ср. ст. XX).

димиръ впервые замѣнилъ эту старую виру за разбой—казнью т. е. правительственнымъ наказаніемъ (потокомъ и разграбленіемъ). Вторая половина отрывка, по мнѣнію В. О. Ключевскаго, сообщаетъ о другомъ постановленіи, не стоящимъ въ прямой, связи съ предыдущимъ: Владимиръ обратилъ всѣ вообще виры въ «казнь», въ наказаніе правительственное, въ ту плату князю, какой является вира въ «Русской Правдѣ». Таковы текстъ перваго извѣстія о русской вирѣ и наилучшій комментарій къ нему. Остается, конечно, открытымъ вопросъ, насколько само лѣтописное преданіе исторически достовѣрно. Его значеніе В. О. Ключевскій опредѣляетъ такъ: «оба постановленія Владимира ставятъ насъ при началѣ законодательнаго процесса, создавшаго Русскую Правду». Провѣрить само извѣстіе мы можемъ только сопоставленіемъ его съ «Русской Правдой», которая содержитъ указанія на нѣсколько иныя условія происхожденія своихъ виръ.

Исходнымъ пунктомъ—является третья статья Древнѣйшей Правды: «аще ли будетъ русинъ или гридѣнь, любо купцѣ, или ябетникъ, или мечникъ, аще ли изгой будетъ, любо словенинъ, то 40 гривенъ положити зань». Изъ перечисленныхъ лицъ—гридень, ябетникъ, мечникъ—люди княжіе, члены княжой дружины, его двора; нападеніе на нихъ есть, прежде всего, нападеніе на «княжихъ» людей, и естественный мститель за нихъ—самъ князь. Весь складъ понятій и отношеній, связанный съ представленіемъ о дружинѣ, какъ княжомъ дворѣ-огнищѣ, заставляетъ признать, что 40 гривенъ тутъ вира, шедшая князю въ случаѣ убійства его мужа. То же надо сказать объ изгоѣ: съ нимъ еще встрѣтимся и найдемъ его подъ княжой властью и защитой, внутри союза княжого мира. Остаются Русинъ, купецъ и Словенинъ. Договоры съ Греками подъ Русью разумѣли, прежде всего, княжую дружину; объединеніе въ понятіи дружины княжого двора и городской старшины, созданіе княжой властью городской организаціи—могли привести къ тому значенію слова Русинъ, какое всего лучше подходитъ къ смыслу данной статьи [1]). Купца ея

[1]) Нѣкоторые списки „Русской Правды“ поняли Русина, какъ горожанина, а Словенина, какъ селянина. Это толкованіе позднѣйшаго переписчика—отражаетъ весьми древнюю традицію, выраженіе которой находимъ въ терминологіи договоровъ съ Греками или Константина Багрянороднаго, и имѣющей свой корень въ представленіи о городѣ, какъ княжомъ и дружинномъ центрѣ.

можно истолковать двояко. Если понимать подъ нимъ купца, гостя иноземнаго или иногороднаго, то упоминаніе о немъ среди лицъ, состоящихъ подъ особой опекой князя—обычная черта средневѣкового права; если же это купецъ мѣстный, городской, то его можно сопоставить съ Словениномъ, и связать объ эти черты нашей статьи съ новгородской традиціей о расширеніи правъ и вольностей новгородскихъ при Ярославѣ: какъ упоминалось выше, уравненіе Словенина (добавимъ: и купца) въ охранѣ его жизни вирой съ княжими мужами даетъ нѣкоторое объясненіе, почему въ Новгородской I лѣтописи текстъ «Русской Правды» помѣщенъ вслѣдъ за разсказомъ о награжденіи Новгородцевъ за кіевскій походъ и полученіи ими особой грамоты. Въ этомъ смыслѣ правъ составитель третьей редакціи, приписывая къ статьѣ объ убійствѣ княжого мужа (ст. 5): «накиль людинъ, то 40 гривенъ». Высокая вира, распространеніе которой на все населеніе (города или земли?) могло первоначально имѣть значеніе уравненія его съ кругомъ мужей княжихъ, на дѣлѣ—оказалась орудіемъ усиленія княжой власти и увеличенія княжого дохода: естественно было ей распространиться и на югѣ и удержаться въ практикѣ княжого управленія.

Но о сорокагривенной вирѣ говоритъ и вторая статья Древнѣйшей Правды: «аще не будеть кто мьстя, то 40 гривенъ за голову». Слѣдуя за статьей, опредѣляющей кругъ законныхъ мстителей, какъ ближайшій кругъ родичей, она говоритъ о случаѣ отсутствія мстителя. Не вижу возможности переводить съ В. И. Сергѣевичемъ: «когда нѣтъ желающихъ мстить», ни принять его замѣчаніе: «если некому мстить, то и выкупъ платить некому». При дикой вирѣ—ни мстить, ни искать некому, а вира платилась. Съ этимъ позднѣйшимъ правиломъ о дикой вирѣ естественно сопоставить и данную статью: нѣтъ мстителя, то 40 гривенъ князю [1]). Въ сорокагривенной пенѣ Древнѣйшей Правды—вижу санкцію охраны, прежде всего, членовъ княжого двора-огнища, распро-

[1]) *В. И. Сергѣевичъ* (Лекціи, стр. 382) сопоставляетъ съ этой статьей постановленіе смоленскаго договора съ Нѣмцами: „Оже имуть Русина вольнаго у вольное жены въ Ризѣ или на Готьскомь бѣрѣзѣ, оже убьютъ, и тотъ убитъ; пакы ли не убьють, платити ему 10 гривенъ серебра“, но эта статья идетъ въ параллель не съ 2-й статьей Древнѣйшей Правды, а съ 17—19 Правды Ярославичей: убитый на мѣстѣ преступленія „той убитъ и есть“, а не убили его на мѣстѣ—то кара по уставу, а не самосудъ.

страненную, по мѣрѣ развитія роли князя, какъ охранителя общаго мира, до значенія виры—правительственной кары за всякое совершенное убійство.

Та же печать дружиннаго быта и княжого права лежитъ на пенѣ въ 12 гривенъ «за обиду». Это, первоначально, не «продажа», шедшая князю, но и не «частное вознагражденіе». Ея значеніе представляется тождественнымъ съ тѣми 40 марками, какія получалъ членъ датскаго витерлага сверхъ двухъ унцій золота (вознагражденія за рану), или тѣхъ 9 и 6 марокъ «ob injuriam» какіе получали шведскіе герцоги, епископы и бояре при убійствѣ ихъ человѣка. Она стоитъ рядомъ съ возмѣщеніемъ нанесеннаго ущерба [1]). Истинный ея смыслъ, какъ платы «за обиду», виденъ изъ того, что это плата за личное оскорбленіе [2]).

---

[1]) Др. Пр.: „личьцю мьзда“ — ст. 6: „изимати ему свой челядинъ“— ст. 15; „взяти ему свое“—стр. 17; полученіе „своего скота“—ст. 20.—12 гривенъ, повидимому тоже „за обиду“, платитъ по статьѣ 12 господинъ холопа, ударившаго свободнаго мужа, за то, что не хочетъ его выдать. Этимъ дѣло не кончалось: оскорбленный могъ убить холопа или „бити и розвязаше“ или помириться на гривнѣ кунъ за соромъ (постепенное смягченіе нормы — ст. 87—88, III ред.). Ср. любопытный варьянтъ къ статьѣ 47 Пространной Правды у Калачова, CVII: „А оже уведеть чюжь холопъ либо робу платити ему за обиду 12 гривнѣ; а князю продаже 12 гривне а челядинѣ или украдше или уведенъ есть“.

[2]) Др. Пр.: ст. 7, 8 и 11. Въ послѣдней характерно, что 12 гр. назначено за усъ и бороду, а за отрубленный перстъ всего 3.—Гривна за угрозу (ст. 12), 3 гривны, „аще ринеть мужь мужа любо отъ себе, любо къ собѣ“, (ст. 13, ср. ст. 36, III ред.) платы, вызванныя скорѣе борьбою противъ насильничанья буйныхъ людей въ средѣ городского населенія, чѣмъ въ средѣ дружинной: и въ этой чертѣ можно видѣть шагъ княжой власти навстрѣчу требованіямъ городского населенія (ср. разсказъ саги объ Олафѣ, приведенный *В. О. Ключевскимъ* во 2-омъ приложеніи къ „Боярской Думѣ“). Вообще вся тенденція этихъ нормъ—борьба противъ самоуправства. Разъ на мѣстѣ не разрѣшилось столкновеніе (ср. ст. 28, III ред.: „не терпя ли противу тому ударить мечемь, то вины ему въ томь нѣтуть“), то потомъ обязательно удовлетвориться уставной платой: „аще сего (ударившаго) не постигнуть, то платити ему, то ту тому конець“. Княжія виры и пени „за обиду“—орудіе противъ самоуправства, и постепенно вытѣсняютъ месть и личную расправу. Вопросъ объ „отмѣнѣ мести“ споренъ. Видятъ ее въ указаніи статьи 4-й Пространной Правды: „отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати“. Но такъ какъ не вижу основаній двоить съѣздъ Ярославичей, изъ за слова „паки“, которое не значитъ вторично (ср. ст. 5), и вопреки словамъ „по Ярославѣ“, то не знаю, видѣть ли въ этой статьѣ слѣдъ нормы, не сохраненной въ дошедшемъ текстѣ Правды Ярославичей, или плодъ компилятивной работы,

В. О. Ключевскій отмѣтилъ, что «Русская Правда»—«оказываетъ усиленное вниманіе къ чести людей, постоянно имѣющихъ при себѣ наготовѣ мечъ, т. е. военно-служилаго класса, такъ что это вниманіе является не правомъ всѣхъ, а привиллегіей лишь нѣкоторыхъ», но полагаетъ, что «эти тонкія различенія оскорбленій по ихъ нравственному дѣйствію»—внесены въ Правду позднѣе [1]). Но они особенно характерны именно для Древнѣйшей Правды, свидѣтельствуя о томъ укладѣ быта и воззрѣній, среди которыхъ возникли ея древнѣйшія нормы, чтобы затѣмъ, видоизмѣняясь, войти въ общенародное право.

Такое представленіе о древнѣйшей основѣ Древнѣйшей Правды тѣсно связано съ развитымъ на предыдущихъ страницахъ мнѣніемъ объ организующей городской строй и городскія области дѣятельности князей, кульминаціонный пунктъ которой естественно отнести ко временамъ Владимира и Ярослава. Такъ опредѣлится, по совокупности данныхъ, время, къ которому можно предположительно отнести первое значительное воздѣйствіе княжеско-дружиннаго права на обычное право восточнаго Славянства, или точ-

---

ненадежный характеръ которой былъ выше отмѣченъ. Ст. 9: „аще утнеть руку и отпадеть рука, любо усъхнеть, то 40 гривны“—вознагражденіе за увѣчье, заимствованное изъ цѣны мужа по вирѣ: подобно тому, какъ Литовскій статутъ опредѣляетъ плату за раны и увѣчье, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ за головщину или какъ за цѣлаго человѣка.

[1]) Курсъ, I, стр. 292.—Пространная Правда, черпая изъ Древнѣйшей, повторяетъ (ст. 27 и 25) статьи 7 и 8, но ея „за обиду“ толкуетъ, по своему времени, какъ „продажу“. 3 гривны „за обиду“ статьи 11—тутъ (ст. 30) „продажа“ рядомъ съ вознагражденіемъ гривной кунъ (послѣднее, вѣроятно, подразумѣвается и при 11 ст. Древнѣйшей Правды, подобно „личьцю мзда“ 6-й ст.). Въ продажу обратились и 3 гривны за обиду 6-й ст.—въ ст. 34-й Простр. Правды (см. чтеніе „продажи“ Карамзинскаго списка). Любопытны платы „за обиду“ статей 78—80, защищающихъ закупа отъ обидъ господина: за имущественный ущербъ—„все воротити“ и „за обиду платити ему 60 кунъ“; за залогъ закупа въ кунахъ — „за обиду платити ему 3 гривны продажи“; за продажу закупа въ рабство—тоже. Послѣднее понятно: продажа идетъ сверхъ освобожденія закупа отъ всѣхъ обязательствъ (а наймиту свобода во всѣхъ кунахъ), но въ 79 ст. не ясно, чтобы куны взыскивались въ пользу закупа, какъ полагаетъ *М. Ф. Владимирскій-Будановъ* (Христоматія, пр. къ Кар. списку 102). Указанныя суммы—продажи, но не указываетъ ли выраженіе „за обиду“ на первоначально иное значеніе ихъ? Болѣе вѣроятнымъ считаю, что тутъ передъ нами только позднѣйшая терминологія, отождествившая „за обиду“ и „продажу“, ввиду ихъ исторической связи.

нѣе, распространеніе нѣкоторыхъ нормъ перваго на примкнувшіе къ городскому строю княжихъ городовъ элементы второго. Подобно тому, какъ на скандинавскомъ сѣверѣ, сорокагривенная вира стала орудіемъ значенія князей, какъ защитниковъ мира и права. Но ея происхожденіе слѣдуетъ искать въ области спеціальнаго княжого мира, охранявшаго, прежде всего, княжихъ людей. Отсюда переходитъ она въ болѣе широкую область общаго земскаго мира и права, какъ и пеня «за обиду».

«Правда Ярославичей» раскрываетъ намъ дальнѣйшія судьбы спеціальной княжой защиты. Въ первыхъ пяти ея статьяхъ рѣчь идетъ о защитѣ княжого огнищанина. Вира за его убійство — 80 гривенъ, вира двойная. Трудно сомнѣваться, что это нововведеніе времени Ярославичей. За это говоритъ запись такого факта: «а конюхъ у стада старый 80 гривенъ, яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, егоже убилѣ Дорогобудьци» (ст. 5). Конюхъ старый—княжой мужъ, тіунъ конюшій 13-й статьи Пространной Правды, которая рядомъ указываетъ виру въ 10 гривенъ за простого конюха, равнаго отроку или повару. Конюхъ старый—огнищанинъ, подобно ѣздовому или княжому тіуну (Пространная Правда—ст. 13—видитъ въ этомъ послѣднемъ, упоминаемомъ въ ст. 4-й Правды Ярославичей: тіуна огнищнаго, дворовaго). Но, съ другой стороны, ѣздовой и тіуны отличаются отъ огнищанина, быть можетъ, тѣмъ, что они—вспомнимъ каженика, тіуна огнищнаго князя Изяслава, упоминаемаго въ Патерикѣ Печерскомъ — могли быть и несвободными людьми. Если при этой вирѣ платилась особо головщина, то она могла быть и различной для различныхъ людей княжихъ, при одинаковой вирѣ. Но платилась-ли особая головщина при 80 гривенной вирѣ? На это «Русская Правда» прямого отвѣта не даетъ. Сравнительно-историческія данныя говорятъ, однако, скорѣе въ пользу утвердительнаго отвѣта [1]), какъ и Пространная Правда. Въ этой послѣдней—нахо-

---

[1]) *Брунперъ* на стр. 193, I-го тома задается обратнымъ вопросомъ: „При убіеніи дружинника, по англосаксонскому и шведскому праву (добавимъ: и датскому—см. выше) платилась господину особая пеня, какъ Mannbusse, сверхъ вергельда, шедшаго родичамъ. Такая пеня была, повидимому, извѣстна первоначально и лангобардскому праву, тогда какъ оно позднѣе предоставляло размѣръ вергельда дружинника въ извѣстныхъ границахъ усмотрѣнію короля. У Франковъ господинъ имѣетъ позднѣе право мести и иска за убійство своего человѣка, а дружинники короля отличены повышеннымъ вергельдомъ“; при томъ онъ осторожно

димъ повтореніе ст. 2 Правды Ярославичей относительно платежа 80 гр. за княжого мужа-огнищанина вервью, если «убійца не изыщуть» («головника не ищють»), и слѣдомъ рядъ статей о платежѣ виръ—вервью. Правда, тутъ читаемъ только о 40 гривнахъ, платимыхъ «вообчи», «изъ дружины», съ упоминаніемъ о томъ, что головничество платитъ самъ головникъ. На что 80 гривенная вира не разложима на 40 гривенъ виры и 40 гривенъ головщины видно изъ «урока Ярославля» о «поконѣ вирномъ» въ той редакціи, какую находимъ въ «Пространной Правдѣ» [1]). Нѣтъ основаній предполагать, что при уплатѣ 80 гр. виры головникъ не платилъ головщины и что, стало быть, сліяніе ихъ въ одной суммѣ вызвано было тѣмъ, что обѣ суммы шли князю, да особымъ порядкомъ взысканія: тутъ все платилось вервью, какъ вира.

Кромѣ того, «Русская Правда» не даетъ никакихъ указаній на размѣръ древне-русской головщины. Единственное упоминаніе о ней—указанная статья «Пространной Правды» [2]), и переносить на время

называетъ соблазнительнымъ предположеніе К. Маурера, что этотъ повышенный вергельдъ сложился изъ пени господину „за обиду“ и виры, причемъ позднѣе вся сумма была предоставлена потерпѣвшимъ. У насъ вся сумма идетъ князю, причемъ аналогія платъ „за обиду“, ставшихъ продажами князю, заставила бы предположить, что не то, что шло князю, уступалось потерпѣвшему, а обратно: вытѣсняя месть „казнью“, княжая власть и выкупъ мести—цѣну мира—обращала въ княжую пеню. Но смѣна 40 гривенной пени—80 гривенной говоритъ въ пользу простого удвоенія виры. Этимъ, однако, вопросъ о головщинѣ еще не рѣшается. Все дѣло въ томъ, существовала ли она при прежней 40 гривенной пенѣ? Отрицательный отвѣтъ можетъ быть легко подсказанъ строемъ двора—огнища, относительно княжихъ мужей; огнищане, какъ члены этого двора княжого, имъ поглощались, въ немъ имѣли мстителей и пеня ихъ вождю и была цѣною мужа. Но такое апріорное сужденіе не можетъ быть поддержано никакими историческими данными, такъ какъ въ дошедшихъ до насъ источникахъ уже не отразилось это предполагаемое „первичное“ состояніе дружины.

[1]) Ст. 12: поконы вирные указаны съ 40 гривенъ—вирнику 8, съ 80—вирнику 16.

[2]) Насколько она игнорируетъ головщину видно изъ ст. 34—35: „аже ударить мечемь, а не утнеть на смерть, то 3 гривны (продажи, Кар.), а самому гривна за рану же лѣчебное; потнеть ли на смерть, а вира“—безъ прибавленія „и головщина“. Это особенно странно при множествѣ указаній на вознагражденіе потерпѣвшихъ. Ср. замѣчанія *М. Ф. Владимирскаго-Буданова*: „высота головничества не опредѣляется закономъ“. Обзоръ, стр. 317, и *Н. А. Максимейка*: „Литовскій Статутъ отступаетъ отъ Русской Правды въ томъ отношеніи, что головщина его имѣетъ опре

Ярославичей позднѣйшее равенство виры и головщны (напр., въ Литовскомъ Статутѣ) нѣтъ основанія. Какъ-бы то ни было—передъ нами двойная вира княжого мужа-огнищанина. Не думаю, чтобы эту двойную виру было правильно назвать привиллегіей княжихъ мужей. Не ихъ это привиллегія, а князя, которому шла вира; не въ силу самодовлѣющаго общественнаго значенія, а по личной связи съ княземъ и его дворомъ пользовались они усиленной защитой. Такъ князь и юрисдикцію свою надъ своими людьми охранялъ высокой пеней за наложеніе кары («муки») «безъ княжого слова» на огнищанина, тіуна княжого или мечника [1]). Повышенная вира обнимала не всѣ разряды княжихъ людей: отроки, дѣтскіе, мечники остались, судя по указаніямъ Пространной Правды, при 40 гривенной. Лишь бытовое положеніе и равенство въ вирѣ съ людьми свободными выдѣляли ихъ, какъ мужей княжихъ, да защита 12 гр. пеней отъ «муки безъ княжого слова».

Самодовлѣющая организація дружины развилась въ древней Руси несравненно менѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ Меровингской Франціи. Она не получила особаго отъ князя вождя и не сливалась въ разсматриваемый періодъ (позднѣе отношенія строятся на иныхъ основаніяхъ) съ княжимъ дворомъ, точнѣе сказать, чѣмъ дальше, тѣмъ больше отъ него отдѣлялась. Слишкомъ велико было значеніе организаціи, которую дѣятельность князей вносила въ среду населенія, слишкомъ много уходило на эту организацію дружинныхъ силъ, чтобы дружина могла прочно сложиться въ особое, самостоятельное цѣлое, отграниченное отъ верхнихъ слоевъ городского населенія. Сильно поднявшая свое значеніе городская вѣ-

---

дѣленный размѣръ, тогда какъ головничество Русской Правды не имѣетъ таковаго",—„Источники уголовныхъ законовъ Литовскаго статута", стр. 38.

[1]) Ст. 14-я Правды Ярославичей. Въ позднѣйшихъ спискахъ встрѣчаемъ статью, указывающую на вознагражденіе потерпѣвшему неправильную кару: „оже утяжуть въ мукѣ, а посидить у дворянина, 8 ногатъ за ту муку, а у колоколници бьють кнутомъ, а за ту муку 80 гривенъ". Эта статья, послѣдняя въ Карамзинскомъ спискѣ, понятна только въ сопоставленіи съ 14-й статьей Правды Ярославичей. Ср. сопоставленіе княжой кары и вознагражденія потерпѣвшему въ ст. 103 Пространной Правды: „Аже смердъ (?) мучить смерда безъ княжа слова, то 3 гривны продажи, а за муку гривна кунъ; аже огнищанина мучить, то 12 гривенъ продажѣ, а за муку гривна": при равномъ вознагражденіи потерпѣвшему—различная продажа.

чевая стихія, въ XI—XII вв. втягиваетъ въ себя дружинные, боярскіе элементы. Яркій примѣръ тому—положеніе тысяцкаго, правой руки князя, который не сталъ, однако, во главѣ дружины, не соединилъ въ своей рукѣ всѣхъ военныхъ силъ княжества. Князь остается самъ вождемъ своей дружины, какъ самъ держитъ и дворъ свой. Но это отсутствіе въ древне-русской жизни, насколько можемъ ее разглядѣть сквозь призму нашихъ источниковъ, четкой обособленности и замкнутости дружины, не устраняло особаго характера дружинныхъ отношеній, вліяніе которыхъ на положеніе князя среди населенія, чѣмъ дальше, тѣмъ больше его преобразовывало, подготовляя превращеніе князя въ вотчинника удѣла, политической единицы, въ которой всѣ отношенія будутъ опредѣляться личнымъ отношеніемъ къ князю составныхъ ея элементовъ.

Особенно характерной чертой внутренняго уклада дружинныхъ отношеній въ древнѣйшее время была выше признана принадлежность дружинника къ княжому двору-огнищу, какъ домочадца, слившаго съ этимъ огнищемъ всѣ свои личные и имущественные интересы. Быстро разлагается въ ходѣ жизни русской бытовая основа этихъ отношеній. Но слѣды ея живутъ, какъ мы видѣли, въ солидарности князя и дружины въ долѣ и недолѣ. И въ концѣ XII в. могла дружина, какъ во времена Игоря, сказать князю: «а ты добудеши, и мы», добавивъ, въ годину усобицъ: «а ты погубиши—и мы». Но этимъ не исчерпываются пережитки прежняго положенія огнищанъ, отразившіеся въ чертахъ позднѣйшаго быта. Въ ихъ рядъ надо поставить и статьи «Русской Правды» о боярскомъ наслѣдствѣ.

Въ составѣ Пространной Правды сохранилась статья: «О задницѣ боярстѣй и о дружьнѣй: аже въ боярехъ любо дружинѣ, то за князя задниця не идеть; но оже не будеть сыновъ, а дчери возмуть» [1]). Отрицательная форма статьи, противопоставляющая порядокъ наслѣдованія въ боярскихъ имуществахъ тому, какому

---

[1]) Для меня не подлежитъ сомнѣнію, что таково лучшее чтеніе статей 119 и 120 Пространной Правды, неразрывно связанныхъ по содержанію. Ср. выше сходную статью Законника Душана. Другой заголовокъ: О боярскихъ остаткахъ (читай: статкахъ) и о людскихъ, или: О боярстѣй задници и о людстѣ—распространяется и на слѣдующія статьи (121 и далѣе), а варьянтъ: любо въ боярстѣй дружинѣ—созданъ тенденціей этого свода вставлять—быть можетъ, соотвѣтственно росту въ XIII в. боярской силы—указанія на боярскія права.

подчинены смердьи статки, можетъ быть принята за указаніе на видоизмѣненіе прежняго обычая.

Какъ въ вышеупомянутыхъ чертахъ средневѣкового западно-европейскаго и сербскаго права, вижу тутъ смягченіе въ пользу дружины, ставшей боярствомъ, древняго права, не знавшаго имущественной самостоятельности княжихъ мужей-огнищанъ. Статья—ибо это одна статья — говоритъ о наслѣдствѣ дочерей [1]). Расширять ея значеніе до наслѣдованія боковыхъ—нѣтъ прямого основанія, хотя несомнѣнно, что такое расширеніе принесено было жизнью, и въ этомъ историческое значеніе нашей статьи; но едва ли возможно утверждать, что оно лежало уже въ первоначальномъ смыслѣ ея. Такое же ограничительное замѣчаніе слѣдуетъ сдѣлать и по вопросу о томъ, какое имущество разумѣетъ эта статья. Одинъ изъ списковъ сохранилъ въ варьянтѣ: «остаткахъ» указаніе, что рѣчь шла о «статкахъ», т.-е. объ имуществѣ движимомъ [2]): нѣтъ прямого указанія на отношеніе этой статьи къ боярскимъ селамъ; находимъ же въ Законникѣ Душана рядомъ со статьей, ограничивающей права царя на цѣнные статки властелинскіе, признаніе наслѣдства въ земельныхъ имуществахъ «до третьега братучада» [3]). Каково было наслѣдованіе въ боярскихъ селахъ въ эпоху «Русской Правды»—она не говоритъ, но чтобы предполагать для древне-русскаго права такое же различіе, какъ въ постановленіяхъ, болѣе поздняго типа [4]), Законника

[1]) Нѣсколько иначе шло смягченіе дружиннаго права въ Польшѣ: въ упомянутой „Польской Правдѣ XIII в.“ читаемъ въ ст. 21 о наслѣдствѣ рыцаря: „если мужъ не оставилъ сына, то жена владѣетъ имуществомъ, пока остается безъ мужа; а когда она умретъ, то наслѣдство беретъ господинъ мужа; если же онъ оставилъ дочь, то долженъ господинъ ее справедливо надѣлить и дать столько вещей, какъ имѣла мать, какъ сказано выше“. А выше упомянуто, что мать, выходя замужъ вторично, имѣетъ право на 2-хъ лошадей съ повозкой, на служанокъ, скотъ и вещи, что она принесла съ собой въ домъ перваго мужа или купила на деньги, вырученныя отъ продажи льна или другого зерна, принадлежавшаго ей въ собину.

[2]) „И дворъ зажгоша и статокъ его весь поимаша“—Ипат. стр. 450, подъ 1190 г.—Судебникъ 1497, ст. 60: „статокъ весь и земли“.

[3]) Законникъ Стефана Душана, изд. Новаковича, 1870 г., статьи 100 и 101.

[4]) „Болѣе поздняго типа“ потому, что въ „Законникѣ“ рѣчь идетъ только объ опредѣленныхъ предметахъ, составляющихъ, какъ конь и оружіе (эти идутъ царю), отличіе военнаго слуги, либо, какъ бисерная свита и золотой поясъ (эти уступаются дочери), отличіе боярскаго званія. „Русская Правда“ говоритъ вообще о „статкахъ“.

Душана, нужно было бы имѣть опредѣленныя основанія. За неимѣніемъ ихъ, наиболѣе естественнымъ представляется предположеніе, что къ вопросу о наслѣдованіи въ земельныхъ имуществахъ примѣнялись въ данномъ случаѣ тѣ же нормы, что и къ «статкамъ». По крайней мѣрѣ, въ позднѣйшемъ западно-русскомъ правѣ не видимъ различія въ наслѣдованіи имуществъ движимыхъ и недвижимыхъ. Нѣтъ основанія предполагать его и для «Русской Правды».

Чрезвычайно споренъ вопросъ объ отношеніи статей «Русской Правды», трактующихъ о боярскомъ наслѣдствѣ, къ общему наслѣдственному праву ея времени. М. Ф. Владимирскій-Будановъ рѣшительно настаиваетъ на томъ, что въ этихъ статьяхъ передъ нами норма общаго права, что касаются онѣ наслѣдства «бояръ и людей» въ отличіе отъ смердовъ [1]). В. И. Сергѣевичъ, напротивъ, считаетъ именно содержаніе статьи 117 о смердьей задницѣ «общимъ правиломъ о судьбѣ выморочнаго имущества»; а объясненію остальныхъ статей «Русской Правды» о наслѣдствѣ посвящаетъ нѣсколько страницъ своихъ «Лекцій и изслѣдованій» [2]). Выводы В. И. Сергѣевича рѣзко расходятся съ изложеннымъ выше толкованіемъ статей о боярскомъ наслѣдствѣ, и основаны на иномъ чтеніи самаго текста. «Единственно-возможнымъ» считаетъ В. И. Сергѣевичъ для 119 статьи чтеніе списка Дубенскаго (Мус.-Пушк.): «аще въ боярстѣй дружинѣ, то за князя задница не идеть», отрицая всякую связь между нею и слѣдующей (120): «но оже не будеть сыновъ, а дчери возмуть»; союзъ «но», связавшій непонятнымъ для В. И. Сергѣевича образомъ эту статью съ предшествующей, устраняется замѣчаніемъ, что онъ встрѣчается не во всѣхъ спискахъ, и предположеніемъ, что союзъ этотъ вставленъ нѣкоторыми переписчиками «по непониманію стараго текста». Такому исправленію текстовъ считаю необходимымъ противопоставить два утвержденія: 1) что оцѣнка варьянта: «аще въ боярстѣй дружинѣ» должна быть поставлена въ связь съ другими примѣрами, гдѣ Пространная Правда вставляетъ свои замѣчанія о боярскихъ людяхъ взамѣнъ или въ дополненіе къ первоначальнымъ чтеніямъ статей «Русской Правды» [3]) и 2) что

---

[1]) „Обзоръ“, стр. 479—480.

[2]) Стр. 537—548 третьяго изданія.

[3]) Такъ она вставила тивуна боярскаго въ 3-й статьѣ, замѣчаніе „также и за бояреск“ послѣ 13-й.

связь между 119 и 120 ея статьями неустранима. Первое соображеніе заставляетъ признать вставку слова «боярствѣй» въ тѣхъ спискахъ, гдѣ оно есть, а не пропускъ его—въ остальныхъ. Второе, помимо того, что чтеніе словъ: «оже не будеть сыновъ, а дчери возмуть», какъ отдѣльной статьи, а не окончанія предыдущей—не даетъ отвѣта на вопросъ, о чьихъ сынахъ идетъ рѣчь, и что «возмуть» дчери, вытекаетъ изъ параллелизма статей: 117—118, 119—120 (о смердьемъ наслѣдствѣ—о правахъ дочери смерда; о боярскомъ наслѣдствѣ—о правахъ дочери боярина) [1]). Притомъ, сходныя черты наслѣдственнаго права на боярскія имущества у другихъ народовъ устраняютъ поводъ и надобность критики, отрицающей содержаніе нашего источника, критики, для которой нѣтъ опоры и въ данныхъ нашего отечественнаго историческаго матеріала.

Таковы немногія черты, какими отразилось въ источникахъ нашихъ правовое положеніе древне-русскаго боярства. Онѣ носятъ черты его дружиннаго происхожденія. М. Ф. Владимирскаго-Буданова именно эта послѣдняя печать побудила отвергнуть толкованіе статей 119—120, какъ спеціальныхъ нормъ боярскаго наслѣдства, такъ какъ «въ эпоху 3-й Русской Правды, т. е. въ XII—XIII вв. классъ этотъ долженъ быть признанъ вполнѣ свободнымъ отъ личной зависимости отъ князя» [2]). Та характеристика эволюціи дружины въ боярское сословіе, которая была выше намѣчена, лишаетъ меня возможности принять это общее положеніе за критерій для оцѣнки нашего источника: боярство до конца разсматриваемаго періода оставалось, несмотря на глубокія перемѣны въ его положеніи, классомъ княжихъ мужей. И

---

[1]) Комментарій къ этимъ статьямъ, предложенный *В. И. Сергѣевичемъ*, предполагаетъ не только ихъ случайную послѣдовательность (противъ чего говоритъ указанный параллелизмъ), но и неправильное установленіе связи между ними компиляторомъ, искусственно связавшимъ „по непониманію стараго текста“ разнородныя нормы, передѣлывая и искажая свой источникъ, влагая въ него, по недоразумѣнію, новый смыслъ. Но основаніе этой критики текста—не въ объективныхъ данныхъ какихъ-либо источниковъ, а въ несоотвѣтствіи ихъ точнаго смысла точкѣ зрѣнія, устанавливаемой изслѣдователемъ.

[2]) Обзоръ, стр. 480. Въ надписаніи 119 (104) ст. по Кар. списку „О боярскомъ наслѣдствѣ и о людскомъ“ *Буданов*ъ хочетъ видѣть указаніе, что рѣчь идетъ о порядкѣ общемъ: но статья говоритъ о боярахъ и („боярской“) дружинѣ. Надписаніе можно отнести лишь ко всему дальнѣйшему ряду статей.

въ пользу этой точки зрѣнія на древне-русское боярство говоритъ, полагаю, между прочимъ, и то, что она даетъ возможность болѣе консервативнаго толкованія статей Русской Правды.

Признаніе за боярскими дочерьми права на наслѣдованіе отцовскаго имущества—крупный шагъ въ развитіи правъ боярскаго сословія. Вспомнимъ, что въ Меровингской Франціи право наслѣдованія дочерей и сестеръ ранѣе признано, точнѣе, введено — для наслѣдованія крестьянскихъ имуществъ, чѣмъ боярскихъ [1]). У насъ признаніе боярской дочери—наслѣдницей стоитъ рядомъ съ отрицаніемъ женскаго наслѣдованія въ статьѣ о наслѣдствѣ смерда и въ статьѣ 125, формулирующей общее положеніе народнаго права [2]).

Съ этимъ наростаніемъ боярскихъ правъ, вѣроятно, связана любопытная черта Пространной Правды: тѣ ея статьи, гдѣ встрѣчаемъ слово «боярскій». Статья о боярскомъ наслѣдствѣ въ нѣкоторыхъ спискахъ редактирована такъ: «А иже въ боярехъ или же въ боярьстѣй дружинѣ, то за князя задница не идеть» (Кар.), и даже: «аще въ боярстѣй дружинѣ, то за князя задница не идеть» (Мус.-Пушк.). Что тутъ мы имѣемъ дѣло не съ первоначальнымъ текстомъ, заставляетъ признать невозможность связывать эту форму статьи съ дальнѣйшимъ: «но оже не будеть сыновъ, и дчери возмуть»: понятно, что В. И. Сергѣевичъ, оказавъ ей предпочтеніе, долженъ былъ разорвать такую связь статей. Рядомъ съ этимъ упоминаніемъ о боярской дружинѣ стоятъ такія черты, какъ упоминаніе боярскаго тіуна въ двухъ статьяхъ—3-й и 89-й и приписка «такоже и за бояреск» послѣ статьи «о княжи мужѣ» (13—14). И тутъ явно сказывается позднѣйшая рука. Третья статья Пространной Правды повторяетъ третью-же Древнѣйшей Правды, замѣнивъ ея ябетника своимъ тіуномъ боярскимъ. Полагаю, что ябетникъ выбылъ не безслѣдно, а только перешелъ во 2-ю статью, какъ тіунъ княжой, какъ оцѣненный (по 4 ст. Правды Ярославичей) въ 80 гривенъ: первоначальное значеніе обоихъ словъ было, быть можетъ, и на русской почвѣ

---

[1]) Эдиктъ Хильперика. См. *Glasson*, Le droit de succession dans les lois barbares (Nouv. Revue historique de droit fr. et étr., т. IX), и его-же Hist. du droit et des instit. de la France, III, стр. 81; *Gierke*, Erbrecht und Vicinenrecht im Edikt Chilprichs (Z. der Sav.-St., т. 12).

[2]) Ст. 118 (см. о ней ниже), ст. 125: „аже будетъ сестра въ дому, то той задницѣ не імати, но отдадять ю за мужь братия, како си могуть“

равносильно [1]). Замѣнившій его боярскій тіунъ, по ст. 89—холопъ, на котораго «по нужи» вскладаютъ послушество, «оже не будеть свободнаго». Мысль, выраженная его упоминаніемъ въ третьей статьѣ, что за его убійство плата 40 гривенъ, та же, что въ ст. 14: «такоже и за бояреск», пытающейся приравнять плату за боярскихъ людей платѣ за людей княжихъ. Точный смыслъ этого приравненія остается, впрочемъ, не яснымъ, такъ какъ статья 13-я говоритъ о платѣ 40 гривенъ за княжого отрока, конюха или повара, 80 гривенъ за огнищнаго и конюшаго тіуновъ, 12-ти за сельскаго и ратайнаго тіуновъ и 5-ти за рядовича. Въ сущности, приписка ст. 14 имѣла въ виду, скорѣе всего, только послѣднія двѣ цифры и должна быть отнесена къ тексту: «а въ сельскомъ тивунѣ .... 5 гривенъ», который можно разсматривать и какъ отдѣльную статью: вѣдь статья 3-я не приравниваетъ боярскаго тіуна княжому. Боярскій тіунъ въ ст. 77 Карамзинскаго списка (=ст. 89 по изд. В. И. Сергѣевича) опредѣленъ, какъ тіунъ «дворьскій» (въ отличіе отъ сельскаго, ратайнаго): передъ нами та же фигура въ боярскомъ быту, что тіунъ огнищный при княжомъ дворѣ.

Всѣ эти черты—упоминаніе о боярской дружинѣ, о боярскихъ тіунахъ—могутъ имѣть реальную, бытовую основу для позднихъ моментовъ разсматриваемой исторической эпохи, когда укрѣпившееся правовое и бытовое положеніе боярства выдвинуло вопросъ о боярскихъ людяхъ, которыхъ зависимость отъ бояръ-вотчинниковъ начинаетъ закрывать отъ княжой власти. Не придавая, впрочемъ, особаго значенія этимъ предположеніямъ, высказываю ихъ, прежде всего, для выясненія, почему не считаю упомянутыя черты Пространной Правды—данными для изученія положенія боярства въ XI—XII вв., и усматриваю тутъ позднѣйшія редакціонныя наслоенія въ ея текстѣ.

5. *Населеніе княжихъ селъ.*

Правдой Ярославичей и разсмотрѣнными статьями Пространной Правды очерченъ собственно дружинный кругъ спеціальной

---

[1]) Сѣв.-нѣм. ambaht, сканд. ambátt—слуга изъ челяди, какъ и тіунъ (готск. thius, сѣв.-нѣм. diu, ср. dienen). Въ феодальной Европѣ видимъ иногда названіе amtmann'мъ препозита—тіуна въ крупномъ землевладѣльческомъ хозяйствѣ частныхъ владѣльцевъ.

княжой защиты, опеки и власти. Но этимъ нашъ вопросъ не исчерпанъ. Въ особомъ отношеніи къ князю стояло и населеніе княжихъ селъ, въ составѣ котораго находимъ, кромѣ несвободной челяди, людей полусвободныхъ. Княжое землевладѣніе и княжое хозяйство тѣхъ временъ слабо обрисованы въ нашихъ источникахъ; точнѣе, вовсе не обрисованы, а лишь указаны, случайно и мимоходомъ. Но существованіе княжихъ дворовъ и селъ съ сотнями челяди, съ конскими табунами и стадами скота, съ земледѣльческимъ хозяйствомъ устанавливается этими упоминаніями въ достаточной степени. Только въ Новгородѣ княжое землевладѣніе не пустило корней, несмотря на усилія князей его создать: Новгородцы лишь отводили имъ извѣстныя угодья въ пользованіе [1]). Домашнее и сельское хозяйство княжое велись преимущественно трудомъ челяди, трудомъ холопскимъ, подъ надзоромъ тіуновъ огнищныхъ, сельскихъ, ратайныхъ, конюшихъ и рядовичей. Но грамоты XII в. указываютъ намъ еще одну черту.

Такъ, въ уставной грамотѣ князя Ростислава Мстиславича Смоленской епископіи (1150 г.) читаемъ, что князь даетъ святой Богородицѣ «Село Дросенское со исгои и съ землею», и «село Ясенское и съ бортникомъ и съ землею и съ изгои» [2]). Для опредѣленія того, что такое изгои, имѣемъ всего два текста. Во-первыхъ, извѣстную глоссу въ уставѣ князя Всеволода Мстиславича о церковныхъ судахъ, говорящую о трехъ изгояхъ: безграмотномъ поповичѣ, обанкротившемся купцѣ и выкупившемся на волю холопѣ. Историки русскаго права согласны въ признаніи первоначальнымъ и типическимъ значеніе изгоя, какъ вышедшаго изъ неволи холопа [3]), на что указываетъ второй текстъ: въ «Наставленіи духовнику о принятіи кающихся» [4]) находимъ требованіе,

---

[1]) „Такое различіе, замѣчаетъ *В. И. Сергѣевичъ*, государственныхъ имуществъ и лично княжескихъ могло быть и въ другихъ княженіяхъ вѣчевой эпохи"—Лекціи, стр. 328, ср. Р. Юр. Др., III, стр. 22. Но въ другихъ княженіяхъ не было условія, вызвавшаго появленіе особыхъ земель, бывшихъ лишь въ пользованіи князей: отрицанія княжой частной земельной собственности.

[2]) „Христоматія по ист. рус. права" *Владимирскаго-Буданова*, вып. I, изд. 4-е, стр. 245.

[3]) *Сергѣевичъ*, Р. Юр. Др., I², стр. 274; *Владимирскій-Будановъ*, Обзоръ, изд. 3-е, стр. 380.

[4]) „Русск. Истор. Библ." т. VI, стр. 842—843. Ср. замѣчанія *М. А. Дьяконова*, Очерки общественн. и государств. строя древн. Руси, т. I, стр. 114.

чтобы кто продастъ челядина, или принимаетъ отъ челядина выкупъ, бралъ не больше, чѣмъ самъ за него заплатилъ; кто не удовлетворяется этимъ, а емлютъ «изгойство на искупающихся отъ работы», требуютъ, съ помощью лжесвидѣтелей, сверхъ «цѣны уреченой» лишней платы съ бывшаго холопа, послѣ выкупа, или «изгойства» за дѣтей, родившихся уже на свободѣ,—тѣ свершаютъ тяжкій грѣхъ, который «горѣе всего». Изъ текста ясно, что изгой вышедшій изъ неволи холопъ; но своеобразная терминологія, означающая особымъ словомъ «изгойство» — не выкупъ, платимый холопомъ господину (это справедливая, если равна тому, что за холопа заплачено, или «уреченная» цѣна), а лишекъ, неправедно взыскиваемый съ бывшаго холопа, сверхъ выкупа или за дѣтей, рожденныхъ на свободѣ, заставляетъ поставить вопросъ, на который, впрочемъ, не можетъ быть прямого отвѣта, по недостатку данныхъ: не явились ли подобныя притязанія господъ на «изгойство» пережиткомъ болѣе древнихъ воззрѣній и отношеній, по которымъ вышедшій на волю холопъ оставался подъ извѣстной властью господина? [1]).

Если даже признать такое предположеніе не лишеннымъ основанія, то немногія дошедшія до насъ извѣстія объ изгояхъ даютъ уже иную картину ихъ положенія. Они живутъ въ селахъ, жертвуемыхъ княземъ церкви [2]). «Древнѣйшая Правда» уже называетъ изгоя въ ряду людей, состоящихъ подъ княжой защитой. Видимъ ихъ въ средѣ «церковныхъ людей», подсудныхъ церковнымъ властямъ и составляющихъ рабочую силу въ церковномъ хозяйствѣ: «уставъ Ярославль о мостѣхъ» говоритъ о повинности, лежащей на «владыцѣ съ изгои», а Климентъ Смолятичъ подчеркиваетъ экономическое значеніе изгоевъ въ развитіи крупнаго церковнаго землевладѣнія, осуждая «славы хотящихъ, иже прилагаютъ домъ къ дому, и села къ селомъ, изгои же и сябры, и борти, и пожни, ляда же и старины» [3]). Ихъ «безатщина» идетъ епископу, по уставу Ярослава.

---

[1]) Явленіе широко распространенное въ исторіи либертината на Западѣ. Ср. *Бруннера*, I², стр. 142—144, 146—147, и, особенно, *J. Vermoör'a*, Soziale Gliederung im Frankenreich (Leipzig, 1907). Борьба церкви съ изгойствомъ связана съ стремленіемъ ея къ монополіи на опеку надъ изгоями, какъ церковными людьми, и имѣетъ свои яркія аналогіи въ исторіи Западной церкви.

[2]) Ср. „на княжи селѣ на Изгояхъ", П. С. Р. Л., т. IV, стр. 187.

[3]) *Н. К. Никольскій*, Климентъ Смолятичъ, стр. 104. Съ изгоями слѣ-

В. И. Сергѣевичъ полагаетъ, что «слово изгой можетъ быть примѣнено и вообще для обозначенія низшаго разряда людей, смердовъ, крестьянъ. Именно въ такомъ смыслѣ, кажется намъ», говоритъ онъ, «употребляется оно иногда въ княжескихъ жалованныхъ грамотахъ. Князья, даря монастырямъ деревни и села, говорятъ, что они дарятъ ихъ «со изгои». Это значитъ, что князь, одаряя монастырь своей землей, передаетъ ему и тѣ участки, которые сданы были крестьянамъ» [1]). Слова Клемента Смолятича

дуетъ сопоставить „задушныхъ людей“, пущениковъ, прощениковъ. Задушныхъ людей, какъ зависимыхъ, передаваемыхъ съ землею или безъ земли церкви, ввидѣ пожертвованія на поминъ души, встрѣчаемъ и въ Чехіи. Положеніе этихъ proanimatores, proanimati, задушниковъ, душниковъ характеризуется тѣмъ, что они несутъ опредѣленныя повинности и платежи и что ихъ земля, при отсутствіи прямыхъ наслѣдниковъ, переходитъ къ церковному учрежденію.—См. *Ясинскаго*, Паденіе земскаго строя въ Чехіи, стр. 45; *К. Грота*, Сборникъ Отд. русс. яз. и сл., т. 66, стр. 126; *Lippert*, Socialgeschichte Böhmens, I, стр. 282.

Словомъ „пущеникъ“ уставъ Всеволода Мстиславича замѣняетъ „прощеника“ устава Владимира (Христоматія Буданова, I, стр. 214 и 229). Въ пущеникѣ естественно видѣть вольноотпущеннаго холопа, а *И. И. Срезневскій* въ „Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка“ предлагаетъ—съ вопросительнымъ знакомъ—отождествить прощеника съ задушнымъ человѣкомъ. Ср. Прощеникъ (село?) въ Новг. I, стр. 329. Прощеника обыкновенно объясняютъ какъ „получившаго чудесное исцѣленіе“ (*Будановъ*). Ср. замѣчанія *Голубинскаго*, Ист. Русс. церкви, т. I, 1, стр. 423. Во всякомъ случаѣ, подъ этими терминами можетъ скрываться довольно пестрая по составу и положенію соціальная группа—ср. *М. А. Дьяконова*, Очерки изъ исторіи сельскаго населенія, стр. 296 и слѣд. о „трудникахъ“ монастырскихъ.

[1]) „Р. Юр. Др.“, I², стр. 273—274. „Въ Московскихъ грамотахъ XIV в., добавляетъ *В. И. Сергѣевичъ*, крестьяне называются не изгоями, а сиротами“, и ссылается на: 1) Жалованную грамоту Тверскому Отрочу монастырю, освобождающую „монастырскихъ людей“, въ томъ числѣ и сиротъ, „кто имѣть сѣдѣти на земли святое Богородици“, отъ платежей и повинностей; 2) Жалованную грамоту Троицкому монастырю: „а слугамъ Сергѣевымъ креста не цѣловати, сироты ихъ стоять у креста“, и 3) Жалованную грамоту Микулѣ съ дѣтьми: „не надобѣ имъ потянути Новоторжьци ни въ которую дань, ни въ Ординьское серебро, ни его сиротамъ“. Все—зависимые, чьи-либо люди. Послѣдній примѣръ показываетъ, что слово сироты шире, чѣмъ изгои, но не до значенія вообще крестьяне. Ср. еще грамоту митр. Кипріана Константиновскому монастырю: „ходите вси по моей грамотѣ: игуменъ сироты держи и сироты игумена слушайте“ и противоположеніе сиротъ крестьянамъ въ духовной Антонія Римлянина: „ни себѣ покоя не дахъ и братіи, и сиро-

показываютъ, что не все изгои, что сидитъ на церковной землѣ; отъ нихъ отличены сябры. Объясненія положенію изгоевъ надо искать въ общественномъ положеніи вышедшихъ изъ неволи холоповъ. На другіе разряды это понятіе распространилось по аналогіи ихъ положенія подъ опекой церкви.

Отвѣтъ, соотвѣтствующій смыслу скудныхъ данныхъ, какими располагаемъ для ознакомленія съ древне-русскими изгоями, даетъ сравненіе съ положеніемъ вышедшихъ изъ неволи холоповъ по средневѣковому германскому праву. Большинство ихъ попадало въ положеніе людей полусвободныхъ [1]), оставаясь въ извѣстной зависимости отъ прежняго господина или поступая подъ властную опеку короля и церкви. Особенно характерно для ихъ исторіи стремленіе церкви втянуть ихъ въ кругъ своихъ интересовъ. Церковь поощряла отпускъ холоповъ на волю, какъ дѣло богоугодное, настаивая, въ то же время, на своемъ правѣ брать отпущенныхъ подъ свою опеку, причемъ стремилась провести признаніе этого права относительно всѣхъ пущенниковъ и добиться подсудности своимъ судамъ всѣхъ споровъ о свободѣ. Эти тенденціи церкви стали въ разрѣзъ съ интересами свѣтской власти, и она признала за церковью право опеки лишь надъ извѣстными разрядами пущенниковъ, сохраняя другіе для себя [2]). Оба разряда либертовъ, королевскіе и церковные, имѣли ту общую черту, что ихъ имущество при бездѣтной смерти шло въ казну или въ церковь [3]). Положеніе пущенниковъ, попавшихъ подъ опеку церкви—наслѣдственная зависимость, изъ которой принципіально нѣтъ выхода. Для остальныхъ—возможна новая эмансипація съ переходомъ къ полнотѣ правъ гражданскихъ. Но они одинаково—полусвободные, составляя рядъ переходныхъ ступеней между

тамъ, и здѣ крестьянамъ досаждая".—А. Э., I, № 5; № 7; Доп. къ А. И I, № 9; А. Э., I № 11; *Милютинъ*. О недвижимыхъ имуществахъ духовенства, стр. 29. Болѣе широкій смыслъ слова „сироты", какой придаетъ ему *В. И. Сергѣевичъ*, находимъ, напр., въ 114 статьѣ Пространной Правды, по Мусинъ-Пушкинскому списку, гдѣ слова: „княжь бояринъ или купечь или сирота" объемлютъ, повидимому, въ представленіи писавшаго, всѣ разряды населенія. Это расширеніе смысла слова „сироты" естественно отнести ко временамъ, когда восторжествовало представленіе, что вся земля княжая.

[1]) О рѣдкости случаевъ отпуска на волю въ полноправное положеніе—см. *Vormoor* (указ. соч.), стр. 7; *Brunner*, I², стр. 359.

[2]) *Бруннеръ*, I², стр. 359—360.

[3]) По рипуарской правдѣ, см. *Vormoor*, стр. 42—43.

полной неволей и гражданской свободой. Указанное правило относительно ихъ наслѣдства одна изъ чертъ, характеризующихъ ихъ зависимое положеніе. Причина этого зависимаго положенія пущенника та, что онъ изгой, т. е. человѣкъ, вышедшій изъ общественнаго положенія, къ какому принадлежалъ по происхожденію, стоящій внѣ общественной организаціи. При огромномъ значеніи, какую въ древнемъ быту имѣла порука—семьи, сосѣдей, сотни, верви, господина [1]), это болѣе или менѣе значило оказаться внѣ закона. Лишь опека князя или церкви вводила изгоя снова въ правовой союзъ. Рядомъ съ этой стороной дѣла стояла другая, экономическая необходимость искать обезпеченія и приложенія своему труду. Внѣ частной зависимости путь къ ея удовлетворенію велъ на княжія и церковныя земли[2]). Такъ, развитіе княжого и церковнаго землевладѣнія даетъ выходъ элементамъ населенія, выбитымъ судьбою изъ обычнаго строя и уклада народной жизни. Это выходъ въ составъ особаго соціальнаго союза «княжихъ людей» и «людей церковныхъ», стоящаго внѣ народной общины и тѣсно сплоченнаго связями покровительства и зависимости, труда и обезпеченія въ чужомъ крупномъ хозяйствѣ. Что касается имущественнаго положенія изгоевъ, то единственное указаніе, какое имѣемъ въ такъ наз. «Уставѣ Ярослава о церковныхъ судахъ», даетъ черту, схожую съ тѣмъ, что мы видѣли на Западѣ: «безатщина ихъ епископу идетъ», причемъ это уступка епископу княжого права.—Передъ нами особый «союзъ княжеской защиты, стоящій внѣ общегосударственнаго союза членовъ племени и по-

---

[1]) Ср. наглядное изображеніе поруки въ сербской пѣснѣ, приводимый *Новаковичемъ* („Село“): „Изгуби се пашина јабука—у Будиму граду бијеломе.—Пушта паша лакога телала,—да се један за другога јемчи:—за којега јемац не изиде,—хоће њега паша погубити.—Све се један за другога јемчи,—све богати те за богатога,—сиромаси један за другога:—за једнога јемац не изиде,—за јунака мајстора Манојла“—Не знаю лучшей иллюстраціи средневѣковаго поручительства.

[2]) Рядомъ съ изгоями въ упомянутой грамотѣ Ростислава Мстиславича находимъ еще одну категорію зависимыхъ людей: боротника, „капустника съ женою и съ дѣтьми“, котораго князь даетъ епископу вмѣстѣ съ огородомъ, „тетеревника съ женою и съ дѣтьми“... Не подлежитъ спору, что это люди не свободные. Но отождествить ихъ по просту съ холопами мѣшаютъ ихъ спеціальныя обязанности. Было бы правильнѣе причислить ихъ къ одной соціальной группѣ съ изгоями, какъ людей состоящихъ въ личной зависимости и работающихъ на чужое хозяйство, но подъ условіемъ опредѣленныхъ только повинностей.

строенный на совершенно иной основѣ» (Halban). Основа его не взаимная порука и защита членовъ общины, а властная опека князя. И рядомъ съ этимъ «союзомъ княжой защиты» выростаетъ другая организація, столь же выдѣленная изъ обычно-правоваго уклада жизни населенія—церковное общество, получающее отъ княжой власти свои особыя права, свой особый строй.

6. *Вопросъ о смердахъ.*

Сложный и спорный вопросъ о древне-русскихъ смердахъ не отдѣлимъ отъ общей темы этого очерка, посвященнаго характеристикѣ силъ, на которыя опиралось личное и независящее отъ вѣчевой общины положеніе и вліяніе князя въ землѣ-княженіи. Выше уже приходилось касаться нѣкоторыхъ данныхъ относительно смердовъ [1]). Не повторяя того, что тамъ отмѣчено, остановлюсь, прежде всего, на толкованіи статей Русской Правды о наслѣдствѣ смердовъ.

Надписаніе этихъ статей—117 и 118—Пространной Правды въ разныхъ спискахъ различно. Одно: «о задницѣхъ» можетъ быть отнесено ко всѣмъ слѣдующимъ статьямъ, трактующимъ о наслѣдствѣ; другія: «аже умреть смердъ», «о смердьи статкѣ», «о смердьи задници»—выдѣляютъ тему ближайшаго текста двухъ статей. А гласитъ онъ такъ: «аже смердъ умреть (безъ дѣти, безажю), то задницю князю (то князю задница); аже будуть дщери у него дома, то даяти часть на нѣ; аже будуть за мужемь, то не даяти части имъ».

Въ этомъ текстѣ М. Ф. Владимирскій-Будановъ видитъ privilegium odiosum въ порядкѣ наслѣдованія смердовъ, отличающее его отъ того, какой существовалъ для бояръ и «людей» [2]).

В. И. Сергѣевичъ, предпочитая и тутъ чтеніе списка Дубенскаго («аще смердъ умреть безажю, то князю задница»), признаетъ это положеніе общимъ правиломъ о судьбѣ выморочныхъ имуществъ, отрицая связь между нимъ и слѣдующими словами о «части», даваемой дочери [3]).

---

[1]) Стр. 206—213.

[2]) Обзоръ, стр. 480.

[3]) Лекціи, стр. 546: „это особая статья, и нѣтъ ни малѣйшаго повода сливать ее съ предшествующей“. Однако „поводъ“ данъ словами „у него“ и параллелизмомъ статей 117—118, 119—120.

Оба мнѣнія имѣютъ предшественниковъ. Общимъ закономъ о выморочности считалъ статью о смердахъ П. П. Цитовичъ [1]); изъ личной зависимости смердовъ выводилъ права князя на ихъ наслѣдство В. Н. Никольскій [2]).

Существенныя различія встрѣчаются въ пониманіи не только взаимнаго отношенія нашихъ статей и широты ихъ значенія, но и самаго ихъ смысла. Идетъ ли рѣчь при «безатщинѣ» смерда объ отсутствіи у него сыновей или дѣтей обоего пола? Что такое «часть» незамужней дочери?

Разсматривая статью о дочерней части, какъ независимую отъ условій выморочности, В. И. Сергѣевичъ признаетъ ее противорѣчащей статьѣ 125: «аже будеть сестра въ дому то той задницѣ не имати, но отдадять ю за мужь братья, како си могуть». Противорѣчіе въ томъ, что ст. 125 отрицаетъ за дочерью право на часть въ наслѣдствѣ, а 118-я, по мнѣнію В. И. Сергѣевича, вводитъ «византійское начало», назначая дочери часть, равную части братьевъ, подобно тому, какъ ст. 123 говоритъ о части жены, равной, по тому же толкованію, части дѣтей.

Толкованіе В. И. Сергѣевича насилуетъ текстъ. 123 статья ясно говоритъ о женѣ, что она не участница въ наслѣствѣ мужа: «а задница ей мужня не надобѣ», но предоставляетъ ей иныя права: «на ню часть дати (Кар.: «а у своихъ дѣтей взять часть»), а что на ню мужь възложить (възложилъ) тому же есть госпожа». Часть, взятая у дѣтей, и полученное отъ мужа [3]) — стоятъ от-

---

[1]) „Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія“. Харьковъ, 1870 г. У *Дитовича* это мнѣніе стоитъ рядомъ съ воззрѣніемъ на смердовъ, какъ на княжихъ изорниковъ или наймитовъ, людей, зависимыхъ отъ князя, какъ хозяина.

[2]) „О началахъ наслѣдованія по древне-русскому праву“, Москва, 1859 г.

[3]) Эти черты „Русской Правды“ считаю по существу тожественными съ слѣд. положеніями „Польской Правды XIII в.“,—ст. XXII: „Также (раньше рѣчь шла о рыцарскомъ наслѣдствѣ—см. выше), если умретъ крестьянинъ, не имѣя сына, его господинъ беретъ его имущество, но долженъ онъ дать женщинѣ ея подушки и ея покрывала и вещь, называемую denicze, на чемъ спятъ, и нѣкоторую милость надо ей оказать изъ имущества, т.-е., дать ей корову, или двѣ-три, или больше (?), или что-либо изъ другого скота, чѣмъ бы она себя содержала“; вдова можетъ оставаться при сынѣ-наслѣдникѣ, но если она пойдетъ вторично замужъ, то сынъ даетъ ей названныя вещи, а „милость“ для него не обязательна: „хочетъ-ли онъ ей дать что-либо другое — это въ его волѣ“. „Русская Правда“ идетъ дальше, признавая право вдовы получить часть

дѣльно отъ «задници мужней», не входя въ ея составъ. Тоже надо сказать и о дочерней части, слѣдуя правильному пріему В. И. Сергѣевича, сопоставляющаго статьи 118 и 123 для выясненія, что тутъ разумѣетъ Русская Правда подъ «частью». Добавлю, что въ томъ же значеніи употребляетъ это слово статья 122, говоря, что наслѣдство идетъ «всѣмъ дѣтямъ, а на самаго часть дати по души». Часть не доля законныхъ наслѣдниковъ, а выдѣлъ изъ имущества извѣстныхъ средствъ для спеціальной цѣли: надѣленія вдовы, дочери или вклада на поминъ души. Размѣръ ея не опредѣленъ въ Русской Правдѣ; вѣроятно, онъ и не былъ безусловно опредѣленъ обычнымъ правомъ: «како си могуть» статьи 125 равносильно этому понятію «часть даяти на нѣ», «на ню часть дати» [1]). Въ Русской Правдѣ нѣтъ тутъ противорѣчія, ея составитель понималъ, что пишетъ, разумѣя подъ «частью» дочери или матери-вдовы долю движимаго имущества, выдѣляемую имъ изъ общей массы наслѣдства, переходящаго либо къ князю, какъ выморочное, либо къ сыновьямъ-наслѣдникамъ [1]).

Такое толкованіе дѣлаетъ неизбѣжнымъ признаніе имущества смерда выморочнымъ при отсутствіи у него сына. Этому не противорѣчатъ даже тѣ списки, которые говорятъ: «аще смердъ умреть безъ дѣти», такъ какъ продолжаютъ: «аще будуть дщери». Тутъ шероховатость терминологіи легко объясняется, если принять мнѣніе В. И. Сергѣевича, что «безъ дѣти» явилось толкованіемъ устарѣлаго древнѣйшаго чтенія «безажю».

При такомъ пониманіи статей о смердьемъ наслѣдствѣ, передъ нами встаетъ аналогія ихъ со статьями о наслѣдствѣ бояръ-дружинниковъ. Но тамъ право князя на безатщину княжого мужа

отъ дѣтей сверхъ того, что она получила отъ мужа, если она остается сидѣть на мужнемъ дворѣ съ дѣтьми (ст. 132—133); это послѣднее положеніе — предполагаетъ, повидимому, случай раздѣла имущества (частичнаго), не уничтожающаго житья въ одномъ дворѣ. Ср. примѣчанія *Владимирскаго-Буданова* къ статьямъ 106 и 113 Карамзинскаго списка. О дочеряхъ „Польская Правда“ говоритъ: „оставилъ-ли мужъ дочерей, ихъ долженъ надѣлить, кто беретъ его наслѣдство, сынъ-ли его или господинъ“. Ср. постановленія Литовскаго Статута 1529 г. о вдовьей части, раздѣлъ IV, ст. 2—5; о дочерней, ст. 8.

[1]) Въ послѣднемъ случаѣ, дочь получаетъ часть лишь при выходѣ замужъ, по ст. 125, или при раздѣлѣ. Замѣчу еще, что равенство правъ въ наслѣдствѣ дочерей съ сыновьями плохо согласуется съ выключеніемъ изъ него дочерей замужнихъ.

представлялось естественнымъ объяснять изъ особенностей всего строя дружинныхъ отношеній, выросшихъ изъ такого историческаго корня, какъ княжой дворъ-огнище. Но какъ могло возникнуть право князя на безатщину смерда, умершаго безъ сына-наслѣдника?

В. И. Сергѣевичъ даетъ простой отвѣтъ. Рѣчь, по его мнѣнію, идетъ о смердѣ, какъ подданномъ, смердѣ въ широкомъ смыслѣ слова, и о правѣ князя на всякое имущество, оказавшееся выморочнымъ въ землѣ-княженіи. Это — заимствованное византійское право, именно то, какое формулировано въ Эклогѣ: «si defuncti ne uxor quidem extat, tunc universum ejus patrimonium veluti cujus nullus extat heres, fisco infertur». Но если тутъ заимствованіе изъ Эклоги, то весьма свободное. Эклога выморочнымъ признаетъ имущество, на которое «nullus extat heres», а подъ наслѣдниками, о которыхъ рѣчь идетъ непосредственно выше, разумѣетъ не только нисходящее потомство, а кровныхъ родственниковъ вообще, при отсутствіи которыхъ допускаетъ переходъ къ вдовѣ половины наслѣдства, обращая другую половину въ пользу фиска [1]); а если и жены нѣтъ, то все наслѣдство идетъ фиску. Что же взяла «Русская Правда» изъ Эклоги? Только самое понятіе «fisco infertur», отождествивъ фискъ, «царское сокровище» славянскаго текста, съ княземъ? Да и текстъ Эклоги, который могъ быть подъ руками русскихъ книжниковъ, даетъ не то, что давалъ оригиналъ: «аще ли не жены будетъ умершему, и тогда все имѣніе его или апостольская церковь или царское сокровище или людскій соньмъ да пріиметъ» [2]) По этому тексту не всякое выморочное имущество шло въ казну, рядомъ съ княземъ стоятъ церковь и еще «людскій сонмъ», введенные славянскимъ переводчикомъ, видимо не знавшимъ общаго права князя на выморочныя имущества. Славянская Эклога не могла подсказать князьямъ русскимъ притязанія на такія наслѣдства-безатщины, и едва-ли есть поводъ искать въ статьяхъ о нихъ византійскаго начала.

Отклоняя византійское заимствованіе, которое само по себѣ ничего бы не объяснило въ данной чертѣ—не текста, а правового быта, остаемся передъ открытымъ вопросомъ о происхо-

[1]) п. 8, титула XVIII-го: „quod si nulli etiam propinqui sunt, at uxor defuncti superest: in semissem totius illa patrimonii succedat, altero semisse fisco inferendo“—затѣмъ идетъ п. 9, приведенный выше.

[2]) Печатной Кормчей, гл. 49, царя Леона и Константина.

жденіи княжого права на выморочное наслѣдіе смерда и отношеніи этого права къ порядкамъ выморочности имуществъ боярскихъ или изгойскихъ.

Объяснить происхожденіе этого права значитъ найти тѣ отношенія, которыми обусловленъ переходъ имущества при отсутствіи кровныхъ наслѣдниковъ къ князю. Первый вопросъ, который слѣдуетъ поставить: могутъ ли быть указаны такія отношенія князя къ населенію, на выморочныя имущества коего онъ имѣетъ право, которыя сами по себѣ объяснятъ возникновеніе этого права? Только отрицательный результатъ подобныхъ разысканій дастъ основаніе предполагать въ этомъ правѣ искусственное учрежденіе, напр., заимствованіе со стороны.

«Право наслѣдства, читаемъ у М. Ф. Владимирскаго-Буданова [1]), возникаетъ не изъ искусственнаго измышленія, а коренится въ совладѣніи лицъ, живущихъ въ одномъ домѣ съ наслѣдодателемъ, раздѣлявшихъ вмѣстѣ труды пріобрѣтенія имущества и право пользованія имъ». Таковъ, дѣйствительно, историческій корень права наслѣдства въ частныхъ имуществахъ, семейныхъ: общность огнища и хозяйства. Но таковъ же, какъ мы видѣли, одинъ изъ историческихъ корней права вождя дружины на наслѣдство дружинника-огнищанина; его же можно отмѣтить въ правѣ князя или церкви на наслѣдство вольноотпущенника изгоя: принадлежность послѣдняго къ чужому хозяйству Но таковъ лишь одинъ изъ корней, на которыхъ выростаетъ право о выморочныхъ имуществахъ. Другимъ является—защита.

Древніе кровные союзы не только семейныя и трудовыя общины; они также союзы защиты. И возникновеніе права наслѣдства связано не только съ общностью дома, труда, хлѣба и имѣнія; оно связано также съ правомъ и обязанностью взаимной защиты. Эту послѣднюю черту встрѣчаемъ и въ западномъ и въ русскомъ средневѣковомъ правѣ. Связь права наслѣдованія съ местью за убитаго, съ правомъ получать за него виру извѣстна по варварскимъ правдамъ [2]). Тоже находимъ и въ литовско-русскомъ правѣ, гдѣ права на наслѣдство и на головщи-

---

[1]) Обзоръ, стр. 481, примѣчаніе.

[2]) По Салической Правдѣ (тит. 60), кто отрекается отъ родства, теряетъ faida, compositio и hereditas, которую „fiscus adquirat“. По Тюрингенской Правдѣ—право мести, вергельдъ и земля переходятъ къ одному и тому же родственнику, и т. д.

ну подчинены однѣмъ и тѣмъ же нормамъ [1]). Представленіе объ этой связи, столь естественной въ организаціи каждаго огнища, въ томъ числѣ и княжого, пополняетъ существенной чертой характеристику, какъ дружинныхъ отношеній, такъ и положенія людей зависимыхъ, въ которыхъ начала бытовой связи неотдѣлимы отъ охраны и защиты по отношенію къ третьимъ лицамъ и общинамъ.

Гирке [2]) сдѣлалъ попытку объяснить возвращеніе выморочнаго имущества роду-племени (Sippe), помимо предположеній о доисторическомъ родовомъ хозяйствѣ, какъ слѣдствіе защиты и опеки племенного союза надъ отдѣльными членами, признавая, однако, и другой моментъ: уничтоженіе обособленнаго владѣнія съ прекращеніемъ той семейной общины, ради которой оно существовало [3]). Между тѣми же двумя моментами—началомъ защиты и опеки или верховнаго права на территорію—колеблются объясненія права князя на земельныя выморочныя имущества. Въ этомъ вопросѣ—о выморочныхъ земляхъ—наиболѣе распространеннымъ можно назвать мнѣніе, что право на нихъ князя выросло изъ презумпціи, что ему принадлежитъ вся территорія. Рихардъ Шредеръ [4]) такъ объясняетъ ограниченіе франкскимъ правомъ наслѣдованія салическихъ земель, переходившихъ, при отсутствіи мужского потомства, къ королю; къ тому же выводу пришли историки чешскаго права, Челяковскій [5]) и Калоузекъ [6]).

---

[1]) Статутъ 1529 г., артикулъ 13, раздѣла VII-го.

[2]) *Gierke*. Erbrecht und Vicinenrecht, Zeit. der Savigny Stift. Germ. Abt., т. 12.

[3]) „Das Sonderrecht hatte mit dem Hausstande selbst, für den es da war, sein Ende erreicht".

[4]) *R. Schröder*. Die Franken und ihr Recht (Zeit. der Sav.-Stift. Germ. Abt., т. 15).

[5]) *Jaromír Čelakovsky*. Právo odúmerlné v Čechach. Прага, 1882 г.

[6]) *Josef Kalousek*. O staročeském právé odúmertném na statciéh svobodnych v Čechách i na Moravě (Rozpravy Ceske Akademie, 1894 г.). Челяковскій указываетъ на различіе судебъ выморочныхъ недвижимостей по городскому и земскому праву. Въ земскомъ правѣ—онѣ идутъ князю, „какъ вождю народнаго племени и господину земли, которому принадлежали всѣ незаселенныя или покинутыя имѣнія"; въ правѣ городскомъ—наслѣдованіе боковыхъ родственниковъ, даже дальнихъ, и возможность завѣщательныхъ распоряженій, а въ XIII и XIV вв.—распространеніе привилегій на переходъ выморочныхъ имуществъ въ пользу городовъ; шляхта чешская лишь постепенно добивается въ XIV ст. рас-

Теорію эту, соблазнительную по простотѣ и ясности, не легко, однако, согласовать съ фактомъ, что, напр., въ германскомъ правѣ королю шли земли выморочныя, лишь оставшіяся послѣ крупныхъ владѣльцевъ, военнаго класса, а крестьянскія переходили къ сосѣдской общинѣ [1]). Одно это обстоятельство должно бы заставить изслѣдователей искать объясненія изучаемаго явленія на иномъ пути: не въ отношеніяхъ князя къ территоріи, а въ отношеніяхъ его къ тому разряду владѣльцевъ и имуществъ, какія имѣетъ ввиду княжое право на выморочныя имущества, притомъ не только земельныя, но, прежде всего — движимыя (статки).

Еще труднѣе приложить эту теорію къ русскимъ древностямъ. У насъ нѣтъ основанія даже предположительно говорить о воззрѣніи на древне-русскаго князя, какъ на владѣльца всей земли въ X—XII вв. Къ тому же «Русская Правда» именно относительно смерда говоритъ не о землѣ, а о «статкахъ» выморочныхъ. И отвѣта на свой вопросъ можемъ искать лишь въ положеніи смерда по отношенію къ князю.

Лешковъ, Никольскій, Цитовичъ смотрѣли на смердовъ, какъ на «людей князя», стоящихъ въ особой, частно-правовой зависимости отъ него. Никольскій сопоставилъ ихъ съ проніарами сербскими и кметами польскаго права, проводя, съ другой стороны, аналогію между древне-русскими боярами и властелями Душанова Законника. Цитовичъ, отмѣчая аналогичныя черты въ положеніи относительно князя бояръ-дружинниковъ и смердовъ, видитъ въ послѣднихъ изорниковъ-наймитовъ княжого хозяйства, состоящихъ въ особой защитѣ князя и связанныхъ

ширенія своего права наслѣдованія. *Калоузекъ* устанавливаетъ, противъ Палацкаго и Воцеля, что право князя, какъ „верховнаго дѣдича чешской земли“ на выморочныя земли, независимо отъ „выслугъ“ и распространенія леннаго права, и относитъ его возникновеніе ко времени объединенія Чехіи въ рукахъ одного князя; соединивъ въ своихъ рукахъ власть всѣхъ племенныхъ князей, чешскій князь явился, по мнѣнію Калоузека, преемникомъ права на земли, которое ранѣе, вѣроятно, принадлежало отдѣльнымъ племенамъ, или ихъ вождямъ. Для Польши см. *Пѣкосиньского* („Ludność wieśniacza w Polsce“: „князь собственникъ земли во всемъ государствѣ“) и *О. Бальцера* (Обзоръ его курса: „Historya ustroju Polski“ въ отчетахъ Краков. академіи за 1905 г.: „князь есть частный собственникъ всей незанятой населеніемъ земли“).

[1]) Ср. Шредера, Гирке (указ. соч.) и Бруннера, I², стр. 281.

съ нимъ условіями своего экономическаго быта [1]). В. И. Сергѣевичъ считаетъ смерда «Русской Правды» подданнымъ въ широкомъ и общемъ смыслѣ слова, а Владимирскій-Будановъ занялъ среднее положеніе, признавая, что «въ княжествахъ, при тогдашнемъ смѣшеніи частнаго права съ государственнымъ»— «земли общинныя считались государственными и смерды, населявшіе ихъ, были смердами князя» [2]).

Въ нашихъ источникахъ нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы въ древней Руси общинныя земли считались государственными; нѣтъ основанія вводить эти понятія въ характеристику древнерусскаго быта. Если мы позднѣе встрѣчаемъ «смѣшеніе частнаго права съ государственнымъ» и представленіе о «землѣ великаго князя», на которой только пожни и пахоты населенія, то задача историка — найти въ древнемъ періодѣ явленія, обусловившія и подготовившія эти позднѣйшія понятія и отношенія. Переносить на всю древнюю Русь наблюденія, получаемыя отъ временъ удѣльнаго строя или порядковъ новгородскихъ, псковскихъ, временъ разцвѣта своеобразнаго уклада жизни сѣверно-русскихъ народоправствъ, не значитъ разрѣшить эту задачу. И, прежде всего, нѣтъ у насъ основаній строить объясненіе положенія смерда на отношеніяхъ поземельныхъ. Съ одной стороны, свидѣтельства о смердахъ не говорятъ о томъ, чтобы они сидѣли на княжой землѣ, съ другой, свидѣтельства о княжихъ дворахъ и селахъ, грамоты о дарованіи земель духовенству—не указываютъ смердовъ на земляхъ княжескихъ. Не въ поземельныхъ, а въ отношеніяхъ властной опеки съ одной, зависимости и повинностей съ другой стороны корень нашего вопроса.

---

[1]) „Имущества смерда и князя представляютъ какую-то слитость, или по крайней мѣрѣ, на нѣкоторыя вещи князя ложится такой характеръ какъ будто онѣ находятся въ обладаніи смерда“. Цитовичъ разумѣетъ, прежде всего, статью о княжомъ и смердьемъ конѣ, сопоставляя эту 9 статью Правды Ярославичей („а за княжь конь, иже съ пятномъ, 3 гривны, а за смердій 2 гривнѣ“ и т. д.), съ 72 ст. Пространной Правды („аже у господина ролейный закупъ, а погубить воискій (свойскій, воиньскый) конь, то не платити ему“), и полагаетъ, что оба коня статьи 9-й княжіе, быть можетъ, боевой и рабочій, и, во всякомъ случаѣ, они оба— въ одномъ стадѣ, „одинаково находились въ предѣлахъ княжескаго двора, дома, хозяйства“.

[2]) Обзоръ, стр. 37. Предполагая „тогдашнее смѣшеніе частнаго права съ государственнымъ“, *Будановъ* примыкаетъ, повидимому, къ мнѣнію о древнемъ князѣ, какъ собственникѣ всей земли?

Разрѣшеніе его представляетъ трудности почти непреодолимыя. Вопросу о древне-русскихъ смердахъ суждено, повидимому, оставаться крайне спорнымъ — надолго, б. м., навсегда. Причина тому въ скудости данныхъ, какими располагаемъ: нѣсколько случайныхъ упоминаній въ лѣтописи, да тексты «Русской Правды». Позднѣйшіе источники почти ничего не даютъ: они сводятся къ рѣдкому упоминанію о смердахъ въ грамотахъ западно-русскихъ, столь же исключительному, какъ встрѣча съ терминомъ смердъ на польской почвѣ — въ Силезіи, въ землѣ краковской. Богаче впечатлѣнія, какія имѣемъ отъ новгородскихъ и псковскихъ смердовъ; о нихъ рѣчь была выше.

Изъ совокупности данныхъ—ясно одно: смерды—сельское населеніе, земледѣльческое, противополагаемое горожанамъ [1]).

Кромѣ того, это терминъ, вымирающій на нашихъ глазахъ. Позднѣе пережитки терминологіи, еще знающей его, даютъ ему то же значеніе. Въ западной Руси «это названіе, повидимому, прилагалось только въ массѣ рядового тяглаго крестьянства и не простиралось на высшіе разряды «ремесленныхъ» крестьянъ, людей вольныхъ, служившихъ съ своихъ земель военную службу на ряду съ слугами и юридически имъ равноправныхъ» [2]). На польской почвѣ встрѣчаемъ изрѣдка смердовъ—въ составѣ зависимаго сельскаго населенія, раздаваемаго вмѣстѣ съ землей церковнымъ учрежденіямъ [3]).

---

[1]) Предположеніе, что слово смердъ употребляется иногда въ болѣе широкомъ смыслѣ „для обозначенія всего населенія за исключеніемъ однихъ князей“ (*В. И. Сергѣевичъ*, Р. Юр. Др. I², стр. 178) или „обнимая все населеніе, кромѣ духовенства и бояръ“ (*М. Ф. Владимирскій-Буда-новъ*, Обзоръ, стр. 36) вызвано стремленіемъ толковать статьи „Рус. Пр.“, упоминающія о смердахъ, какъ общія нормы для всего населенія, притомъ не всѣ, а тѣ, которыя не укладываются въ построенное даннымъ изслѣдователемъ представленіе о положеніи смердовъ „въ тѣсномъ смыслѣ слова“. Ср. также замѣчанія Н. А. Максимейка („Мнимые архаизмы уголовнаго права „Русской Правды“, Вѣстникъ Права, 1905 г., мартъ—апрѣль) о тенденціи искать въ статьяхъ „Рус. Пр.“ полноты опредѣленій и нормъ, исчерпывающихъ практику, вопреки ея характеру.

[2]) *М. К. Любавскій*, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Лит. Рус. государства, стр. 358.

[3]) См. *Tzschoppe und Stenzel*, Urkundensammlung zur Geschichte des Ursprungs der Städte.... in Schlesien und der Ober-Lausitz, Hamburg, 1832; *Du Cange*, sub verbo Smurdus; поселокъ Smardzewo во владѣніяхъ краковскаго архіепископа (Potkański, Opactwo, стр. 97; Zakrzewski, Studya, стр. 39).

Разногласія научной литературы въ опредѣленіи положенія древне-русскихъ смердовъ зависятъ, прежде всего, отъ недостаточности данныхъ, притомъ отрывочныхъ и разбросанныхъ по времени на нѣсколько столѣтій. Эволюція этого положенія и смысла самого термина остается скрытой. А, между тѣмъ, то, что даютъ намъ источники, едва-ли можетъ быть понято, помимо предположенія, что въ нихъ отразился процессъ разложенія первоначальныхъ отношеній, или, по крайней мѣрѣ, рядъ коренныхъ измѣненій въ ихъ складѣ. Указаніе на первоначальный строй этихъ отношеній вижу въ томъ положеніи смердовъ новгородскихъ и псковскихъ, какое сохранилось въ существенныхъ чертахъ до паденія вольности Новгорода и Пскова. Это строй властвованія городского центра надъ сельскимъ, а первоначально и пригородскимъ населеніемъ земли-волости. Городская власть налагаетъ на это населеніе рядъ повинностей, собираетъ съ него дань. Власть эта—власть князя. На сѣверѣ она постепенно падаетъ, обращаясь изъ самостоятельной власти въ органъ вѣчевой общины. Но если княжой судъ надъ населеніемъ сталъ на сѣверѣ земскимъ, а повинности, какъ, напр., городовое и мостовое дѣло—функціей земскаго управленія, то даже здѣсь князь сохраняетъ право на дань смердовъ и ближайшую обязанность «блюсти смердовъ». Эволюція политическаго быта новгородскаго подорвала для князя возможность опереть на власти своей надъ сельскимъ населеніемъ политическую силу, которая была бы независимой отъ городской общины,—и Новгородцы ревниво слѣдили за тѣмъ, чтобы эта власть не выродилась въ личную зависимость, чтобы смерды новгородскіе не стали «людьми князя».

На югѣ отношенія должны были сложиться иначе: тутъ центральная власть въ землѣ-волости была и осталась княжой. Вѣче главнаго города и городскія власти, которыя также остались княжими, не стояли во главѣ управленія всей земли. Кіевъ, Черниговъ и др. «стольные» города никогда не управляли пригородами и волостями такъ, какъ управлялъ своими владѣніями господинъ Великій Новгородъ. И то особое, ближайшее отношеніе къ управленію смердами, какое отчасти сохранилось за княземъ даже на новгородскомъ сѣверѣ, получило на югѣ особое развитіе и приняло особый характеръ, нашедшій свое выраженіе въ «Правдѣ Ярославичей» и въ сохраненныхъ «Пространной Правдой» правилахъ о статкахъ и безатщинѣ смерда.

Такъ ставится для меня вопросъ о положеніи смердовъ въ

южной Руси. Но выяснить его сколько-нибудь детально не позволяютъ скудныя данныя. Нѣтъ у насъ сколько-нибудь наглядныхъ свѣдѣній о шедшей князю дани; разсказъ лѣтописи о томъ, какъ Янъ Вышатичъ въ 1071 г. пришелъ на Бѣлозерье, «дань емлюще», отъ князя Святослава Ярославича, едва-ли не единственное конкретное на нее указаніе, если не считать княжихъ грамотъ, дающихъ церковнымъ учрежденіямъ волости «съ данью и съ вирами и съ продажами» или «десятину отъ даній и отъ виръ и отъ продажь, что входить въ княжь дворъ всего». При томъ, тутъ рѣчь не о смердахъ съ ихъ специфическою данью князю. Смыслу этихъ свидѣтельствъ наиболѣе отвѣчаетъ поясненіе В. И. Сергѣевича: «Въ памятникахъ встрѣчается... слово «дань», и нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что вездѣ подъ нимъ разумѣется поземельная подать, т. е. одинъ изъ видовъ прямыхъ налоговъ; въ дѣйствительности, однако, подъ данью разумѣются всевозможныя подати: все, что отдается въ пользу князя, называлось данью» [1]).

Не болѣе знаемъ о томъ, насколько падало на смердовъ военное дѣло. Собранныя выше свѣдѣнія объ участіи смердовъ въ военныхъ дѣйствіяхъ показываютъ, какъ мало осталось въ «княжеской» Руси отъ доисторическихъ всенародныхъ племенныхъ ополченій. По мѣрѣ развитія конницы, уходили въ прошлое походы въ лодьяхъ, падало значеніе пѣшихъ ополченій. Основа древне-русской военной силы XII—XIII в. конные полки дружины и воевъ, а смерды-пѣшьцы сидятъ въ осадѣ, въ походахъ же играютъ обычно роль передовыхъ отрядовъ въ бою, да обознаго люда. И конь смерда, идущій подъ дружинника либо подъ городского воя, важнѣе для княжой военной силы, чѣмъ самъ смердъ. Само по себѣ это явленіе должно свидѣтельствовать о началѣ крупной дифференціаціи въ средѣ населенія, подобно той, какая, предположительно, привела въ Польшѣ къ возникновенію класса влодыкъ, и въ западной Руси разряда слугъ—панцырныхъ, доспѣшныхъ, путныхъ и т. д. Но на историческіе корни подобной дифференціаціи въ кіевской Руси наши источники не даютъ никакихъ указаній, кромѣ упомянутыхъ косвенныхъ намековъ [2]). Наконецъ, на городовое дѣло и мостовую повинность указываютъ

---

[1]) „Лекціи и изслѣдованія“, изд. 3-е, стр. 325—326; ср. Р. Юр. Др. III, стр. 180—181.

[2]) Ср. *М. С. Грушевскаго.* Історія Укр.-Руси, т. V, стр. 42.

статьи 126 и 127 Пространной Правды—объ «уроцѣхъ» городнику и мостнику, да новгородскія аналогіи.

Насколько положеніе князя относительно повинностей населенія было на югѣ иное, чѣмъ въ Новгородѣ XII—XIII вв., показываетъ извѣстный лѣтописный разсказъ объ установленіи ловчаго въ Берестьи. Раздраженный крамолой Берестьянъ князь Мстиславъ Даниловичъ спросилъ бояръ своихъ: «есть ли ловчии здѣ»? Они же отвѣчали: «нетуть, господине, изъ вѣка». А Мстиславъ сказалъ: «язъ пакъ уставливаю на нѣ ловчее за ихъ коромолу, абы ми не зрѣти на ихъ кровь», и уставилъ «ловчее на Берестьаны и въ вѣкы»: съ каждаго ста—медомъ и хлѣбомъ, льномъ, овсомъ и рожью, овцами и курами, а съ горожанъ—4 гривны кунъ [1]). Князь устанавливаетъ чисто «дворцовую» повинность, на содержаніе «ловчаго пути» своего—въ замѣнъ заслуженной, по его мнѣнію, Берестьянами кровавой расправы. И рѣчь идетъ тутъ не о смердахъ, а о горожанахъ берестейскихъ и пригородныхъ сотныхъ людяхъ: эти послѣдніе—надо полагать—смерды, а Берестье князь трактуетъ по старому, какъ пригородъ. Правда, извѣстіе это позднее и свидѣтельствуетъ, быть можетъ, не столько о старинѣ, сколько о выроставшемъ на ея почвѣ новомъ, вотчинномъ укладѣ княжого властвованія. Но оно, во всякомъ случаѣ, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на условія, въ какихъ развивалась княжая власть въ южной Руси.

Главный источникъ для заключеній о положеніи смерда: Правда Ярославичей и нѣкоторыя статьи Правды Пространной. Прежде всего, два слова о первомъ изъ этихъ памятниковъ. Его заглавіе: «Правда уставлена Русской земли егда ся совокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ» и т. д.—изслѣдователи относятъ довольно единодушно только къ первымъ четыремъ статьямъ. Не понимаю почему. Вся Правда носитъ однородный характеръ въ самомъ существенномъ содержаніи: это Правда княжая. Она говоритъ, во-первыхъ, о вирахъ княжихъ мужей (огнищанина, ѣздового, тіуна, конюха стараго) и пеняхъ, идущихъ князю, за княжихъ старостъ (сельскаго и ратайнаго), за рядовича, смерда, холопа, кормилицу-робу и кормиличича (ст. 1—8); далѣе говоритъ о продажахъ княжихъ по 12 гр., 3 гр. 30 рѣзанъ и 60 рѣзанъ—за разныя преступленія (ст. 12, 14, 15, 16, 22), о процентахъ съ княжого судебнаго дохода въ церковную десятину и княжимъ

[1]) Ипат., стр. 613, подъ 1289 г.

чиновникамъ, а также о кормѣ вирнику и урокѣ мостнику (23—25). Это составляетъ 16 статей изъ 25. Остальныя 9 распредѣляются на группы: 1) 11, 17, 18, 19, 20 касаются процессуальныхъ правилъ, причемъ 4 изъ нихъ (17—20) регулируютъ самоуправство въ пользу суда княжого, 11-я выдаетъ свое случайное появленіе въ данномъ текстѣ, повторяя 4-ю ст. Древнѣйшей Правды, притомъ оборвавъ изложеніе, идущее тамъ дальше въ двухъ слѣдующихъ статьяхъ; 2) 3 статьи: 9, 13 и 21 опредѣляютъ «уроки» за украденное имущество, причемъ въ двухъ на первомъ мѣстѣ стоитъ княжое имущество: его конь, его борть, а остальные уроки о скотѣ (ст. 9) названы въ Пространной Правдѣ (ст. 56)—«уроци смердомъ, оже платять князю продажю».

Остается внѣ естественной связи ст. 10, подобно 11-й, не дающая, повидимому, полнаго текста [1]). Устраняя эти двѣ сомнительныхъ статьи—получаемъ такую постановку вопроса о содержаніи Правды Ярославичей: она вообще говоритъ о княжихъ доходахъ, но причемъ тутъ смердъ и «уроци смердомъ»? Нѣтъ основанія разрубать это затрудненіе поясненіемъ, что въ данномъ случаѣ передъ нами смердъ въ «широкомъ» смыслѣ слова. Напротивъ, мѣсто, какое смерды занимаютъ въ Правдѣ Ярославичей—цѣнное поясненіе къ обязанности новгородскаго князя «блюсти смердовъ». Это особое княжое блюденье сказывается въ 14 статьѣ, гдѣ за «муку» смерда безъ княжого слова (по-латыни сказали-бы: они in verbo regis)—назначена пеня въ 3 гривны, княжого мужа—12 гривенъ (причемъ, по ст. 103 Простр. Правды, вознагражденіе потерпѣвшему огнищанину и смерду одно и то же—гривна кунъ), а также въ установленіи княжимъ уставомъ «уроковъ», платимыхъ за кражу скота у смерда [2]).

---

[1]) Ср. приведенный выше варіантъ *Калачова*, CVII: „А оже уведеть чюжь холопъ либо робу—платити ему за обиду 12 гривнѣ, а князю продаже 12 гривне а челядинѣ или украдше или уведенъ есть". Ср. ст. 47 Пр. Правды.

[2]) Что касается ст. 9: „А за княжь конь, иже съ пятномъ, 3 гривны а за смердій 2 гривнѣ" и т. д., то мнѣніе *П. П. Цитовича*, что оба помянутые кони—въ одномъ стадѣ, одинаково находились въ предѣлахъ княжескаго хозяйства, навѣяно, повидимому тѣмъ, что противополагаются не только княжь конь—смердьему, но конь „иже съ пятномъ", коню не мѣченному. Быть можетъ, замѣчаніе *П. П. Цитовича* заслуживаетъ вниманія, особенно если видоизмѣнить его въ смыслѣ сопоставленія смердовъ Правды Ярославичей съ такъ наз. „конокормцами" Литовской Руси, какъ назывались „крестьяне, владѣвшіе хорошими выгонами и паст-

Рядомъ съ княжимъ «блюденіемъ» смердовъ стоитъ пеня за убійство смерда, равная пенѣ за княжого холопа, 5 гривенъ. Статья эта вызываетъ большія недоумѣнія. В. И. Сергѣевичъ, указывая, что за изгоя опредѣлена вира въ 40 гривенъ, считаетъ недопустимымъ, чтобы меньше взималось за свободнаго смерда. На вопросъ этотъ можно отвѣтить, дѣйствительно, лишь тѣмъ или инымъ предположеніемъ. Можно принять во вниманіе, что за смерда платилась, надо полагать, головщина, за изгоя же, по крайней мѣрѣ первоначально, головщины взимать было некому. Но этимъ вопросъ не разрѣшился бы; едва-ли разрѣшается онъ и протестомъ Н. А. Максимейка противъ «предвзятой мысли, что за всякаго свободнаго человѣка платился штрафъ въ 40 гривенъ» [1]). Быть можетъ, всего естественнѣе предположить, что 5 гривенъ—это «урокъ», уплачиваемый сверхъ виры [2]). Какъ бы

бищами и кормившіе на нихъ вмѣстѣ со своими и господарскихъ лошадей" (*Любавскій*, Обл. дѣленіе и мѣст. упр. Лит.-Рус. государства, стр. 329). Считаю весьма вѣроятнымъ, что среди повинностей населенія древней Руси была и такая, тѣмъ болѣе, что предположеніе это сняло бы характеръ полной случайности съ содержанія 5-й ст. Правды Ярославичей—о |конюхѣ старомъ, убитомъ Дорогобужцами у стада. Но при наличныхъ данныхъ все это болѣе, чѣмъ предположительно. *В. И. Сергѣевичъ* понимаетъ подъ „смердьимъ" всякаго не-княжого коня, между прочимъ, на основаніи передѣлки 9-й статьи Правды Ярославичей въ отдѣлѣ Простр. Правды: „О татьбѣ, иже кто скота ищеть": именно, ст. 55 такъ вплетаетъ заимствованіе изъ нея въ своей текстъ: „а у него же погибло, то оже будеть лице лице поіметь, а за лѣто возметь по полугривнѣ. Паки ли лица не будеть, а будеть былъ княжь конь, то платити зань 3 гривны, а за инѣхъ по 2 гривны". *В. И. Сергѣевичъ* въ замѣнѣ словъ „а за смердій" выраженіемъ „а за инѣхъ" видитъ указаніе, что тутъ слово смердъ въ „широкомъ" значеніи. Если бы оба выраженія были равносильны, не оставилъ ли бы книжникъ прежняго? Но онъ, пользуясь Правдой Ярославичей, стремится ея нормы обобщить и отмѣтить ихъ распространеніе за предѣлы того круга отношеній, какой она имѣла въ виду. Потому и прибавляетъ онъ замѣчаніе о вирѣ „людина" къ статьѣ о вирѣ княжого мужа (ст. 5), слова „такоже и за бояреск" къ статьѣ о пенѣ за слугъ княжихъ (ст. 13), потому мѣняетъ опредѣленіе „смердій" на слова „а за инѣхъ".

[1]) „Мнимые архаизмы", стр. 8. Нельзя не считаться съ указаніемъ 5 статьи Пр. Правды: „пакиль людинъ то 40 гривенъ" и съ тѣмъ, что ея 29 ст. „полувирьемъ" называетъ штрафъ въ 20 гривенъ: очевидно, 40-ка гривенная вира—нормальная, основная единица карательной системы.

[2]) Такъ толкуетъ *М. Ф. Владимирскій-Будановъ*, Христоматія, пр. къ Акад. списку.

то ни было, существеннымъ остается фактъ взысканія за смерда такого же вознагражденія князю, какъ за холопскую рабочую силу [1]). Какъ ни естественнымъ можетъ представиться дѣлаемое отсюда заключеніе, что смердъ—рабочая сила княжого хозяйства и, стало быть, сидитъ на княжой землѣ (или на «общинной», считавшейся «государственной», что «при тогдашнемъ смѣшеніи частнаго права съ государственнымъ» вело къ признанію смердовъ—«смердами князя»), однако, полагаю, что оно нѣсколько поспѣшно и, такъ сказать, упреждаетъ историческую эволюцію. Хозяйственную связь смердовъ съ княжимъ дворомъ осторожнѣе представлять себѣ основанной не на поземельныхъ отношеніяхъ, а на системѣ повинностей, которыми они тянули къ княжому хозяйству, и которая стала источникомъ и исходнымъ пунктомъ позднѣйшаго «окняженія» ихъ земли.

По изложенному представленію объ отношеніяхъ между княземъ и смердами—эта часть населенія входитъ въ составъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагалось особое «княжое общество», соціальный организмъ особаго уклада, служившій опорой самостоятельному положенію древне-русскаго князя въ землѣ - княженіи. Въ этой связи становится понятнымъ и право князя на выморочное имущество смерда, принципіально тожественное съ его правомъ на наслѣдство дружинника-огнищанина или изгоя.

7. *Заключеніе.*

Изложенныя на предыдущихъ страницахъ наблюденія надъ тѣми отношеніями, совокупность которыхъ обозначена условнымъ

---

[1]) Допуская отчасти такое толкованіе, *В. И. Сергѣевичъ* предпочитаетъ его устранить съ помощью списковъ, дающихъ чтеніе: „а въ смердьи въ холопѣ 5 гривенъ“, и поддерживаетъ это чтеніе указаніемъ, что въ ст. 6—7 ранѣе исчерпанъ составъ княжихъ рабовъ, такъ какъ упомянуты и княжіе рабы—старосты и княжіе „рядовые рабы (рядовницы)“ (Р. Ю. Др. I² стр. 185). Рядовичей *В. И. Сергѣевичъ* считаетъ „простыми рабами, рядовыми“ (стр. 105) или „продавшими себя въ рабство“ (? отъ рядъ-купля продажа? стр. 106). Такое толкованіе термина не можетъ быть подтверждено текстами. Они знаютъ слово рядовичь только въ значеніи низшаго агента хозяйственнаго или административнаго управленія. Напр.: „тіунъ бо его (князя) яко огнь трепетицею накладенъ, а рядовичи его яко искры“, или: „А сотскимъ и рядовичемъ... не судити“. Устранивъ холопа, какъ „смердьяго“, мы устранимъ изъ статьи княжого холопа.

терминомъ «общественное положеніе князя», представляются мнѣ существенными потому, что вскрываютъ, хотя бы въ общихъ только и недостаточно четкихъ, въ виду скудости данныхъ, чертахъ, историческіе корни той личной и независимой отъ вѣча силы князя, которая въ дальнѣйшемъ развитіи, съ паденіемъ вѣчевого строя, привела къ организаціи всѣхъ соціально-политическихъ отношеній на началахъ службы и повинностей, и на личной власти князя надъ всѣми элементами населенія его вотчины-княженія. Это придаетъ принципу спеціальной княжеской защиты съ ея послѣдствіемъ—особой властью князя надъ тѣми группами населенія, какія ею охвачены, значеніе главнаго устоя «монархическаго» начала въ древне-русскомъ политическомъ строѣ, какъ обозначилъ В. И. Сергѣевичъ элементъ личной княжой власти въ сложномъ составѣ древне-русской государственности. Исходнаго пункта въ развитіи помянутаго принципа я искалъ въ строѣ княжого двора-огнища, постепенно расширившаго свое значеніе не только съ ростомъ княжого хозяйства и землевладѣнія, но особенно съ распространеніемъ его началъ на отношенія между княземъ и общественными группами, стоявшими уже внѣ непосредственной бытовой связи съ княжимъ дворомъ и хозяйствомъ, какъ съ одной стороны боярство, съ другой—смерды. Права князя на личную службу и вѣрность перваго, на повинности и дани вторыхъ, сохраняя по принципу связь съ началомъ спеціальной княжой защиты и особой сферой «княжого права», пріобрѣтаютъ болѣе широкій и общій характеръ, отличный отъ примитивнаго строя отношеній «огнищнаго» типа. Но изученіе разростанія этихъ отношеній въ цѣлый новый укладъ соціально-политическаго строя русской жизни стоитъ уже за предѣлами моихъ очерковъ.

Остановлюсь въ заключеніе нѣсколькими замѣчаніями на двухъ крупныхъ явленіяхъ, тѣсно связанныхъ съ этимъ разрастаніемъ началъ княжого права, приведшимъ къ смѣнѣ вѣчевого строя древняго государства-волости новымъ, удѣльно-вотчиннымъ, какъ его обыкновенно называютъ. Разумѣю возникновеніе и развитіе церковнаго и боярскаго землевладѣнія. Извѣстія о нихъ за разсматриваемый періодъ чрезвычайно скудны, не слагаются въ сколько-нибудь отчетливую картину и даютъ возможность лишь самыхъ общихъ замѣчаній.

Не будетъ ошибкой, если признаемъ тѣсную связь княжого и церковнаго землевладѣнія, княжія земельныя пожалованія перво-

начальнымъ источникомъ этого послѣдняго. Возникло оно рано, въ эпоху организаціи русской церкви или въ ближайшее время по введеніи церковнаго строя. Но учесть размѣръ церковнаго землевладѣнія въ до-монгольскій періодъ, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, невозможно по случайнымъ и отрывочнымъ даннымъ, и остается только повторить съ В. А. Милютинымъ, что церковь «къ началу XIII в. успѣла уже сосредоточить въ своихъ рукахъ довольно значительное земельное богатство» [1]). Источники этого богатства—пожалованія князей и вклады другихъ лицъ, какъ и собственныя пріобрѣтенія, путемъ купли и иныхъ денежныхъ операцій. Изъ княжескихъ пожалованій—наиболѣе ясны по содержанію тѣ, гдѣ рѣчь идетъ о передачѣ церковнымъ учрежденіямъ частнаго княжого земельнаго имущества, селъ съ рабочей силой, какъ въ грамотѣ князя Ростислава Мстиславича Смоленской епископіи, что равносильно вкладу частнымъ лицомъ въ монастырь земли съ челядью [2]). Но одно изъ старѣйшихъ извѣстій о княжомъ пожалованіи—грамота князей Мстислава Владимировича и Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю (1130 г.) ставитъ трудно разрѣшимый вопросъ о значеніи своего дара: «отдати Буицѣ святому Георгіеви съ данію и съ вирами и съ продажами». Въ примѣчаніи къ этому тексту М. Ф. Владимирскій-Будановъ выражаетъ сомнѣніе, «жалуется ли чрезъ это уголовный судъ частному владѣльцу или только доходы съ него», такъ какъ «о правѣ (вотчиннаго) суда надъ крестьянами нѣтъ извѣстій». Дѣйствительно, Буйцы, повидимому волость по берегамъ озера того же наименованія, нельзя счесть «селомъ съ челядью»; ея населеніе, очевидно, смерды, свой княжой доходъ съ которыхъ князь даетъ монастырю. Притомъ, приведенная формула не исчерпываетъ княжихъ правъ; ниже читаемъ: «а азъ (Мстиславъ) дахъ рукою своею и осеньнее полюдіе даровьное полъ третія десяте гривнъ святому же Георгіеви». Нѣтъ основанія отдѣлять и этотъ даръ отъ Буецъ [3]). Трудно судить о

---

[1]) *В. Милютинъ* О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи, Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс., 1859, кн. 4-я.

[2]) Ср. вкладную грамоту Варлаама Хутынскому мон., ок. 1192 г.

[3]) Чрезвычайно любопытно различіе дара Буецъ съ данью, вирами и продажами, который дѣлается Всеволодомъ по повелѣнію Мстислава, отъ пожалованія полюдья Мстиславомъ „своею рукою“; что тутъ подъ „азъ“ разумѣется Мстиславъ—показываетъ начало грамоты и дальнѣйшее: а се язъ Всеволодъ.

томъ, какія княжія права на Буйцы остались послѣ этихъ пожалованій, но характеренъ самъ фактъ передачи не десятины съ даней, виръ и продажъ и даже не самыхъ даней, виръ и продажъ, а Буецъ съ данью, вирами и продажами. Трудно отрѣшиться отъ представленія, что передъ нами—*земельное* пожалованіе, соединенное съ передачей монастырю опредѣленныхъ правъ на княжіе доходы, шедшіе съ населенія Буецъ. Если такое пониманіе грамоты правильно, то мы имѣли бы въ ней первое и весьма цѣнное свидѣтельство о распоряженіи князя землей, не входившей въ составъ его дворцоваго землевладѣнія; цѣнность, которую пріобрѣталъ по этой грамотѣ Юрьевскій монастырь, состояла бы не только изъ дохода отъ даней, виръ и продажъ, но также изъ земли-новины, подлежащей разработкѣ руками монастырскихъ людей и крестьянъ арендаторовъ (ср. сябровъ посланія митр. Климента).

Овладѣвая рядомъ земельныхъ имуществъ, путемъ ли вкладовъ селъ съ челядью и изгоями, т.-е. съ налаженной уже эксплуатаціей, путемъ ли развитія своего хозяйства на непочатой почвѣ, церковь создавала рядъ соціально-экономическихъ явленій особаго типа, стоявшихъ внѣ общаго уклада обычно-привовыхъ отношеній народной массы. Населеніе монастырскихъ и вообще церковныхъ селъ входило въ составъ «церковнаго общества», обособленнаго церковными привилегіями. На границахъ этого міра замираетъ значеніе общаго права и княжой власти. Тутъ, говоря словами церковныхъ уставовъ, вѣдаетъ между церковными людьми «судъ или обиду или котору или заднипу»—митрополитъ или епископъ, или кому прикажутъ, и «не вступаются княжи волостели въ то, а то вѣдаютъ епископли волостели». Церковное общество—въ своемъ обособленномъ строѣ—анологично тому, что я выше назвалъ обществомъ княжимъ, и тѣсно съ нимъ связано, получая отъ князя, опекуна церкви, особую защиту, рядъ исключительныхъ правъ и привилегій.

Въ извѣстномъ смыслѣ, третьимъ явленіемъ того-же порядка можно назвать боярское землевладѣніе. Правда, насколько можно уловить его древнѣйшія черты, оно строилось на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ княжое или церковное. Въ XI—XII вв. не видимъ признаковъ связи боярскаго землевладѣнія съ началами вотчинной юрисдикціи. Время иммунитета, уже народившагося для церкви, было для боярства еще впереди—въ удѣльной эпохѣ. Нѣтъ данныхъ, чтобы говорить и о княжескихъ земель-

ныхъ пожалованіяхъ, какъ основномъ источникѣ боярскаго землевладѣнія [1]). Отсутствіе свидѣтельствъ—не означаетъ еще отсут-

---

[1]) Ср. споръ *М. С. Грушевскаго* и *И. А. Линниченка* по вопросу о характерѣ боярскаго землевладѣнія въ древней Руси. *Грушевскій* въ V т. „ст. Укр." такъ резюмируетъ свое мнѣніе: „Мы знаемъ, что дружина содержалась доходами съ должностей или деньгами и натураліями изъ княжихъ доходовъ. Продержались-ли эти способы до самой литовской окупаціи, или, можетъ быть, уже передъ нею въ русскихъ земляхъ стали практиковать вознагражденіе за военную службу земельными надѣлами (державами), или пожалованіемъ доходовъ съ населенія опредѣленныхъ территорій? То обстоятельство, что одновременно, какъ видимъ, возникла связь военной службы съ земельными пожалованіями и держаніями на территоріи прежняго Русскаго (Кіевскаго) государства какъ подъ верховною властью Литовскою и Польскою, такъ и въ вел. кн. Московскомъ, дѣлаетъ такое предположеніе весьма соблазнительнымъ. Но такъ какъ мы не имѣемъ какихъ-либо болѣе опредѣленныхъ указаній на такую практику отъ временъ русскаго (кіевскаго) государственнаго права, то не можемъ итти дальше догадокъ о возможности ея существованія" (стр. 42—43). Вопросъ, занимающій *М. С. Грушевскаго*—это „вопросъ о существованіи или несуществованіи *начатковъ помѣстной системы* въ древней Руси", и, такъ поставивъ дѣло, онъ правъ, настаивая на отрицательномъ отвѣтѣ, такъ какъ указанія на раздачу селъ боярамъ, какія можно найти въ лѣтописи, „не содержатъ въ себѣ сколько-нибудь опредѣленныхъ указаній на раздачу князьями имѣній съ обязанностью службы" („Еще о грамотахъ князя Льва Галицкаго", Изв. Отд. рус. яз. и сл., т. IX, кн. 4). Напротивъ, *И. А. Линниченко* („Грамоты Галицкаго князя Льва", тамъ же, т. IX, кн. 1) находитъ „цѣлый рядъ фактовъ именно для Галицкой земли, указывающихъ, что здѣсь широко была распространена еще въ серединѣ XIII в. (ниже авторъ добавляетъ: а, можетъ быть, и еще раньше) практика раздачи князьями земельныхъ имуществъ боярамъ въ держаніе, т. е. подъ обязательствомъ службы"; примѣры приводятся такіе: 1) разсказъ о томъ, какъ Владимиру Васильковичу сообщили, что двоюродный братъ его, Мстиславъ Даниловичъ, которому онъ завѣщалъ „землю свою и городы", не дожидаясь его кончины, „даетъ городъ Всеволожь бояромь и села роздаваетъ" (Владиміръ негодуетъ: „мнѣ еще живу сущу, а онъ роздаваетъ городы мое и села моа; ольны могль по моемь животѣ роздавати"), Ипат., стр. 592—593; 2) слова Даніила Романовича: „Черниговьскихъ бояръ не велѣхъ ти, Доброславе, пріимати, ни дати волости Галичкимъ" (Ипат., стр. 525) и 3) возраженіе Якова (боярина Данилова) противъ отдачи Коломыи Лазорю и Ивору: „како можеши бес повеленія княжа отдати ю сима, яко велиціи князи держать сію Коломыю на роздаваніе оружьникомъ; си бо еста не достойна ни Вотьнина держати" (тамъ же). Ссылаясь тутъ же на то, какъ Даніилъ „прія землю Галичьскую и розда городы бояромъ и воеводомъ и бѣаше корма у нихъ много" [а Венгры „изнемогаху гладомъ въ градѣ"—Ипат., стр. 514], и какъ византійскій царевичъ получилъ „нѣколико

ствія самаго явленія, но лишаетъ возможности его установить. Остается допустить, что боярское владѣніе селами и дворами могло возникнуть изъ княжого дара [1]), но могло возникать и инымъ путемъ—покупкой, постановкой хозяйства на свободной новинѣ. Конечно, и ставилось и велось такое хозяйство первоначально руками несвободной челяди. Но развитіе боярскаго сельскаго хозяйства еще въ предѣлахъ разсматриваемаго періода переросло условія веденія его исключительно трудомъ челяди. Отсутствіе въ рукахъ боярства тѣхъ средствъ, какими располагали князь и церковь для увеличенія числа рабочихъ рукъ въ своихъ селахъ, привело къ возникновенію закупничества.

Съ этимъ послѣднимъ знакомитъ насъ группа статей Пространной Правды (ст. 71—82, 84—87, 90) которыя, по содержанію, естественно выдѣляются въ своего рода «уставъ о закупахъ». Извѣстно, какія разногласія существуютъ въ научной литературѣ по вопросу о закупахъ. Опредѣляютъ ихъ, какъ «сельскихъ рабочихъ, селившихся на земляхъ частныхъ собственниковъ со ссудой отъ хозяевъ»; [2]) видятъ въ нихъ—наемныхъ рабочихъ [3]);

городовъ на утѣшеніе“ (Ипат., стр. 359), *И. А. Линниченко* замѣчаетъ, что „въ держаніе отдавались какъ села, такъ и города“. Но такія „держанія“ ближе къ кормленію, чѣмъ къ „раздачѣ земельныхъ имуществъ... подъ обязательствомъ службы“, что и было указано *Грушевскимъ* въ статьѣ „Галицкое боярство“ (Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка, т. XX, стр. 6), хотя и нѣтъ указанія на связь ихъ съ правительственными функціями держальцевъ, какую предполагаетъ Грушевскій.

[1]) Такіе земельные дары, если допустить предположеніе о ихъ существованіи, должны были въ ту эпоху создавать собственность пожизненную и наслѣдственную въ мужскомъ потомствѣ, съ расширеніемъ затѣмъ наслѣдственнаго права въ смыслѣ статей 119—120 „Пространной Правды“. Полагаю, что для XI—XII вв. нѣтъ возможности, при самой большой смѣлости предположеній, говорить о пожалованіяхъ въ условную собственность, подъ условіями службы. Относя наслѣдованіе по упомянутымъ статьямъ не только къ „статкамъ“, но и къ селамъ боярскимъ, представляю характеръ владѣнія ими аналогичнымъ знаменитымъ земельнымъ пожалованіямъ Меровинговъ и Агилофинговъ, а спорный вопросъ объ этихъ послѣднихъ — разрѣшеннымъ соображеніями Вайца и, особенно, монографіей Бруннера: Die Landschenkungen der Merowinger und Agilolfinger (въ „Sitzungsberichte der Berliner Akademie“, 1885, второй полутомъ).

[2]) *В. О. Ключевскій*, Курсъ I, стр. 297.

[3]) *В. И. Сергѣевичъ*, Р. Юр. Др., I², стр. 189: „недожившее до нашихъ дней и не совсѣмъ понятное намъ слово закупъ объяснено въ Русской

разсматриваютъ закупничество, какъ договоръ займа, обезпеченный закладомъ личности должника кредитору, причемъ «закупничество продолжалось до отработки долга съ процентами или до уплаты его» [1]).

Что касается опредѣленія закупа, какъ наемнаго работника, то главное, а, въ сущности, единственное его основаніе въ томъ, что одна статья Русской Правды назвала его наймитомъ. Конечно, выраженіе это вполнѣ понятное, и не трудно указать тексты XIII и XIV вв., гдѣ его смыслъ — тотъ же, что и въ нашей рѣчи. Но этимъ вопросъ о значеніи его не исчерпывается, такъ какъ въ такъ наз. «Вопросахъ Кирика», памятникѣ XII в., читаемъ: «а наимъ дѣля, рекше лихвы»..., и ниже: поучай простеца: «не достоить ти имати наимъ», а если не могутъ удержаться, «то рци имъ: будите милосерди, възмете легко, аще по 5 кунъ далъ еси, а 3 куны възми или 4». [2]) Это отождествленіе наима съ лихвой дѣлаетъ понятнымъ наименованіе закупа наймитомъ и безъ признанія его наемнымъ рабочимъ.

Положеніе закупа въ чужомъ хозяйствѣ обрисовано довольно отчетливо. Закупъ «ролейный» пашетъ хозяйскую пашню, получая отъ господина плугъ и борону, смотритъ за скотомъ, исполняетъ «орудье», на какое пошлетъ его господинъ [3]). Въ общественномъ отношеніи закупъ стоитъ на скользкой грани между свободой и рабствомъ: статьи Русской Правды съ особымъ вниманіемъ подчеркиваютъ грань между закупничествомъ и холопствомъ. Закупъ находится подъ охраной общаго права, онъ можетъ искать судебной защиты отъ обидъ господина, въ платѣ за побои равенъ свободному (стало быть—и въ вирѣ), огражденъ отъ продажи въ холопы и отъ залога въ обезпеченіе долга господскаго уголовнымъ штрафомъ. Но гражданское положеніе его,

---

Правдѣ совершенно понятнымъ выраженіемъ—наймитъ... закупъ, слѣдовательно, есть наемный человѣкъ, наемный работникъ".

[1]) *М. Ф. Владимирскій-Буда новъ*, Обзоръ, стр. 386. Ср., по исторіи вопроса о закупахъ, *В. И. Сергѣевича*, Р. Юр. Др., I², стр. 198—199 и *М. Н. Ясинскаго*, Закупы Русской Правды и памятниковъ западно-русскаго права (въ „Сборникѣ статей по исторіи права, посв. М. Ф. Владимірскому-Буданову").

[2]) Р. И. Б., т. VI, стр. 24—25.

[3]) Слѣдуетъ, повидимому, признать, что иногда закупъ пашетъ на своей лошади, такъ какъ въ ст. 73 варьянты „воискій" и „воиньскій" не даютъ понятнаго смысла. Объ этомъ, какъ и о словахъ „орудья своя дѣя" см. у *В. И. Сергѣевича*, Р. Юр. Др., I², стр. 192—194.

несомнѣнно, принижено его бытовымъ состояніемъ. Только «въ малѣ тяжи, по нужи» допустимо свидѣтельство закупа на судѣ: въ этомъ онъ приравнивается боярскому холопу-тіуну; и господинъ можетъ бить его «про дѣло». Наконецъ, въ случаѣ совершенія закупомъ кражи, господину предоставлено на выборъ или уплатить за украденное и взять себѣ закупа въ холопы, или продать его на сторону и, уплативъ, что слѣдуетъ, остатокъ вырученной суммы взять себѣ.

Отношенія между господиномъ и закупомъ основаны на договорномъ обязательствѣ. Содержаніе договора и характеръ обязательствъ не ясны и вызываютъ различныя толкованія[1]). Но всѣ разногласія эти имѣютъ мало значенія для опредѣленія юридическаго положенія закуповъ и соціальной функціи закупничества[2]). А его развитіе должно было достигнуть значительной сте-

---

[1]) Значительную трудность представляетъ толкованіе статей 74 и 78, въ виду спорнаго вопроса о значеніи словъ: купа (вар.: копа, кова) и отарица. *В. И. Сергѣевичъ* купу считаетъ денежной платой, такъ какъ одинъ изъ списковъ замѣняетъ это слово въ ст. 78 словомъ цѣна; но въ этомъ значеніи слово купа не указано въ другихъ текстахъ. *М. Ф. Владимирскій-Будановъ*, пользуясь варьянтомъ „копну“, видитъ въ копѣ долю закупа въ урожаѣ; но это толкованіе трудно примѣнить къ статьѣ 74 (71). *А. И. Соболевскій* (Ж. М. Н. Пр., 1886 г., апрѣль) предпочелъ чтеніе „кову“ (ср. словацкое chova, польское chów—прокормленіе, воспитаніе) и перевелъ ст. 74: „отъ котораго получаетъ пропитаніе“. Отарицу *В. И. Сергѣевичъ* считаетъ „собственнымъ имуществомъ“ закупа, указывая на передачу этимъ словомъ въ переводномъ текстѣ слова peculium; *М. Ф. Владимирскій-Будановъ* и *А. И. Соболевскій* толкуютъ „отарицу“, какъ долю въ скотѣ, собственное стадце закупа. Ср. первоначальное значеніе слова peculium (отъ pecus), а также его смыслъ въ старшихъ западныхъ средневѣковыхъ текстахъ, гдѣ „peculium“ означаетъ только движимое имущество, прежде всего, скотъ; „это то имущество, которое сервъ или крѣпостной пріобрѣтаетъ для себя и затѣмъ сохраняетъ въ своемъ обладаніи съ опредѣленно-выраженнаго или молчаливаго согласія своего господина“, Vormoor, Sociale Gliederung im Frankenreich, стр. 45. Этотъ peculium-отарицу естественно сопоставить съ имуществомъ, пріобрѣтеннымъ на службѣ господина вестготскимъ дружинникомъ—буцелларіемъ или сагіономъ (ср. выше, стр. 222—223).

[2]) Ср. замѣчаніе *М. А. Дьяконова* (Очерки обществ. и госуд. строя древней Руси, т. I, стр. 101), что ученые споры о закупахъ имѣютъ „важное значеніе для выясненія древнихъ формъ залога, а также для рѣшенія вопроса о преемственной связи между древними закупами и московскими кабальными холопами, а не для разъясненія юридическаго положенія закуповъ“.

пени ко временамъ Владимира Мономаха, если правильно мнѣніе, что статьи «Русской Правды», слагающіяся въ «уставъ о закупахъ», обязаны своимъ происхожденіемъ дѣятельности этого князя. Развитіе закупничества, въ свою очередь, можетъ быть принято какъ свидѣтельство наростающей потребности болѣе крупныхъ хозяйствъ въ рабочихъ рукахъ, въ частности—хозяйствъ землевладѣльческихъ, вовлекавшихъ въ свой бытъ закуповъ ролейныхъ. Къ сожалѣнію, не располагаемъ ни малѣйшими данными для оцѣнки размѣровъ этого явленія въ XII в. Но самый фактъ его существованія и его регулировки въ правѣ—нельзя не признать показательнымъ. Боярское землевладѣніе, подобно княжескому и церковному, строитъ внутри древне-русскихъ земель-княженій новый складъ экономическихъ и соціально-правовыхъ отношеній, выходящихъ за предѣлы общаго уклада народнаго быта. Вступивъ въ кругъ этихъ отношеній, закупъ «Русской Правды» не вполнѣ выбываетъ изъ области дѣйствія общаго права. Но, во-первыхъ, сама необходимость поддержать его связь съ этимъ правомъ особыми статьями уставнаго характера показываетъ, какой она стала хрупкой, а, во-вторыхъ, тѣ же статьи свидѣтельствуютъ о значительномъ умаленіи его гражданской полноправности. Съ другой стороны, закупъ попадаетъ подъ дисциплинарную власть господина, прямо признанную въ статьѣ: «аще господинъ бьетъ закупа про дѣло, то безъ вины есть», и подъ его властную опеку, подобно челяди и домочадцамъ, передъ третьими лицами (въ случаѣ преступности закупа). Словомъ, положеніе закупа—столь знакомое средневѣковому быту, двойственное и внутренно-противорѣчивое положеніе людей полусвободныхъ. Въ строгомъ смыслѣ, это положеніе временное, хотя и не срочное. Но выходъ изъ него, обусловленный ликвидаціей связанныхъ съ закупничествомъ долговыхъ отношеній [1]), долженъ былъ на прак-

---

[1]) *М. А. Дьяконовъ* (указ. соч., стр. 101) справедливо замѣчаетъ, что „Русская Правда“ въ той же статьѣ (80), гдѣ онъ названъ наймитомъ, „точно указываетъ, что закупъ должникъ своего господина (наймиту свобода во всѣхъ кунахъ“), и что „поэтому, изслѣдователи, считающіе закупа наймитовъ, прибавляютъ, что закупъ получалъ наемную плату впередъ“. Если статью 143-ю („а въ дачѣ не холопъ, ни по хлѣбѣ роботять, ни по придатьцѣ; но оже не доходять года, то ворочати ему милость; отходить-ли, то не виноватъ есть“) отнести къ закупу, то и она указываетъ на отработку „милости“ и можетъ быть признана свидѣтельствомъ о разновидности закупничества, дѣйствительно близкаго къ

тикѣ часто оказываться весьма затрудненнымъ. Тенденція «работить» въ дачѣ, по хлѣбѣ, по придатцѣ (напоминающая позднѣйшую роль ссудъ и помогъ въ закрѣпощеніи крестьянства) даже при соглашеніи о срокѣ (ст. 143) и неизбѣжная слабость средствъ для проведенія въ жизнь мѣропріятій «устава о закупахъ» къ защитѣ ихъ правъ—ставятъ насъ передъ явленіями начавшейся борьбы несоизмѣримыхъ силъ, приведшей позднѣе разными путями къ постепенному закабаленію сельскаго населенія на боярскую работу.

Но борьба эта получила свое полное развитіе лишь въ тотъ историческій моментъ, когда ея формы и средства значительно усложнились усвоеніемъ въ сферѣ отношеній между боярствомъ и зависимыми отъ него людьми — началъ княжого права, когда зависимость эта начинаетъ закрывать людей боярскихъ отъ кня-

---

найму: закупничества на срокъ (не непремѣнно годичный, такъ какъ слово годъ имѣло болѣе общее значеніе), какимъ, конечно, не всякое закупничество было. Что касается погашенія долга закупомъ, то *М. Ф. Владимирскій-Будановъ* полагаетъ, что „закупничество продолжалось до отработки долга *съ процентами* или до уплаты его“ (Обзоръ, стр. 386), а *В. И. Сергѣевичъ*, что закупъ „погашаетъ свой долгъ, если беретъ плату впередъ, работой“ (I², стр. 191), видя въ этомъ его отличіе отъ московскаго кабальнаго холопа, который „служилъ за проценты съ занятаго капитала“. Процентовъ по „кунамъ“, лежащимъ на закупѣ, *В. И. Сергѣевичъ*, видимо, не предполагаетъ. Но противъ такого мнѣнія говорятъ: 1) указанное значеніе слова наимъ = лихва, 2) обращеніе закупа въ обельные холопы за побѣгъ отъ господина (ср. *М. Н. Ясинскаго* указ. статья, стр. 457), правило (ст. 71), рѣзко отдѣляющее статьи о закупѣ отъ ст. 143, и понятное только при задолженности закупа; долгъ же этотъ нѣтъ основанія считать безпроцентнымъ. Вопросъ объ отношеніи работы закупа къ погашенію долга неразрѣшимъ на основаніи текстовъ „Русской Правды“, такъ какъ въ нихъ нѣтъ соотвѣтствующихъ указаній Не лишены, полагаю, значенія (вопреки замѣчаніемъ *М. А. Дьяконова*, тамъ же, стр. 102) для этого вопроса черты закупничества по памятникамъ западно-русскаго права, собранныя *М. Н. Ясинскимъ*. Тутъ видимъ закупа, отдавшаго себя самого или другимъ отданнаго въ закладъ кредитору, либо отрабатывающимъ долгъ, погашая его путемъ ежегодныхъ „выпустовъ“ опредѣленной суммы, либо работающимъ безъ „выпустовъ“ впредь до погашенія долга путемъ уплаты его сполна. Какая изъ этихъ двухъ практикъ существовала въ эпоху „Русской Правды“, не соперничали-ли объ, какъ и позднѣе,—объ этомъ наши источники хранятъ полное молчаніе. При такихъ условіяхъ мнѣніе, представляющееся мнѣ наиболѣе вѣроятнымъ, что отношенія закупничества раздѣляли судьбу вообще долгового права, т. е. развивались по пути постепеннаго смягченія, а не наоборотъ, не можетъ быть тверже обосновано.

жой власти, разрушая, въ то же время, ихъ связь съ общимъ правомъ народнымъ и ихъ подсудность общему суду. Насколько слѣдуетъ признать зарожденіе этого процесса относящимся еще къ концу разсматриваемаго періода—это вопросъ, который приходится оставить открытымъ: предположенія, высказанныя въ этомъ направленіи на стр. 273, основаны на слишкомъ блѣдныхъ намекахъ въ мелкихъ варьянтахъ разныхъ статей «Русской Правды», чтобы на нихъ настаивать.

УКАЗАТЕЛИ.

1. Именъ.

Александръ Всеволодовичъ кн. бельзскій, с. Всев. Мстисл., 138.
Александръ Ярославичь Невскій, 153.
Андрей Александровичъ, кн., с. Ал-дра Невскаго, 205.
Андрей Владимировичъ, кн., с. Мономаха, 73, 80, 83, 84, 86, 87, 104, 239.
Андрей Ивановичъ, посадникъ псковскій, 213.
Андрей Семеновичъ Рублевъ, бояр. псковскій, 213.
Андрей Юрьевичъ, кн., с. Юрія Долгорукаго, 102, 104—107, 112, 132, 140, 141, 144—149, 152, 153, 201, 202, 228, 229, 241, 242, 252, 253.
Андрихъ (Ольдрихъ, Ульрихъ), кн. чешскій, с. Болеслава II, 29.
Арнольдъ, байулъ, 225.
Асмудъ, кормилецъ, 233—235.

Болеславъ I Храбрый, кор. польскій, 29, 31, 197.
Болеславъ II Смѣлый, кор. польскій, 45.
Болеславъ III Кривоустый, кор. польскій, 39, 42, 61, 63, 124, 236.
Болеславъ II, кн. чешскій, 34.
Болеславъ, староста новгородскій, 168.
Бонякъ, ханъ половецкій, 74.
Борисовичи, кн. друцкіе, пот. Бориса Всесл., 119.
Борисъ Васильковичъ, кн., с. Василька Константиновича, 152.
Борисъ Владимировичъ, кн., с. Владимира Св., 30—32, 43, 85, 166, 199, 200, 242.
Борисъ Всеволодовичъ, кн., вн. Давыда Игор., 89.
Борисъ Всеславичъ, кн., с. Всесл. Брячиславича, 118.
Борисъ Вячеславичъ, кн., вн. Ярослава Мудраго, 44, 50, 51.
Борисъ Жидиславичъ, воевода, 254.
Борисъ Юрьевичъ, кн., с. Юрія Долгорукаго, 102.
Бретиславъ чешскій, 38, 39, 61.
Брячиславъ Васильковичъ, кн., с. Вас. Святославича полоцкаго, 119.
Брячиславъ Изяславичъ, кн. полоцкій, 33, 40, 49, 118.
Буды (Блудъ), кормилецъ-воевода, 234, 235, 237.

Ванделинъ, nutritor Хильдеберта, 226.
Василій Всеволодовичъ, кн., с. Всев. Константиновича ярославскаго, 153.
Василій Ѳедоровичъ (Шуйскій), 203.
Василько Ростиславичъ, кн., см. Ростиславичи.
Василько Константиновичъ, кн. ростовскій, с. Конст. Всев., 152, 231, 254.
Василько Романовичъ, кн., с. Романа Мстисл., 139, 207.
Василько Святославичь, кн. полоцкій, вн. Всеслава Брячисл., 82.

3. Предметный.

Бояре, 38, 76, 104, 146, 150—152, 155, 159, 164, 167, 173, 174, 176, 177, 180, 190, 197—202, 206, 207, 212, 213, 224, 227, 229—231, 233, 234, 238, 240—243, 245—250, 252, 254, 268—273, 277, 279, 281, 285, 287, 294, 296—298, 301, 302.

Вартскій Статутъ 1435 года, 35.
Вира, 164, 181, 256, 257, 259—263, 265—267, 289, 290, 292, 295, 296, 299.
Вислицкій Статутъ, 35.
Властели (сербскіе), 6, 223, 225, 269, 285.
Воевода, 192, 193, 202, 234, 235, 237, 254.
„Вопросы Кирика", 299.
Вѣче, 23, 45, 62—64, 69, 70, 83, 91, 100, 118, 139, 142, 152, 154, 158—161, 163, 164, 178, 189—192, 194, 198—200, 202—205, 208, 209, 216, 249, 252, 267—268, 279, 288, 294.

Гриди, 30, 151, 164, 173, 174, 176, 197, 199, 201, 230, 231, 241, 242, 249, 250, 255, 261.
Головщина, 257, 258, 260, 264—267, 283, 292.
Городской полкъ (народ. ополч.), 160, 165, 166, 169, 170, 192, 193, 207—209, 249—254, 289.

Дань, 27, 97, 100, 162, 163, 176, 192, 194, 196—198, 206, 209, 211—213, 228, 235, 288, 289, 294—296.
Дворъ (огнище), 225, 227, 231—233, 236, 242, 244, 245, 247, 254, 255, 261, 262, 265—268, 282, 284, 294.
Десятки, 162, 165, 167, 178, 179, 185—188.
Десятскіе, 162, 164, 165, 167, 173, 174, 177, 185, 232.
Договоръ, см. рядъ.
Дружина, 27, 51, 74, 75, 101, 148, 151, 152, 161, 162, 164—106, 173, 174, 176, 177, 179, 189, 192, 194, 196, 197, 201—203, 209, 210, 220—233, 235—255, 257, 261, 263, 266—273, 282—284.
Думсдэбукъ, 224.
Дядько, 234—237.

Житіе Ѳеодосія Печерскаго, 230, 233, 245, 247.

Задруга, 3—18, 23, 36, 112, 221, 222.
Законникъ Душана, 6, 12, 13, 223, 224, 268, 269, 285.
Законы:
Вестготскій, 222—224.
Винодольскій, 12, 13, 19, 65.
Генриха I англ., 186. 195.
Канута англ., 186.
Кнута IV датск., 256—257.
Конрада II лангоб., 223—224.
Ліутпранда лангоб., 226.
Нильса датск., 257.
Рипуарскій, 277.
Салическій, 283.
Тюрингенскій, 283.
Шведскіе, 258—259.
Эдгара англ., 186.
Этельстана англ., 186.
Ютскій, 257.
Закупы, 248, 264, 298—302.
Защита княжого права, 218—220, 227, 255, 261, 262, 265, 267, 284, 291, 292, 294.

Изгои, 21, 47—49, 52, 72, 199, 255, 261, 274—278, 283, 292, 293, 296.
Инокоштина, 6—16.

Кіевскій столъ, 23, 28, 29, 31, 33, 34, 37, 38, 41, 46, 54, 55, 58—63, 67, 68, 70, 71, 78—81, 83, 85, 86—90, 92, 94—97, 100—111, 114, 121—123, 126—128, 130, 131, 137, 139—142, 144—148, 161, 166, 168, 196, 199, 244, 246, 248.
Княжіе мужи, 27, 85, 101, 145, 161, 163, 192, 198—200, 210, 230—232, 245, 246, 249, 254, 255, 262, 266, 269, 271, 272, 281, 290, 292.
Кормилецъ, 233—238.

Литовскій Статутъ 1529 г., 264, 266, 267, 281, 284.
Лѣствичное восхожденіе, 20, 44, 65, 123, 125—127.

Надѣлъ, 50, 54, 56, 58, 72, 88—91, 93, 96, 98, 102, 103, 106, 125, 126, 128, 130, 132, 140, 154, 156.
Наслѣдство (князей), 7, 9—11, 15—17, 31, 33, 36, 37, 39, 40, 42, 43, 53, 58—60, 63, 68, 69, 78, 81, 84, 91, 92, 109, 119, 120, 129, 143, 148, 149, 154—157.
Наслѣдство, 225, 268—272, 278—285, 293, 298.
Нераздѣльное владѣніе, 5, 7—17, 22. 28, 32, 36, 37, 56, 57, 61, 65, 97, 119, 120, 125, 127, 131, 137, 155, 156, 283.
Номинація, 17, 18, 24, 38, 39, 89, 90, 139, 142, 150, 154, 155.

Огнищане, 199, 230, 231, 241, 245, 255, 265—269, 283, 290, 291, 293.
Отроки, 226, 228, 235, 236, 242, 243, 249, 254, 256.
Отчина, 8, 15, 17, 21, 22, 24, 29—31, 33—35, 37, 41, 43, 45, 47, 49—62, 66—72, 75, 79, 82, 84—95, 98, 103, 107—109, 111—113, 116, 117, 119—122, 124, 125, 128, 129, 131—134, 137, 138, 140, 141, 143, 144, 146, 148, 149, 152—157, 207, 239, 253, 268, 294.
Очередной порядокъ, 20—23, 43, 47, 56, 65, 119, 120, 125, 129, 134, 135, 140, 142, 147—149, 156, 158.

Печерскій Патерикъ, 144, 234, 237, 248, 265.
Полицкій Статутъ, 4, 15.
Польская Правда XIII в. (Эльбингская рукопись), 195, 259, 280.
Посадникъ, 22, 23, 28—30, 32, 51, 71, 76, 83, 98, 145, 164, 165, 168, 174, 177, 178, 181, 195, 197, 198, 201—205, 213, 232, 234, 242—245.
Пригородъ, 160, 163, 178, 189, 193, 201—206, 213—215, 232, 288, 290.
Призваніе (признаніе, изгнаніе) князей, 23, 24, 38, 39, 69, 71, 81—83, 141, 145, 146, 149, 154, 155, 200, 201, 252.
Продажа, 259, 260, 263, 264, 266, 289—291, 295, 296.

Раздѣлъ, 7, 10—12, 14, 15, 17, 20, 27, 28, 31—40, 42, 43, 45, 47, 49, 53, 57, 60—63, 68—70, 78, 90, 91, 93, 94, 105, 107, 109, 112, 116—118, 120—125, 128—134, 136—138, 140, 142, 143, 145, 152—156.
Родовой порядокъ, см. Очередной порядокъ.
Русская Правда, 4, 17, 43, 85, 174, 182, 198, 199, 209, 216, 219, 230, 231, 238, 239, 241, 244, 248, 255, 256, 258—273, 275, 277, 279—282, 285—288, 290, 291, 298, 299. 301—303.
Рядовичи, 178, 273, 274, 290, 293.
Рядъ, 16, 17, 30, 34—38, 42, 43, 57, 61, 65, 66, 68, 69, 77—80, 82, 85—87, 91, 93, 96—98, 100, 101, 103, 104, 106, 108—110, 114—116, 118, 120—126, 130, 132, 133, 136, 137, 142, 144, 146, 148—155, 160, 177, 178, 180, 198, 199, 204, 206, 211, 212, 216, 217, 220, 239, 253, 300.

Семейная община, см. Задруга.
Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, 21, 23.
Смерды, 176, 180, 181, 188, 195, 198, 206—214, 250, 251, 267, 269—272, 276, 279—282, 285—295.
Совладѣніе, 9—11, 36, 44, 79, 86, 283.
Сотни, 162, 165, 167—171, 173—186, 188—191, 194, 195, 197, 206, 212, 231, 257, 258, 278, 290.
Сотскіе, 161, 162, 164—169, 171, 173—175, 177, 178, 185, 187, 190, 194, 195, 198, 232, 245, 293.
Старосты, 168, 176, 177, 190, 195, 197, 198, 206, 290, 293.
Старцы градскіе (старѣйшины), 161, 162, 164, 174, 177, 195, 196, 239.
Старшій городъ, 149, 150, 152, 153, 159, 161, 163—165, 167, 177—182, 188, 190, 193, 195, 201—206, 211, 214, 288.

Василько Юрьевичъ, кн., с. Юрія Долгорукаго, 145, 246.
Васильковичи, кн. витебскіе, пот. Вас. Святославича, 118, 119.
Васята, староста Иваньковскій, 168.
Visivald (предпол. Всеволодъ, с. Владимира Св.), 31.
Владиміръ Андреевичъ, кн., с. Андрея Мономашича, 90, 104, 234.
Владиміръ Васильковичъ, кн., с. Василька Романовича, 155, 297.
Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, 50—61, 67—81, 84—86, 88, 89, 91, 92, 94, 102—104, 107, 110, 111, 116, 132, 136, 144, 146, 147, 149, 168, 200, 208, 209, 229, 232, 234, 237—239, 244, 245, 248, 249, 252, 301.
Владиміръ Глѣбовичъ, кн., с. Глѣба Юрьевича, 249.
Владиміръ Давыдовичъ, кн. Черниговскій, с. Дав. Святосл., 88, 89, 121.
Владиміръ Игоревичъ, кн. новг.-сѣв. с. Иг. Святосл., 124.
Владиміръ Константиновичъ, кн., с. Конст. Всевол., 152, 153.
Владиміръ Мстиславичъ, кн., с. Мстислава Мономашича, 103, 107, 136, 137, 240, 242, 243.
Владиміръ Мстиславичъ, кн., с. Мст. Изяславича, 138.
Владиміръ Рюриковичъ, кн., с. Рюрика Ростиславича, 232.
Владиміръ Святополчичъ, кн. пинскій, с. Святоп. Юрьевича, 143.
Владиміръ Святославичъ, кн. черниговскій, с. Свят. Всев., 123.
Владиміръ Святославичъ (св.), 27—33, 35, 40, 41, 49, 69, 71, 93, 107, 116—118, 164, 166, 173—174, 176, 177, 185, 194, 196, 198, 210, 229, 230, 232, 237, 238, 241, 244, 260, 261, 264, 276.
Владиміръ Святославичъ, кн., с. Свят. Ярославича муромскаго, 132, 134.
Владиміръ Ярославичъ, кн., с. Ярослава Мудраго, 40, 199.
Владиміръ Ярославичъ, кн., с. Яросл. Владимировича галицкаго, 112, 136, 234.
Войславъ, кормилецъ Болеслава Кривоустаго, 236.
Володарь Глѣбовичъ, кн., с. Глѣба Всеславича, 119.
Володарь Ростиславичъ, см. Ростиславичи.
Володимирко Володаревичъ, кн. галицкій, 77, 88, 89, 100—102, 134—136, 147.
Володиславъ, галицкій бояринъ, 113, 234, 238, 246.
Воротиславъ, тысяцкій суздальскій, 168.
Всеволодко Давыдовичъ, кн., с. Дав. Игоревича, 72.
Всеволодъ Владимировичъ, с. Влад. Св. 30, 31.
Всеволодъ Всеволодовичъ, кн. червенскій, с. Всев. Мстисл., 138.
Всеволодъ Глѣбовичъ, кн., с. Глѣба Всесл., 119.
Всеволодъ Глѣбовичъ, кн. пронскій, с. Глѣба Ростисл., 229.
Всеволодъ Давыдовичъ, кн., с. Дав. Святославича, 75.
Всеволодъ Константиновичъ, кн., с. Конст. Всеволодовича, 152, 153.
Всеволодъ Мстиславичъ, кн., с. Мст. Мономашича, 48, 79, 80, 82—84, 167, 168, 190, 198, 211, 274, 276, 295.
Всеволодъ Мстиславичъ, кн., с. Мстислава Изяславича, 138.
Всеволодъ Ольговичъ, кн., с. Олега Святославича, 75, 76, 83—92, 94, 95, 98, 120—122, 135, 144, 148, 154, 229, 240, 246.
Всеволодъ Святославичъ Чермный, кн., с. Свят. Всеволодовича, 124, 142.
Всеволодъ Святославичъ, кн., с. Свят. Ольговича, 123, 125.
Всеволодъ Юрьевичъ, кн., с. Юрія Долгорукаго, 104—107, 112, 123—125, 128, 129, 133, 141—145, 149—153, 155, 201, 202, 229, 237, 239, 249, 251, 252.

Всеволодъ Ярославичъ, кн., с. Ярослава Мудраго, 21, 23, 34, 37, 38, 41—46, 50—56, 58, 59—61, 63, 67, 69—71, 86, 92, 93, 108, 232, 240, 243—245, 255.
Всеволодъ Ярославичъ, кн., с. Яросл. Изяславича, 138.
Всеславъ Брячиславичъ, кн., с. Бряч. Изясл., 45, 46, 49, 63, 118, 200, 239.
Всеславъ Васильковичъ, кн., с. Василька Святославича, 119.
Всеславъ Изяславичъ, кн., с. Изясл. Владимировича, 118.
Всеславъ Рогволодичъ, кн., с. Рогволода Борисовича, 119.
Вышата, друж. Ярослава Мудраго, 193, 228.
Вышеславъ Владимировичъ, кн., с. Вл. Святого, 29, 196.
Вячеславъ Владимировичъ, кн., с. Мономаха, 72, 82, 83, 85—87, 89, 90, 95—97, 100, 102, 103, 108, 114, 121, 210, 252—253.
Вячеславъ Ярославичъ, кн., с. Ярослава Мудраго, 34, 44.
Вячеславъ Ярославичъ, кн., вн. Святополка Изяславича, 73.

Гензерихъ вандальскій, 39, 124, 172.
Георгій Симоновичъ, варягъ-тысяцкій, 144, 168, 234, 236, 237.
Глѣбовичи, кн. минскіе, пот. Глѣба Всеславича, 118, 119.
Глѣбъ Васильковичъ, кн., с. Василька Константиновича, 152.
Глѣбъ Владимировичъ, кн. рязанскій, с. Влад. Глѣбовича, 133.
Глѣбъ Владимировичъ, кн., с. Влад. св., 30, 32, 43, 75, 85, 242.
Глѣбъ Всеволодковичъ, кн., с. Всеволодка Давыдовича, 89.
Глѣбъ Всеславичъ, кн. минскій, с. Всесл. Бряч., 74, 118.
Глѣбъ Рогволодичъ, кн., с. Рогволода Борисовича, 119.
Глѣбъ Ростиславичъ, кн., с. Рост. Ярославича, 131, 132, 133.
Глѣбъ Святославичъ, кн., с. Свят. Всеволодовича, 124.
Глѣбъ Святославичъ, кн., вн. Ярослава Мудраго, 46.
Глѣбъ Юрьевичъ, кн., с. Юрія Долгорукаго, 98, 99, 102, 106, 107, 114, 145, 251.
Глѣбъ Юрьевичъ, кн., с. Юр. Ярославича турово-пинскаго, 143.
Григорій (Георгій) Васильковичъ, кн., с. Вас. Ростиславича, 134, 135.

Давыдовичи, кн., пот. Дав. Святославича, 82, 87, 88, 91, 92, 97, 98, 120—122, 125, 126, 132, 246.
Давыдъ Всеславичъ, кн., с. Всес. Бряч., 74, 113, 118.
Давыдъ Игоревичъ, кн., с. Игоря Яросл., 50—53, 56, 58, 60, 229.
Давыдъ Ростиславичъ, кн., с. Рост. Мстисл., 77, 107, 128, 129, 139—142, 148, 169, 204, 229.
Давыдъ Святославичъ, кн. черниг., вн. Ярослава Мудраго, 56, 59, 60, 75, 120, 121.
Даніилъ Романовичъ, кн. галицкій, 139, 177, 207, 297.
Дмитрій Александровичъ, кн., С. Ал-дра Невскаго, 212.
Дмитрій Дядько, 234, 237, 238.
Дмитрій Ивановичъ Донской, кн., 65.
Дмитръ, тысяцкій кн. Дан. Ром., 168.
Дмитръ Мирошкиничъ, посад. новг., 181.
Дмитръ Хоробрый, друж. кн. Мстисл. Изясл., 233.
Добрыня, дядя Влад. Святого, 27, 29, 196, 237.

Евстафій Константиновичъ, кн., с. Конст. Владимировича рязанск., 113.
Еремѣй Глѣбовичъ, воев. Юрія Всеволод., 254.

Жиславъ, воев. Юрія Всеволод., 254.

Иванко, туровскій тысяц., 168.
Иванко Чюдиновичъ, друж. кн. Олега Святославича, 85, 238.
Иванъ III, в. кн. московскій, 178, 202, 213, 224.
Иванъ IV Грозный, 214.
Иванъ Васильковичъ, кн., с Вас. Ростиславича, 134, 135.
Иванъ Войтишичъ, воевода, 200, 248.
Иванъ Всеволодовичъ, кн., с. Всев. Юрьев., 153.
Иванъ Даниловичъ Калита, 65.
Иванъ Ивановичъ, с. Калиты, 65.
Иванъ Мстиславичъ, кн., с. Мстислава Нѣмого, 139.
Иванъ Берладникъ, кн., с. Ростисл. Володаревича, 113, 135, 207.
Иванъ Юрьевичъ, кн., с. Юрія Долгорук., 99.
Иванъ Юрьевичъ, кн., с. Юрія Ярослл. туровскаго, 143.
Игоревичи, кн. рязанскіе, пот. Игоря Глѣбов., 133.
Игорь Ольговичъ, кн., с. Олега Святосл., 86—92, 97, 155, 168, 217, 246, 248.
Игорь, кн. Русскій, 25—27, 159, 166, 198, 220, 228, 229, 235, 236, 268.
Игорь Святославичъ, кн., с. Свят. Ольговича, 123—126, 228.
Игорь Ярославичъ, кн., с. Ярослава Мудр., 34, 44.
Изяславичи, кн. волынскіе, 106.
Изяславичи, кн. полоцкіе, 37.
Изяславъ Владимировичъ, кн., с. Мономаха, 54.
Изяславъ Владимировичъ, кн., с. Влад. Святого, 29, 30, 33, 49, 118.
Изяславъ Давыдовичъ, кн., с. Давыда Святосл., 103, 120—122, 128, 148.
Изяславъ Мстиславичъ, кн., с. Мстисл. Мономашича, 73, 76, 79, 82—91, 95—103, 105, 108, 111, 113, 114, 121, 132, 136—139, 144—147, 170, 210, 229, 230, 232, 239, 243, 246, 248, 250, 252, 253.
Изяславъ Ярославичъ, кн., с. Яросл. Мудр., 21, 34, 35, 40—46, 51, 53, 56—63, 67, 72, 74, 85, 93, 108, 200, 228—230, 233, 239, 243—245, 255, 265.
Илья Ярославичъ, кн., с. Ярослава Мудр., 40.
Ингварь Игоревичъ, кн. рязанскій, с. Игоря Глѣбов., 133.
Ингварь Ярославичъ, кн., с. Яросл. Изяслав., 138.
Иннокентій III, папа римск., 39.

Іоаннъ, бояринъ кіевскій (предп. Янъ Вышатичъ), 230, 243, 245.
Іоаннъ, иг. Печер. мон., 55.
Іоаннъ, митр. кіевскій, 55.
Іоаннъ Славновичъ, тысяц. кіевскій, 168, 232.
Іоаннъ Цамисхій, 235.
Іосифъ, тысяц. новг., 189.

Казиміръ II Справедливый, кор. польскій, 63, 70.
Казиміръ III Великій, кор. польскій, 35.
Казиміръ IV, кор. польскій, 211.
Каракалла, имп. римскій, 222.
Кза, ханъ половец., 208.
Климентъ Смолятичъ, 275, 276.
Клотарь II, король франковъ, 226.
Константинъ Владимировичъ, кн. с. Влад. Глѣб., 113.
Константинъ Всеволодовичъ, кн., с. Всев. Юрьевича, 149—152.
Константинъ Давыдовичъ, кн., с. Дав. Ростисл., 142.
Константинъ Дмитріевичъ, кн., с. Дм. Донского, 204.
Константинъ Добрыничъ, посад. новг. 40, 197—199.
Коснячько, воев. кіевскій, 193, 245, 255.
Курилъ, печатникъ кн. Даніила Ром., 207.

Лазарь, тысяц. кіевск., 232.
Левъ Даниловичъ, кн., с. Дан. Ром., 234, 237.

*

Леонъ, епископъ, 145.
Лешко, кор. польскій, 113.
Лугвень Ольгердовичъ, кн. литовскій, 204.
Людовикъ, кор. фр., 225.

Микита Ларіоновичъ, посад. псковск., 213.
Микифоръ, бояр. кіевскій, 255
Микула, сотскій галицкій, 177.
Микула Чюдинъ (предп. Чюдинъ вышгор. тысяц.), 85, 255.
Миндовгъ, в. кн. литовскій, 113.
Мирославъ, друж. Влад. Моном., 238.
Мирославъ Андреевичъ, бояр. кіевск., 91.
Мирославъ Гюрятиновичъ, посад. новгор., 83.
Мирошка, биричъ новг., 168.
Михаилъ Всеволодовичъ, кн., с. Всев. Чермнаго, 123, 124, 156, 211.
Михаилъ Ярославичъ, кн. тверск., с. Яросл. Всев., 204.
Михалко, тысяцк. смоленскій, 169.
Михалко Юрьевичъ, кн., с. Юр. Долгорук., 144, 145, 149, 237, 251.
Мономашичи, пот. Влад. Моном., 63, 72, 73, 76, 78—81, 83—89, 111, 121, 122, 127—129, 137, 139, 143, 145.
Мстиславичи, пот. Мстисл. Мономашича, 82, 83, 85, 87, 88, 97, 101, 118, 136, 139, 144, 146, 147, 249.
Мстиславъ Андреевичъ, кн., с. Андрея Юрьевича, 107, 137, 253, 254.
Мстиславъ Владимировичъ, кн., с. Мономаха, 53, 59, 71—82, 84, 86, 88, 89, 91, 92, 102, 104, 107, 118, 120, 121, 135, 144, 147, 149, 240, 253, 295.
Мстиславъ Владимировичъ, кн., с. Владимира Святославича, 30, 32, 50.
Мстиславъ Давыдовичъ, кн., с. Дав. Ростисл., 140, 142.
Мстиславъ Даниловичъ, кн., с. Дан. Ром. галицк., 155, 178, 290, 297.
Мстиславъ Изяславичъ, кн., с. Изясл. Мстисл., 97, 103, 104, 106, 111, 137, 138, 146, 229, 253.
Мстиславъ Изяславичъ, кн., с. Изясл. Ярославича, 41, 45, 200.
Мстиславъ Романовичъ, кн., с. Ром. Ростисл., 142, 143.
Мстиславъ Ростиславичъ, кн., с. Рост. Мстисл., 108, 112, 140, 141.
Мстиславъ Ростиславичъ, кн., с. Рост. Юрьев., 146, 201, 202, 252.
Мстиславъ Святославичъ, кн., с. Св. Всеволодовича, 124.
Мстиславъ Юрьевичъ, кн., с. Юрія Долгорук., 145, 146.
Мстиславъ Нѣмой, кн., с. Ярослава Изясл., 138, 139.
Мунигисъ, вождь аламанскій, 175.

Нажиръ, друж. Влад. Моном., 238.
Нерадецъ, 51.
Нѣздила, кормилецъ, 234.

Олегъ, кн. Русскій, 25, 27, 159, 163, 166, 198, 235.
Олегъ (Игоревичъ?) кн. курскій, 123, 124, 156.
Олегъ Святославичъ, кн., с. Свят. Всеволодовича, 123.
Олегъ Святославичъ, кн., с. Свят. Игоревича, 27, 28, 196.
Олегъ Святославичъ, кн., с. Святослава Ольговича, 122, 123, 125, 126.
Олегъ Святославичъ, кн., вн. Яросл. Мудр., 46, 50, 51, 54—56, 59, 75, 85, 118, 120—122, 209, 244, 253.
Олегъ Ярославичъ, кн., с. Яросл. Владимирковича галицкаго, 136.
Олекса, дворскій Мстисл. Изясл., 233.
Ольга, княгиня, 26, 27, 163, 164, 166, 228, 233, 242.
Ольговичи, кн., пот. Олега Святославича, 77, 82—89, 91, 92, 95, 97, 98, 106, 108, 120—129. 132, 138, 141, 142, 204, 244, 246.

Патрикій Наримунтовичъ, кн. литовскій, 189, 204.
Перенѣгъ, бояр., 255.
Позвиздъ, кн., с. Владимира Св., 31.

Прокопій, тысяц. бѣлгородскій, 168, 238.
Пукъ (Паукъ), кормилецъ, 234.
Путята, тысяцкій кіев., 244, 245.

Ратиборъ, тысяц. кіевскій, 168, 238.
Ратиборъ, посадн. тмутарак., 51.
Ратша, тіунъ кіевскій, 217.
Рогволодъ, кн. полоцкій, 25, 29, 30, 166.
Рогволодъ Борисовичъ, кн., с. Бор. Всесл., 119.
Рогволодъ Всеславичъ, кн., с. Всесл. Бряч., 74.
Рогволожи внуци, полоцкіе кн., 33, 40, 49, 118.
Рогнѣда, ж. Влад. Св., 29, 30, 33, 49.
Рогнѣдь, сестра Рост. Мстисл., 140.
Романъ Владимировичъ, кн., с. Мономаха, 72, 73, 75.
Романъ Глѣбовичъ, кн., с. Глѣба Ростисл., 133.
Романъ Михайловичъ, тысяц. владимирскій, 169.
Романъ Мстиславичъ, кн., с. Мстисл. Изясл., 106, 130, 138.
Романъ Ростиславичъ, кн., с. Ростисл. Мстисл., 77, 107, 140, 141, 145, 148.
Романъ Святославичъ. кн., с. Свят. Яросл., 50, 51.
Ростиславичи (Володарь и Василько), 45, 51—53, 56, 58—61, 72—77, 134—136, 209, 242, 243.
Ростиславичи, кн. смоленскіе, пот. Рост. Мстисл., 105—108, 138—143, 145—147.
Ростиславъ Владимировичъ, кн., с. Влад. Яросл., 44, 50.
Ростиславъ Владимировичъ, кн., с. Влад. Рюриковича, 232.
Ростиславъ Володаревичъ, кн., с. Волод. Ростиславича, 134, 135.
Ростиславъ Всеволодовичъ, кн., братъ Мономаха, 54—56, 232.
Ростиславъ Глѣбовичъ, кн., с. Гл. Всесл., 119.
Ростиславъ Глѣбовичъ, кн., с. Гл. Ольговича, 89.
Ростиславъ Михайловичъ, кн. черниговскій, с. Мих. Всевол., 113, 207.
Ростиславъ Мстиславичъ, кн., с. Мстисл. Мономашича, 82, 83, 85, 89, 96, 97, 103, 106, 108, 128, 132, 139, 140, 143, 145, 146, 210, 253, 274, 278, 295.
Ростиславъ Юрьевичъ, кн., с. Юр. Долгор., 95—99, 102, 113, 114, 229, 239, 253.
Ростиславъ Ярославичъ, кн., с. Яросл. Святосл. муромск., 97, 131, 132, 134.
Рюрикъ Ростиславичъ, кн., братъ Василька и Володаря, 52, 134.
Рюрикъ Ростиславичъ, кн., с. Рост. Мстисл., 124—126, 128—131, 140—142.

Свенелдъ, воев. кіевскій, 26—28, 228, 233—238.
Святополкъ, бояр. галицкій, 113.
Святополкъ Владимировичъ, кн., с. Вл. Святого, 29, 31, 32, 161, 166, 176, 197—199, 206.
Святополкъ Изяславичъ, кн., с. Изяслава Ярославича, 44—46, 52, 53, 56—61, 67, 68, 70, 72, 74, 92, 169, 174, 200, 228, 238, 240, 243 — 245 248.
Святополкъ Мстиславичъ, кн., с. Мстисл. Мономашича, 82, 87, 97, 136, 137.
Святополкъ Юрьевичъ, кн., с. Юр. Яросл. туровскаго, 143.
Святославичи, кн., пот. Святослава Ярославича, 54, 59, 60, 67, 70—72, 75, 76, 79, 83, 85, 87, 98, 100, 120, 121, 125, 127, 128, 147.
Святославъ Владимировичъ, кн., с. Мономаха, 72.
Святославъ Владимировичъ, кн., с. Влад. Давыдовича, 121.
Святославъ Владимировичъ, кн., с. Влад. Святого, 30, 32.
Святославъ Всеволодовичъ, кн., с. Всев. Ольговича, 77, 87—89, 97, 98, 106, 120, 122—126, 131, 145.

Святославъ Всеволодовичъ, кн., с. Всев. Юрьевича, 153, 239.
Святославъ Игоревичъ, кн. Русскій, 26—28, 40, 116, 166, 192, 196, 228, 232, 233, 235, 236, 239, 242.
Святославъ Мстиславичъ, кн., с. Мстисл. Изясл., 138.
Святославъ Ольговичъ, кн., с. Олега Святосл., 83, 88, 89, 91, 97, 99, 102, 103, 108, 120—122, 125, 126, 128, 130, 136, 148, 170, 217.
Святославъ Ростиславичъ, кн., с. Рост. Мстисл., 145—146, 204.
Святославъ Ярославичъ, кн., с. Яросл. Мудр., 21, 34, 37, 41—46, 50, 54, 56, 59, 63, 67, 75, 86, 92, 93, 210, 243, 255, 289.
Святославъ Ярославичъ, кн., с. Яросл. Святосл. рязанскаго, 131.
Святоша, кн., с. Давыда Святосл. чернигов., 60, 228.
Семенъ, дядьковичъ кн. Льва Даниловича, 234, 237.
Сигибертъ, кор. франковъ, 226.
Симеонъ Ивановичъ Гордый, в. кн., 65.
Скарбимиръ, кормилецъ и воевода короля Болеслава III, 236, 238.
Станиславъ, тысяц. переяславскій, 168, 238.
Станиславъ Владимировичъ, кн., с. Влад. Святого, 30.
Стефанъ, кор. венгерскій, 29.
Судиславъ, бояр. галицкій, 234.
Судиславъ Владимировичъ, кн., с. Влад. Святого, 30, 32, 43.

Тудоръ, тіунъ вышгородскій, 217.
Тукы, друж. Изясл. Ярослав., 244.
Туры, кн. туровскій, 25, 29, 30.

Улѣбъ, тысяц. кіевскій, 168, 200, 248.

Хильдебертъ, кор. фр., 219, 226.

Чюдинъ, тыс. вышегородск., 85, 168; ср. Микула Чюдинъ.

Юрій, тысяц. кн. Дан. Романовича, 168.
Юрій Владимировичъ, кн., с. Мономаха, 72, 79, 80, 82, 83, 85, 87—89, 94—105, 108, 114, 122, 128, 132, 137, 144—147, 149, 170, 204, 210, 230, 234,236, 237, 246, 251, 253.
Юрій Владимировичъ, кн , муромскій, с. Вл. Святославича, 132.
Юрій Всеволодовичъ, кн., с. Всев. Юрьевича, 133, 150—153, 208, 254.
Юрій Игоревичъ, кн., с. Игоря Глѣбовича, 133.
Юрій Лугвеновичъ, кн. литовскій, с. Лугв. Ольгерд., 204.
Юрій Ярославичъ, кн. турово-пинскій, с. Яросл. Святополчича, 73, 143.
Юрій Ярославичъ, кн., с. Яросл. Святосл. муромскаго, 131.

Яковъ, бояр. галицкій, 297.
Якунъ, племянникъ Игоря, 26.
Янъ Вышатичь, тысяц. кіевск., 55, 163, 168, 210, 232, 240, 242, 243—245, 289.
Яронъ, тысяц. перемышльскій, 168.
Ярополкъ Владимировичъ, кн., с. Мономаха, 72, 73, 75, 79—86, 89.
Ярополкъ Изяславичъ, кн., с. Изясл. Яросл. 46, 51—53, 59, 229.
Ярополкъ Романовичъ, кн., с. Романа Ростисл., 140.
Ярополкъ Ростиславичъ, кн., с. Рост. Юрьевича, 229.
Ярополкъ Святославичъ, кн., с. Святосл. Игорев., 27—29, 196, 237.
Ярополкъ Юрьевичъ, кн., с. Юр. Яросл. туровск., 143.
Ярославичи, кн. луцкіе, пот. Яросл. Изяславича, 138.
Ярославъ Васильевичъ Оболенскій-Стрига, 203, 213, 214.
Ярославъ Владимировичъ, кн., с. Влад. Святого, 21—23, 29—44, 53, 54, 57—62, 65, 67, 69, 71, 81, 83, 92, 93, 107—110, 114, 116, 117, 120, 124, 128, 129, 143, 149, 153, 155, 176,

177, 193, 195—199, 202, 206, 208, 210, 228, 230, 232, 234, 235, 237, 242—244, 262—264, 275, 278.
Ярославъ Володимирковичъ, кн. галицкій, 111, 113, 136, 207.
Ярославъ Всеволодовичъ, кн., с. Всев. Юрьевича, 133, 153.
Ярославъ Всеволодовичъ, кн., с. Всев. Ольговича, 123—126.
Ярославъ Изяславичъ, кн., с. Изясл. Мстиславича, 97, 103, 128, 130, 137, 138.
Ярославъ Ингваревичъ, кн., с. Ингваря Ярославича, 139.
Ярославъ Святополчичъ, кн., с. Святоп. Изяславича, 71—75, 78.
Ярославъ Святославичъ, кн., вн. Ярослава Мудраго, 50, 56, 59, 75, 76, 79, 120, 131, 229.
Ярославъ Юрьевичъ, кн., с. Юрія Яросл. туровск., 143.
Ярославъ Ярополчичъ, кн., с. Ярополка Изяславича, 61.

2. Авторовъ.

Андріяшевъ, А, 136, 137.

Багалѣй, Д. И., 120.
Бальцеръ О., 5, 11, 16, 18, 19, 27, 31, 42, 187, 285.
Беда, 187.
Бестужевъ-Рюминъ, К. Н., 86, 134.
Богишичъ, В., 6—9, 11, 13.
Боманyаръ, франц. легистъ, 13.
Боше, Людовикъ, 184.
Браунъ, Ѳ. А., 31.
Брикнеръ, А., 237.
Бруннеръ, Генрихъ, 5, 39, 170—173, 175, 184, 216, 218, 219, 221—224, 227, 265, 275, 277, 285, 298.
Буякъ, Фр., 6, 188, 254—255.
Бычковъ, А. Ѳ., 55.

Вайцъ, Георгъ, 221, 225, 236, 298.
Виноградовъ, П. Г., 183, 226.
Владимирскій-Будановъ, М. Ф., 10, 16, 27, 35, 48, 158, 159, 163—165, 167, 168, 191, 192, 206, 207, 211, 241, 264, 266, 270, 271, 274, 276, 279, 281, 283, 286, 287, 292, 295, 299, 300, 302.
Войцѣховскій, Тадеушъ, 236, 237.

Гальбанъ-Блуменштокъ, А., 218, 219, 220, 279.
Гаркави, 193.
Гертцъ, Г., 221.
Гильдебрандъ, Гансъ, 182.
Гирке, О., 10, 11, 272, 284, 285.
Глассонъ, Е., 272.
Голубинскій, Е. Е., 276.
Голубовскій, П. В., 76, 120, 125, 139, 140.
Голяшкинъ, Я. А., 90, 109—114, 131.
Гротъ, К. Я., 197, 276.
Грушевскій, М. С., 29, 31, 32, 40—45, 46, 49—53, 56—61, 62, 64, 70—72, 76—80, 82, 84—86, 89, 93, 94, 98, 105, 106, 113, 117, 120, 124—131, 134—136, 138, 143, 165, 167, 174, 178—179, 181, 199, 200, 204, 233, 234, 244, 247, 252, 289, 297, 298.
Губе, Ромуальдъ, 14.

Данилевичъ, В. Е., 25, 33, 82, 84, 108, 117—119.
Данъ, Ф., 39.
Длугошъ, 134, 135, 237.
Дмитрій Ростовскій, 235.
Довнаръ-Запольскій, М. В., 117, 118, 139, 143, 165.
Дьяконовъ, М. А., 274, 300, 301, 302.
Дюканжъ, 226, 287.

Ефименко, А. Я., 13.

Забѣлинъ, И. Е., 21, 189.
Закжевскій, Ст., 187, 188, 287.
Зекъ, О. (Seeck), 222, 224.

Ибнъ-Фадланъ, 193.
Ивановъ, П. А., 136.

Иловайскій. Д. И., 50, 113, 131—133.
Ильинскій, А. К., 205.

Кадлецъ, К., 5—9, 14—16, 19, 27.
Калоузекъ І., 284, 285.
Карамзинъ, Н. М., 132, 144, 174, 175, 195.
Клочковъ, М. В., 6.
Ключевскій, В. О., 20—23, 28, 37, 40, 43, 44, 47, 50, 62, 64—66, 107, 108, 110, 119, 143, 147—149, 158—163, 191, 192, 199, 260, 261, 263, 264, 298.
Константинъ Багрянородный, 27, 159, 261.
Конъ, Г., 6, 9—11, 13.
Корфъ, бар. С. А. 64.
Красовъ, И., 175, 189.
Куникъ, А. А., 234.
Кутшеба, Ст., 179.

Лаппо-Данилевскій, А. С., 234.
Лейстъ, 19, 173.
Леманнъ, Карлъ, 67, 227, 256—259.
Леонтовичъ, Ѳ. И., 3, 4, 23, 78.
Лешковъ, В. Н., 206, 285.
Либерманъ, Ф., 186.
Линниченко, И. А., 178, 179, 181, 187, 188, 233, 297, 298.
Липпертъ, Ю., 276.
Лозертъ, 34, 38, 39.
Лопаревъ, Х. М., 125.
Любавскій, М. К., 287, 292.

Макарій, митрополитъ, 48.
Максимейко, Н. А., 2, 266, 287, 292.
Марковичъ, Миланъ, 5, 8.
Мауреръ, Конрадъ, 227, 266.
Мейеръ, Эрн., 172.
Милютинъ В. А., 277, 295.
Моммзенъ Т., 172.
Мэтландъ, Ф.—В., 183, 186, 187.

Неволинъ, К. А., 112.
Никитскій, А. И., 168, 169, 177, 178, 180, 181, 185, 190.
Никольскій, В. Н., 280, 285.
Никольскій, Н. К., 275.
Новаковичъ, Стоянъ, 5, 6, 13, 223, 269, 278.

Пейскеръ, І., 5, 6.
Платоновъ, С. Ѳ., 151.
Погодинъ, М. П., 174.
Поллокъ, Ф., 186.
Потканьскій К., 179, 187, 254, 287.
Прокопій Кесарійскій, 172.
Пѣкосиньскій, Ст., 63, 187, 285.

Ритшель, З., 171—173, 175, 181—184 195.
Рожковъ, Н. А., 162.
Романовъ, Б. А., 209, 231, 241, 250.
Роундъ, 183.

Сергѣевичъ, В. И., 4—6, 8, 17, 24, 25, 30, 40, 42, 48, 53, 57, 58, 61, 63—66, 71, 77, 79, 93, 96, 113, 115, 116, 149—151, 158—160, 163, 167, 169, 191, 193, 201, 203, 206, 209—211, 213—216, 230, 239, 241, 248, 255, 262, 270—274, 276, 277, 279, 282, 286, 287, 289, 292—294, 298—300, 302.
Сильванскій, Н. П., 244.
Смолька, Ст., 39.
Соболевскій, А. И., 300.
Соловьевъ, С. М., 21, 31, 42, 44, 48, 50, 57—59, 70, 78, 82, 99, 150, 162, 198, 237.
Спевецъ, Фр., 9.
Срезневскій И. И., 162, 228, 276.
Стеббсъ, В. 185—187, 238.

Татищевъ В. Н., 44, 50.
Тацитъ, 171, 221—224, 226.
Тельбергъ, 65, 66.
Тобинъ, 175.
Тшоппе и Штенцель, 287.

Форморъ, І., 275, 277.

Цезарь 170, 171, 221.
Цитовичъ П. П. 280, 285, 286, 291.

Челяковскій, Яр., 27, 284.

Шахматовъ А. А., 27, 194, 234.
Шверинъ Кл., 171—173, 175, 181—184.
Шрёдеръ Рих., 170, 171, 173, 184, 185, 220, 222, 224, 226, 284, 285.

Ягичъ И. В., 19, 65.
Ясинскій А. Н., 165, 197, 276.
Ясинскій М. Н., 299, 302.

Старѣйшинство, 6, 7, 10, 13—18, 20, 22, 24, 32, 36—40, 42, 43, 46, 47, 55—63, 65, 68, 70—72, 77, 78, 81, 86—100, 103, 105—112, 114, 117, 119, 120, 124, 126—134, 137—144, 146—153, 155—157, 216.
Судебники (кн. и царск.), 8, 269.
Съѣзды княжіе, 51, 53, 56—60, 62, 63, 65—68, 70, 72, 85, 93, 98, 103, 112, 124, 209, 239, 255.

Тіуны, 101, 205, 217, 232, 233, 240—242, 246, 265, 267, 272—274, 290, 293.
Тысяцкіе, 91, 144, 161, 162, 165, 167—170, 172—174, 177, 180, 189, 190, 192, 200, 232, 233, 237—239, 243. 245, 248, 268.
Тысяча, 55, 161, 162, 165, 167—173, 176—178, 188, 196, 244.

Уставы (князей), 27, 48, 78, 85, 167, 174, 175, 177, 190, 195, 197, 198, 231, 274—276, 278, 295.

Хроники: Гельмольда, 223.
Гильдесгеймская, 31, 34.
Григорія Турскаго, 219, 226.
Кадлубка, 39.
Козьмы Пражскаго, 38.
Титмара, 31, 34.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

ПОГРѢШНОСТИ И ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Слѣдуетъ читать*
6	10 св.	и	а
6	7 сн.	и	а
7	2 сн.	Bogšiić	Bogišić
13	2 сн.	etxercé	exercé
21	14 сн.	генелогической	генеалогической
24	12 св.	уставливая	устанавливая
24	13 св.	необходимый	необходимымъ
31	2 св.	Тимара	Титмара
57	4 сн.	развивашагося	развивавшагося
59	6 сн.	Всевеложе	Всеволоже
60	1 св.	князями	князьями
65	11 сн.	В. В. Яг-ичъ	И. В. Ягичъ
71	5 св.	Святославичъ	Святополчичъ
84	14 сн.	40-мъ	40-хъ
96	1—2 св.	отецъ мой Вячьславъ братъ, старѣй	у мене братъ старѣй Вячьславъ, яко и отець мнѣ
100	5 св.	[2])	[1])
107	2 сн.	;	:
108	6 сн.	Владимировичь	Ярославичь
125	6 сн.	П. С. Голубовскаго	П. В. Голубовскаго
135	5 сн.	Переяславль	Перемышль
136	13 св.	Монамаховой.	Мономаховой
140	9 сн.	П. С. Голубовскаго	П. В. Голубовскаго
146	3 св.	Мстиславъ	Мстиславъ Ростиславичъ
168	18 сн.	Святославичъ	Ольговичъ
174	22 св.	грабилъ	грабили
190	14 св.	жязни	жизни
223	16 св.	преположеніе	предположеніе
276	8 св.	Клемента	Климента